

**ВАСИЛИЙ
БЛЮМ**

Найденыйш

2017

Гильдия распущена, хозяйка погибла. Осталось лишь проститься, и каждый из пяти пойдет своей дорогой, унося в душе воспоминания о крепкой дружбе и опасных приключениях. Но никто даже и не подозревает, что случайная находка смешает планы, закрутит водоворот судьбы, вновь вовлечет наемников в череду безумных приключений, когда на одной чаше весов — судьбы, жизнь друзей, а на другой — безопасность целого мира.

Блюм Василий Борисович

Найденыш

ГЛАВА 1

Останки, некогда величественного корабля, возвышаются безобразной обгорелой грудой, по почерневшей облицовке пробегают злые искры, кое-где струйками сочится ядовитый дым, земля в радиусе нескольких десятков шагов засыпана обломками, повсюду в неестественных позах застыли люди: обожженные тела, оторванные конечности, запекшаяся кровь.

Взглянув на картину разрушения, Зола брезгливо скривился, Мычка нахмурился, Шестерня же лишь хмыкнул, деловито принялся обшаривать трупы, уткнувшись в землю, подобно отыскивающему добычу псу.

— Хотелось бы все же узнать, свидетелями чего мы стали, — негромко произнес Дерн.

— Хочешь узнать — найди живого. — Подземница остановилась рядом, обвела взглядом холм, куда рухнул корабль.

Мычка указал рукой на далекие силуэты людей подтягивающихся со стороны города, сказал деловито:

— У нас немного времени. Здесь уже полно любителей поживиться, скоро появятся любопытствующие, а за ними подоспеет стража. Если мы хотим что-то узнать, нужно поторопиться.

Вершинник угрожающе потянулся к луку, отчего копошащиеся неподалеку темные личности отпрянули к ближайшим развалинам. Зола кивнул, не говоря ни слова, двинулся в сторону останков, остальные разбрелись, заинтересованные каждый своим. Переступая через тела и обходя обломки, Зола, шаг за шагом, приближался к остову удивительного сооружения, не без содрогания осматривая останки. Если издали корабль казался просто большим, то вблизи он устрашал размерами. Зола сломал голову, пытаясь представить, каким образом смогла подняться в воздух такая махина. Корабль ударился о землю с такой силой, что толстые плиты брони разошлись, словно сделанные из глины, и борта зияли многочисленными пробоинами.

Возле одной из пробоин, достаточной, чтобы пройти, не нагибаясь, маг остановился, несколько мгновений с подозрением вглядывался в черноту, из нутра тянуло гарью, что-то тихо шипело и потрескивало, после чего, решительно шагнул внутрь. Легкие тут же забило дымом, а глаза стали слезиться, Зола надсадно закашлялся, двинулся не глядя, но тут же больно приложился о твердое. Стараясь дышать, как можно реже, маг вытянул руки, пошел, нащупывая пространство впереди.

Под подошвами хрустит, потрескивает, ноги, раз за разом ступают по мягкому. Стараясь не думать о том, чьи останки он попирает ногами, маг упорно двигался вперед. Постепенно глаза привыкли, а проникающие через многочисленные щели обшивки солнечные лучи упростили задачу, и вскоре стали видны даже незначительные детали, но облегчения это не принесло. Внутренние части корабля напоминают фарш, в котором невозможно вычленить хоть что-то: покореженные переборки, смятая, спрессованная мебель, непонятные вещи, от высокой температуры, спекшиеся настолько, что превратились в однородную твердую массу.

Зола с неудовольствием отметил, что предметы стали расплываться, а в ушах тоненько зазвенело. Не хватало только потерять сознание и глупо погибнуть, задохнувшись ядовитым дымом. К тому же, над головой угрожающе похрустывает, источенный огнем остов вот-вот грозит развалиться. Маг сделал еще несколько шагов, и уже собрался повернуть, но слуха коснулся шорох. Зола, сперва, не обратил внимания, тлеющая древесина, то и дело потрескивает, издавая невнятные шумы, но шорох повторился. Повертев головой, маг обнаружил участок уцелевших переборок, подошел ближе. Взгляд утонул в зловещей полутьме комнаты. В чудовищном месиве изломанных останков правильные очертания уцелевшего интерьера кажутся чудом.

Взгляд пробежался по расколотому шкафу, перепрыгнул на груды книг, по которой, вгрызаясь в хрупкую бумагу, весело прыгают шустрые огоньки, алхимическому столу, колбы и реторты большей частью разбились, а уцелевшие сплавились в причудливый конгломерат, скользнул по скособоченным картинам с почерневшими ликами. Но не это привлекло внимание, посреди комнаты, на полу застыл мужчина: лицо искажено страданием, пышный балахон почернел, нижняя часть тела вывернута под неестественным углом, скрюченные в предсмертной судороге руки прижимают к груди деревянную коробку.

Над головой вновь угрожающе захрустело, посыпались щепки, воздух наполнился сажей. Издали донесся взволнованный крик Дерна. Зола решительно наклонился, дернул коробочку на себя, но застывшие пальцы держали крепко. Маг взялся обеими руками, потянул, но в этот момент мужчина открыл глаза, беззвучно зашевелил губами. От неожиданности Зола едва не отскочил, но совладав с собой, наклонился, пытаясь хоть что-то разобрать в едва слышном хрипе.

— Важно... карта... Нельзя, чтобы попала.... Будут охотиться...

Мужчина говорил все тише. Отвлекая внимание, вновь донеслись крики, на этот раз к Дерну присоединилась Себия. Зола недовольно дернул щекой, единственный выживший тратил последние мгновения жизни, пытаясь сообщить что-то очень важное, и зов друзей в этот момент казался неуместен.

Позади затопало. Раздался, полный ярости, крик:

— Быстрее, сейчас рухнет свод!

Золу рвануло, поволокло словно куклу, больно ударяя о балки, но мгновением раньше умирающий обмяк, вместе с последним вздохом выпустив из рук драгоценность. Вокруг грохотало, рушилось, ноздри забило сажей, а кожу саднило от сыплющихся ото всюду искр, но в ушах, повторяясь, раз за разом, звучало предсмертное — "сохрани", — а пальцы мертвой хваткой удерживали коробочку.

Едва Мычка, волоча за собой мага, словно тюк, выметнулся наружу, остов летающей машины вздрогнул, с гулким вздохом осел, накрыв погребальным костром останки команды. Земля вздрогнула, взметнулись тучи сажи, поток горячего воздуха пригнул к земле, сыпанул мелких злых углей, что с голодным остервенением набросились на одежду, выжигая в ткани дыры и оставляя на коже неприятные болезненные волдыри.

Шестерня после пронесшейся волны сажи стал похож на обгорелый пенек, сплюнул черным, сказал с отвращением:

— Ай, Зола, вот молодец, любо дорого смотреть! Корабль вместе со всем добром разрушил — глазом не моргнул.

Глядя на оседающее облако пепла, Дери покачал головой, сказал негромко:

— О некоторых вещах лучше не знать вовсе...

Не обращая внимания на застывший в глазах друзей вопрос, Зола спрятал коробку, уложив на самое дно заплечного мешка, ни на кого не глядя, произнес:

— Пойдемте, здесь больше ничего не найти, а избыточное внимание нам ни к чему. — Он кивком указал на толпу горожан, что в суеверном ужасе столпились неподалеку. Люди мялись, испуганно смотрели на обломки, но любопытство превозмогало страх, и подбадривая друг друга, люди медленно двигались вперед, а наиболее дерзкие уже занялись мародерством, с радостными возгласами стаскивали с трупов одежду.

При взгляде на мародеров лицо Себии брезгливо исказилось, а когда какой-то, особо шустрый парнишка, вместе с кольцами стал срезать у павших пальцы, рука потянулась к кинжалу. Однако, коснувшись рукояти, пальцы отдернулись, лицо девушки стало отстраненным, круто развернувшись, она двинулась за Золой, что уже деловито вышагивал на пару с Дерном в сторону города, взбивая посохом облачка пыли. Тут же заторопился Мычка. Шестерня до последнего медлил, с сожалением глядя на разбросанные повсюду останки воинов, в чьих кошельках наверняка скрывалась не одна сотня монет, но друзья уходили и, махнув рукой, пещерник заспешил следом.

Навстречу, запруживая дорогу, перли толпы людей. Сперва, народ сторонился, опасливо поглядывая на пятерых вооруженных путников, особенно пугались Шестерню, устрашающе перекосив рожу, пещерник шел буром, раздвигая встречных плечами, но вскоре вокруг поднялись домики и стиснутые в узком пространстве улочки, люди перестали уступать. Чувствуя, что еще немного, и толпа увлечет назад, путники свернули на прилегающую улочку, остановились, тяжело дыша.

Последним из людского водоворота вырвался Шестерня, рывкнул раздраженно:

— Секиру Прародителя мне в печень! Шеи попереломают, только бы зрелище не пропустить.

Мычка взглянул на пещерника, сказал со смешком:

— Когда мы шли туда, что-то ты не особо ругался, летел, аж пятки сверкали.

— А то другие не летели? — парировал Шестерня. — Сам бежал, спотыкался, и Себя тоже, и даже ДERN.

Болотник кивнул, сказал серьезно:

— Я много путешествовал, но летающих кораблей не видел. — Он нахмурился, отчего на лбу образовались глубокие морщины, добавил тише: — К тому же, там была Шейла.

Все помрачнели, лишь подземница отвернулась, подчеркнуто демонстрируя пренебрежение, бывшая хозяйка гильдии взошла на летающее судно, и направляясь к обломкам, каждый в глубине души рассчитывал, если не найти ее живую, то хотя бы отдать последний долг, упокоив тело, как того требовал обычай подземников.

Зола прервал тягостное молчание, сказал сварливо:

— Ладно, что было, того не вернуть. Тем более, что это не мы ее бросили, а скорее наоборот. — Маг до сих пор не мог пережить пренебрежение, с которым хозяйка отозвалась об удивительных открытиях, сделанных им во время тяжелейшего похода, зачастую с риском для жизни, к тому же, лежащая в мешке коробка разжигала любопытство. Мельком оглядев спутников, Зола скороговоркой произнес: — Думаю, что сейчас будет уместнее всего разойтись. В связи с... гибелью хозяйки и роспуском гильдии у всех, наверняка, найдутся неотложные дела. Встретимся вечером у рынка.

— Постой, — ДERN тронул мага за плечо, — не лучше ли, собраться в стенах родной, таверны?

— Шейла собиралась покинуть город, и, скорее всего, продала здание, — с сомнением произнес Мычка. — Возможно, там уже кто-то живет.

— Потеснятся, — сурово бросил Шестерня. — А не захотят... — он не договорил, многозначительно коснулся секиры.

— Хорошо. — Зола кивнул, исчез в переплетении улочек.

Себя проводила мага задумчивым взглядом.

— Значит, вечером в таверне.... Хотя я там была всего один раз, но дорогу помню. Постараюсь не опаздывать, — с этими словами девушка исчезла в ближайшем переулке.

Мычка поспешил за подземницей. Проводив его взглядом, Шестерня ухмыльнулся, повернувшись к Дерну, сказал:

— Что-то у меня в горле першит от сажи, надо б промочить. Поблизости есть неплохая харчевня... — он замолчал, вопросительно воззрился на товарища.

Дерн покивал, произнес в раздумье:

— Пожалуй, ты прав. Тем более, в городе у меня дел нет.

Шестерня ухмыльнулся, кивком указав направление, бодро зашагал, уверенно ориентируясь в головоломном хитросплетении лазов и переулков.

Когда Мычка пришел к условленному месту, уже стемнело. Здание таверны возвышалось в сгущающихся сумерках темной громадой. Мычка обратился в слух. Ни звука, лишь ветер шуршит песчинками да потрескивают разошедшиеся ставни. Успокоившись, Мычка повернул голову и вздрогнул всем телом. Подсвеченная тусклым светом месяца, из тьмы на него уставилась чудовищная маска: мертвенно-серая кожа, огромные, заполненные чернотой глаза, тонкая полоска губ с запекшейся кровью...

Черные глаза мигнули, губы слегка разошлись и..., наваждение прошло, жуткое существо обернулось знакомыми чертами. Украдкой выдохнув, Мычка перевел дух. Он так и не смог привыкнуть к удивительным метаморфозам, происходящим с жителями подземелий, исполненные изящества лица, коим серый оттенок кожи при свете солнца придавал определенный шарм, в сумраке превращались в жуткие маски, способные навести оторопь на кого угодно.

— Чисто? — мягко прошелестел голос подземницы.

Мычка кивнул, двинулся к входу. Сделав шаг, он спохватился, что спутница не заметила жеста, но Себя скользнула мимо, и вершинник, в который раз, подосадовал на забывчивость, уж кто-кто, а жители подземелий видели во тьме не намного хуже, чем при ярком свете.

С тихим скрипом отворилась дверь, Мычка вошел в таверну, остановился на пороге. Зал, под сводами которого раньше звенели голоса посетителей, встретил угрюмой тишиной, даже насквозь пропитавший балки стен, запах дыма с уходом хозяйки, как будто, ослабел. В дальнем углу, возле коптящего факела, за столом скрючился человек. Мычка невольно улыбнулся. Зола не изменял привычкам, невзирая на обстоятельства, место и время, в первую очередь, уделял внимание магическим свиткам и древним фолиантам, забывая о сне и пищи, а мелочей, вроде скрипа половиц или шороха вытаскиваемой из ножен стали, так и вовсе не замечал.

Мычка подошел ближе, легонько хлопнул мага по плечу. Зола дернулся, глянул дико, но тут же, нахмурился, сказал с раздражением:

— Мы же договаривались на вечер!

— Скоро полночь.

Мычка взглянул на стол, где среди прочих бумаг покоилась карта с множеством разбросанных по всей поверхности непонятных значков.

Перехватив взгляд вершинника, Зола нахмурился, одним движением сгреб карту, бережно, стараясь не повредить пожелтевшую бумагу, спрятал в заплечный мешок.

У стола возникла Себя, взглянула остро.

— Дерн с Шестерней не появлялись?

Заметив мелькнувшую в лице подземницы тревогу, Зола отмахнулся:

— Что им станется? Не иначе, пошли в харчевню, горло промочить. Да все выбраться не могут. — Он к чему-то прислушался, хмыкнул: — Кстати, вот и они.

Мычка, что уже некоторое время ловил доносящиеся с улицы звуки, улыбнулся. За дверью грохнуло, кто-то смачно приложился об косяк, грохнуло вновь. Дверь с треском распахнулась, в зал ввалился Шестерня, нетвердой походкой двинулся в сторону друзей. За ним следом шел Дерн. Болотник ступал ровно, но судя по сосредоточенному выражению лица, давалось это не просто.

Шестерня подошел к столу, оглядел друзей мутным взглядом, сказал со смешком:

— Не вижу радости на лицах.

Пахнуло густым перегаром. Когда подошел Дерн, запах стал нестерпим. Себя поморщилась, отступила на шаг.

Зола мельком взглянул на друзей, сказал, не обращаясь ни к кому в отдельности:

— Не буду многословен, но я ухожу.

Возникла пауза. На мага смотрели непонимающе. С неизменной сосредоточенностью в лице Дерн поинтересовался:

— Что-то случилось?

— Ничего особенного, у меня возникли срочные дела. — Зола уронил взгляд на доски столешницы.

— Что может случиться за вечер, что заставит бросить друзей и отправиться в полное опасностей путешествие в одиночку? — поинтересовалась Себя.

Зола было вскинулся, но заметив, куда смотрит подземница, поперхнулся. Из заплечного мешка, неаккуратно свернутый, торчал кусочек карты. Маг поспешно убрал мешок со стола, сказал примирительно:

— Я понимаю, это выглядит странно, но мне действительно нужно идти, и идти одному. К тому же, я не хочу подвергать вас ненужному риску... — Поняв, что сболтнул лишнее, Зола поспешно встал, засобиравшись, сгребая разбросанные по столу свитки.

Все растеряно переглядывались, не зная, что сказать. Выражая общее настроение, Мычка спросил с затаенной грустью:

— А как же гильдия? Конечно, хозяйки больше нет, но есть таверна, постоянные клиенты, известность в городе. Мы могли бы продолжать работать, или, расширив дело, нанять новых людей...

По-прежнему пряча глаза, Зола произнес скороговоркой:

— Не вижу причин, почему вам не заняться всем этим без меня. Старый раздражительный маг не лучший партнер, к тому же, меня всегда злило, что ради ничтожного заработка приходится отрываться от научных изысканий, заниматься бессмысленными вещами, с какими глупые селяне обычно обращаются в гильдию.

Глядя, как Зола поднимается и направляется к двери, Шестерня произнес:

— Мне неприятно говорить, но нам будет тебя не хватать.

Маг обернулся, в его глазах мелькнула грусть, но ответ прозвучал сухо:

— Это быстро пройдет. Не будем затягивать прощание. Я ухожу.

Чуть слышно скрипнула дверь, раздался приглушенный голос:

— Ты уйдешь, но не раньше, чем я позволю.

Как ужаленный, Зола развернувшись, отступил на шаг. Остальные замерли, всматриваясь в обозначившуюся в дверном проеме закутанную в плащ фигуру. Несколько долгих мгновений незнакомец стоял недвижимо, затем рванулся вперед.

ГЛАВА 2

Зола отшатнулся, защищаясь, выставил руки. Воздух замерцал, вокруг ладоней мага сформировался уродливый нарост, угрожающе вспух, начал наливаться опасным багрянцем. Но незнакомец оказался быстрее. Двигаясь короткими рывками, он уже через мгновение оказался возле мага, уворачиваясь от огнешара, извернулся немыслимым образом, с силой ударил. Зола отлетел к стене, ударился всем телом, безвольной куклой сполз на пол.

Смазанной тенью метнулась Себя, выходя из ножен шелестнула сталь. Следом, среагировав на мгновение позже, прыгнул Мычка, в тусклом свете факела угрожающе сверкнули клинки, вспарывая воздух, метнулись к цели. Но противник поступил неожиданно, не обнажая оружия, он ловко подхватил упавший мешок Золы, зигзагами побежал назад, стремясь к выходу.

Шестерня, до этого момента, с задумчивым видом следивший за происходящим, нахмурился, неторопливо вытащил секиру, взвесив в руке, коротким движением послал вслед беглецу, но тот, словно ощутив опасность, в последнее мгновение резко ушел в сторону, и тяжелое лезвие с глухим треском врезалось в косяк. Перекатившись через плечо, незнакомец подскочил, молниеносно выхватил меч, заметался по комнате, по-прежнему, придерживая одной рукой мешок, а свободной, действуя настолько энергично, что казалось, клинок ткет в воздухе, едва заметную сеть.

Раскинув руки, Шестерня попытался схватить противника, но лишь сгреб воздух, получив чувствительный пинок, завалился на пол. Глядя на пылящего под ногами пещерника, Дерн потащил из-за пояса кистень, несколько мгновений всматривался, не в силах вычленив врага в сверкающем вокруг вихре, с обреченным видом опустил оружие.

— В угол! — выдохнула Себя. — Гони его в угол.

Разъяснять не потребовалось. Зажатый в углу, даже самый совершенный воин теряет подвижность, скованный пространством не способен полностью проявить мастерство. Мычка удвоил усилия, начал оттеснять противника к стене, клинки зазвенели громче, раз за разом, высекая злые искры. Под градом ударов незнакомец медленно, но неотвратимо отступал, по-прежнему, удерживая мешок Золы, хотя из-за пояса выглядывала рукоять длинного кинжала. Мычка с холодком отметил, стоит противнику протянуть руку, выпустив обременяющую ношу, как исход боя станет сомнительным, если незнакомец даже одной рукой умудрится сдерживать двоих врагов, то воспользуется он вторым оружием...

Отбросив опасения, Мычка удвоил усилия, стремясь закончить затянувшийся бой, когда что-то пронеслось мимо, с отчаянной руганью метнулось к врагу.

— Держу!

Растопыренные руки пещерника с силой сомкнулись, сгребая противника, смяли, лишая подвижности. Жалобно хрустнули кости, захрустела разрываемая ткань. Но в этот момент ярко сверкнуло, на мгновение ослепленный, Мычка ощутил легкое дуновение, негромко хлопнула дверь, а когда проморгался, вглядываясь через мельтешащих в глазах огненных мух, противник исчез.

С победным кличем Шестерня возился на полу, продолжая бороться с врагом. Неспешно подошел Дерн, несколько мгновений всматривался в шевеление под ногами, сказал негромко:

— Мне кажется, Зола не одобрит, когда увидит, что ты сделал с его заплечным мешком.

Шестерня затих, некоторое время лежал недвижимо, затем поднялся, сказал, как ни в чем не бывало:

— Сперва, пусть расскажет о людях, что не боятся в одиночку заглянуть на огонек в гильдию наемников, чтобы своровать мешок с пожитками.

— Это был не человек, вершинник, — Себя вложила кинжал в ножны, пригладила растрепавшиеся волосы. — В человека ты, скорее всего, попал бы.

— И он действительно был один, — добавил Мычка, прислушиваясь. — За стенами таверны ни звука.

Дерн покачал головой, сказал задумчиво:

— Как бы этот один не привел друзей. Если их будет, хотя бы трое, боюсь, у нас возникнут сложности.

Шестерня ощерился, покосившись на мага, сказал зло:

— Скорее, раньше сложности возникнут у кого-то другого, если он будет продолжать прикидываться ветошью.

Его слова возымели действие. Зола, что до этого момента не подавал признаков жизни, зашевелился, охнув, выпрямился, застыл, ошеломленно озираясь. Его губы зашевелились.

— Мешок, где мой заплечный мешок, он забрал его?

— Конечно, — Шестерня обвел друзей ехидным взглядом. — Мы его отдали, еще и поблагодарили, что от хлама избавил. Да ты не волнуйся. Сам же сказал — уходишь, далеко и надолго. А тут человек зашел, предложил помощь. Ну, мы и попросили, чтобы харч твой донес. Иди, на выходе из города догонишь.

Заметив, что глаза Золы выпучились, а рот приоткрылся, Мычка покачал головой, сказал поспешно:

— Тут твой мешок. Шестерня спас, рискуя жизнью. Разве только немного помял...

Маг бросился через комнату, подхватив мешок, метнулся к факелу, трясущимися руками начал судорожно перебирать содержимое. Друзья с удивлением следили за его действиями.

— Похоже, Золе есть, что нам рассказать. Но меня интересует не это. — Себя пригнулась, провела ладонью по половицам, лизнула пальцы.

Шестерня перевел взгляд на подземницу, сказал отстраненно:

— Сперва, один спятил, трясется над своими пожитками, словно, там корона прародителя пещерников, теперь вторая — облизывает доски. — Он уставился на Себию, спросил участливо: — Может, тебе лучше стол попробовать, там все же едят иногда, оно вкуснее будет?

Отвечая на вопросительные взгляды товарищей, Себя нехотя произнесла:

— Вспышка... Я знакома с веществом, что вершинники используют для таких эффектов.

На полу остались крупинки пепла.

Мычка с уважением взглянул на подземницу, с тех пор, как девушка присоединилась к их небольшой компании, она, то и дело, преподносила сюрпризы, демонстрируя знания в самых различных областях, спросил осторожно:

— А у тебя, случаем, нет подобного? Как мы успели убедиться, в особо тяжелых случаях это может оказаться незаменимым.

Себя потупилась, произнесла с сожалением:

— Нет. У подземников слишком чувствительные глаза. Подобные фокусы со светом не для нас.

От стены донесся взглас облегчения. Взгляды немедленно обратились на мага, что с удовлетворенным видом складывал вещи обратно в мешок. Болотник пытливо взглянул на друга, сказал с нажимом:

— Зола, надеюсь, теперь ты посветишь нас в свои планы?

— Это становится опасно для всех, — добавил в тон Мычка.

— К тому же, незнакомец не достиг цели, он вернется, и вполне возможно, не один, — подлила масла в огонь Себя.

Под требовательными взглядами друзей Зола хмурился, менялся в лице, наконец, не выдержал, сказал с раздражением:

— Хорошо, хорошо. Демон с вами. — Заметив улыбки, вскинулся: — Но не думайте, что я прямо сейчас выложу всю подноготную. В останках корабля я наткнулся на нечто... — он замялся, подбирая слова, — на некие знания. Не могу точно сказать, о чем идет речь, еще сам не разобрался. Поэтому хотел уйти один: разыскать, проверить, выяснить...

Шестерня покачал головой, сказал с презреньем:

— И в этом — весь Зола. Неужели ты не мог так прямо и сказать, мол — нашел карту сокровищ, хочу отправиться на поиски, но помощи просить боюсь, потому, как не уверен, хватит ли на всех?

Скрывая улыбку, Мычка добавил:

— Тем более, мы не претендуем на многое, ведь идея принадлежит тебе, как и таинственная карта.

Поддерживая игру товарищей, Дерн вставил:

— К тому же, если сокровищ окажется много, впятером мы унесем гораздо больше...

Слушая друзей, Зола то краснел, то бледнел, наконец, не выдержал, воскликнул раздраженно:

— Да нет там никаких сокровищ! А если и есть, это вовсе не то, что вы понимаете.

— Конечно, конечно, — елейным голосом поддакнул Шестерня. — Но ведь проверить не мешает. Я уже пошел искать мешок побольше.

Ухмыльнувшись, пещерник двинулся к проходу, ведущему на второй этаж, исчез за дверью. За ним ушел Мычка. Дерн подошел к магу, положил руку на плечо, сказал негромко:

— Зола, гильдии, какой она была раньше, больше не существует. Все изменилось. И каждый пойдет своим путем. Но я не вижу причин не начать этот путь вместе.

Рядом возникла Себя, произнесла серьезно:

— Я многое знаю и умею, но это относится лишь к жизни в пещерах, а в верхнем мире — я новичок. Я не буду обузой и с удовольствием пойду с вами, хотя бы часть пути, но если

вы — против, не смею настаивать.

Зола взглянул на товарищей, сказал со вздохом:

— Хорошо, не будем спорить. Думаю, вы быстро поймете, что ошиблись, — отвернувшись, маг сел на скамью, замер, вперив взгляд в пространство.

Дерн поманил подземницу пальцем, двинулся по лестнице. Они поднялись на второй этаж, вошли в когда-то бывшую родной комнату. Себя с интересом огляделась, прошлась вдоль стен, дотрагиваясь до развешенного повсюду оружия, зачерпнула из бочки с воды, не желая мешать, пристроилась в уголке на лавке.

Пока Мычка снимал со стены пояс с метательными ножами и пристраивал за плечом лук, Шестерня извлек из-под лавки ворох доспехов, начал сосредоточенно перебирать, не в силах решить, что именно надеть, Дерн же, неторопливо складывал в котомку глиняные горшочки, от которых, несмотря на плотно притертые крышки, разило терпким ароматом.

— Ну, вот и все, — облаченный в доспехи с ног до головы, Шестерня встал в проходе.

Мгновением позже, к нему подошел Мычка, а за ним и Дерн. Себя поднялась со скамьи, подошла к выходу, взглянула на мужчин, что сгрудились у выхода, не решаясь покинуть комнату. На их лицах застыло выражение, какое бывает у тех, кому предстоит навсегда покинуть насиженное место. Подземница неслышной тенью проскользнула в коридор, спустилась по лестнице. Вскоре, под тяжелыми шагами закрипели ступеньки, мужчины, один за другим, появились в зале.

Зола уже стоял у двери, нетерпеливо переминаясь, и едва спутники показались в проеме, вышел на улицу. Глядя, как маг исчез в ночи, Шестерня хмыкнул, сказал подчеркнуто бодро:

— Зола ничем не проймешь, вот только об стену шарахнули, едва душу не вышибли, а на улицу полез первым.

— Вряд ли наш ночной гость ждет у двери, — заметил Мычка. — Думаю, он уже понял, что в одиночку не справиться.

— Он-то, может, и понял, да другие об этом не знают, — ворчливо отозвался Шестерня.

— Думаешь, будут и другие? — Дерн вопросительно поднял бровь.

— Будут, — упрямо произнес пещерник. — За просто так люди ночами в гильдии не вламываются, пусть даже, в заброшенные. Уж не знаю, что там нашел Зола, и не совершаем ли мы ошибку, отправляясь вместе с ним, но бдеть надо в оба.

Последний раз, окинув взглядом темную громаду таверны, не оглядываясь, зашагали вдоль улицы. Первой, опередив остальных на несколько шагов, крадучись двигалась Себя, зная способности подземных жителей к ночному зрению, никто не воспротивился, следом, погруженный в раздумья, шел Зола, заплечный мешок размеренно покачивался за спиной, посох глухо постукивал о камни мостовой. Дерн и Шестерня двигались по обе стороны мага, держа руки на оружии, время от времени, окидывали окрестности суровыми взглядами. Мычка замыкал отряд. Приотстав, вершинник ловил звуки ночного города, иногда поворачивая голову, вслушиваясь в далекие шумы.

Из города выбрались без приключений. Когда последние домишки остались за спиной, а вокруг, серебряная, в лунном свете замерцала степь, с редкими островками деревьев, вздохнули с облегчением. Если обычному городскому жителю, привыкшему к тесноте узких улочек, вольный простор показался бы опасным, то наемники только сейчас позволили себе расслабиться. Не понаслышке, знакомые со скрытыми опасностями города, где намного проще получить стрелу из глухого оконца, удар тяжелой дубиной по голове в темном

переулке или тычок ножом в толпе респектабельных граждан, чем нарваться на неприятности в самой дикой местности.

Протопанная множеством ног дорога, с глубокими выбоинами от колес тяжело груженных повозок, плавно изгибается, обходя группки деревьев и небольшие холмы, но порой, словно норовистый конь, прет напрямую, с трудом карабкается на крутой бок холма, чтобы после стремительно скатиться вниз, побуждая ускорять шаг под тяжестью собственного веса. Изредка, к дороге примыкают робкие тропки, с трудом различимые, словно вытопанные осторожными животными, тропки теряются в высокой траве, уводя к невидимым во тьме деревушкам и одиноким охотничьим домикам.

Впереди наметилась развилка, основная дорога, отбросив от себя неширокую ветвь, в этом месте круто забирала влево, куда и двинулись наемники, но маг вдруг резко остановился, повертев головой, коротко бросил:

— Нам направо.

Некоторое время шли молча. Дорога сузилась. Чтобы не продираться через колючий кустарник по бокам, пришлось растянуться цепочкой. Шестерня задумчиво поинтересовался:

— А почему именно сюда, а не на следующую тропинку, или на одну из прошлых, вон их сколько было?

Мычка хмыкнул:

— Так мы ж, за сокровищами идем. А на тех тропках их нет.

Пещерник взъерошил бороду, сказал понимающе:

— А ведь верно. Я, было, хотел предложить разбить лагерь, но теперь понимаю, что ни к месту.

— Почему? — откуда-то из темноты поинтересовалась Себия.

— Так ведь, искатели сокровищ ходят только ночью, без факела, и исключительно, запутанными тропками, — с подчеркнутой серьезностью ответил Шестерня. — Вот мы и идем, как настоящие искатели.

— Только луна мешает, — задумчиво добавил Дерн. — Слишком хорошо все видно. А так бы, действительно, как настоящие...

Мычка повернул голову, взглянул с недоумением, не веря, что болотник решился на шутку, но Дерн смотрел прямо перед собой, не выказывая и тени эмоций, и вершинник отвернулся. Зола некоторое время крепился, игнорируя подначки друзей, наконец, не выдержал, сказал едко:

— Я за собой силком не тянул. Если кому-то не нравится, можете вернуться. Город рядом.

— И попасть в руки вершиннику, что с таким рвением пытался заграбастать твое добро, — хохотнул пещерник. — Он, наверное, уже и друзей привел: сидят — ждут, когда же вернуться эти доблестные наемники.

— Я бы очень хотела надеяться, что это так.

От тихого голоса подземницы повеяло таким холодом, что Мычка невольно сглотнул, спросил осторожно:

— А может быть по-другому?

— Они могли обогнать нас и устроить засаду или установить на дороге ловушки. А быть может, сейчас идут по нашим следам, выжидая удобный момент для атаки.

Услышав последние слова, Шестерня озираясь, сказал нервно:

— Вот за что люблю пещерниц — умеют вовремя испортить настроение.

— Внимание! — голос Себии зазвенел натянутой струной.

Все разом остановились, словно уткнувшись в стену. Опыту подземницы доверяли, и, едва услышав в голосе Себии тревожные нотки, мгновенно обнажили оружие, застыли, напряженно вглядываясь во тьму. В бледном свете луны изумленным взорам представилась удивительная картина.

ГЛАВА 3

Серебристое море травы разошлось, обнажая землю, почерневшая, покрытая спекшейся коркой идеально круглая проплешина, без единой травинки, словно, неведомый жар выжиг все живое на сотню шагов вокруг. Местами корка растрескалась, и в образовавшейся земляной россыпи отпечатались многочисленные следы. На границе странного образования тропа обрывалась, как ни в чем не бывало, продолжаясь на противоположной стороне.

Зола живо сбросил заплечный мешок, порывшись, извлек сложенную вчетверо бумагу, развернул, некоторое время, подслеповато щурясь, всматривался в хаотическое переплетение начертанных линий, удовлетворенно хмыкнув, вернул обратно, сказал в полголоса:

— Немного не там, где ожидалось, но... — забросив мешок за спину, он смело шагнул вперед.

В расширенных глазах вершинника метнулся страх, но мгновения шли, Зола деловито передвигался по выжженной поверхности, что-то негромко бормоча, порой останавливался, задумчиво ковырял землю, после чего, переходил на новое место.

Мычка со свистом выпустил воздух из груди, сказал чуть слышно:

— У Золы отвратная привычка — соваться в неизвестные места без должной осторожности.

— А чего тут осторожничать? — хмыкнул Шестерня. — Выжгло траву молнией, деловито.

Пещерник пошел вслед за магом. Болотник с подземницей последовали за ним, мгновением позже, лишь Мычка медлил. Нахмурившись, вершинник с осторожностью двигался вдоль границы пятна, не отходя, но и не заступая за невидимую черту, где заканчивалось буйство растительной жизни, и начиналась черное мертвое однообразие.

Шестерня сперва бродил по проплешине, с интересом посматривая под ноги, но ему быстро наскучило. Махнув рукой, пещерник выпростал из заплечного мешка кожаный бурдюк, запрокинув голову, приложил к губам. Его кадык заходил вверх-вниз, послышалось негромкое бульканье. Рядом остановился Дерн, молча, протянул руку. Передав бурдюк товарищу, Шестерня вытер губы тыльной стороной ладони, удовлетворенно крикнул, сказал с нетерпением:

— Вам не кажется, что мы уделяем этому месту чересчур много внимания?

Дерн отнял бурдюк от губ, сказал в раздумии:

— Гарь странная, ровные очертания, по краям сразу живая трава, хотя должны быть остатки выгоревшей... Но не более того. Чего испугалась Себия?

Подземница подошла ближе, сказала с запинкой:

— Я не могу сказать точно. В пещерах мало растительности и почти не бывает пожаров. Но, в этом месте есть нечто странное. Что-то витает в воздухе. Так словно... — она пошевелила пальцами, подыскивая сравнение.

— Словно здесь совершили магический ритуал огромной мощи, — подсказал Зола, он закончил изыскания, и уже некоторое время, вслушивался в разговор. — Вопрос лишь в том, кому это могло понадобиться посреди степи.

— Может, это была обычная молния? — вновь повторил Шестерня.

— Может быть, и так, — задумчиво произнес Зола.

— В таком случае, предлагаю двигаться дальше, — с нажимом произнес пещерник, с неудовольствием взвешивая в руке изрядно полегчавший бурдюк. — До ближайшей харчевни еще идти и идти, а запас вина не бесконечен.

Хрустнуло, из сумрака выдвинулась фигура, приблизилась, превратившись в вершинника. Его лицо казалось чернее тучи, и друзья взглянули вопросительно. Но Мычка лишь отмахнулся, сказал напряженно:

— Вы закончили? Тогда давайте двигаться. Если здесь и было что-то интересное, то мы опоздали.

— На много? — отстраненно поинтересовался Дерн.

— На пять — семь дней. Следов почти не разобрать. К тому же... — он оборвал себя на полуслове. Но друзья смотрели требовательно, и Мычка нехотя продолжил: — Здесь успели побывать люди. Много людей.

— Крестьяне из соседней деревни, — без интереса отмахнулся Шестерня.

— Судя по отткам подошв и... еще ряду признаков, это не были простолюдины, — Мычка замолчал, но сложилось впечатление, что он чего-то не договаривает.

Покосившись на вершинника, что замер в напряженной позе, настороженно прислушиваясь к звукам ночной степи, Дерн произнес:

— Вероятно, большего нам здесь не узнать. Предлагаю идти дальше, а еще лучше — встать лагерем. Немного дальше, вдоль дороги виднеется группка деревьев, там мы сможем развести костер, а если повезет, найдем родник.

Шестерня с Себией одобрительно закивали, Зола пожал плечами, лишь Мычка согласился с явным нежеланием. Казалось, вершинник чего-то опасается. Дерн выждал несколько мгновений, пристально глядя товарищу в глаза, но возражений не последовало, и болотник двинулся в сторону темного массива рощи, увлекая остальных за собой.

Подгонять не пришлось. Утомленные переходом, наемники быстро прочесали рощицу в поисках валежника, и вскоре, над ошетилившейся сучьями кучей веток уже плясали веселые огоньки, распространяя вокруг волны живительного тепла. Дерн извлек из заплечного мешка пару туго стянутых нитью бурых пучков травы необычного вида, распустив нить, выложил на чистую тряпицу. Себия достала горсть корнеплодов, подложила тут же. Мычка отвязал от пояса мешочек, с осторожностью высыпал горстку соли. Лишь Зола не обратил внимания на приготовления, погруженный в глубокую задумчивость, он застыл, вперив взгляд в пламя. Казалось, маг заснул с открытыми глазами.

Шестерня скептически смотрел на приготовления друзей, не выдержав, произнес с отвращением:

— И как вы это жрете? Трава сплошная.

Мычка сказал озабоченно:

— Можно пройтись поохотиться на зайцев или поискать хомячью нору.

Не поворачивая головы, Зола проскрипел:

— Не суетись. У Шестерни мешок вяленным мясом набит. На сегодня перебьемся.

Пещерник покосился на мага, сказал с удивлением:

— Ты-то, откуда знаешь?

— Не мудрено узнать, коли на всю рощу чесноком с хреном несет, дышать нечем, — желчно ответил Зола.

Посопев, Шестерня выложил рядом с остальными продуктами горку нарезанного тонкими ломтиками мяса. Покрытое корочкой из подсохших кусочков чеснока вперемешку с тонкими волокнами хрена, мясо источало столь мощный пряный дух, что все невольно сглотнули. Руки потянулись к лакомству, миг, и мясо исчезло, послышалось оживленное чавканье. Вслед за мясом, с импровизированного стола разобрали корнеплоды, а за ними, странную травку болотника. Траву, сперва, пробовали с осторожностью, но против ожидания, вкус оказался на удивление приятным, к тому же, необычное растение утоляло жажду, разбуженную острыми приправами.

Отягощенные пищей, путники улеглись вокруг костра. Говорить не хотелось, к тому же, сказаласть усталость ночного перехода, и вскоре, потрескивание сгорающих веточек нарушалось лишь ровным дыханием спящих. Подземница некоторое время боролась со сном, порываясь расставить сигнальные ловушки, но веки налились тяжестью, уронив голову, Себя глубоко и размеренно задышала.

Дернувшись всем телом, Шестерня открыл глаза, некоторое время лежал неподвижно, всматриваясь во тьму, затем, резким движением сел. Во сне его преследовало что-то смутное, с множеством щупалец и зубов. Он убегал изо всех сил, но чудовище догнало, повалило, сдавило грудную клетку так, что затрещали ребра. Вспомнив кошмар, пещерник поморщился, передернул плечами. Рубаха промокла от пота и неприятно липла к спине.

Вздохнув, Шестерня уже собрался лечь вновь, когда нечто привлекло внимание. Потухающие угли костра бросали тусклые отсветы, создавая на окружающих предметах затейливую мозаику из теней. Сперва, пещерник даже не понял, что показалось необычным, но, приглядевшись, ощутил, как волосы зашевелились от ужаса. Среди дрожащих бликов, выбиваясь из общей канвы, что-то шевелилось. Шестерня неверяще смотрел, как над землей, неподалеку, приподнялось щупальце, двинулось, осторожно ощупывая путь, следом, поднялось еще и еще. Тонкие, покрытые серой шкурой-чешуей щупальца расползались вокруг, одно приблизилось, наткнувшись на сапог, по-хозяйски взобралось на ногу, двинулось выше.

Сглотнув, Шестерня потянулся за секирой, но рука запуталась в корнях. Шестерня раздраженно дернулся, повернул голову, и обомлел, одно из странных щупалец обвило руку, прочно удерживая запястье. Пещерник попытался крикнуть, но горло перехватил спазм, он задергался, пытаясь вырваться из цепких объятий, тоненько заверещал. Чувствуя, что еще немного, и сойдет с ума, Шестерня набрал воздуха в грудь, напрягся так, что перед глазами поплыли красные пятна, и голос вернулся. Трубный рев победно зазвучал над замершим лагерем, заметался под кронами деревьев, разлетелся далеко окрест, распутивая сонных птиц.

Наемники подхватились, завертели головами, ошарашено оглядываясь. Охнув, подскочила Себя, отпрыгнула в сторону, выхватывая кинжал, с натугой поднялся Дерн, за болотником, не желая отпускать добычу, тянулись многочисленные корни-щупальца, поднял

голову Зола, слепо зашарил, нащупывая посох.

— Огонь! Раздувайте огонь! — надсадно крикнул Мычка. Сорвав с себя плащ, он ухватился за края, несколько раз с силой взмахнул.

Снопом прыснули багровые искры, с ревом взметнулось пламя, отбросив тьму далеко в стороны. Спасаясь от яркого света, наемники прикрыли глаза, а когда проморгались, застыли, не в силах отвести взор. Отовсюду из земли поднимаются тонкие нити, словно, дремавшие до поры семена неведомого растения разом дали всходы. Только, в отличие от обычных растений, нити-щупальца непрерывно изгибаются; увенчанные острыми шипиками, кончики жадно тянутся к людям, так, будто чувствуют их присутствие.

Не сговариваясь, наемники выхватили оружие, миг, и воздух застонал от взметнувшейся стали. Мычка бил обеими руками, короткие клинки со свистом вспарывали воздух, в свете разбуженного костра полыхая багровыми молниями, Себя наносила короткие точные удары, срезая одно щупальце за другим, Шестерня с уханьем орудовал секирой, выплескивая пережитый ужас, с силой вбивал оружие в землю, с каждым ударом вырывая огромные черные комья. Дерн не посчитал необходимым вытаскивать оружие и действовал руками, хватая ближайший извивающийся стебель пятерней, болотник резко дергал, после чего, отбрасывал агонизирующий отросток далеко в сторону.

Когда на изрытой земле остались лишь слабо шевелящиеся обрывки, Зола оглядел друзей, с ног до головы испятнанных зеленой, дурно пахнущей жидкостью, скептически произнес:

— Не думаю, что это действительно необходимо, но... — он сделал отстраняющий жест.

Не дожидаясь реакции товарищей, маг взмахнул руками. Шестерня с Дерном, едва успели шарахнуться, отскочив к Мычке, что предусмотрительно отступил в сторону, когда с конца посоха сорвался огнешар, ударил в землю. Дохнуло паленым, обугливаясь, в предсмертной судороге дернулись останки щупалец.

Из-за спины Золы неслышно выступила Себя, спросила вкрадчиво:

— Что это было?

Маг нервно вздрогнул, рявкнул зло:

— Что за привычка подкрадываться? В следующий раз, сперва, огнешаром шарахну! — Но подземница смотрела настолько честными глазами, что он смягчился, добавил примирительно: — Вообще-то, мне и самому интересно. Кто первый заметил эту гадость?

Все повернулись к Шестерне, что, еще не остыв от боя, сжимал в руках секиру, с отвращением глядя на обугленные останки не то щупалец, не то растений. Ощувив на себе взгляды, пещерник взглянул исподлобья, сказал с нервным смешком:

— Я ничего не знаю. Проснулся, а тут оно...

Он не договорил, в глубине ночи зародился глухой вибрирующий звук, низкий, едва слышимый, прокатился эхом по роще, исчез, растворившись во мгле.

— Что это было? — нахмурившись, Зола завертел головой.

— Намного интереснее — где? — настороженно промолвила подземница. — Вы уловили направление звука? Мычка?

Повисла напряженная тишина. Не слыша ответа, наемники взглянули на товарища, и их руки невольно потянулись к оружию. Вершинник стоял недвижимо, глядя расширенными от ужаса глазами под ноги. Его губы шевельнулись, донеслось едва слышное:

— Внизу... Звук идет из-под земли!

Он хотел добавить что-то еще, но не успел, роща содрогнулась, по поверхности почвы, с каждым мгновением расширяясь, побежали трещины, комья земли вздыбились, словно лед в половодье, задвигались, пропуская нечто поднимающееся из глубины. Замахав руками, Мычка закричал, но голос потонул в грохоте. Отброшенные с чудовищной силой куски земли разлетелись, забив рты и залепив глаза. Наемники невольно отшатнулись, закрылись руками, спасаясь от земляного крошева.

Вибрирующий звук раздался вновь, но уже мощнее, стеганул по ушам, отдался болью в теле. Казалось, источник приблизился, вышел на поверхность. Проморгавшись, Дерн поднял глаза, и замер, всматриваясь. Остальные стояли тут же, глядя, кто с отвращением, а кто с откровенным страхом. Уютной полянки больше не было, вокруг лежали пласты земли вперемешку со слизью, откуда, многочисленными белесыми вкраплениями топорщились обломки костей. Посреди образовавшейся воронки вздыбилось нечто, бесформенная туша, покрытая множеством шевелящихся щупалец-отростков.

ГЛАВА 4

Глядя на существо, Зола нехорошо усмехнулся, брови мага сошлись на переносице, а руки заплясали, стягивая убийственную энергию в тусклую багровую точку, но за мгновение до того, как огнешар сформировался, существо прыгнуло. Никто не успел понять как, но бесформенная, на первый взгляд, не способная не то, что прыгать, хоть сколько-нибудь перемещаться, туша метнулась к магу, ветви-щупальца оплели тело Золы, подняли над землей, поволокли. Существо трансформировалось, превратившись в одну огромную пасть, куда, пригнувшись, могли разом войти несколько взрослых мужчин.

Глядя в приближающийся чудовищный зев, маг завершал, задержался всем телом, пытаясь освободиться, пальцы рук вновь начали наливаться багрянцем, но тварь сдавила сильнее, и Зола обмяк, голова бессильно свесилась, сияние погасло. Воздев секиру над головой, Шестерня метнулся к чудовищу, с хаканьем опустил, но оружие не причинило сколько-нибудь видимого вреда. Пещерник попытался взмахнуть вновь, но щупальца оплели рукоять, потянули, вырывая из рук, зарывав, он дернул, что есть сил, но секира лишь немного подалась.

На помощь подоспела Себя, несколько коротких взмахов, и оружие освободилось.

— Кинжал! — напряженно выкрикнула подземница. — Срезай кинжалом!

Шестерня насупился, в его представлении никакой кинжал, даже изготовленный лучшими пещерными мастерами, по мощи не мог сравниться с добрым ударом топора. Хорошенько размахнувшись, он всадил оружие, что есть силы, намереваясь, если не разрубить чудовище, то нанести серьезную рану. Но вышло еще хуже, тварь, словно почуяв опасность, дернулась, щупальца взвихрились, рванули, и пещерник отступил, обезоруженный. Скорее ощутив, чем увидев злой выверк глаз подземницы, Шестерня, нехотя потащил из ножен кинжал.

Избегая отростков, по всей длине усаженных зазубренными крючьями, одно прикосновение которых оставляло жгучие глубокие ссадины, Себя метнулась к пасти чудовища, где Дерн боролся за спасение мага. Обхватив Зола обеими руками, болотник

тянул мага на себя, не позволяя отросткам утащить добычу. Мышцы на руках Дерна вздулись тугими канатами, на спине, приподняв кольчугу, выпятились могучие бугры, жилы на висках набухли так, что, казалось, вот-вот лопнут.

Себяглянула мельком, ужаснувшись мощи чудовища, несмотря на объединенный вес мага и болотника, тварь пересиливала, медленно, но верно, подволакивая наемников к себе. Все новые щупальца-канаты обвивались вокруг добычи, так, что Зола почти скрылся из виду, а ДERN постепенно исчезал под шевелящимися отростками. Медленно, преодолевая чудовищное сопротивление, ДERN повернул голову, на Себяглянули глаза с полопавшимися сосудами, прохрипел сдавленно:

— Вережки... режь веревки. Я уже не чувствую рук, еще немного и... — он замолчал, по виску скользнула капля пота.

Но подземница начала действовать раньше, чем болотник договорил. Кинжал засверкал, раз за разом, полосуюя покрытые струпьями корки щупальца, но к великому удивлению Себягля, закаленная сталь лишь с трудом царапала мягкие до того отростки, похоже, для удержания добычи у существа были припасены более прочные "руки". ДERN захрипел, изо рта полилась кровавая слюна. Не в силах помочь, подземница завизжала от ярости.

На крик откликнулся Мычка, перестав кромсать спину чудовища, он возник рядом, с одного взгляда оценив ситуацию, взмахнул клинками. Руки замелькали, нанося удар за ударом в какой-то необычной манере. Приглядевшись, Себягля поняла, что именно делает вершинник: касаясь щупальца основанием клинка, он делал резкое движение вниз, не отнимая лезвия, так что оружие проходило через рану по всей длине, рассекая неподатливую плоть существа.

Когда под ногами шевелилась добрая половина отсеченных отростков, животное внезапно изменило тактику, издав жуткий звук, оно выпустило несколько струек зловонной жижи. Себягля успела уклониться, ощутив на коже лица жжение от мелких капель, а Мычка, увлеченный боем, среагировал на мгновение позже, и жидкость попала на руки. Кожа сразу же покраснела, один за другим, начали вздуваться пузыри. Лицо вершинника исказилось от боли, движения замедлились, но дело было сделано. Чудовище начало проявлять признаки беспокойства. По поверхности тела, колышущейся, подобно стенкам бурдюка, одна за другой, пошли волны, многочисленные обрубки щупалец задергались, пасть начала закрываться.

Удерживающие Зола с ДERNом плети разом выпрямились, миг, и существо гигантским скачком метнулось назад, туда, где в глубине воронки, присыпанное почвой, виднелось черное жерло норы, задергалось, стремительно погружаясь вглубь земли. Некоторое время земля мелко подрагивала, слышался зловещий шорох уходящего в неведомые глубины чудовища, пару раз раздался вибрирующий низкий вой и все стихло.

Тело мага рухнуло на землю, следом обессилено опустился болотник. Мычка замедленно выпрямился, мечи выпали из рук. Обычно бледное, лицо вершинника стало почти белым, его трясло все сильнее, а образовавшиеся от ядовитой слюны чудовища пузыри напухали, увеличивались прямо на глазах, сочились бледной сукровицей.

Шестерня, для которого бегство чудища явилось полной неожиданностью, пещерник до конца сражался со "спиной" и из-за размеров твари не мог видеть, чем заняты друзья, нахмурился, не отводя взгляда от Мычки, подскочил к болотнику, с силой затряс, приговаривая:

— Да очнись же, зеленая твоя душа, после будешь отдыхать.

Дерн вынырнул из забвения, с трудом повернул голову, взглянув на вершинника, что казалось, вот-вот потеряет сознание, прохрипел:

— Котомку.... Дайте мне котомку.

Подземница мельком оглянулась, часть вещей, разбросанные валяются далеко за чертой лагеря, а остальные, вмятые в землю, едва выступают из толстого слоя грязи, сорвавшись с места, приволокла котомку, чудом уцелевшую в хаосе битвы, бережно поставила. Болотник откинул крышку, трясущимися руками вытащил одну из склянок, хлебнул, после чего, повернулся к Золе, что не подавал признаков жизни, разжав магу челюсти, влил остатки.

Товарищи, так и не успели привыкнуть к удивительному действию бальзамов болотника, каждый раз воскрешение полумертвого соратника казалось чудом. С благоговением взирали, сперва на Дерна, что, будучи едва живым, вдруг перестал шататься, задвигался бодрее, а после, на Золу: грудь мага стала равномерно подниматься и опускаться, сжались и разжались кулаки, мелко задрожали ресницы.

Сжимая глиняный горшочек, Дерн подошел к Мычке, что лежал, часто и мелко дыша, взглянув в затопленные болью глаза вершинника, нахмурился, одним движением сковырнул крышку, и мягкими осторожными мазками начал накладывать густую серую пасту, покрывая пораженные места толстым слоем. Когда он закончил, Мычка сглотнул, прошептал чуть слышно:

— Руки... Что с руками?

— Ничего. — Дерн разогнулся, глубоко вздохнул. — К вечеру сможешь взять оружие.

— Что это было? — сглотнув, прошептал Шестерня.

— Желудочный сок, — ответил болотник. — Или слюна, причем, не очень едкая. Я думал, будет хуже.

— Я не о том. — Пещерник указал на воронку, сказал с опаской: — Что это было за животное?

Себя и Шестерня с надеждой воззрились на болотника, но тот лишь пожал плечами, сказал отстраненно:

— Не знаю. Спросите у Мычки, охотник у нас он.

— Охотники не охотятся на неведомых чудовищ, — с раздражением произнес Мычка, приподнявшись на локте. — А тому, что на нас напало, впору жить где-нибудь на болотах, — он многозначительно покосился на Дерна, что приводил в порядок котомку, перебирая горшочки и проверяя склянки — не раскололись ли.

Не поворачиваясь, болотник указал на воронку, сказал кротко:

— Может, и так. Но, судя по всему, оно неплохо пристроилось и тут. Глянь на вход в "жилище", что видишь?

Мычка взглянул мельком, пробормотал с сомнением:

— Действительно, странно. Столько костей.... Похоже, мы здесь не первые. — Он поднялся, подошел к краю воронки, с осторожностью спустился, разглядывая обглоданные останки оказавшихся не столь удачливыми путников.

Затаив дыхание, Себя с Шестерней следили за действиями вершинника. Сглотнув, подземница прошептала чуть слышно:

— Ты подошел очень близко. Оно не... вернется?

Занятый, Мычка лишь отмахнулся:

— Не вернется. Победенный превосходящим по силе противником зверь не выберется из норы...

— Так то, обычный зверь, — глубокомысленно протянул Шестерня. — А что у этого... у этой твари на уме, кто знает?

Мычка недоверчиво хмыкнул, но, судя по спешке, с какой он выбрался назад, слова пещерника возымели эффект. Отряхнув руки, вершинник произнес:

— Все кости свежие. А это значит, существо здесь обосновалось недавно.

Пришел в себя Зола. Закряхтев, маг сел, повел вокруг ошалевшим взглядом. В бледном свете предрассветных лучей лагерь представлял фантасмагорическое зрелище: вывороченные комья земли, раскиданные вещи, попятнанные зеленым фигуры товарищей, простонал:

— Что произошло?

— А что ты помнишь? — с любопытством поинтересовался Мычка.

Вершинник, то и дело, поглядывал на свои руки, покрытые коростами, они представляли жуткое зрелище, но мазь лекаря уже начала оказывать благотворное действие, и Мычка заметно повеселел.

— Несущийся на меня огромный волосатый бурдюк с пастью размером со вход в таверну, — проворчал Зола. — Как я понимаю, вы его убили?

— Прогнали, — дипломатично ответила Себия.

— Так, оно живо? — на лице мага отразилось замешательство. — И вместо того, чтобы, как можно быстрее уходить, вы занимаетесь разговорами?

— Мы только пришли в себя, — подземница с упреком взглянула на мага. — А Дерн, едва успел залечить наши раны.

— А кое-кого он буквально вырвал у твари из пасти, — едко добавил Мычка.

Зола поджал губы, произнес скороговоркой:

— Нисколько не сомневаюсь, но это не повод оставаться здесь далее, тем более, что мы спешим, — прихрамывая, он заковылял к посоху, отброшенному в ходе схватки на добрый десяток шагов.

— А мы спешим? — Шестерня вопросительно взглянул на товарищей.

Указав взглядом на мага, Мычка постучал пальцем по виску, двинулся собирать вещи. Перехватив непонимающий взгляд пещерника, Дерн объяснил:

— Мычка хотел сказать, что Зола ударился головой.

Себия лишь покачала головой, воздержавшись от комментариев о том, что же на самом деле имел в виду Мычка.

С первыми лучами солнца наемники покинули разрушенный лагерь, спеша отрешиться от тяжелых переживаний ночи. Когда рощица растаяла в утреннем тумане, Дерн невзначай поинтересовался:

— Куда лежит наш путь?

Шестерня, чье настроение, по мере удаления от кошмарного существа, повышалось все более, вдохновенно произнес:

— Мы движемся на запад. Насколько я помню, в нескольких днях пути, располагается крупный город.

— Крупнее вашего? — подземница восторженно округлила глаза.

— Намного! — воскликнул Шестерня. — Втрое, нет — впятеро крупнее!

— И ходу до него — пару недель, если точнее, — насмешливо заметил Мычка.

Пропустив замечание мимо ушей, пещерник продолжил:

— Говорят, это город больших возможностей. Даже самый бесполезный человечиска

там найдет дело по душе, а уж знатного мастера, — пещерник самодовольно ухмыльнулся, — заграбастают, едва минует врата.

— Кто заграбастает? — Себя взглянула непонимающе.

— Местный патруль, — хмыкнул Мычка. — А то, там своих попрошайек мало.

— Не слушай его, — произнес Шестерня миролюбиво. — Охотников, как Мычка, везде в избытке, а настоящих мастеров — каменщиков, всегда недочет, вот и завидует.

— Оно и видно, город мечты, — забыв об обожженных руках, Мычка хлопнул пещерника по плечу, зашипев, скривился от боли. Добавил насупившись: — Да только тебя там нет.

Шестерня развел руками, ответил примирительно:

— Не всегда, получается — поступать, как хочешь: то одно дело нужно сделать, то другое. Бывает, вроде и дел никаких — претворяй в жизнь мечты, никто не держит. Но, сомнения находят: сдюжишь ли, дойдешь ли, а коли и дойдешь, а ну, как не нужен окажешься?

Зола с удивлением покосился на спутника, подобные речи от пещерника приходилось слышать не часто, похоже и впрямь, Шестерня в тайне лелеял мечту, что теперь, волей случая, выпала возможность осуществить. Покачав головой, Зола отвернулся. Несмотря на дружеские отношения, мечты спутников его интересовали мало. Всю свою жизнь он увлеченно занимался магическими дисциплинами, с жадностью голодного пса хватался за любую возможность проникнуть глубже в понимание процессов, протекающих в скрытых энергиях мира, и теперь, получив в руки загадочную карту, от такого же, как он, адепта, Зола ощущал себя стоящим на пороге великой тайны. Исчерченная непонятными значками и символами, карта жгла спину через мешок.

На каждом привале, располагаясь на отдых, он уединялся в сторонке от товарищей, осторожно доставал карту, бережно разглаживал и приступал к изучению. От обилия символов разбегались глаза, а от безуспешных попыток понять многочисленные значки и символы начинала болеть голова. Отдельные значки почти стерлись, а на некоторых, едва обсохла краска, к тому же, приписанные к значкам указания, сделанные в разное время и на разных языках, с трудом укладывались в схему. Измучившись в очередной раз, Зола прятал карту и засыпал с твердым намерением, если не на следующем привале, то уж через пару-тройку дней, решить задачу.

От мыслей отвлек Дерн. Болотник замедлил шаг, некоторое время принюхивался, после чего, сообщил:

— Неподалеку деревня.

Следуя примеру, остальные повели носами, старательно засопели, пытаясь определить, что именно учуял Дерн. После ряда безуспешных попыток, Шестерня лишь махнул рукой. Себя принюхивалась дольше, сказала неуверенно:

— Я чую лишь запах костра.

Мычка кивнул.

— Именно. А если точнее — жареного мяса.

— Деревня, — убежденно произнес болотник. С силой втянув ноздрями воздух, добавил: — И сгоревшие жители. Много жителей.

Зола сделал нетерпеливый жест, произнес недовольно:

— Деревня, не повод для остановки, тем более, сгоревшая.

Шестерня пошарил в мешке, сказал с сомнением:

— Хорошо бы, пополнить припасы: мясо кончилось, да и бурдюк, почти пуст.

Его поддержала Себя.

— Если деревня действительно сгорела, возможно, кому-то нужна помощь.

— Если деревня сгорела, помощь уже не понадобится, — назидательно произнес Мычка. — Но я, все же, думаю, Дерн преувеличивает.

Зола недовольно поморщился. Непредвиденные обстоятельства лишь отдаляли цель, к тому же, одну из пометок, располагавшуюся ранее вдоль маршрута, он так и не нашел, случайное пятно гари, вряд ли, можно было считать чем-то существенным, но следующая пометка находилась, как раз, в районе неизвестной деревни, и он не стал спорить, лишь бросил короткое:

— Ведите.

Дерн сошел с дороги, что, извиваясь лентой, уводила в степь, где исчезала в жарком мареве, сливаясь с окомом, двинулся к виднеющемуся вдалеке лесочку. Идти непроторенным путем оказалось неудобно, от малейшего сотрясения мясистые колоски злаков извергали в воздух облачка ядовито-желтой пылицы, что забивала ноздри и заставляла остервенело чихать, жесткие усики колосков кололи кожу, вызывая неприятный зуд, ноги, то и дело, проваливались в невидимые в высокой траве хомячьи норы, жирные слепни тучами кружили над головой, а выждав момент, с остервенением вгрызались в незащищенные части тел.

Вскоре, со стороны леса потянуло прохладой, и все вздохнули с облегчением, а когда ноздри уловили влагу, и вовсе, повеселели. Разнотравье кончилось резко, словно отрезали огромным ножом. Еще мгновение назад, вокруг колыхалось море трав, ветер перекачивал волны по верхушкам. И вот, впереди, стеной возвышается лес, толстые, в три обхвата стволы дубов и вязов застыли, словно, вековые колонны, тяжелые кроны переплетаются в вышине, образуя плотный полог, куда с трудом пробиваются солнечные лучи, а в промежутке, словно граница, разделяющая два мира, журчит мелкая речушка.

Речку перешли вброд, в самом глубоком месте вода, едва достигла развилки, но лишь только ступили на берег, Себя бросила короткое:

— Я догоню, — после чего, принялась раздеваться, ничуть не смущаясь спутников.

Мычка замедлил шаг, глядя на обнаженную спину подземницы, а Шестерня, так и вовсе, едва не навернулся о дерево. Зола, что ожесточенно чесался с того момента, как ступил в траву, остановился, сказал сердито:

— Пожалуй, я тоже испугнусь. Так что, мы с Себией догоним, а вы идите, идите, — отвернувшись, маг начал неторопливо разоблачаться.

Захрустело, послышалась возня и металлическое позвякивание, а мгновением позже, один за другим, раздались три звучных шлепка, словно плеснула огромная рыба. Зола стремительно развернулся, с неудовольствием взглянул на спутников, что со светящимися от счастья лицами уже бултыхались, смывая с себя грязь и усталость. Поморщившись, вода возле берега помутнела настолько, что казалось, наемники плещутся не в проточных струях речки, а в застоявшейся придорожной луже, маг двинулся вверх по течению, обнаружив

место, куда не доходила муть, погрузился в воду, с наслаждением ощущая, как уходит утомление, а кожа перестает зудеть.

Вернувшись, Зола обнаружил, что товарищи уже собрались и готовы к походу. Неторопливо прошествовав к вещам, маг с достоинством оделся, поинтересовался коротко:

— Куда теперь?

Дерн молча вдвинулся в лес, остальные растянулись цепочкой. Стало заметно темнее, под ногами зашуршала прелая листва, а торчащие то тут, то там, узловатые корни заставляли внимательно смотреть под ноги. Но вскоре, впереди замаячил просвет, деревья поредели, с первого взгляда показавшийся огромным, лес, на деле, представлял из себя очередную рощу, и наемники вновь вышли на открытое место. Запах дыма, на время почти пропавший, вновь усилился, заполнил воздух, пропитав, казалось, все вокруг.

Деревья остались позади. А впереди, опоясанная невысоким частоколом, возникла деревушка, вернее, ее остатки: почерневшие печи топорщатся в небо скособоченными трубами, сгоревшие дотла стены покоятся вокруг горками пепла, редкие уцелевшие домишки слепо таращатся черными провалами окон, спекшаяся от жара земля подернулась сетью трещин, распалась на неровные куски.

Положив руки на оружие, наемники настороженно двинулись к пепелищу. Во все глаза, глядя на разбросанные повсюду уголья, Себя шепотом поинтересовалась:

— Что здесь произошло?

— Пожар, что еще, — пожал плечами Зола. — Такое часто происходит в жаркое время. Сперва, загорается один дом, а от него и остальные.

— Скорее, поджог, — уточнил Шестерня.

— Уверен? — Дерн взглянул испытывающе.

— Чем глупые вопросы задавать, ты на застройку глянь. Дома друг от друга на десятки шагов разнесены, речка неподалеку, опять же, лес... Возникни пожар, сгорит один, от силы, пара домов, но не все село целиком. Одного лишь понять не могу, почему они в лес не ушли, — Шестерня кивнул на лежащий возле развалин обгоревший труп селянина.

Мычка, уткнувшись носом в землю, едва они зашли за околицу, мрачно сообщил:

— Не дали ему, вот и не ушел.

— Работоторговцы? — поинтересовалась подземница.

Вершинник на мгновение замаялся, всматриваясь в почерневшую пыль под ногами, сказал с сомнением:

— Возможно, только никак могу понять, что это за следы, — он указал на глубокий отпечаток, напоминавший оттиск куриной лапы, только увеличенный в сотни раз.

Едва взглянув, Себя ахнула, сказала с дрожью:

— Такие следы оставляют наездники ночи, но... — она запнулась, взглянула на спутников, — я думала, они никогда не выходят на поверхность. У нас считают...

Зола раздраженно перебил:

— Да, да, знаем. Жизни на поверхности нет. Имели возможность прочувствовать на собственной шкуре. — Подземница виновато потупилась, маг же продолжил задумчиво: — Другое дело, я давно не слышал, чтобы сюда забредали подземники, к тому же, на своих ездовых животных.

— Никто не слышал, — обронил Дерн. Добавил, поддразнивая: — Но, как мы ощутили на собственной шкуре, мир за стенами университета магии скрывает много удивительного.

Задетый за живое, Зола поджал губы, отвернулся, Себя же, взглянула с

благодарностью. Несмотря на то, что с момента ее вступления в отряд прошло достаточно времени, подземница, по-прежнему, ощущала себя не в своей тарелке и остерегалась открыто противоречить товарищам.

Разделившись, разошлись в разные стороны, осматривая остатки жилищ и не забывая глядеть по сторонам, многочисленные отпечатки огромных лап ездовых драконов не позволяли забыть об опасности. Зола сделал несколько шагов, но, заметив огарок бревна, тутже пристроил седалище, зашелестел картой. Когда остальные вернулись, маг нетерпеливо топтался, в ожидании шагая взад-вперед, а едва заметил спутников, сказал поспешно:

— Надеюсь, вы удовлетворили свое любопытство, чтобы мешкать далее.

Себя развела руками:

— К тому, что мы узнали ранее, ничего не прибавилось: ни выживших, ни захватчиков, только пепел.

Шестерня произнес бодро:

— Добыча невелика, но, как говорится, с паршивой овцы... — он подбросил на ладони горстку закопченных монет.

Мычка покосился на пещерника, сказал едко:

— Шестерне все нипочем, не упустить бы выгоду.

— Зависть — плохое чувство, — отрубил пещерник, но монетами звенеть перестал.

Зола по-очереди оглядел спорщиков, сказал с нажимом:

— Если вы закончили, продолжаем двигаться. Мы и так потеряли много времени.

— Мы потеряли всего полдня, зато приобрели бесценное знание, — раздраженно воскликнул Мычка. Порой маг раздражал его непробиваемым упрямством, особенно, когда это ставило под угрозу жизни спутников.

— Интересно, какое? — сухо спросил Зола.

— Теперь мы будем осторожнее, — хмуро бросил Мычка.

— А то раньше, не были, — голос мага источал яд.

Останавливая, готовую вот-вот вспыхнуть, ссору, Дерн поднял руки, веско произнес:

— Свежее пепелище — не лучшее место для спора. Предлагаю, отложить беседу до привала. И уйдемте отсюда, запах гари достаточно неприятен, чтобы вдыхать его далее.

Слова болотника прозвучали убедительно, а поднятые над головой руки усилили эффект, сделав его, и без того крупную фигуру, еще больше. Спорщики разом собрались, прекратив разговор, двинулись прочь. Себя пошла следом, искоса поглядывая на Дерна. За время пребывания в отряде подземница успела убедиться, что Дерна невозможно пронять не только плохим запахом, но и отвратительным видом, к тому же, она сильно сомневалась, что меланхоличный великан, с удивительным зеленым оттенком кожи, вообще может переживать по подобным пустякам. Всегда спокойный, выдержанный, Дерн говорил мало, и исключительно по делу, высказываясь лишь тогда, когда приходилось сглаживать разногласия. Вот и сейчас, Себя подозревала, что, сославшись на мелкие неудобства, Дерн, таким образом, попытался увести друзей подальше от опасного места.

Вновь перешли речку. На этот раз, никто и не подумал задерживаться, по пути, то и дело, попадались отпечатки трехпалых лап. Со временем, отпечатки исчезли, но с лица вершинника не сходила озабоченность, он, то и дело, поглядывал под ноги, замечая на плотной поверхности одному ему видимые следы.

Зола шел уверенно, придерживаясь выбранного направления, лишь изредка замедлял шаги, производя руками непонятные пассы, отчего воздух вокруг начинал закручиваться

угрожающими вихрями, а спутники косились с опаской. Когда далеко впереди возникла одинокая скала, словно указующий перст вознесшая в небо тонкую иглу шпиля, маг взбодрился, его глаза загорелись, а движения стали суетливыми.

Заметив, как изменилось поведение спутника, Шестерня толкнул Мычку локтем в бок, обронил со смешком:

— Похоже, цель близка. Смотри, как Зола оживился, того и гляди, слюну пустит от радости.

— Не иначе, где-то поблизости подземелье со свитками, — в тон добавил Мычка.

Будучи в приподнятом настроении, маг не обратил внимания на зубоскалящих товарищей. Он не ошибся в расчетах. Судя по карте, очередная пометка приходилась, как раз возле скалы, оставалось лишь молить создателя, чтобы неизвестное сокровище хоть как-то проявило себя, приняв зримую форму. Но даже, если искомое представляет из себя неосязаемую субстанцию и скрыто от глаз непосвященных, не беда, он обнаружит его и в среде магических потоков. Постоянная практика в искусстве волшбы усилила прирожденные способности, превратив, удивительное для многих людей умение, в рутинный инструмент изучения мира.

Несмотря на легкость передвижения, высокая трава сменилась чахлыми пожелтевшими пучками, а в плотной, как камень, земле почти отсутствовали хомячьи норы, скала приближалась медленно. День клонился к вечеру, и наемники начали поглядывать по сторонам в поисках подходящего для лагеря места, когда скала, наконец, надвинулась, раздалась в стороны и вверх, загораживая горизонт и закрывая своей массой часть неба.

От скалы, навстречу, протянулась тень удлиняющаяся, по мере того, как солнце спускалось все ниже, миг, и тень накрыла серым крылом, двинулась дальше, захватывая все новые участки. Стало заметно холоднее. Шестерня передернул печами, сказал мечтательно:

— Вот бы обнаружить у подножья ворох валежника, чтобы можно было сразу развести костер.

— А заодно, тушку кабанчика, — эхом откликнулся Дерн. Заметив недоуменный взгляд пещерника, пояснил: — Ну, значит, чтобы лишний раз не бегать.

— А откуда возьмется кабанчик? — сглотив, поинтересовался Шестерня.

— Оттуда же, откуда и валежник, — отрезал Мычка.

Загибая пальцы, пещерник принялся терпеливо объяснять:

— На скалах деревья растут? Растут. А когда засыхают, падают? Падают. Вот вам и валежник. Но, секиру Прародителя мне в печень, кабанчик-то, откуда?

Дерн похлопал спутника по плечу, сказал ободряюще:

— Так, и кабанчик оттуда же.

Глядя на ошарашенного подобным поворотом Шестерню, Себя улыбнулась, и уже хотела высказать свою версию появления кабанчика, когда далекий блик привлек внимание. Бледная вспышка оказалась настолько слаба и быстротечна, что никто не обратил внимания, но глаза подземницы, привыкшие видеть во тьме пещер, смогли вычленить тусклый всполох. Заметив, как напряглось лицо девушки, Дерн прервал дружескую перепалку, посмотрел вопросительно. Продолжая вглядываться в царящие у подножья скалы сумерки, Себя замедленно произнесла:

— Мы здесь не одни.

Наемники замедлили шаг, а потом, и вовсе остановились. Лишь Зола, не расслышав, некоторое время шагал вперед, но тяжелая рука болотника легла магу на плечо, заставив

замереть.

— В чем дело? — раздраженно бросил Зола.

— Мы решили предпринять некоторые меры предосторожности, — спокойно пояснил Дерн.

— Я скоро вернусь, — сбросив заплечный мешок на землю, Себя неслышным шагом устремила к скале, растворившись в предзакатных тенях.

Зола ждал дальнейших пояснений, но наемники молчали, настороженно всматриваясь в сгущающуюся тьму. Солнце окончательно закатилось, на небе россыпью драгоценных камней проступили звезды, стало совсем темно, лишь тонкий серпик луны, опасливо выглянув из-за облака, изливал на заснувшую землю слабое сияние. С наступлением ночи степь наполнилась жизнью, застрекотали цикады, над головами, почти задевая волосы, начали шнырять летучие мыши, мягко взмахивая крыльями, пролетела сова.

Время тянулось медленно, напряжение нарастало. Когда ожидание стало невыносимым, под легкими шагами захрустели травинки, а через мгновение, из тьмы вынырнула подземница. Памятуя привычку Себии предупреждать о своем приближении шорохом, Мычка шагнул на встречу, но, увидев застывший в глазах девушки страх, замер, спросил взволнованно:

— Что случилось?

Хриплым от волнения голосом, подземница прошептала:

— Я не знаю, что там произошло, но зрелище — не из приятных.

— Опасная магия? — Зола взглянул заинтересованно.

— Неизвестное чудовище? — нахмурился Дерн.

— Может, обойдем стороной? — вкрадчиво предложил Шестерня.

Себя нетерпеливо тряхнула головой, так, что волосы блестящим водопадом рассыпались по плечам, сказала твердо:

— Нет, ничего такого там нет, но... вам лучше взглянуть самим, — сделав приглашающий жест, она зашагала в сторону скалы, зияющей на фоне иссиня-черного неба зловещим пятном.

По мере приближения к скале, обстановка становилась все более гнетущей, пряный запах трав ослаб, сменился терпкими нотками гниения, замолкли цикады, исчезли даже вездесущие летучие мыши. Шестерня повертел головой, сказал натянуто бодро:

— Похоже, нужно подкрепиться. От голода окружающее начинает казаться мне угрожающим.

— Не тебе одному, — откликнулся Мычка.

— И не от голода, — обронил Дерн.

Запах гниения стал сильнее, вдыхая воздух, приходилось сдерживать рвотные позывы, к тому же, месяц скрылся за облаком, отчего, вокруг сгустилась непроглядная тьма. Наемники замедлили шаг, руки вцепились в оружие, а мышцы заныли от напряжения.

— Мы на месте, — негромко произнесла Себя.

Из-за облака показался месяц, и пораженным взглядам наемников предстало устрашающее зрелище.

Привычно ровная поверхность степи здесь вздыбилась, топорщились острыми гранями огромные камни, повсюду возвышались груды земли, будто какой-то великан вспахал почву огромной сохой, но не это привлекло взоры. Зола скривился от отвращения, Шестерня зажал рот, Мычка заметно побледнел, даже Дерн нахмурился. Повсюду лежали тела, изломанные, разорванные на части, раздавленные, они издавали невыносимый смрад, тут же, оскалив в предсмертной муке пасти, замерли ездовые драконы. Могучие, украшенные тяжелыми плитами брони, они выглядели не лучше хозяев: без голов, с оторванными конечностями и распоротыми телами, они ужасали больше, нежели будучи живыми.

Шестерня опустил секиру, прошептал с трепетом:

— Великий Прародитель, что здесь произошло?

Мычка сглотнул, отозвался хрипло:

— Ты уверен, что действительно хочешь это узнать?

— Предлагаешь уйти? — Дерн вопросительно взглянул на вершинника.

Вершинник побледнел настолько, что в серебристом сиянии месяца его лицо казалось присыпанным мукой, выдавил с трудом:

— Не могу сказать, что мне неинтересно... но, с тем, что сотворило с ними такое, — он указал на ближайшего дракона, наполовину превратившегося в фарш из костей и внутренностей, — я бы встретиться не хотел.

— Тем не менее, — Зола старался говорить ровно, но дрожащий голос выдавал волнение мага, — мы оказались здесь, и уйти, даже не попытавшись узнать причин, было бы крайне досадно.

Шестерня сглотнул, произнес с нервным смешком:

— Досадно будет, если то, что устроило эту бойню, неожиданно решит вернуться.

— Если оно вообще отсюда уходило, — прошептал Дерн настолько тихо, что его услышал, лишь Мычка, отчего, стал еще бледнее.

Себя двинулась вперед, осторожно перешагивая рытвины и обходя по широкой дуге места особо крупных скоплений останков. За ней зашагал Зола, с сосредоточенным видом совершая руками пассы, отчего — воздух вокруг мага сиял и вспыхивал. Проводив товарищей взглядом, Дерн снял котомку, выбрав место поудобнее, осторожно поставил на землю, после чего, неспешно побрел к ближайшим останкам, где и замер.

Шестерня пробормотал сокрушенно:

— Не пойму, что со мной. Столько убитых, не иначе кошельки ломаются от самоцветных камней, да только не хочется туда идти, — побряхтев, он вздохнул, удалился, бор моча под нос.

Мычка глубоко вздохнул, с величайшим трудом сделал шаг, за ним еще один. Останки несчастных его не особо волновали, но то, что он увидел, лишь мельком глянув под ноги, повергло вершинника в состояние священного ужаса. Помимо отпечатков обуви и трехпалых драконьих отпечатков, землю испещряли широкие рубчатые следы, словно кто-то неоднократно провез телегу с иззубренными колесами. У Мычки закружилась голова, когда он попытался представить, какого размера, а главное, веса, должна быть телега, чтобы в прокаленной солнцем, твердой, как камень, степной почве оставить следы, столь чудовищной глубины. Да и разможенные кости непривычных ездовых животных,

превращенные в мелкое крошево, указывали на приложенную невероятную силу.

Себя обошла по кругу место побоища, вернувшись, остановилась в центре площадки. Вскоре, оставив занятие, к ней приблизился Дерн, за ним, придерживая обеими руками изрядно увеличившийся заплочный мешок, подошел Шестерня, на его лице застыло умиротворение.

— Похоже, это тот самый отряд, что сжег деревню неподалеку, — произнес Дерн.

— Тот, или какой другой, но бедными я бы их не назвал, — Шестерня легонько встряхнул мешок, откуда донеслось приятное звяканье.

Себя произнесла сокрушенно:

— Я ошиблась, заподозрив в них наездников ночи: другие драконы, иное оружие... да и одеваются у нас по-другому.

— Тем не менее, кроме подземников здесь больше никого нет, — произнес Дерн.

Девушка кивнула.

— К тому же, исключительно воины, ни женщин, ни детей.

Шестерня пожал плечами.

— Ничего странного, обычный боевой отряд. Детей в походы не берут, да и женщин тоже. Если только не в целях, хм... — он замолчал, криво ухмыльнулся.

Хрустнули камушки, к друзьям приблизился Мычка, произнес сквозь зубы:

— Ничего нового, везде одно и то же. Мертвецы и следы.

— Мертвецов мы видим и без тебя, — хмыкнул пещерник, — а что со следами?

Мычка развел руками, сказал зло:

— Большую часть жизни я занимаюсь охотой, я выслеживал сотни животных и по следу могу сказать о звере все: голоден ли, болен, в каком настроении. Но эти следы... они не принадлежат животному.

При этих словах головы невольно повернулись в сторону Зола, что стоял поодаль в окружении зеленоватых всполохов. Не сговариваясь, наемники двинулись к магу, остановились рядом. Зола заметил товарищей, но виду не подал, продолжая равномерно взмахивать руками, отчего, разлитое вокруг сияние набирало силу, становилось золотистым, словно лучи солнца, то стремительно слабело, наливалось багрянцем. Наконец, маг тяжело вздохнул, опустил руки, отчего, сияние тут же угасло, спросил устало:

— В чем дело?

— Мы обнаружили ряд странностей, — негромко произнес болотник, — которые не можем понять.

— Если вы ждете объяснений, то огорчу, я знаю не больше вашего, — враждебно произнес Зола.

— Тебя никто не обвиняет. Но обстоятельства складываются таким образом, что вопросов больше, чем ответов.

— И в чем вопросы? — высокомерно бросил Зола.

— С момента выхода из города, направление задаешь ты, и за это время мы успели сразиться с неизвестным чудовищем, и уже второй раз натываемся на место сражения, — терпеливо произнес Дерн. — Попади мы в сгоревшую деревню, или дойди сюда немногим раньше, драки было не избежать.

— И если в первом случае, исход боя оставался сомнительным, то здесь бы нас, наверняка, постигла участь этих несчастных, — мягко произнесла Себя.

— Вы хотите сказать, что, раз за разом, я намерено завожу вас в ловушку? — прямо

спросил Зола.

— Намерено или нет, но, что заводишь, похоже, — честно ответил Шестерня.

Все ожидали, что после этих слов маг вспылит, но, тот, наоборот, успокоился, скрестив руки на груди, произнес:

— Если у кого-то есть доводы убедительнее, чем невнятные домыслы, я готов выслушать, если же нет, оставим разговор.

Наемники в затруднении переглянулись, не зная, как точнее сформулировать снедающие сомнения, чтобы не обидеть друга, и, в то же время, указать на щекотливость ситуации. Положение спас Мычка, пожав плечами, он произнес с сарказмом:

— Куда уж убедительнее, ты под ноги себе глянь.

Зола взглянул удивленно, но спорить не стал, опустившись на корточки, он некоторое время изучал поверхность почвы. В слабом лунном сиянии все вокруг казалось одинаково серым, и маг щелкнул пальцами, вызвав гроздь огненных искр, что зависли невысоко над землей, выхватив из тьмы небольшой участок.

Остальные терпеливо ждали, с интересом поглядывая то на мага, шарящего руками в пыли, то на вершинника, что с отстраненным видом стоял напротив. Неожиданно Зола выпрямился, его лицо приняло озадаченное выражение, ни к кому в отдельности не обращаясь, произнес:

— Если предположить, что явление имеет общий характер, с побочным эффектом в виде выделения тепла... — он сорвал с плеча мешок, одним движением выхватил карту, развернул, всматриваясь в нагромождение черточек и значков.

Шестерня нетерпеливо передернул плечами, сказал с неудовольствием:

— Я понимаю, мнение пещерника никого не интересует, но, не мог бы ты объяснить проще?

— Зола, — коротко бросил Мычка. Заметив, что все покосились на мага, терпеливо объяснил: — Да не наш Зола, а под ногами зола.

Пещерник посмотрел на пыль под ногами, спросил тупенько:

— Ну и что?

— Ты хочешь сказать, то странное пятно, что мы нашли возле рощи, — при воспоминании о жутком существе, Себя передернула плечами, — и это место как-то связаны?

Дерн покачал головой, промолвил задумчиво:

— Боюсь, что они связаны гораздо больше, чем мне бы хотелось.

Ощувив заинтересованность товарищей, Мычка заговорил с жаром:

— Я даже больше скажу. Деревня, что мы миновали, тоже...

— Что тоже? — перебил Шестерня. — Я же своими глазами видел...

— Почерневшие головешки, обугленные тела? — насмешливо передразнил Мычка. — И какой вывод ты сделал?

Начиная злиться, пещерник затряс головой, произнес сдержанно:

— Мы все видели следы, и решили, что это был налет.

Дерн поднял руку, призывая друзей к тишине, спросил, пристально глядя на Мычку:

— Это не был налет?

— Нет, — вершинник покачал головой. — Тогда я не обратил внимания, но... там не было пеших следов.

Предваряя дальнейшие слова, Себя быстро спросила:

— Они пришли позже?

— Да, — вершинник кивнул. — Деревня сгорела раньше, подземники просто заехали взглянуть. Но их подвела скорость.

Услышав последние слова, Зола поднял голову, спросил непонимающе:

— Каким образом?

Мычка сделал широкий жест, указывая вокруг, сказал глухо:

— Они пришли сюда раньше нас. Это тот самый отряд.

— Это ты тоже по следам определил? — с ноткой сомнения поинтересовался Шестерня.

— В наших местах часто встречаются подземники на драконах? — отпарировал Мычка.

Зола нахмурился, в памяти вновь всплыли слова умирающего мага. Похоже, отмеченное на карте обладало просто невероятной ценностью, раз даже всадники ночи вышли из своих пещер на поверхность, чтобы прибрать к рукам неизведанное сокровище. Маг поежился, представив, что наряду с их скромным отрядом в поиски втянуты гораздо более могущественные силы. Вынырнув из раздумий, Зола спросил невпопад, обращаясь к вершиннику:

— Ты не заметил, куда ведут эти странные следы?

Мычка посмотрел на мага, словно на сумасшедшего, сказал едко:

— Конечно, я заметил. Тут бы даже Шестерня заметил. Но если ты собрался тащить нас следом...

— Нет, нет, — заметив неодобрение в глазах друзей, Зола вскинул ладони, — ни в коем случае. Если уж отряд бойцов не смог справиться, нам и думать нечего.

Все вздохнули с облегчением, лишь Дерн взглянул с недоверием, слишком легко маг отступился от возможности приобщиться к страшной истине.

— В таком случае, с утра двинем дальше, — с подъемом произнес Шестерня. — А пока, разобьем лагерь, что-то живот подвело, надо бы подкрепиться.

— Прямо здесь? — Себя в изумлении распахнула глаза.

— Ну, можно и здесь, — пещерник пожал плечами. — Хотя, признаться, запашок тут...

— Ну, уж нет! — подземница сделала резкий жест. — Я не собираюсь спать среди полуразложившихся тел. К тому же, мы так и не выяснили, от чего они погибли... — она пристально взглянула на мага.

Ощувив недосказанность, Зола поморщился, сказал миролюбиво:

— Думаю, Себя права. Нужно отойти, как можно дальше. А что до судьбы этих несчастных, — он патетически вздохнул, — некоторые вещи лучше не знать. — Не дожидаясь дальнейших вопросов, маг заторопился, произнес недовольно: — Ну что, так и будем стоять? Коль решили, нужно двигаться.

Мельком взглянув на карту, Зола забросил мешок на спину, засеменил в сторону скалы, забирая влево. Остальные двинулись следом, с опаской поглядывая по сторонам. Последним шагнул Дерн, лицо болотника казалось безмятежным, лишь глубоко в глазах, едва различимое, застыло сомнение.

Шли до тех пор, пока из воздуха не исчезли последние нотки зловония, но и после того, как пропало всякое упоминание о произошедшей неподалеку трагедии, наемники продолжали упорно двигаться дальше. По правую руку, невидимая, но от того, не менее осязаемая, вздымалась туша скалы, воспринимаемая краем зрения, как чудовищная клякса тьмы, слева замерла степь, в слабом отсвете звезд тускло поблескивая густым разнотравьем.

Месяц, в очередной раз, спрятался за облако, и отколовшиеся от скалы камни, в изобилии лежащие повсюду, растворившись во тьме, превратились в коварные ловушки.

В очередной раз, запнувшись, и едва не упав, Зола чертыхнулся, недовольно проворчал:

— Полагаю, мы удалились достаточно, чтобы не бояться неожиданного нападения. Предлагаю дождаться утра здесь, или я останусь без ног, а вы без проводника.

Возражений не последовало. Один — за одним, путешественники устроились на ночлег, Дерн с Шестерней опустились прямо на землю, Мычка завернулся в плащ, лишь подземница некоторое время сновала невидимой тенью, исчезая, и вновь появляясь из тьмы, устанавливала предупреждающие ловушки, но вскоре, улеглась и она. Прошло совсем немного времени, и над лагерем повисла тишина, нарушаемая лишь дыханием спящих.

Полежав немного, Зола поднял голову, осмотрелся. Рядом, разбросав руки в стороны, похрапывает Шестерня, поодаль, прислонившись к камню, дремлет Дерн, руки удерживают котомку, Зола покачал головой, даже во сне болотник оберегает зелья. Мычка и Себя лежат напротив друг друга, оба с головами завернуты в плащи, почти неотличимые от разбросанных тут же глыб.

Зола рывком сел. В голове, не давая заснуть, теснятся мысли, вновь и вновь возвращаясь к одному. Мгновение поразмыслив, маг решительно встал, забросил мешок за плечо и, более не медля, зашагал в обратном направлении. Когда похрустывание камушков под ногами затихло, один из спящих шевельнулся, мягко откинулся плащ, изящная фигурка легко вскочила на ноги, крадучись двинулась следом.

Зола, сперва опасался, что придется плутать во тьме, вновь отыскивая место, но вновь выглянул месяц, и маг бодро зашагал вперед, придерживаясь скалы и легко обходя камни. Когда ноздрей коснулся запах разложения, Зола ускорил шаг, подстегиваемый нетерпением. Занятый поиском магических возмущений, в прошлый раз, он не успел толком осмотреть место, и теперь, стремился наверстать упущенное.

Нога провалилась в яму, Зола остановился, осматриваясь. Место ничуть не изменилось, лишь запах стал, как будто, еще сильнее. Подосадовав, что рядом нет ручья, или хотя бы лужи, маг сбросил балахон, с тяжелым вздохом приступил к поискам. Ноги по колено погрузились в зловонную кашу из разлагающихся останков, а немногим позже, Зола с отвращением ощутил, что с головы до ног покрыт липкой мерзостью, в которой копошились сонмища червей и личинок.

Переползая от одного мертвеца к другому, маг с упорством отыскивающего сокровища пещерника рылся в грязи. Зловоние забивало ноздри, голова раскалывалась от удушья, а позывы к рвоте подкатывали один за другим. Несколько раз Зола почти терял сознание, но, сжимая зубы, продолжал поиски. Наконец, усилия оказались вознаграждены. За пазухой одного из воинов, судя по вооружению, далеко не простого солдата, обнаружился сверток.

Боясь поверить в удачу, Зола извлек сверток, отряхнув ладони, бережно развернул. Сердце застучало сильнее, а руки задрожали, когда перед глазами возникла россыпь знакомых символов. Карта воина оказалась значительно менее подробной, большая часть ориентиров отсутствовало, но места нанесения символов совпадали. Выбравшись из ямы с останками, маг, как был, на четвереньках, подскочил к мешку, порывшись, выбрал свою карту, развернул...

Ушей коснулся негромкий шорох. Увлеченный сравнением, Зола не сразу обратил внимание, а когда отвлекся, к шороху добавилось угрожающее рычание. Недоуменно обернувшись, в пылу работы мысли о безопасности отступили на дальний план, Зола

вздрогнул. В десятке шагов, за спиной, крошечным сгустком тьмы застыло нечто. Прищурившись, маг различил контуры тела существа, а мгновением позже, и остальное: мигнув, протаяли кровавые бусины глаз, заблестела зубами-кинжалами пасть. Рука невольно потянулась к посоху, но нащупала пустоту.

ГЛАВА 7

Скосив глаза, Зола ощутил, как внутри разливается холод, посох остался далеко в стороне. С усилием заглушив волнение, мысли понеслись галопом, а сердце застучало сильнее, маг замедленно встал, глубоко вздохнул, уравнивая магические потоки внутри тела. Отсутствие оружия не являлось критическим, но налагало определенные ограничения. Зола размял руки, напряжился, ощущая, как по мышцам знакомо разбежались мурашки, но едва пальцы засветились, закручивая магические вихри в тугий узел, зверь зарычал громче, прыгнул, разом преодолев половину расстояния. В свете разгорающегося заклятья косматая шерсть заблестала сталью, зверь припал к земле, напряжился, готовясь к прыжку.

Удар, скрученные, как пережатая пружина, спирали энергии выплескиваются всепоглощающим пламенем, в огненном вихре мгновенно вспыхивают и сгорают мириады частиц, на пути режущего смерча не уцелеет ни что. После знакомства со стихийной мощью от любого живого существа останется лишь пепел, что рассыплется от малейшего дуновения, стирая малейшую память о былом хозяине.

Огненный смерч опал, улеглись созданные магическим возмущением воздушные воронки. Сморгнув, Зола воззрился на противника, и сердце болезненно защемило. Существо не только не сгнуло, но лишь взъярилось. Способное расплавить металл, пламя, лишь слегка опалило шерсть. С дрожью в руках маг начал плести новое заклятие, понимая, что уже не успеет, слишком много сил вложил в первый удар, слишком долго медлил, плененный иллюзией собственного могущества.

Зверь прыгнул. Руки продолжают плести заклятье, мозг работает на пределе сил, на ходу перестраивая магические формулы, укорачивая, изменяя, пытаясь, хотя бы на доли секунды, ускорить отработанный годами процесс, но внутри разливается холодное понимание — не успеть. Оскаленная пасть приближается к горлу, миг, и могучие челюсти сомкнутся, рванут, кроша хрящи, дробя кости и превращая, еще живую плоть, в сочащийся кровью фарш.

На мгновение, глаза зверя и человека встречаются, исполненные превосходства от предвкушения неминуемой победы, и потускневшие в предчувствии смерти, что сейчас смотрит из глазниц зверя. Удар. В грудь бьет тяжелым, незаконченное заклятие гаснет, рассыпается тусклыми искрами, а вставшая на дыбы земля бьет в спину с такой силой, что прерывается дыхание.

Перед глазами далекие точки звезд, тела нет, вернее, нет того, привычного, есть лишь боль и какое-то смутное ощущение неудобства. словно, после смерти прошло еще недостаточно времени, и дух не успел окончательно сбросить оковы плоти. Сознание вернулось рывком. Дернувшись всем телом, Зола закашлялся, попытался пошевелиться, но

не смог, сверху навалился, не давая вздохнуть, зверь, грудь и руки в горячей крови, что толчками выплескивается из ран, с каждой каплей унося частичку жизни.

Зола прислушался к себе, с удивлением отмечая, что сердце, по-прежнему, бьется ровно, а конечности, несмотря на чудовищную кровопотерю, не онемели. Руки зашарили по телу, ощупывая, но кроме мелких зудящих ссадин, ничего не нашли. Вспыхнула запоздалая радость. Неужели он все-таки успел! Несмотря на нехватку времени и отсутствие оружия сотворил заклятье в полубессознательном состоянии, умудрившись сложить новую формулу, сродни тем, что изобретают великие маги, посвящающие годы и годы жизни теоретическим основам мастерства.

Звезды померкли, сверху, с трудом различимый, возник человеческий силуэт, несколько мгновений стоял недвижимо, затем исчез, до слуха донеслось негромкое:

— Не двигайся, сейчас помогу.

Небо обрушилось, раздавив словно мошку, собственное величие, достигшее невиданных высот, низринулось, обратившись пустыми мечтами, он узнал голос подземницы. Захрустели камушки, зверь шевельнулся, и давящая тяжесть исчезла. Хватая воздух ртом, как выброшенная на берег рыба, Зола освобождено задышал, с трудом сел, сдерживая стон, тело болело так, словно при падении он отбил все внутренности.

Покосившись на Себя, маг прохрипел:

— Откуда ты здесь?

— Ты слишком громко ходишь. — Подземница производила с животным некие манипуляции и отвечала резко, без обычной кротости.

Зола помялся, сказал натянуто бодро:

— Похоже, я должен поблагодарить тебя. Ведь это ты... — он запнулся, — спасла мне жизнь. Хотя, как любит говорить Шестерня, секиру Прародителя мне в печень, не понимаю, почему не сработало заклинание.

Себя указала рукой на шею существа, где, обрамленный пышным мехом, тускло сверкал ошейник, сказала просто:

— Защитное заклятье. Подземники всегда надевают такие ошейники на своих псов. Ведь у нас очень развита магия.

Желая рассмотреть поближе, Зола взялся за ошейник, но в это мгновение, пес резко дернулся. Охнув, маг отпрыгнул в сторону, спросил с опаской:

— Так он жив?

— Конечно, — Себя невольно улыбнулась испугу спутника. — Ведь не думаешь же ты, что можно остановить такую тушу обычной метательной звездой?

Приглядевшись, маг заметил, что девушка держит в руке блестящий металлический диск с острыми краями-гранями, на лезвиях пролегли глубокие канавки, заполненные темной субстанцией. Зола с холодком ощутил — дрогнул у подземницы рука, вместо пса, парализованный неизвестным ядом, на земле мог лежать кто-то другой.

— Что ж, благодарю еще раз, — с подчеркнутым достоинством произнес маг.

Не обратив внимания на его слова, Себя сказала:

— Если ты закончил, предлагаю двигаться, солнце скоро взойдет. И было бы не плохо, стереть отвратительную гадость, что покрывает тебя с ног до головы, — она усмехнулась, — прежде, чем надумаешь одеться.

Вспомнив, что из одежды на нем лишь набедренная повязка, Зола смутился, отступил, зачерпнув пыли, принялся вытираться, сперва, осторожно, а потом все более яростно.

Покосившись на мага, что с остервенением драл кожу ногтями, Себя отвернулась, сумрак не представлял для ее глаз, привыкших к тьме подземелий, преграды, и она замедленно двинулась по широкой дуге, всматриваясь в останки и гадая, что же в действительности произошло здесь пару дней назад.

Вскоре, раздалось негромкое покашливание, Зола приблизился, с удовлетворением пробормотал:

— Не скажу, что чист, как после бани, но уже гораздо лучше.

От мага разило так, что рядом было тошно стоять, но Себя промолчала, чтобы не расстраивать спутника, сделав приглашающий жест, двинулась в обратный путь. Зола, сперва, шел позади, затем догнал, засеменял рядом, посопев, произнес отстраненно:

— Честно говоря, не ожидал, что там будет что-то живое.

Судя по смущению, время от времени, прорывающемуся через маску безразличия, спутник, по-прежнему, чувствовал себя виноватым. Улыбнувшись, Себя ответила:

— После боя пес остался в живых, и, приученный к послушанию, не ушел с могилы хозяина.

Обрадовавшись поддержанию разговора, Зола живо поинтересовался:

— В таком случае, почему он не напал, когда мы проходили раньше?

Себя пожала плечами:

— У него не было шансов. — Заметив недоуменный взгляд, пояснила: — В пещерах не настолько много места, чтобы выращивать собак стаями, каждое животное необычайно ценно, поэтому, чтобы увеличить выживаемость в бою, много времени отводится на дрессировку. Этой же цели служат и ошейники, ведь подземники в большинстве своем владеют магией.

Вспомнив мага, что едва не уничтожил весь их отряд на выходе из владений подземников, Зола передернул плечами, сказал уважительно:

— До этого, я особо не интересовался вашей расой, но, думаю, этот пробел нужно восполнить, как можно быстрее. Как-нибудь, на привале, если не сочтешь за труд ответить на некоторые вопросы, я с удовольствием побеседую на эту тему.

Себя улыбнулась, кивнула, и они зашагали дальше, чувствуя, как в прохладных до того отношениях, зарождается искра взаимопонимания. Когда вернулись в лагерь, на востоке уже зародилась светлая полоска. Обессиленный, Зола замедленно опустил на землю, пристроил под голову мешок, и мгновенно провалился в глубокий сон. Прежде чем лечь, Себя обошла лагерь, проверяя, на месте ли ловушки, после чего, завернувшись в плащ, прилегла на прежнее место.

— Вставай, чего разлегся!

Зола с трудом продрал глаза, веки никак не хотели подниматься, словно, к каждому прицепили по мешочку с песком, взглянул осоловело. Вверху, сияя, словно начищенная монета, обозначилось лицо Шестерни. Чувствуя себя полностью разбитым, маг скривился, спросил угрюмо:

— Не рано?

— Кто долго спит, тот мало ест, — хохотнул Шестерня. — Просыпайся, одного тебя ждем.

Зола с трудом распрямился, в пояснице неприятно хрустнуло, повел руками, разгоняя застоявшуюся за ночь кровь. Ноздрей коснулся аромат жареного мяса, а слух уловил негромкое потрескивание. Разом, ощутив лютый голод, маг повернулся, двинулся к костру,

где в полном составе уже сидели товарищи, присел тут же на камень.

У огня, на колышках подрумянивались розовые кусочки. Не дожидаясь, пока мясо приобретет насыщенный коричневый цвет, Зола выдернул одну из палочек, с жадностью впился зубами в мясо. На него косились, посмеивались. Закончив с завтраком, засыпали угли землей, принялись раскладывать остатки завтрака по заплечным мешкам. Зола в сборах не участвовал, чертя прутиком в пыли какие-то символы, он, то и дело, бросал быстрые взоры на карту, разложенную прямо на земле и для удобства придавленную камушками.

Неслышно подошел Мычка, долго смотрел на карту, после чего, осторожно произнес:

— Я ошибаюсь, или последние несколько дней мы идем от одной пометки к другой?

Зола покосился на вершинника с неудовольствием, но ответил:

— Ты не ошибаешься.

— В таком случае, удобнее будет построить путь так, чтобы... — он на мгновение задумался, после чего, принялся чертить в пыли схему, напоминающую изображение карты, но в сильном упрощении.

Маг, сперва, смотрел с неодобрением, но, по мере продвижения работы, его лицо разглаживалось. Рисунок Мычки изобилдовал пометками и уточнениями, отсутствующими на карте, что в значительной степени могли упростить дорогу. Заинтересовавшись, вскоре подошли и остальные, расположились полукругом, наблюдая.

Когда вершинник закончил, Дерн взял у него из руки веточку, сделал несколько пометок, после чего, кивнул, сказал одобрительно:

— Примерно так это и выглядит, только... — он поднял голову, пристально взглянул на Зола, — ты уверен, что хочешь продолжать поиски? Кроме обугленной земли и множества убитых, мы пока не обнаружили ничего интересного.

Глядя, как на лице мага появляется упрямое выражение, Мычка сказал поспешно:

— К тому же, не лучше ли будет, сперва, дойти до города, до него осталось не так много, если напрямую, достать какое-нибудь передвижное средство, и уже после, если ты к тому времени не передумаешь, продолжить поиски со всеми удобствами?

— К тому же, это будет гораздо быстрее, — осторожно добавила Себя. — Пешком мы движемся чересчур медленно.

Зола неожиданно поддержал Шестерня. Подняв глаза к небу, пещерник мечтательно произнес:

— А меня все устраивает. За последние пару дней, я в таком выигрыше, в каком не был за иной месяц, — он коснулся притороченного к поясу мешочка, где мелодично звякнуло. — Еще неделя — другая, и вместо того, чтобы наниматься в одну из многочисленных гильдий, где прижимистые хозяева дерут три шкуры, я смогу организовать собственное дело.

Зола помолчал, собираясь с мыслями, сказал замедленно:

— Я понимаю ваше беспокойство. Последние дни не назовешь спокойными, да и идти неведомо куда, непонятно зачем.... Но, я уверен, награда не заставит себя ждать, в ближайшие дни мы, наверняка, отыщем искомое! — Глядя, как товарищи отводят глаза, и недоверчиво качают головами, добавил вымученно: — Ну, хорошо, хорошо. Двинемся напрямик к городу. Разве только, заглянем в пару-тройку мест.

— Что ж, если это не отнимет много времени... — Мычка развел руками.

— Нет, нет, несколько. Наоборот, внесет разнообразие в утомительное путешествие. Чтобы не терять время, отправимся прямо сейчас, а в качестве маршрута используем нарисованную тобой схему, надо признаться, она очень удачна.

Польщенный, Мычка улыбнулся, а Дерн, лишь покачал головой, расточающий комплименты Зола пугал больше, чем отряд вооруженных грабителей, оставалось, лишь надеяться, что удача, благоприятствующая путешественникам до сих пор, не отвернется и в будущем, позволив добраться до города без особых приключений.

Одинокая скала осталась позади, но еще долго, мельком обернувшись, можно было видеть угрожающе взметнувшийся в небо черный шпиль. Стали чаще попадаться небольшие группки деревьев. Группки сливались в рощицы, где отбрасываемая кронами густая тень давала укрытие от палящих лучей солнца, рощицы образовывали лесочки, с настоящей лесной прохладой, насыщенной запахами грибов и ягод, но затем, вновь начиналась степь.

На этот раз, отряд возглавлял вершинник. Мычка шел уверенно, лишь изредка замедляя шаг, поглядывал вокруг, сверяясь с одному ему, видимыми ориентирами, делал небольшую поправку и, не останавливаясь, двигался дальше. Зола косился на Мычку, подозревая подвох, но, хотя, уверенный вид вершинника успокаивал, порой, подозрительность брала верх, маг извлекал из мешка карту, долго вглядывался, мучительно пытаюсь понять, в какой именно точке сейчас находится отряд, но, так толком и не разобравшись, прятал назад, шел дальше, хмуро поглядывая на товарищей.

Когда солнце уже клонилось к западу, Мычка внезапно остановился, предостерегающе поднял руку. Спутники мгновенно напряглись, завертели головами, высматривая предполагаемую опасность. Зола некоторое время смотрел по сторонам, наконец, сказал недовольно:

— Я ничего не вижу.

— И я, — поддакнул Шестерня.

— Да, и я тоже. — Себя повернулась к Мычке, спросила мягко: — Ты не ошибся?

— А вы ни чего и не увидите, — вершинник пожал плечами.

— Тогда в чем дело? — Дерн вопросительно поднял бровь.

Вершинник сказал терпеливо, словно объясняя маленьким детям:

— Если чего-то не видно, не означает, что ничего нет. Принюхайтесь.

Едва он закончил, все разом втянули воздух. Сквозь приторный запах пыльцы и аромат нектара явственно ощущался дымный след. На лицах обозначилась тревога, лишь Зола улыбнулся, не в силах скрыть радость, принюхался. Глядя на безуспешные попытки мага взять направление, Дерн покачал головой, сказал задумчиво:

— Мне кажется, этот запах будет преследовать нас еще долго.

Шестерня потер руки, произнес с подъемом:

— Это запах.... У меня уже руки чешутся избавить несчастных мертвецов от сокровищ. Кто понял, откуда доносится запах — ведите, пока более шустрые, да удачливые не поспели раньше.

Мычка пожал плечами, двинулся в сторону недалекой рощи. Остальные устремились следом, на ходу готовясь к возможным неприятностям: Шестерня вытащил секиру, Себя проверила, хорошо ли выходит кинжал, Дерн поправил пояс, передвинув кистень ближе к руке, лишь, Зола не проявил видимых признаков настороженности, чем несколько не удивил товарищей, не понаслышке знающих, какой убийственной мощью могут обернуться руки мага, сейчас болтающиеся бессильными плетями.

Роща приблизилась, до того цельное зеленое пятно протаяло оттенками, разбилось на отдельные деревья. Запах стал ощутимо сильнее. Наемники напряглись, готовые в любой момент отразить нападение. Чем ближе подходили к роще, тем больше хмурился Мычка.

Себя мягко приблизилась к спутнику, спросила чуть слышно:

— Опасность, где?

Не отрывая взгляда от деревьев, вершинник прошептал:

— Прислушайся.

Подземница послушно прикрыла глаза, ее уши шевельнулись, улавливая отголоски леса.

Мгновением позже она откликнулась:

— Я ничего не слышу!

Не обратив внимания на восклицание, вершинник продолжил:

— Пение птиц, гудение насекомых, ничего этого нет, даже ветер, как будто притих.

Себя ощутила, как по телу разбежались мурашки. Для пещер тишина естественна, опасность таят звуки, она и представить не могла, что где-то бывает наоборот. Растянувшись цепью, вошли в рощицу, протяженная в длину, по ширине она оказалась невелика, и за стволами деревьев, вскоре, забрезжили просветы.

Наемники вздохнули с облегчением. Несмотря на готовность к бою, драться никому не хотелось, тем более, прошедший день показал — по равнине рыскают отряды такой численности и мощи, перед которыми меркнет весь опыт и мастерство их небольшой группы. Уже без всякой опаски наемники вышли за пределы рощи и застыли.

За деревьями, почти касаясь краем корней, чернеет идеально круглая проплешина, спекшаяся от страшного жара, еще не успевшая остыть, земляная корка негромко потрескивает, от превратившейся в пепел травы тянет гарью. Но не это приковало взгляды. Посреди выгоревшего пятна лежит обнаженный человек, бледная, не тронутая солнцем кожа покраснела от жара, волосы наполовину выгорели, на лице застыло напряженное выражение. Несколько мгновений ничего не происходило, наконец, незнакомец вздрогнул и открыл глаза.

ГЛАВА 8

Шестерня изумленно крикнул, сделал движение шагнуть к незнакомцу, но ему на руку легли изящные пальцы, с силой сдавили запястье, принуждая остановиться. Пещерник повернул голову, с удивлением воззрился на Себию. Подземница покачала головой, сказала насторожено:

— Не торопись, это может оказаться ловушкой.

— Какая может быть ловушка в выжженном пятне? — Шестерня недоверчиво улыбнулся, но поднятую для шага ногу вернул назад.

Не отводя взгляда от пышущего жаром пятна земли, еще курящегося дымками, Себя сказала сквозь зубы:

— Подземники, чьи останки мы встретили прошлой ночью, тоже не видели опасности.

Зола подошел вплотную к границе, где заканчивалась трава и начиналась почерневшая корка, прикрыв глаза, постоял, покачиваясь, словно в трансе, его руки задвигались, распространяя слабое сияние. Закончив, маг открыл глаза, заметив на себе пытливые взгляды, произнес:

— Я не обнаружил магических ловушек. Есть кое-какие остаточные возмущения, но это к делу не относится.

— В таком случае, мы можем идти? — недоверчиво поинтересовался Мычка.

Зола поморщился, произнес едко:

— Я сказал, магических ловушек. Вполне возможно, под нами развернется почва, или из-под земли выскочит какое-нибудь агрессивное существо, таким образом, приманивающее путников. Но все это из области фантазий завсегдатаев корчмы, по этому... — он с силой стукнул посохом в землю, взбив фонтанчик черной пыли, шагнул следом.

Спутники разом вздрогнули, застыли, в ожидании чего-то ужасного. Но мгновения шли, ничего не происходило. Махнув рукой, с обреченным видом в пятно шагнул Шестерня, за ним одновременно двинулись Дерн и Себя, последним, с явной неохотой, пошел Мычка.

С опаской подступили к незнакомцу, остановились, всматриваясь. Раскинув конечности, человек лежит в прежней позе, грудь тяжело вздымается, глаза невидяще смотрят в небо, белая, не видевшая солнца кожа в местах соприкосновения с землей покраснела, вздулась пузырями, но на лице человека отрешение, ожоги не причиняют страданий, не в силах пробиться болевыми позывами в затуманенный разум.

Дерн опустил на колени, пальцы привычно забегали по коже, отыскивая на теле незнакомца скрытые от глаз повреждения. Глядя на манипуляции болотника, Шестерня покрутил головой, произнес в раздумии:

— Кто ж его так обчистил, что даже портки сняли?

— Гораздо интереснее, почему он не сгорел дотла, здесь даже земля спеклась от жара! — Себя покачала головой.

— Возможно, защитная магия... — пробормотал Зола вполголоса. — Но я бы почувствовал!

— Вам только это кажется странным? — произнес Мычка негромко, но с такой интонацией, что на него разом посмотрели.

Вершинник молча мотнул головой, указывая куда-то позади себя. Товарищи мгновенно развернулись, зашарили взглядами, отыскивая опасность. Ничего не обнаружив, вновь вопросительно воззрились на Мычку. Зола недовольно буркнул:

— Чем загадки загадывать, сказал бы прямо.

Раздраженный непонятливостью спутников, вершинник коротко бросил:

— Следы!

Все вновь повернулись назад, на этот раз, глядя на землю. Образовавшаяся после пожара тонкая земляная корка, оказалась настолько хрупкой, что за каждым от края проплешины тянулась четкая цепочка следов, обрываясь под ногами. Больше никаких следов на выжженной полянке не оказалось.

Шестерня взъерошил бороду, разряжая напряженную тишину, сказал со смешком:

— А может, он умеет двигаться, не оставляя следов?

Дерн, успевший к этому времени закончить осмотр, осторожно приподнял ногу незнакомца, на черной поверхности четко отпечатался след ноги, сказал с нажимом:

— Предлагаю отложить выяснения, а пока дать ему какие-нибудь тряпки и продолжить путь.

— Боишься, замерзнет? — Мычка скептически оглядел незнакомца.

— Боюсь, в таком виде он привлечет к нам ненужное внимание, — отрезал Дерн.

— К нам? — Мычка выглядел ошарашено. — Ты собираешься взять его с собой? Но

зачем? Мы не знаем, кто он, откуда, как тут очутился. Быть может, это ловушка?

Остальные кивали в такт словам, неодобрительно поглядывая на болотника. Дерн нахмурился, ответил с нажимом, пресекая дальнейшие пререкания:

— Если мы оставим его здесь, он умрет. К тому же, Зола, наверняка, захочет задать ряд вопросов. Да и остальные, думаю, не откажутся узнать, что здесь произошло.

Зола пожевал губами, сказал с расстановкой:

— Не думаю, что этот человек, кто бы он ни был, знает что-то действительно важное, но, если тебе так хочется...

— Сможет ли он идти? — с сомнением произнесла Себя, взглянув на незнакомца, что по-прежнему, лежал недвижимо, вперив в небо невидящий взор. — Тащить на себе беспомощного мужчину, пусть даже очень ценного, будет не совсем удобно.

— А по мне, так пусть его, — Шестерня махнул рукой. — Больше народу — веселей дорога. Хотя, тащить его на собственном горбу я бы не хотел.

Дерн снял с плеч котомку, пошарив внутри, извлек один из горшочков, осторожно, стараясь не повредить, потянул пробку. Звучно чпокнуло, потянуло чем-то гадостным. Не обращая внимания на проявившиеся на лицах спутников гримасы отвращения, Дерн разжал незнакомцу челюсти и влил в рот немного зелья.

Мычка поморщился, помимо мощной целебной силы, зелья болотника отличались преотвратным вкусом, мало кто, не находясь при смерти, отважился бы принимать их по собственной воле. Сперва, ничего не происходило. Болотник сидел недвижимо, изредка поглядывая на подопечного. Но вскоре, действие лекарства начало проявляться. По телу незнакомца пробежала судорога, кожа на груди и плечах пошла пятнами, а пальцы заскребли землю.

Наемники с интересом следили, как, бледное до того, лицо мужчины порозовело, а взгляд обрел осмысленность. Оперевшись на руки, он привстал, замедленно осмотрелся, на лице отразилась сосредоточенность, словно, незнакомец что-то усиленно пытался вспомнить. Когда его взгляд упал на Дерна, мужчина заметно вздрогнул, пугливо оглянулся, словно, только сейчас заметил обступивших наемников.

Шестерня похлопал незнакомца по плечу, сказал бодро:

— Ну, вот и ожил. Где портки потерял-то?

— Ты лучше скажи, откуда возникло это горелое пятно, — поинтересовался Зола, — о портках после поговорим.

— И кто твои противники? — добавила Себя. — Ведь не по собственной же воле ты остался без вещей.

Незнакомец молча переводил взгляд с одного вопрошающего на другого, на его лице застыло странное выражение. Мычка прищурился, спросил недобро:

— Не хочешь говорить, или не можешь? — Взглянув на товарищей, добавил: — Похоже, мы лишь теряем время.

Дерн, что до этого сидел недвижимо, неотрывно всматриваясь в лицо незнакомца, шевельнулся, сказал негромко:

— Он нас не понимает.

Словно в подтверждение его слов, мужчина произнес несколько фраз на незнакомом языке, замолчал, следя за реакцией, повторил еще раз. Прислушиваясь к звукам непривычного наречия, наемники переглядывались, но лишь, разводили руками. Каждый в своих путешествиях сталкивался с чужаками, подчас, приходилось общаться не один день,

привыкая к необычному произношению, но везде, даже в самых отдаленных деревушках, прослеживалось сходство языков. Воспроизводимые незнакомцем звуки отличались от всего слышанного ранее настолько, что разум отказывался воспринимать услышанное, как язык. Мелодичные переливы и присвисты больше напоминали щебетание птиц и стрекот кузнечиков, чем нечто осмысленное.

Один за другим, наемники пожимали плечами, прекращая пустые попытки понять незнакомца. Последним сдался Зола, покачав головой, он сумрачно изрек:

— Я знаю немало наречий, но с таким сталкиваюсь впервые.

Себя с подозрением взглянула на мужчину, что, осознав тщетность своих усилий, наконец, замолчал, и сидел, ссутулившись, сказала зловеще:

— А может...

— Полагаешь, он нас дурачит? — перебил Мычка, по лицу девушки догадавшись о ее мыслях.

— А может, у него от Дернова пошла — ум за разум зашел? — хохотнул Шестерня. — Помню, я тоже как-то хлебнул, попутал склянки. Потом два дня говорить толком не мог, так рожу перекосило.

Дерн хмуро взглянул на пещерника, сказал веско:

— Все может быть. Но его мы возьмем с собой, в любом случае. Шестерня, поройся в заплечнике, у тебя, наверняка, припасена пара-другая чистого белья, выдай этому срам прикрыть.

Шестерня скривился, словно хлебнул уксусу, спросил враждебно:

— А чего сразу Шестерня? Пещерники, отродясь, запасного не носили.

Недовольно ворча, пещерник извлек из заплечного мешка сложенные вчетверо штаны, сверху положил холщовую безрукавку. Глядя на него, потянулся к своему мешку Мычка, долго рылся, и вскоре, к одежде добавились новенькие охотничьи сапоги. Обнаружив возле себя ворох одежды, незнакомец деловито осмотрел вещи, благодарно улыбнувшись, быстро облачился. Штаны оказались коротковаты, рубашка, наоборот, висела мешком, но сапоги пришлись впору. Оценив результат и удовлетворившись увиденным, Дерн поднял с земли котомку, и уже было, двинулся прочь, но встревоженный голос Себии заставил замереть.

— Смотрите, что это?

Рука девушки поднялась, указывая в небо. Задрав головы, спутники воззрились в указанном направлении. Сперва, ничего не удавалось разглядеть в пронзительной синеве, но вот, взгляд ухватил едва заметную в дрожащем мареве точку, что, то исчезает, то вновь проявляется, мельчайшая соринка в безграничном воздушном океане, впился, словно пес в добычу, повел, не отпуская ни на миг. Точка начала увеличиваться, обрастать деталями, следом появилась еще одна, и еще.

— Мне кажется, или это...

Шестерня не договорил, по ушам резанул крик вершинника:

— Под защиту деревьев, живет!

Не сговариваясь, наемники рванули в сторону рощи. Неожиданный спутник побежал вместе с остальными, Дерн крепко держал его за руку, увлекая за собой. В заросли вломились, словно стадо лосей, разметав попавшийся под ноги мелкий кустарник, пронеслись в глубину, остановились, шумно переводя дыхание. Мычка насторожился, вскинул руку. В наступившей тишине слуха коснулось негромкое гудение, усилилось. Над

деревьями скользнула тень, посыпались мелкие листочки.

Привлекая внимание, Себя махнула рукой, указала в направлении, откуда, только что прибежали. В просветах между деревьями маячило пятно проплешины. Сперва, ничего не происходило, но вот мелькнуло темное, с небес мягко опустилась ладья, зависла, не касаясь земли. Воздух прорезали белые росчерки веревок, по ним с паучьей ловкостью заскользили люди. С замиранием сердца наемники следили, как люди перемещаются с места на место, словно суетливые муравьи, едва не носом исследуя обгорелое пятно.

Слышимый все это время гул усилился, неподалеку, на почтительном расстоянии, возникла еще одна ладья. Среди людей появился один, выделяющийся дорогой одеждой и властными движениями. Мужчина нетерпеливо вышагивал взад вперед, то и дело, отдавая неслышимые команды, порой, поворачивал голову и внимательно смотрел в сторону деревьев, в это время, наемники замирали в нехорошем предчувствии.

Когда неизвестный, в очередной раз, повернулся к роще, после чего, решительным жестом подозвал одного из помощников, Шестерня надсадно крикнул, сказал зло:

— Секиру мне в печень, если он сейчас не отправит ребят прочесать рощу.

Мычка скрипнул зубами, отозвался сердито:

— Ты б меньше каркал.

— Каркай, не каркай, а драться придется, — пробурчал пещерник, вытаскивая секиру из петли. Когда топорище удобно легло в руку, Шестерня вдруг покосился на нового спутника, сказал с подозрением: — А не его ли, часом, разыскивают?

Дерн, искоса наблюдавший за выражением лица незнакомца, сказал в раздумье:

— Может и так, но что-то мне подсказывает — лучше нам его не отдавать.

— А чего? — лицо пещерника озарилось догадкой. — Выдадим, получим барыш. Вишь, как стараются, носами землю роют. Не иначе, важная шишка, или из знати кто.

Себя произнесла отстраненно:

— В качестве награды они нас убьют. Возможно, не сразу, возможно, мучительно. Никто не будет платить, если можно не платить.

— В нашу сторону направляется отряд, — сдавленным голосом сообщил Мычка.

Разговоры прекратились. Взгляды впились в группу воинов, приближающихся к роще. Не доходя до деревьев, воины рассыпались цепью, обнажив оружие — короткие обоюдоострые клинки, прикрылись небольшими круглыми щитами. Дерн ощутил, как неприятно заныло под ложечкой: воины выглядят настороженными, но идут неторопливо, в движениях нет спешки, так характерной для неопытных новобранцев, такое он уже видел, когда отряд отборной городской гвардии двигался по пылающему городу, уничтожая мародеров, гвардейцы прошли, оставив за собой кровавый след из разрубленных тел и вывалившихся внутренностей.

Передернув плечами, воспоминания пришли не к месту, болотник снял котомку, осторожно пристроил в корнях дерева, нехотя вытащил кистень. Воины продолжали надвигаться, сперва, небольшие, словно детские деревянные фигурки, они постепенно росли, увеличивались, вскоре, послышалось похрустывание веточек под ногами, а ветерок донес запах крепкого мужского пота.

Слева, яростно засопел Шестерня, справа, заскрипел тетивой Мычка, обнажив кинжал, застыла в напряженной позе Себя, ощутив неладное, напрягся незнакомец, лишь Зола, по-прежнему, стоял недвижимо, о чем-то напряженно размышляя, придет время, и маг взорвется фонтаном всесокрушающей силы, но пока, нет прямой угрозы, происходящее

вокруг не стоит особого внимания.

Шорох листвы под ногами все ближе, сухо поскрипывает кожа доспехов, выдубленная до жесткости дерева, воины совсем рядом, идут, не замечая притаившихся врагов. А может, это лишь видимость, и цели давно распределены? Мгновение, и, повинуясь незаметному знаку, каждый бросится к своей жертве, в точности исполняя отданный заранее приказ.

ГЛАВА 9

Тела немеют от неподвижности, переполненные напряжением мышцы готовы взорваться, сметая смертельным вихрем стали заслон из противников, миг, другой и польется кровь, обильно орошая жадную к влаге землю. Но что это? Далеко, за пределами рощи, раздается крик. Один из воинов, в роскошном доспехе и знаками отличия на грудном панцире, останавливается, замедленно поворачивается, прислушиваясь, остальные послушно замирают, ожидая команды. Крик доносится вновь, в голосе зовущего нетерпение. Вожак мгновение вслушивается. Короткий жест отмашки, и вот, уже воины торопливо двигаются назад, стремительно удаляясь от места, так и не состоявшегося, сражения.

Со скрипом разогнулся лук, Мычка спрятал ненужную более стрелу в колчан, выпуская ярость, с шумом выдохнул Шестерня, коротким жестом бросила клинок в ножны Себя, лишь Зола не пошевелился, словно, и не почувствовал вытягивающего душу, звенящего, словно натянутая струна, момента смертельно опасности.

Дерн проследил, как воины вышли из рощи, разбрелись по кораблям, а немного позже, и сами ладьи замедленно взмыли, исчезнув из поля зрения. Еще некоторое время слышался гулкий звук, после чего, наступила тишина. Шестерня вложил секиру в петлю, смахнул со лба пот тыльной стороной ладони, сказал хрипло:

— Сколько живу, от силы пяток разочков летающие ладьи видал, да и то, издали, а тут... — Он покачал головой, пробормотал сокрушенно: — Что-то в мире происходит неладное.

Себя поежилась, произнесла с испугом, к которому примешивался восторг:

— Когда я жила в пещерах, даже не думала, что такое возможно. Наверное, это незабываемое ощущение парить в небе, словно птица... — Заметив удивленные взгляды друзей, она оборвала себя на полуслове, враз посерьезнев, сказала: — Вы заметили, что все эти воины — вершинники, да что там воины, вообще все!

— Не заметили. Не до того было, — хмуро ответил Дерн.

— Мы там наследили столько, что и ребенок сможет без труда определить, сколько нас было и куда направились, — задумчиво произнес Мычка. — Непонятно, почему они не завершили поиски.

— Может и завершили, — буркнул Зола, что, наконец, вынырнул из размышлений. — Но, возможно, все гораздо сложнее, чем мне кажется, поэтому...

— Поэтому, пока они не вернулись, и не принялись разбираться со сложностями, нужно выдвигаться, — закончил за него Дерн. — И чем быстрее, тем лучше.

— А с этим что? — Мычка кивнул на спасенного, о котором уже успели забыть.

Мужчина стоял оперевшись плечом о дерево, с интересом вслушиваясь в разговор, хотя,

судя по отстраненному выражению лица, не понимал ни слова. Ощутив к себе внимание, он встрепенулся, взглянул вопросительно.

— Все остается в силе, — ответил болотник с нажимом. — Я не для того приводил его в чувство, чтобы оставить при первом намеке на опасность. Он идет с нами.

Пожав плечами, Мычка развернулся, зашагал в сторону обратную той, куда совсем недавно опускались удивительные корабли, и где чернело зловещее пятно выгоревшей земли. Остальные потянулись следом. Дождавшись, когда спутники уйдут вперед, болотник поднял с земли котомку, ободряюще похлопал нового спутника по плечу и, объяснив жестами, чтобы тот шел следом, зашагал за товарищами.

Остаток дня прошел без происшествий. Сперва, двигались вполсилы. Дерн, время от времени, косился на новообретенного спутника, опасаясь, что тот отстанет или, чего доброго, упадет без сил. Но незнакомец оказался, не в пример, вынослив, невысокий, плотного телосложения, он без остановки шагал вперед, не выказывая усталости. Болотник оглядывался все реже, а затем, и вовсе перестал, успокоившись относительно физической формы подопечного.

Остальные изредка посматривали на новичка, кто с интересом, а кто с недоверием. Не самый удачный наряд, поначалу казавшийся нелепым, вскоре примелькался, и взгляды наемников, если и обращались в сторону незнакомца, то задерживались в основном на лице, оставляя прочие элементы фигуры без внимания.

Спасенный оценивающих взглядов не замечал, а если и замечал, то не подавал виду. Сохраняя на лице доброжелательное выражение, он то и дело, вертел головой, с неподдельным интересом разглядывая совершенно непримечательные вещи: далекая рощица, причудливый куст, висящая в небе птица, на все он смотрел с каким-то детским любопытством. На него, сперва, косились настороженно, но вскоре, привыкли и перестали замечать, вспоминая лишь в моменты, когда, не в силах сдержать изумление, спасенный издавал восхищенный возглас, всматриваясь в какую-нибудь очередную непримечательную деталь ландшафта.

Пару раз, в отдалении, замечали точки воздушных судов, мелькающих высоко в небе на пределе зрения, но не обращали особого внимания, однако, после того, как один из кораблей вдруг подлетел ближе, и некоторое время, висел над головами, Мычка изменил тактику. Проводив взглядом уносящийся вдаль корабль, вершинник свернул к ближайшей группке деревьев, по мере продвижения на запад попадающихся все чаще, и отныне выбирал путь так, чтобы поблизости всегда находилась небольшая рощица, куда и отходил отряд, в случае появления незваных гостей.

Изгибы значительно удлиннили путь, порой, чтобы пройти мимо рощицы, приходилось делать изрядный крюк, а резкие броски под защиту деревьев усиливали недовольство, но спутники сдерживались, лишь сдавленно чертыхались, при очередном предупредительном окрике вершинника. Наконец, Шестерня остановился, сказал, с трудом сдерживая раздражение:

— Чем скакать по кустам, как зайцы, не лучше принять бой?

Переведя дух, Дерн поинтересовался:

— А ты помнишь, сколько их в одной такой лодочке?

— И сколько: десять, пятнадцать? — запальчиво воскликнул пещерник. — Да хоть двадцать! Неужто — не сдюжим, с нашим-то мастерством.

Мычка спросил с иронией:

— А если они, чем помощнее, шмальнут, не сходя на землю? Помнишь, давеча, какую громадину такие вот лодочки завалили?

В разговор вклинился Зола, прошептал, с трудом проталкивая слова через пересохшее горло:

— Не шмальнут. Регулярная армия не занимается уничтожением обычных путников. — Он помолчал, добавил рассудительно: — К тому же, каждый выстрел из такого оружия должен тянуть на приличную сумму, чтобы вот так, запросто, палить по каждому встречному — поперечному.

— Разве это была не магическая атака? — осторожно поинтересовалась Себя. — Я не знаю оружия, способного наносить удары такой мощи.

— Я тоже не знаю, — согласился Зола. — Но это не магия. Пока над городом шел бой, а некие наемники стояли, раззявив рты, я провел беглый анализ атмосферы и могу с уверенностью утверждать — это не магия. Что-то близкое, возможно, сходное в основах, но не магическое манипулирование.

С Золы, что становился неумеренно многословен, едва дело касалось магии, Мычка перевел взгляд на спасенного, скромно стоящего в сторонке, разглядывая ползущую по стволу дерева козявку. Сказал, не обращаясь ни к кому в отдельности:

— А вы заметили, что наш новый товарищ питает слабость к природе?

Сбитый с мысли, Зола поперхнулся, сказал с неудовольствием:

— А не все ли равно?

Мычка произнес задумчиво:

— Уделять столько внимания несущественным мелочам и не видеть намного более важного... Вы заметили, что он даже не поднимает головы, когда в небе появляется корабль?

— Может, ему не интересно, — пожал плечами Дерн. — Мало ли, какие у людей причуды.

— Или зрение слабое, — поддержала болотника Себя.

— Головой он ударился, вот и не обращает. И бабочками любителю от того же, — проворчал Зола.

Шестерня хохотнул, сказал с подъемом:

— А может, это от зелья, что ему Дерн влил? Вот помню...

Оборвав пещерника, Мычка сурово произнес:

— Передохнули — двигаем дальше.

Для ночлега облюбовали небольшую рощу. Под громадами древних дубов нашлось достаточно валежника, и вскоре, пламя уже вгрызалось в сухую древесину, весело потрескивая и отстреливая мелкими злыми искрами. Пока все собирали хворост, Мычка исчез, а когда вернулся, товарищи с удивлением заметили в его руках массивный шар. Судя по всему, ноша оказалась не легка, лицо вершинника побагровело от усилий, мышцы на руках вздулись. Остановившись возле костра, Мычка бросил шар, вздохнул с облегчением. При ударе о землю шар развернулся, оказавшись огромным броненосцем.

Спасенный, что до того бродил по лагерю с отрешенным видом, приблизился, с интересом уставился на броненосца. Когда Мычка приступил к разделке, тот вдруг, протянул руку, указывая на нож, что-то произнес на своем свистящем наречье. Вершинник помедлил, замедленно протянул нож. Незнакомец осторожно взял, подсел к броненосцу, некоторое время смотрел, затем коротким точным движением расплосковал тушку. Глядя, как новичок ловко управляется с тушкой, деловито снимает кожу и нарезает мясо аккуратными ломтями,

Мычка успокоился, похоже, их новый знакомый тяготился своим положением, и пытался быть хоть в чем-то полезным.

Себя, некоторое время, молча наблюдала за действиями незнакомца, после чего, подошла к Мычке, сказала негромко:

— Если ты доверяешь нож, не лучше ли снабдить его настоящим оружием? Полагаю, нам еще предстоят схватки, и руки лишними не будут.

Мычка задумчиво покивал, отошел в сторону, но немногим позже, когда нарезанное ломтями мясо нанизали на палочки, что, в свою очередь, воткнули в землю возле пламени, взял незнакомца за руку, отвел в сторонку. Остальные искоса наблюдали за его действиями. Мычка вытащил мечи, один, развернув рукоятью, протянул напарнику. Тот осторожно взял оружие, повертел в руках, взмахнул раз, другой.

Глядя, как незнакомец размахивает мечом, Себя поморщилась, сказала с досадой:

— Похоже, его не интересуют не только летающие корабли, но и оружие.

Шестерня громко сглотнул, от поджаривающейся дичи шел такой дух, что он с трудом сдерживался, чтобы не начать пожирать еще сырое мясо, сказал ободряюще:

— Не переживай. Вот он сейчас прикидываться перестанет, и Мычку с одного удара раз!..

Звякнуло, мимо, опасно сверкнув в отблесках огня, пролетел меч, воткнулся неподалеку в землю. Пещерник повернул голову, взглянул на Мычку, что, опустив меч, стоял с хмурым видом, затем перевел на незнакомца, тот с виноватой улыбкой разводил руками, всем видом показывая, что сделал это не специально.

— С одного удара, говоришь... — Себя досадливо сплюнула, отвернувшись.

Шестерня взъерошил бороду, пробормотал обескуражено:

— Что ж поделать, не уродился человек воином. — Помолчал, добавил без особой уверенности: — Может, что другое умеет, полезное...

Мычка сходил за мечом, вернулся, вручил вновь. На этот раз, бой продолжился чуть дольше, соперники обменялись не одним, а тремя ударами, но, в итоге, с тем же результатом — Мычка отправился за мечом, а чужеземец с грустным видом отошел в сторону.

Зола шевельнулся, произнес неуверенно:

— Может магией владеет? Надо бы провести пару экспериментов.

— Нет уж! — Дерн выставил перед собой ладони. — Давай как-нибудь в другой раз, когда условия будут более подходящие.

— Это когда? — обиженно поинтересовался маг.

— Когда нас не будет рядом, — отрезал болотник.

Шестерня возбужденно завозился, сказал с подъемом:

— А чего? Пусть попробует. Зола у нас хороший учитель, терпеливый. С его помощью даже у меня как-то раз огнешар получился. Вдруг, и у этого тоже.

На этот раз, на Шестерню неодобрительно посмотрели все, включая Зола.

Вершинник подсел к костру, внимательно осмотрел мясо, что уже подрумянилось, покрылось хрустящей корочкой, поразмыслив, произнес:

— Может, он действительно ничего не умеет, а может, и умел что, да забыл. Вспомните, каким, а главное, где мы его нашли: без одежды, без сознания, в центре опаленного пятна земли. Уже то хорошо, что идет — не жалуется. Дойдет с нами до города, или, на худой конец, до ближайшей деревушки, там и оставим.

Подводя черту под разговором, Дерн произнес:

— На этом и порешим. А пока, давайте ужинать, что-то утомился я за сегодня от летунов прятаться, да и мясо готово.

Судя по тому, с какой скоростью расхватили колышки с мясом, Дерн выразил всеобщее желание. Дневной переход под палящим солнцем истощил силы и вызвал жгучий голод, так что путешественники уже давно украдкой сглатывали слюну, в мечтах, уже в который раз, расправлялись с ужином.

Покосившись на чужеземца, что сидел неподалеку, глядя голодными глазами на пищу, Мычка махнул рукой, позвал:

— Эй, найденыш, подходи и ты, еды на всех хватит.

Чужеземец встал, замедленно приблизился. В отсветах огня он ничем не отличался от прочих людей, во множестве встречающихся по всему миру: открытое лицо с широкими скулами, высокий лоб, нос с небольшой горбинкой, лишь мощный, волевой подбородок с ямочкой несколько не вязался с большими задумчивыми глазами, на самом дне которых затаилась непонятная печаль.

Благодарно кивнув, он выбрал одну из оставшихся палочек с мясом и уже хотел вернуться на место, когда Шестерня, придержал его за руку, сказал деловито:

— Постой. Ведь у тебя должно быть имя. Без имени неудобно. К примеру, меня, — он ткнул себя рукой в грудь, — зовут Шестерня. — Повторил по слогам: — Шес-тер-ня! Его — Мычка. Вон тот, зеленый — Дерн, а тот с палкой — Зола. Ну и, конечно, Себя.

ГЛАВА 10

Все улыбались, слушая, как пещерник представляет их чужеземцу, лишь Зола нахмурился, сравнение посоха с палкой неприятно резануло слух мага. Чужеземец вслушивался в слова Шестерни, на его лице от попыток понять отразилось мучение, к тому же от мяса, что он удерживал на палочке возле груди, шел одуряющий аромат, от которого смешивались мысли, а желудок начинал яростно ворочаться, требуя пищи.

Глядя на мучения чужеземца, Себя сжалилась, сказал с укоризной:

— Шестерня, отпусти ты его, пусть хотя бы поест. На голодный желудок чужой язык воспринимается плохо.

Но пещерник казался неумолим, удерживая чужеземца за руку, он несколько раз повторил имена, указывая при этом на каждого, пока пленник не начал кивать, раз за разом, повторяя имена, сперва, ужасно коверкая, но затем, все лучше и лучше. Шестерня кивал, удовлетворенно улыбался, когда, наконец, имена зазвучали, как они есть, почти без искажений, ткнул пальцем в грудь пленнику, поинтересовался:

— А ты, как звать тебя?

Тот ответил длинной трелью с переливами. Не выдержав, хмыкнул Дерн, звонким колокольчиком засмеялась Себя, даже Зола улыбнулся. Мычка хлопнул Шестерню по плечу, спросил насмешливо:

— Ну что, доволен? Теперь повтори, разочков так сто, глядишь, сможешь воспроизвести.

Пещерник пригнул голову, сказал упрямо:

— Нет уж, коль с нами идет, пусть и говорит по-нашему. И имя ему дадим человеческое, чтоб язык не ломать. Предложите что, или мне самому придумать?

Прежде, чем кто-то успел открыть рот, Дерн произнес рассудительно:

— А чего мучиться. Мычка верно сказал — найденыш он, найденыш и есть.

Шестерня пошевелил бровями, отчего, его лицо смешно исказилось, пробормотал:

— Что ж, неплохое имя. — Добавил, глядя чужеземцу в глаза: — Ты будешь Найденыш, — для большей понятливости ткнул ему рукой в грудь.

Судя по всему, экзекуция настолько утомила незнакомца, а быть может, причиной тому послужил голод, что он сразу же, почти без искажений, повторил слово, после чего, отсел в сторонку, и, не откладывая, принялся за ужин.

Пробудились с первыми лучами солнца, быстро расправились с остатками ужина, и, не медля, выдвинулись. Пока собирались, Шестерня, припомнив вчерашнюю затею, негромко поинтересовался:

— Как спалось, Найденыш?

К всеобщему удивлению, чужеземец сразу же повернулся к пещернику, взглянул вопросительно. Дерн заметил, сказал одобрительно:

— Смотри-ка, запомнил. Вот уж не думал, что твоя метода окажется действенной.

Пещерник ухмыльнулся, сказал самодовольно:

— Это еще что. Вот пооботрется немного, будет болтать на нашем, как на родном, уж я постараюсь. — Проходя мимо чужеземца, он ободряюще похлопал его по плечу, еще раз повторил присвоенное имя.

Потянулись однообразные дни. Вставали засветло, завтракали остатками ужина и выдвигались в путь. Когда солнце достигало зенита, устраивали полуденный привал, облюбовав для этого одну из многочисленных рощиц, где в приятной прохладе укрытые от палящих лучей, восстанавливали силы. Пока Мычка ходил охотиться, остальные натаскивали хворост, устраивали костер, после чего, каждый занимался, чем хотел.

Дерн отыскивал какие-то, одному ему ведомые травы, часть из которых сушил, разложив на открытом солнце, иные, сразу же растирал в небольшой ступке, по капле добавляя какой-то дурно пахнущей жидкости то из одной, то из другой склянки, после чего, собирал получившуюся густую пасту в горшочек. Когда горшочек заполнялся, болотник вытаскивал из костра уголек, царапал на донышке хитрую завитушку и прятал горшок в котомку, предварительно, несколько раз обернув кусочком ткани.

Себя отходила в сторону, где, выбрав подходящую цель, обычно это было засохшее дерево, оттачивала мастерство, бросая из самых невозможных положений мелкие металлические звезды, миниатюрные кинжальчики и прочие невообразимые вещи, коих у подземницы оказалось великое множество. Закончив, она садилась, скрещивала ноги, закрывала глаза, и долгое время не двигалась, погружаясь в неизведанные пучины глубокого транса.

Пещерник усаживался поудобнее, отыскивая подходящий ствол дерева, чтобы, по его же словам, — было, на что плечам опереться. Пристраивал на коленях секиру и начинал любовно править оружие точильным камнем, вытравливая и без того сверкающего лезвия, одному ему видные неровности. Когда занятие наскучивало, или кто-нибудь из находящихся поблизости товарищей выражал явное утомление скребущими звуками, Шестерня убирал точильный камень, вешал секиру в петлю, укладывался в укромное место, и вскоре, окрестности оглашались молодецким храпом.

Зола отыскивал место почище, с осторожностью вытаскивал карту, что, от частого использования, порядком истрепалась, и погружался в размышления. Порой, маг подскакивал, начинал возбужденно метаться, после чего, осененный идеей, принимался быстро чертить концом посоха символы. Твердое дерево легко продавливало насыщенную влагой землю, и через некоторое время, все пространство вокруг покрывалось непонятными значками, так что, в итоге, Зола перемещался прыжками, опасаясь случайным касанием стереть важную деталь. Иногда, довольный результатом, маг начинал насвистывать, едва не пускаясь в пляс, но чаще, от бессилия осознать заложенный в карту смысл, приходил в ярость, в гневе вытапывал работу и уходил из лагеря, успокоить взведенные нервы вдали от товарищей.

Чужеземец обычно просто гулял вокруг, порой сидел, созерцая какую-нибудь травинку, или играл с заползшим на руку жуком, подталкивая его пальцем то с одной, то с другой стороны, и радуясь, словно ребенок, когда жук, утомившись бежать по принуждению, принимал угрожающую позу, нападая на мучителя. Иногда Мычка брал его с собой, пространно объясняя основы охотничьего мастерства, Впрочем, больше от скуки, чем всерьез, рассчитывая на то, что не понимающий ни слова спутник действительно чему-то научится.

Вернувшись, Мычка разделявал пойманную добычу, жарил, нанизывая на палочки, или, обмазав глиной, запекал, предварительно зарыв в землю и забросав сверху углями. Часть мяса съедалось сразу, остальное, завернутое в свежие листья, раскладывали по заплечным мешкам, оставляя на ужин, а, при особо удачной охоте, и на завтрак.

Пару раз, сильно отклонялись с пути, согласуя направление с требованиями Золы. Вытребовав остановку, маг, чуть ли не носом рыл землю, исследуя местность вокруг с упорством охотничьей собаки, но, за исключением старой выгоревшей проплешины, почти полностью заросшей травой, да вывороченной с корнем небольшой рощицы с остатками почерневших комлей, так ничего и не обнаружили.

На десятый день пути, впереди замаячили шили далеких зданий. Подземница первой заметила высверки на горизонте, указав рукой, воскликнула с восторгом:

— Мне кажется, или мы, наконец, достигли желанной цели?

Мычка приставил ладонь козырьком ко лбу, всматриваясь в указанном направлении, произнес:

— Пока не достигли, не знаю, успеем ли к заходу солнца.

Подошел Шестерня, сказал мечтательно:

— Хорошо бы. Я, наконец-то, смогу выпить доброго пива, а то вода уже в глотку не лезет.

— Смотри, не подавись, — Дерн усмехнулся, — говорят, от местного пива деревенщина со второго кувшина без памяти валится.

— Это кто такое говорит? — пещерник угрожающе сдвинул брови.

— Болтают всякие, — уклончиво ответил болотник. Добавил с серьезным видом: — Нужно быть осторожнее, по крайней мере, первое время. Город незнаком, порядки другие. Не буду рассказывать все сплетни, что слышал об этом месте от заезжих купцов, но, если окажется правдой, хотя бы десятая часть, нужно быть осторожными втройне.

— А что рассказывают? — Себя взглянула умоляюще.

К подземнице присоединился Мычка, изогнув бровь, воззрился с вопросом в глазах. Дерн поморщился, сказал нехотя:

— Говорят, что город разделен на несколько частей: верхний, средний и нижний. Там огромные рынки, куда съезжаются купцы со всего света продавать чудесные ткани и невиданных зверей. Сказывают о многочисленных гильдиях, где, не покладая рук, трудятся известнейшие мастера, изготавливая доспехи, коим нет сносу, и оружие, что разрубает даже камни. — Глядя на зачарованные лица друзей, Дерн усмехнулся, продолжил тоном ниже: — Также говорят о скрытых храмах, где приносятся кровавые жертвы, и о тайных слугах властителя, что незримо следят за горожанами, выявляя недовольных. О чудовищах, что ночами выползают из расположенных под городом древних катакомб, пожирая припозднившихся путников.

С каждым словом Зола кривился все больше, под конец, не выдержал, сказал с презрением:

— Нашел, что повторять, рассказы пьяных посетителей таверн.

Дерн покивал, сказал мирно:

— Сказал, что слышал. Поведай ты, раз знаешь больше.

Зола приосанился, расправив плечи, произнес нараспев:

— Град, куда мы направляемся — средоточие науки. В нем располагается крупнейший университет магических ремесел, куда съезжаются маги и ученые со всего мира. При дворе там организована библиотека, где хранятся десятки тысяч трактатов на любые темы. Под чутким правлением достойных мужей здесь расцветают ремесла, достижения коих столь велики, что, не взирая, на тяготы пути, чужеземцы приезжают из далеких земель, стремясь приобщиться к достижениям цивилизованного мира. Правитель этих земель строг, но справедлив, не покладая рук, он беспощадно искореняет завистников, кои во множестве плодятся среди жаждущей поживиться за чужой счет черни.

— Да, да, — Дерн поддакнул. — Искореняет. К тому же собственноручно. Так и видится правитель с сияющим мечом, да по улицам. А от него завистники во все стороны. Но, конечно, не успевают, не успевают...

Прерванный на пике пламенной речи, Зола поперхнулся, взглянув на болотника, скалящего зубы в глумливой усмешке, холодно процедил:

— Кто хотел — понял, остальным без надобности, — отвернулся, оскорбленный.

Высоко над головами, в сторону города величаво проплыла ладья, чуть позже, в стороне, туда же, прошли еще несколько. Шестерня проследил взглядом, сказал озадаченно:

— Вот, значит, откуда они берутся. — Добавил, задумчиво: — Похоже, рассказы о величии города не пустые байки.

— А кто говорил про байки? — Дерн взглянул пытливо.

— Так вон, Зола и говорил. — Шестерня кивнул в сторону мага, что по-прежнему, стоял отвернувшись. — Да, и ты тоже.

— У Золы свои байки, у меня свои, — произнес болотник непонятно. — Боюсь только, ошибаемся оба.

Когда солнце пошло на спад, вышли на дорогу. Идти сразу стало легче. Не желая лишний раз ночевать в открытом поле, пошли шибче, благо, уже можно было рассмотреть зубцы далеких стен. Обгоняя припозднившихся путников, торопливо бредущих в том же направлении, преодолели остаток пути.

По мере приближения, город предстает во всем своем величии. Расположенный на огромном холме, он напоминает невероятного размера муравейник. По краям, деревянные, расположились небольшие домики и лачуги, немногим дальше, начинается пояс каменных

зданий, отличающиеся, как цветом, так и текстурой, использованные при строительстве каменные блоки настолько массивны, что даже на огромном расстоянии кажутся цельными скальными обломками. Местами, над общей серой массой возвышаются устрашающих размеров здания, в которых даже неопытный наблюдатель без особых усилий опознает храмы.

Вершину холма, словно гигантская корона, венчает дворец невиданных размеров. Разнесенные друг от друга на приличное расстояние башенки, соединенные высокой стеной, вонзаются в небо блестящими иглами, мелкими соринками трепещут на концах едва заметные прапорцы. Внутри, огороженные неприступными стенами, виднеются изящные строения, чьи крыши, покрытые блестками, в лучах заходящего солнца сверкают так, что больно смотреть.

— Если он столь прекрасен снаружи, то каков внутри? — с восхищением произнесла Себя.

— Скоро увидим, — бодро произнес Шестерня. По мере приближения к городу, лицо пещерника становилось все более оживленным, мысленно он уже пребывал в одной из городских таверн, приобщаясь к местному ассортименту хмельных напитков.

До окружающей жилые кварталы стены осталось еще порядком, но дыхание города уже ощущалось в полной мере: вокруг поднялись многочисленные домики бедноты, ветхие, покосившиеся стены, зияющие дырами крыши, во множестве возникли кучи гниющего мусора, источающие омерзительную вонь, по краям дороги, выставив, на показ, гнойные язвы, расположились калеки.

Глядя на снующие в переулках темные фигуры, кое-где собирающиеся группками, Мычка сказал едко:

— А вот, и первые представители. Надеюсь, в самом средоточии науки будет хоть немного почище. — Он бросил насмешливый взгляд на Золу, но тот пропустил колкость мимо ушей, посчитав ниже своего достоинства реагировать на столь низкопробные подначки.

Приблизились к стене. Высокая, в три человеческих роста, сложенная из грубых, поросших лишайниками каменных блоков, стена внушала трепет, угрюмая и неприступная, как скала. Глядя на покрывшие отдельные блоки многочисленные глубокие трещины и кучи каменного крошева у основания, Шестерня присвистнул, сказал с почтением:

— Древняя, однако, работа. Сколько ж этому граду лет?

Себя указала на свежие леса, возведенные вокруг особенно сильно разрушенных участков, сказала удивленно:

— Ремонт.... Но зачем?

— Стены укрепляют лишь в одном случае, — хмуро ответил Мычка. — Если есть опасность нападения.

На него посмотрели с недоверием, город производит своим величием неизгладимое впечатление, так, что сама мысль о том, что кто-то может покуситься на подобную мощь, кажется кощунственной, но Мычка не улыбался, и спутники нахмурились. Лишь лицо Найденыша осталось безмятежным. Несмотря на регулярные занятия, что ежевечернее устраивал чужеземцу Шестерня, Найденыш не преуспел в языке, понимая отдельные слова, и даже короткие выражения, он почти не говорил, отвечая односложным "да" или "нет" после напряженного раздумья; если же собеседник говорил зараз больше двух предложений, то мгновенно терялся, сникал.

Прошли сквозь арку врат. Огромные, чудовищной толщины створки, распахнутые настежь, глубоко вросли в землю основанием. Судя по окаменевшим кучам земли вокруг, ими не пользовались уже давно, упростив процедуру до лежащей под ногами проржавевшей цепи, что, с наступлением темного времени, натягивали, перегораживая проход. Охранники, сидящие по обе стороны врат, проводили друзей настороженными взглядами, но вопросов не задали.

Сразу же, за стеной началась мощеная булыжником мостовая. Покрытые слоем нанесенной с дороги степной пыли, камни мостовой, лишь с трудом угадывались, но, не смотря на это, чувствовалось — под ногами настоящая твердь, что не раскиснет при первом дожде, с чавканьем засасывая сапоги, не расплещется тяжелыми колесами груженых товарами повозок.

Вокруг поднимаются стены из дерева и камня, толстые бревна сменяются блоками из обожженной глины, а те, в свою очередь, уступают место каменным булыжникам обработанным столь умело, что между соседними камнями не просунуть лезвия кинжала. Вертя головами и поминутно восторгаясь, миновали жилой квартал, с опаской прошли мимо огромного здания храма, нависающего сумрачной скалой, для чего, пришлось перейти на другую сторону улицы, поскольку, у ворот храма громко вещал человек в сером балахоне, и вокруг скопилась изрядная толпа.

Зола, сперва, вслушивался в долетающие слова, но вскоре, скривился, зашагал быстрее. Шестерня, что с момента входа в город, что-то непрерывно высматривал по сторонам, всплеснул руками, воскликнул радостно:

— Наконец-то! А то я уже начал волноваться. — Он указал на гостеприимно распахнутые створки дверей таверны, где, прибитый над входом, красовался потрескавшийся бочонок.

Ощувив разлитый в воздухе тонкий аромат жареного мяса, наемники разом сглотнули, невольно ускорили шаг, стремясь быстрее добраться до вожаемого пиршества. Гулко ударило, шелест голосов заполняющих улицу горожан оборвался, люди застыли, удивленно оглядываясь. Послышался новый удар. Кто-то испуганно вскрикнул, указывая, взметнулась рука, за ней еще и еще, и вскоре все глаза оказались прикованы к стене храма, где змеилась глубокая трещина.

ГЛАВА 11

Ударило в третий раз. Стена у основания вспучилась, трещина углубилась, пошла расширяться. Посыпалось каменное крошево, сперва, тонкой струйкой, но вот полетели мелкие камушки, за ними, увлеченные потоком, сдвинулись крупные булыжники. Десятки глоток одновременно исторгли вопль ужаса, люди бросились в стороны, в слепом ужасе отталкивая друг друга и топча упавших.

Стена, совсем недавно казавшаяся незыблемой, дрогнула, с тяжелым вздохом осела, погребая убегающих. Взметнулось облако удушающей пыли. Воцарилась мертвящая тишина, а мгновение спустя, по ушам резанул надсадный рев, груда оставшихся от стены камней

разлетелась, и из темной глубины здания выметнулось нечто.

Наемники оторопели. Вздывая пыль и изрыгая облака ядовитого дыма, из глубины здания на них с ревом несло чудовищное порождение мысли сумасшедших механиков. Огромная, как сарай, телега: непривычные формы со странным рисунком на поверхности гипнотизируют, не позволяют отвести взгляд, металлические колеса с легкостью крошат каменные глыбы, а жуткий грохот, словно тысяча кузнецов разом бьют по наковальне, отдается в костях, заставляя морщиться от боли.

Телега пронеслась через парализованную ужасом толпу, оставляя широкий след из раздавленных тел и кровавых ошметков, с разгону врзалась в дом — напротив, за мгновение превратив его в груды обломков, завертелась на месте, исходя удушающим дымом.

Наемники замерли, не в силах решиться на действие: мышцы напряжены, пальцы влипли в рукояти оружия, но чудовищный механизм крошит толстенную кладку с такой легкостью, что обычное оружие, вряд ли, поможет. Мычка потащил лук, Зола взмахнул посохом, но в этот момент, вперед шагнул Найденыш, лицо чужеземца сосредоточенно, в глазах застыло странное выражение, подняв руки, он крикнул, перекрикивая грохот:

— Нет! Вы не сможете.

Разбросав остатки дома, телега развернулась, издавая жуткий лязг, покатилась навстречу. Не выдержав, Мычка выпустил стрелу, а с рук мага сорвался огнешар, но ничего не произошло, соприкоснувшись с броней, тонкое древко переломилось, а огнешар угас, не оставив даже следа. Найденыш сорвался с места, понесся, с каждым шагом приближаясь к чудовищному созданию. Раскрыв рты, спутники смотрели, как он бежит, неловко вскидывая ноги, еще немного, и их странный товарищ исчезнет, сметенный всесокрушающей мощью, сольется с камнями мостовой раздавленный, как муравей под подошвой сапога.

Не в силах больше смотреть, Себя отвернулась, Мычка отвел взгляд, а Шестерня опустил голову, лишь Дерн с Золой, оба с окаменевшими лицами продолжали следить, ожидая развязки. Добежав до телеги, Найденыш высоко подпрыгнул, и в этот момент рухнула стена ближайшего дома, заслонив обзор, над улицей поднялось пыльное облако.

Первым опомнился болотник, набрав воздуха в грудь, он заревел, что есть мочи, перекрикивая шум:

— Отходим. Сейчас оно будет здесь!

Наемники завертели головами, отыскивая безопасное место. Неподалеку, в непрерывной стене домов наметился просвет. Мычка взмахнул руками, бросился в укрытие, на бегу призывая остальных. Товарищи последовали за ним, один за другим влетели в узкий лаз, побежали, прыгая через кучи мусора, но вскоре, остановились. Переулок оказался тупиком: вокруг вздымаются стены, ни одного окна, над головой синий прямоугольник неба, но каменные блоки стен слишком гладкие, не зацепиться.

— Назад! — крик вершинника потонул в грохоте.

Вход в переулок окутало пыльным облаком, откуда, лязгая и надрывно взрывая, выдвинулся механический зверь. В проеме обозначилась заостренная морда: металлическая туша с натугой двинулась вперед, разламывая плечами-боковинами каменные стены домов. Наемники отступили на шаг, затем еще.

Удушающий дым забивает ноздри, в уши ввинчивается невыносимый грохот, мысли лихорадочно мечутся, пытаюсь найти выход. Шаг назад, еще один. Механизм ползет медленно, шаг за шагом, взламывая неподатливые стены, но камень не в силах остановить рукотворное чудовище, и железная машина приближается неотвратно, а вместе с ней

приближается смерть.

Шаг назад, еще, дальше идти некуда. Вокруг побледневшие лица друзей, капли пота сбегая по вискам, оставляя прозрачные следы в осевшей на коже пыли, затравленные взгляды, оскаленные рты. Нелепая чудовищная смерть от направляемого невидимой рукой бездушного металла, без славы, без почестей, лишь, вечное небо с холодным любопытством смотрит сквозь щель между крышами.

Что-то неуловимо изменилось, скорость механического чудовища замедлилась, надсадный рев стал на порядок тише, а затем, и вовсе прекратился, выпустив клуб черного дыма, телега остановилась. Не веря в спасение, наемники ошалело переглянулись, не в силах произнести ни слова. В недрах металлического зверя загремело, хрустнуло, сбросив кучу мелких камней, распахнулась крышка. Наружу высунулся человек: волосы взъерошены, лицо покрыто черными пятнами, жадно хватая воздух широко открытым ртом, человек повернулся, устало помахал рукой.

В обгорелом, измазанном сажей незнакомце наемники с изумлением узнали Найденыша, он осунулся, словно, за недолгое пребывание в чреве рукотворного зверя потерял большую часть сил, кожа на руках пошла волдырями, но лицо сияло радостью, как у ребенка, что, наконец, смог прикоснуться к оружию отца.

Наемники заговорили разом, перебивая друг друга, накинулись с вопросами, но, не в силах внятно ответить, Найденыш, лишь, улыбался. Замолчали также одновременно, лишь, Шестерня, покачивая головой, все повторял:

— Ай, да Найденыш, ай, да молодец! Говорил я — в чем-нибудь, да окажется полезным. — Остальные улыбались, кивали одобрительно.

Первой опомнилась Себя, сдержано произнесла:

— Думаю, стоит убраться в более спокойное место. Скоро тут будет полгорода, не хотелось бы привлекать излишнее внимание.

— Боюсь, мы его уже привлекли, — Дерн указал в сторону улицы, где постепенно собиралась толпа.

Сперва, люди опасливо жались к стенам, ревящее, всесокрушающее чудовище еще стояло перед глазами, но постепенно любопытство пересиливало, еще мгновение назад, разбегавшиеся в панике горожане сбивались в группки, подбадривая друг друга, замедленно приближались, готовые при малейшем признаке опасности — тут же, обратиться в бегство.

Зола произнес с сомнением:

— Быть может, лучше дождаться стражу? Судя по количеству жертв, здесь не каждый день происходит подобное. К тому же, никто — иной, как Найденыш, остановил этот разбушевавшийся механизм...

Себя коснулась плеча Золы, прервала мягко:

— Поверь, это не лучшая мысль. Как дочь начальника стражи... — она на мгновение запнулась, помрачнела от нахлынувших воспоминаний, но тут же взяла себя в руки, — я не понаслышке знаю, где именно разговаривают со случайными свидетелями и с помощью каких средств.

Зола недовольно поджал губы, но спорить не стал. Предложенный им вариант казался наиболее разумным, но не зная особенности местного управления не стоило лишний раз искушать судьбу. Поморщившись, маг полез через загромодившую проход машину, стараясь не отстать от товарищей, что уже шустро карабкались вверх, цепляясь за углы и выступы, во множестве украшающие поверхность удивительной повозки.

Помогая друг другу, перебрались на противоположную сторону, где уже скопился народ, двинулись, раздвигая людей плечами. На наемников косились с опаской, с недоверием притрагивались, удивляясь, как те смогли выжить после столкновения с железным чудовищем. В сторонке, неприметные в тени дома, притаились несколько фигур: темные плащи, низко надвинутые капюшоны, они не шевелились, но Мычка ощутил, как от потока пристального внимания на теле вздыбились волоски, незаметно сделав знак спутникам, развернулся, быстро зашагал в противоположную от незнакомцев сторону.

Товарищи догнали, пошли рядом, плечо в плечо, не задавая вопросов, лишь когда поплутав по улочкам, вышли к очередной харчевне, Шестерня недовольно буркнул:

— Стоило блуждать в потемках, сапоги сбивать, коли таверна была перед носом.

Дерн, что единственный из всех, вместе с Мычкой, обратил внимание на подозрительных незнакомцев, похлопал пещерника по плечу, сказал ободряюще:

— То была плохая таверна. Запах прокисшего пива так ударил в ноздри, что даже Мычка не выдержал.

Шестерня взглянул с недоверием, но вершинник кивнул, произнес, соглашаясь:

— Верно. Ты ведь не хочешь весь вечер мучаться, вливая в себя отвратное пойло, а на утро проснуться с больной головой?

В таверну зашли по одному, стараясь не привлекать внимания, прошли к свободному столику в дальнем углу. Пока Шестерня, напустив на себя хозяйский вид, разговаривал со служанкой у стойки, остальные приглядывались к посетителям. За столами, ни чем не примечательные, коротают вечернее время горожане, стук посуды, шарканье ног и негромкие голоса сливаются в равномерный убаюкивающий шум. От потрескивающего в камине огня растекаются волны тепла, воздух насыщен пряными запахами пищи, отчего рот наполняется слюной, а желудок недовольно ворочается, до слуха, то и дело, доносится бульканье, с каким хмельной напиток наполняет чарки завсегдатаев, а меж столами, словно бестелесные тени, снуют юркие служанки, разнося тарелки со снедью.

Шестерня вернулся, пристроив седалище на лавку, произнес недовольно:

— Половину того, что хотел заказать, нет. Единственная радость — пиво в избытке, ну и кабанчик скоро будет, как раз дорумянивается.

Едва он договорил, у стола возник корчмарь, здоровенный детина в засаленном фартуке, мельком оглядев компанию, улыбнулся, сказал приветливо:

— Хорошая компания — достойный заказ, но... не считите за невежество, мне бы не хотелось, чтобы с оплатой возникли сложности.

Мычка демонстративно дотронулся до свисающего с пояса мешочка, легонько встряхнул. Прислушавшись к мелодичному звону, хозяин кивнул, улыбнулся шире, после чего удалился, а к столу, выныривая из недр харчевни, устремились работники. Перед наемниками, словно по волшебству, одно за другим начали возникать блюда: миски с парующим супом чередуются холодными подливками, пучки ароматной зелени сменяются краюхами душистого хлеба. Край стола заняли пузатые бутылки, тут же, рядом, выстроились холодные закуски: золотистые ломтики рыбы, настолько тонкие, что если взглянуть на свет, видны нежнейшие прожилки, горки невиданных грибов, больше похожие на ключья спутанных нитей, горки икры разных цветов и размеров. Последним, принесенный на огромном железном блюде, на стол внушительно лег кабанчик.

Озирая стол, заставленный блюдами столь тесно, что свободного места почти не осталось, Мычка сглотнул, сказал с уважением:

— Если это лишь половина, боюсь и представить, что изначально планировал Шестерня.

Ему не ответили, над столом повисла тишина, нарушаемая лишь дробным стуком ложек да жадным чавканьем. С громким чпоканьем распечатали бутылки, душистой волной растекся аромат вина. Сразу несколько рук протянулись к центру стола. Лопнула корочка, брызнул сок, в боках у кабанчика возникли зияющие отверстия, а перед каждым, исходя каплями горячего жира, возникли огромные куски душистого мяса.

Когда большая часть тарелок опустела, а от поросенка остались лишь обглоданные кости, Шестерня отвалился от стола, с удовлетворением произнес:

— Заморили червячка, теперь можно и поговорить.

— О чем? — Зола громко икнул, охнув, схватился за живот. От непривычно обильного ужина мага замутило.

— К примеру, о предстоящих планах. — Шестерня подпер рукой подбородок, продолжил мечтательно: — Я знал, что город велик, но даже представить не мог, насколько! Вы обратили внимание, какая здесь архитектура? А какое вино! — Он плеснул себе из бутылки, запрокинув голову, опустошил кубок одним глотком.

— Город действительно велик, — Дерн кивнул, — думаю, каждому из нас здесь найдется дело по душе.

Себя забросила в рот ломтик рыбы, задумчиво прожевав, поинтересовалась:

— А вам не показалось, что люди, словно чего-то ждут? Какое-то напряжение разлито в воздухе.

Мычка оживился, сказал поспешно:

— Я тоже заметил. К тому же, ремонт защитной стены, усиленные патрули на улицах... Может быть, здесь так всегда, но... — он замолчал, вопросительно взглянул на друзей.

— Вас удивило лишь это? — спросил Зола саркастически. — А вынырывающие непонятно откуда чудовищные механизмы, давящие людей и ломающие постройки? Мы чудом остались живы!

Все повернулись к Найденышу, что вяло ковырял ложкой в миске, перекатывая по дну несколько оставшихся икринок. Его лицо, в потеках сажи, со следами свежих ссадин, выражало усталость. Ощувив на себе внимание спутников, Найденыш встрепенулся, с застенчивой улыбкой обвел окружающих взглядом.

Шестерня наклонился к товарищу, обдав мощным хмельным духом, громко прошептал:

— Скажи честно, где так научился с техникой работать? Наше племя на всякие штуки гораздо, но подобную конструкцию увидел впервые, и, надо сказать, пробрало до костей.

Вспомнив происшествие возле храма, Себя передернула плечами, сказала с содроганием:

— Не тебя одного.

— То, с чем мы сегодня столкнулись, очень сильно напоминает оставшиеся от "древних" механизмы, — задумчиво произнес Дерн. — Когда мы шли подземельями возле города пещерников, помните?

Над столом повисло гнетущее молчание. Перед глазами, словно живые, встали подземные переходы с дремлющими во тьме чудовищными изобретениями древней цивилизации. Все по-новому взглянули на Найденыша, что стал за время путешествия своим, простым и понятным парнем, чье прошлое, хоть и не было известно, но никого особо не интересовало... до этого момента.

Зола сглотнул, произнес потрясенно:

— Откуда он может знать такое!?

Дерн повернулся к магу, поинтересовался едко:

— Ты, видно, забыл, где мы его нашли?

— Но как?.. — Зола взглянул на болотника, в его глазах застыло непонимание. — Ведь он двух слов связать не может, букашками любитесь!

Мычка произнес осторожно:

— Может это случайность? Ум за разум зашел, вот и кинулся, и даже что-то сумел сделать...

Шестерня, до того сидящий с отсутствующим видом, резко повернулся, его лицо побагровело, а кулаки с хряском сжались, привстав со скамьи, он глянул так страшно, что друзья отшатнулись, сдавленно прорычал:

— Случайность? Меча не держит? Да вы хоть представляете, что значит механика сложных машин и каких усилий стоит в ней разобраться, секиру Прародителя вам в печень!? Вы, когда у храма стояли, рты пораззявив да стрелки свои и огнешары метали ненужные, он, словно рыбка, в машину нырнул. Без ошибки и в управлении разобрался за мгновения, себя сохранил и нам не дал погибнуть! — он грохнул по столу так, что жалобно звякнув, подпрыгнули тарелки, а сидящие за соседними столиками посетители испуганно обернулись.

Друзья ошарашено смотрели на Шестерню. Пещерник отличался миролюбием, и приходил в ярость лишь во время боя. Мычка уже открыл рот, собираясь успокоить товарища, но взглянув в сторону входа, замер, рука невольно потянулась к оружию. Заметив застывшее лицо вершинника, все разом повернули головы. Через распахнутую дверь таверны входили люди, в уже знакомых темных балахонах с закрытыми капюшонами лицами.

ГЛАВА 12

Гостей заметили не только наемники. Разговоры стихли, под сводами корчмы воцарилась непривычная тишина, посетители разом побледнели, согнулись над тарелками, страхась поднять голову. Люди в балахонах некоторое время стояли недвижимо, затем, разом двинулись в сторону наемников. Один что-то негромко произнес, после чего, ближайшие столы мгновенно очистились: посетители бросали недоеденное, вскакивали, и быстрым шагом, не оглядываясь, двигались к выходу.

Наемники подчеркнуто не обращали внимания на приближающихся, лишь, когда последний посетитель выскочил из корчмы, а облаченные в балахоны фигуры встали полукругом вокруг столика, Зола замедленно поднял голову, с холодком произнес:

— Что вам угодно, любезнейшие?

Один из пришельцев выступил вперед, неторопливым движением сбросил капюшон: землистая кожа, узкое лицо, аристократический высокий лоб, на мага в упор взглянули огромные черные зрачки подземника, тонкие губы изогнулись в презрительно улыбке, когда незнакомец изрек:

— Этот человек, — обтянутая изящной перчаткой из черной кожи рука поднялась, указав на Найденыша, — отправится с нами. Остальные нас не интересуют... пока.

— Этот человек никуда не собирается, — мягко произнес Дерн, но в голосе болотника послышались стальные нотки.

Незнакомец улыбнулся шире, отчего стали видны ровные мелкие зубы, сказал бархатным голосом:

— Вы не поняли. Это было утверждение, не вопрос.

— Нет, это вы не поняли, — в разговор встрял Шестерня. Еще не остывший после вспышки ярости, пещерник зло посмотрел на незнакомца, сказал с неприязнью: — Мы наслаждаемся ужином после утомительного дня, и не имеем желания разговаривать с кем бы то ни было, особенно в таком тоне. Поэтому, пока у нас не кончилось терпение, идите, идите, идите...

На лице незнакомца обозначилась скука, отступив на шаг, он брезгливо произнес:

— Успокойте их, я подожду на улице, — развернувшись, он вышел из таверны, мягко притворив за собой дверь.

Несколько мгновений пришельцы стояли недвижимо, затем разом шагнули вперед, сбрасывая балахоны. Взорам наемников предстали подземники, облаченные в кожаные доспехи, одинаково худощавые, похожие, словно братья, они молча смотрели на противников, оценивая опасность каждого. Со свистом взметнулись лезвия мечей, тела заученно приняли боевые стойки, миг, и подземники атаковали.

Словно ожидая этого момента, наемники мгновенно оказались на ногах: Мычка отпрыгнул в сторону, выхватил мечи, Дерн перегнулся через стол, рванув Найденыша за руки, одним движением перебросил на свою сторону, Зола угрожающе воздел посох, воздух вокруг мага задрожал, подернулся рябью, Шестерня перемахнул через стол, отбросив скамью нападающим под ноги и обрушив на пол добрую половину посуды.

По одну сторону от стола, плечом к плечу, встали Шестерня с Дерном, чуть сзади застыла Себя, руки подземницы отведены, в пальцах, готовые для броска, зажаты зазубренные диски. С противоположной стороны стола Мычка угрожающе покачивает мечами, напружиненный, словно согнутый до предела лук, малейшее движение, и вершинник распрямится смертельным вихрем. Тут же стоит Зола, навершие посоха наливается злым багрянцем, от тела мага, как от печки, идет ощутимый жар. Позади всех, в углу, куда его зашвырнул Дерн, прикрыв голову руками, скорчился Найденыш.

Подземники остановились, слаженность, с какой противники организовали оборону, заставила насторожиться, помедлив, они разделились на две неравные группы, та, что побольше, двинулась к Дерну с Шестерней, что выглядели наиболее внушительно, остальные направились в сторону Мычки. Золу с Себией, казалось, вовсе не замечали.

У стойки застыл корчмарь, в глазах отражаются всполохи магического огня, судя по посеревшему лицу, хозяин не понаслышке знаком с последствиями разгула магической стихии, мысленно уже подсчитывает убытки. Мгновения замедлились, еще немного, и зазвенит оружие, на выскобленные до блеска половицы прольется кровь. С натугой бьются сердца, с усилием разгоняя кровь по телу, ярость бьет в голову, затмевая разум, а мышцы звенят от переполняющей мощи.

— Стоять! — пронзительный крик стегает плетью. — Оружие в ножны!

За спинами подземников возникает закутанная в плащ фигура. Воины мгновенно оборачиваются, реагируя на опасность, но руки замирают, лишь начав замах, гримасы ярости

уступают место почтительному выражению, склонив головы, подземники отходят в сторону, в неподвижности замирают.

Тугая коса иссиня-черных волос, волной спадающая на плечи, тяжелые полукружья груди, полные чувственные губы. Мычка ощутил, как резко пересохло в горле, сердце замерло, пошло биться с перебоями. Не в силах поверить в увиденное, он закрыл глаза, с силой тряхнул головой, вновь открыл, но наваждение не исчезло, перед ним, насмешливо улыбаясь, стояла бессменная владелица корчмы и хозяйка гильдии — незабвенная Шейла.

Чувствуя, как губы раздвигаются в глупой улыбке, Мычка с силой провел рукой по лицу, покосился на товарищей, но и они выглядели не лучше. У Шестерни отвисла челюсть, Зола глядел, не моргая, время от времени, сглатывая, даже всегда невозмутимый Дерн улыбался, не в силах скрыть радость, лишь Себя, раздувая ноздри, с подчеркнутым пренебрежением смотрела в сторону.

Шейла двинулась мимо воинов, и Мычка заметил, что подземница прихрамывает на левую ногу, а приглядевшись, обнаружил глубокий шрам на щеке, тщательно прикрытый локоном, как бы случайно выбившимся из общей массы волос. Крушение летающего судна не прошло для хозяйки корчмы даром, двигалась она с заметным трудом, левая рука, обернутая в плотную ткань, покоится на перевязи, но в глазах, по-прежнему, мечутся озорные искры. Вершинник помнил: едва заметные, порой они разгорались, превращаясь в черное бушующее пламя, и мало у кого хватало сил выдержать взгляд разъяренной хозяйки гильдии.

Шейла улыбнулась уголками губ, мягко произнесла:

— Не думала, что встретимся вновь. Признаюсь честно, удивлена.

— А уж мы-то, как удивлены! — Шестерня выпустил секиру, распахнув объятья, шагнул навстречу.

Воины, что по-прежнему не спускали глаз с наемников, одновременно подались вперед, но Шейла вскинула руку и они нехотя отступили. Одарив подземников снисходительным взглядом, Шестерня облапил хозяйку, подержав немного, отступил, глаза пещерника подозрительно блестели.

— Как тебе удалось? — Зола, наконец, обрел дар речи. Несмотря на изумление, его лицо недовольно кривилось, маг до сих пор не мог простить хозяйке роспуск гильдии.

— Действительно, как? — поддержал Мычка с живейшим интересом. — После того, как твой корабль рухнул..., нам осталось лишь оплакивать тебя, — он прерывисто вздохнул, за что тут же получил полный презрения взгляд Себии.

— Разве отсутствие моего тела не вызвало у вас подозрений? — Шейла иронически изогнула бровь.

Дерн произнес сдержанно:

— В том хаосе из обломков было затруднительно что-то обнаружить, к тому же, вряд ли бы это доставило нам большое удовольствие.

Шейла нахмурилась, на ее лице промелькнуло нечто отдаленно напоминающее раскаяние, но тут же исчезло, вытесненное привычным выражением вежливого внимания.

— Хорошо, продолжим разговор позже, а пока пройдемте в более удобное место, нежели эта обшарпанная харчевня.

— Эта харчевня подходит для нас, как нельзя больше, — ледяным тоном процедила Себия.

Шейла окинула девушку холодным взглядом, произнесла отстраненно:

— Я бы не стала возражать, но боюсь выбор не велик.

Дерн коснулся плеча Себии, что уже была готова ответить колкостью, спросил мирно:

— Шейла, если это нужно, мы пойдем, но не лучше будет перенести встречу на завтра?

Как только мы проснемся и приведем себя в порядок, — он кивнул на Найденыша, перепачканного сажей с головы до ног, — тотчас отправимся в оговоренное место.

Хозяйка гильдии шагнула к болотнику, неотрывно глядя в глаза, сказала с нажимом:

— У меня есть основания думать, что вы не придете.

— Но почему? — невольно вырвалось у Мычки.

Шейла замедленно повернулась к вершиннику, произнесла свистящим шепотом:

— Просто потому, что не доживете до рассвета. Жду на выходе.

Развернувшись, Шейла неторопливо двинулась к дверям, следом за ней потянулись подземники. Проводив процессию полным ненависти взглядом, Себия прошептала срывающимся от ярости голосом:

— И мы последуем за ними, вот так, сдавшись без боя?

Дерн покачал головой, сказал задумчиво:

— Думаю, в сложившихся обстоятельствах, это будет единственно верное решение.

Не сговариваясь, все разом засобирались, на взбешенную подземницу старались не смотреть. Происходящее выглядело не лучшим образом, но за годы, проведенные в гильдии, наемники привыкли полагаться на мнение хозяйки, и то, что от гильдии остались лишь воспоминания, не пошатнуло авторитет Шейлы. Ей по-прежнему доверяли.

Собрав пожитки, Шестерня успел запихать в заплечный мешок оставшиеся непочатыми бутылки, направились к выходу. Первым, тяжело шагая, двинулся Дерн, за ним вышли остальные: Мычка, Шестерня, Зола, устало семенил мало что понявший из разговора Найденыш, и лишь, когда спутники один — за одним исчезли в сгустившейся за дверью тьме, следом, нехотя пошла Себия.

От стойки за ней молча наблюдал корчмарь, не в силах скрыть радость — драки не произошло, и счастливым образом он избежал убытков, что, если и не разорили бы полностью, то могли поставить дело всей жизни под угрозу.

Шейла ждала неподалеку. Убедившись, что наемники в полном составе покинули корчму, она кивнула, двинулась вдоль улицы. Подземники, что уже успели облачиться в балахоны и недвижимо стояли поодаль, разделились на две неравные группы, меньшая из которых пошла впереди, подсвечивая дорогу факелами, а большая пристроилась сзади.

Покосившись на мелькающие позади силуэты, Шестерня передернул плечами, буркнул недовольно:

— Не нравится мне все это. А ну, как на мечи поднимут?

Зола проворчал:

— К чему тогда было устраивать представление? Зашла бы чуток позже — добить оставшихся.

— А коли б мы выстояли?

Шестерня никак не мог смириться с мыслью, что вместо того, чтобы отразить нападение наглецов, они по своей воле идут неизвестно куда, словно заключенные. Единственное, что грело душу пещерника — любимое оружие по-прежнему висело в петле, а доспехи надежно прикрывали спину: в случае чего — он сумеет дать врагам достойный

отпор, пусть тех, даже вчетверо больше.

— Прислали бы еще отряд, а то и пару, — раздраженно ответил Зола. — Город наполнен войсками!

Словно подтверждая слова мага, послышалось бряцанье доспехов. Из прилегающей улицы выдвинулся отряд воинов. Закованные с головы до пят в латы, бойцы двигались плотным строем, перегородив дорогу, словно стена из ожившего металла. Охрана, а вслед за ней и наемники остановились, пропуская. А воины все шли, молчаливые, словно статуи, лишь шум шагов да грохот доспехов разносились далеко окрест, пробуждая в закоулках города гулкое эхо.

Когда последний боец прошел мимо, растворившись во тьме улочки, двинулись дальше. Несмотря на слабое освещение, коптящие на стенах факелы встречались не часто, а скудный свет из забранных ставнями окон с трудом рассеивал тьму на пару шагов вокруг, было заметно, как меняется стиль города. Бревенчатые строения попадались все реже, пока вовсе не исчезли, сменившись сплошным камнем, заметно изменилась архитектура, если до того в основном попадались низкие квадратные здания, то теперь дома стали выше, изящнее.

Не один раз натыкались на патрули, но процессия, словно окутанная чарами невидимости, продолжала шествовать, не привлекая внимания. Миновав очередной патруль, Себя осторожно заметила:

— Похоже, местные патрульные не имеют указания останавливать вооруженные отряды.

— Я бы сказал больше — они подчеркнуто нас не замечают, — добавил Зола.

Шестерня пожал плечами так, что звякнули наплечники, отозвался:

— А чего удивляться. Думаю, Шейла занимает далеко не последнее место в городе. Видали, как она остановила десяток бойцов одним окриком? — Он хмыкнул, добавил не без удовольствия: — А их надменный предводитель, так и вовсе исчез. Хотя, жаль, разок, другой — в морду латной рукавицей, ему бы не помешало.

Дорогу преградила стена, монолитная, высокая, без единого окошка, края уходят в стороны, теряются во тьме. Когда подошли ближе, в ровной до того поверхности, протаяли очертания врат. Дрогнула створка, без скрипа отворилась, пропуская отряд внутрь, едва последний воин переступил невидимую черту, тут же захлопнулась.

Взорам открылся просторный, засыпанный серебристым песком двор, по периметру смутными тенями прорисовались силуэты зданий. Шейла сделала отстраняющий жест, после чего сопровождающие воины отступили, растворившись во тьме, уже не торопясь, двинулась к ближайшему зданию. Настороженно поглядывая по сторонам, наемники зашагали следом. Пока хозяйка гильдии возилась с замком, Себя заметила неподалеку неуклюжие силуэты тренировочных чучел, кивком указала товарищам. Но едва те повернули головы, дверь подалась, Шейла исчезла в проеме. Потоптавшись, наемники вошли в дом.

Короткий коридор вывел в зал, судя по массивному столу, занявшему большую часть свободного места, трапезную. Против обыкновения, помещение оказалось обставленным весьма скромно, на стенах отсутствуют привычные доспехи и оружие, вместо стульев с высокими спинками — обычные табуреты, скатерть без изысков — простая белая ткань. Шейла ожидала, сидя во главе стола. Когда наемники приблизились, она указала на стол, сказала негромко:

— Присаживайтесь. Угощения не предлагаю, судя по количеству пустой посуды, что я увидела на вашем столе в таверне, вы вряд ли успели проголодаться. — Дождавшись, пока

гости расселись, она вдруг улыбнулась, точь-в-точь, как раньше, сказала с подъемом: — Прежде всего, хочу сказать, что рада вас видеть. Даже тебя, — она взглянула на Себию, что при этих словах гневно сверкнула глазами. — То, что ты по-прежнему с ними, говорит о многом. Роспуск гильдии был вынужденным шагом и на мое отношение к вам не повлиял.

— Нам так не показалось, — хмуро произнес Зола.

— Я бы сказал, ты была весьма сдержанна при прощании, — поддержал его Дерн.

— Вы хотите, чтобы я оправдывалась? — по губам Шейлы скользнула тонкая усмешка, но тут же погасла. — Впрочем, сейчас это не важно.

— А что важно? — дерзко спросила Себия. Тлеющие угли давней ненависти вспыхнули с новой силой, и девушка едва сдерживалась, чтобы не наброситься на обидчицу племени.

Не обратив внимания на выпад, хозяйка гильдии продолжила:

— Важно то, что вы здесь, и это, как нельзя, более кстати.

— За одним исключением, — Зола был, по-прежнему, недоволен, — нас привели силой.

— Хозяйка, — Шестерня смущенно взглянул на Шейлу, не заметив, что обратился по старой привычке, — ты прости, но подобный прием у меня не вяжется с радушием.

Шейла помолчала, дожидаясь, пока выскажутся все, после чего, подняла руку, призывая к молчанию, размеренно произнесла:

— Большая удача, что я вовремя узнала, а главное, успела к моменту вашего ареста. Немногим позже, и было бы затруднительно объяснить, по какой причине пятерка добропорядочных граждан отказалась уступить требованиям представителей власти, попутно устроив резню в центре города.

— Добропорядочных граждан нынче могут вот так, запросто арестовать? — Мычка изумленно изогнул бровь.

Шейла осталась хладнокровной.

— Конечно, особенно в предвоенное время. — Она подалась вперед, понизив голос до шепота, произнесла: — Говорят, что использовав один из механизмов древней цивилизации, некая группа наемников передала массу народа и даже попыталась разрушить центральный храм, но не преуспев, скрылась в неизвестном направлении.

— Ложь! — прорычал Шестерня. — Мы их спасли, остановив чудовищную машину, а теперь оказывается...

Прищурившись, Шейла зловеще поинтересовалась:

— Остановили? А откуда вам, деревенщине, ведомы знания древних?

— Да, но мы же... — Шестерня открыл и закрыл рот, не в силах возразить. Еще совсем недавно он воздавал хвалы Прародителю, уверенный, что лишь доблесть одного из них, спасла их группу и остальных людей, заслужив тем самым почести от горожан. Но с последними словами хозяйки уверенность пошатнулась.

ГЛАВА 13

— Ты хочешь сказать, нас могут обвинить в саботаже? — пропустив "деревенщину" мимо ушей, поинтересовался Зола.

— Уже обвинили. — Заметив, что лица гостей посерьезнели, Шейла продолжила: —

Вижу, вы поняли серьезность происходящего. В преддверии войны устроить подобное могут лишь посланцы врага. Стычка с гвардией в таверне лишь подтвердит подозрения.

— Но ведь стычки не случилось, — неуверенно произнес Мычка.

— И многие об этом знают? — Шейла изогнула губы в ироничной усмешке.

— И ты примчалась в таверну лишь для того, чтобы помочь нам? — поинтересовался Дерн, пристально глядя хозяйке в глаза.

Шейла спокойно выдержала взгляд, сказала со слабой улыбкой:

— Это меньшее, что я могла сделать. Все же расстались мы действительно не лучшим образом.

— Хорошо, благодаря тебе мы избежали прямого столкновения с солдатами, но что теперь? — Зола опасливо дотронулся до шеи, словно, ее уже коснулся топор палача. — Если все обстоит, как ты говоришь, разрушения храма нам не простят. Единственный выход — как можно скорее покинуть город.

— Она все подстроила нарочно, неужели вы не видите! — прошипела Себия. — Ей что-то нужно! Перед тем, как увести из нашего города большую часть мужчин, она тоже много и убедительно говорила. А в итоге... — она зло махнула рукой, до крови закусил губу.

Не обратив внимания на вспышку Себии, Шейла некоторое время молчала, затем медленно, взвешивая каждое слово, произнесла:

— Даже если вы с моей помощью выйдете за городские стены, далеко не уйдете: слишком силен страх войны, слишком пристально присматриваются к каждому чужаку, чтобы при малейшем подозрении немедленно схватить и доставить для пристрастного допроса.

— Это мы еще посмотрим, кто кого доставит, — проворчал Шестерня угрожающе, но в голосе пещерника не прозвучало уверенности.

— Но есть еще вариант. — Шейла выдержала паузу, дождавшись, когда все, включая Себию, замерли в томительном ожидании, продолжила: — Если вы не успели разочароваться в своей прошлой работе и готовы заниматься этим и впредь, я могу попытаться устроить вас в качестве... наемников. Это не вызовет вопросов. К тому же, гильдия серых миротворцев имеет немалый кредит доверия у правителя, как следствие — более широкие полномочия, что позволяет, не доводя до огласки, безболезненно улаживать многие щекотливые вопросы.

— Как я понимаю, особого выбора у нас нет? — скорее утвердительно, чем в форме вопроса произнес Дерн.

Шейла промолчала, лишь остро взглянула на болотника. Зола поиграл бровями, промолвил сухо:

— Не вижу смысла продолжать препираться. Мы все стремились сюда в надежде обрести новые возможности. Говоря откровенно, я представлял себе это несколько иначе: потратить массу времени, подвергнуться многочисленным тяготам пути, чтобы продолжить унылую карьеру наемника.... Но, обстоятельства таковы, что от подобного предложения в сложившихся условиях отказываться попросту неразумно.

Хозяйка гильдии очаровательно улыбнулась, сказала:

— Зола, поверь мне, в выборе ты не разочаруешься. Хранилища гильдии переполнены древними манускриптами, а подземные лаборатории, где, не покладая рук, трудятся адепты магии, сжигаемые жаждой познания, позволяют проводить сложнейшие опыты, о которых в обычных условиях нельзя и мечтать.

— Ты предлагаешь это нам всем? — поинтересовался Дерн, выделив последнее слово.

— Конечно, — Шейла улыбнулась. — Единственно, с вашим новым знакомым могут возникнуть сложности.

— Найденыш, с ним-то, что не так? Они мухи не обидит! — Шестерня всплеснул руками.

— Найденыш... — Хозяйка гильдии со странным выражением взглянула на чужеземца, что сидел поодаль, подперев голову рукой. — Человек, не понимающий языка и не способный изъясниться, пусть даже о самых простых вещах, вызовет ненужные вопросы. — Она ненадолго замолчала, словно принимая некое сложное решение, продолжила: — Но и для него найдется место. Конечно, жить он будет отдельно от всех, да и видеть его вы будете нечасто, но за его судьбу можете не беспокоиться.

При последних словах наемники вздохнули с облегчением. К Найденышу успели привыкнуть: рассеянность и удивленное, словно у ребенка, лицо, что поначалу раздражали, теперь вызывали лишь добродушные усмешки, к тому же, последнее происшествие, когда, остановив чудовищную машину, чужеземец спас всех, заставило наемников в значительной мере пересмотреть свое отношение к спутнику, как к бесполезной обузе, отягощавшей отряд все это время.

— Что ж, если переговоры закончены... — Шейла замедленно обвела глазами присутствующих, остановившись на Себии. Проследив за ее взглядом, наемники, один — за одним, повернулись к спутнице, что с угрюмым видом поигрывала кинжалом, вытаскивая, и тут же вновь бросая в ножны, по лицу девушки бродили тени, а в глазах, вспыхивали и тут же гасли искры сдерживаемой ярости.

Глядя на молодую подземницу, Мычка мягко произнес:

— Себя, решение за тобой. Если ты откажешься, мы пойдем и не станем удерживать, но нам... — он поправился, — мне будет очень не хватать твоей улыбки...

— И вовремя брошенного в глаз врагу кинжала, — поддакнул Шестерня.

— Да и кто проследит за Золой, коли ему опять захочется вечером прогуляться до ближайшего места побоища? — Дерн насмешливо покосился на мага.

Себя еще некоторое время молчала, затем выдохнула с усилием:

— Хорошо, я останусь. Но с тебя — рука девушки указала на хозяйку, — я не спущу глаз. И молись темным богам, если я заподозрю хоть какое-то зло с твоей стороны. Второй раз тебе не избежать возмездия.

— Конечно, — казалось, Шейла ждала такого ответа. — Для такого случая у нас служит группа подземников, именно с ними вы сегодня мило беседовали, когда я заглянула в таверну, включу тебя к ним... если выдержишь проверку — уровень подготовки группы высок, и кого попало — туда не берут. — Глаза Себии при этих словах опасно блеснули, но Шейла уже отвернулась, сказала, обращаясь ко всем сразу: — Если вопросов больше нет, пойдемте, я укажу ваше новое жилище, уже поздно, а встают здесь рано.

Наемники поднялись, двинулись следом за хозяйкой. Покинув зал, прошли по коридору, поднялись на второй этаж, где среди множества дверей, расположенных через равные промежутки, Шейла выбрала одну, открыв, отступила, пропуская гостей внутрь.

— Вот ваша комната. Тебя, — она кивнула на Себию, — определим завтра, а вашего бессловесного спутника я забираю с собой.

Взяв Найденыша за руку, Шейла повлекла его следом. Тот беспомощно оглянулся, но наемники кивнули, успокаивая, и чужеземец покорно затрусил вслед за хозяйкой, вскоре

скрывшись за поворотом.

Оглядев комнатку, Шестерня крикнул, сказал неверяще:

— Неужели, наконец-то, можно выпасться, не боясь, что с утра окажешься в воде от разлившейся за ночь речушки.

— Или под рубаху набьется каких-нибудь ядовитых насекомых, — добавил Мычка.

— Хуже всего — ночной холод, — буркнул Зола. — Который день спину ломит, словно, бревна таскал.

Кроватей оказалось всего четыре, но измученным переходом путникам было — не до хорошего, по-быстрому, стянув с себя доспехи и верхнюю одежду, наемники рухнули, как подкошенные. Чуть задержавшись с раздеванием, требовалось аккуратно развязать множество мелких шнурочков и скрытых застежек, Себя примостилась под бок Золе, что по привычке свернулся калачиком, и вскоре, к храпу одновременно вырывающемуся из четырех глоток, присоединилось едва слышное сопение.

С утра пораньше, едва расцвело, дверь отворилась, в проем просунулась вихрастая голова, молодой парнишка с интересом оглядел комнату, увидев разметающуюся во сне Себию, охнул, поспешно отвернувшись, произнес скороговоркой:

— Госпожа просила узнать, все ли у вас в порядке, а заодно показать, где, что находится.

Громко всхрапнув, Шестерня пробурчал, не открывая глаз:

— Передай госпоже, что мы ни в чем не нуждаемся, а где, что стоит, разберемся сами, как проснемся.

Парнишка сказал, придав голосу строгость:

— Нет, нет, просыпайтесь. У нас с этим строго. — Не выдержав роли, хихикнул, добавил со смешком: — Все уже встали давно, вы последние.

Шестерня приоткрыл глаз, с угрожающим видом зашарил рукой вокруг, подыскивая, чем бы запустить в надоедливую посылку. Тот ойкнул, стремительно исчез, хлопнув дверью. Послышался дробный топот удаляющихся шагов.

Заскрипели кровати, наемники зашевелились: с хрустом потянулся Дерн, протяжно, с привыванием зевнул Шестерня, легко вскочил на ноги Мычка. Покашливая, перевернулся на другой бок Зола, но наткнувшись на Себию, ненадолго замер, пробежавшись взглядом по прелестям подземницы, что-то неодобрительно проворчал. Дрогнули ресницы, замедленно поползли вверх, на мага уставился огромный черный зрачок, несколько мгновений рассматривал, подземница глубоко вздохнула, с силой свела руки на животе, отчего груди разом выпятились, тут же приковав жадные взоры мужчин, фыркнув, вскочила на ноги, легко двинулась к стоящей в углу бочке с водой.

Мычка громко сглотнул, Зола поджал губы, Дерн чуть заметно усмехнулся. Покосившись на товарищей, Шестерня хлопнул себя по ляжкам, сказал скептически:

— Даже не знаю, как вы можете думать об этом, когда желудок сводит голодом?

— О чем, об этом? — покраснев, воскликнул Мычка.

Пещерник глумливо оскалился, кивнул в угол, где туго обтянутые кожаным трико, виднелись ягодицы подземницы, что самозабвенно плескала водой в лицо, низко наклонившись над бочкой.

Зола оскорблено отвернулся, бросил в раздражении:

— И куда в тебя столько влезает? Я еще со вчерашнего ужина отойти не могу, до сих пор мутит.

— Так, кода ж то было? — возмущенно возопил пещерник. — Я уже трижды проголодаться успел.

— А кто парнишку выгнал? — насмешливо поинтересовался Дерн.

— Так он, разве в трапезную звал? Я что-то не слышал, — Шестерня озадаченно взъерошил бороду.

— Он собирался, да не успел. Придется обойтись без завтрака, — флегматично подытожил Дерн.

— И без обеда, — добавил Мычка мстительно. Произнес, копируя интонации посыльного: — У них с этим стро-ого!

Вяло переругиваясь и подшучивая друг над другом, встали, одевшись, вышли в коридор. Шестерня измучился, глядя, как товарищи уходят, преспокойно оставив заплечные мешки со всем содержимым. Тащить с собой тяжелый мешок не хотелось, но и оставлять нажитое непосильным трудом было страшновато, под конец, не выдержав, пещерник махнул рукой, с натугой втиснул мешок между стеной и спинкой кровати, сверху накрыл одеялом и выскочил следом, радуясь столь изящному решению.

Спустились в трапезную, но обнаружили лишь пустой стол, да беспорядочно расставленные стулья, хотя, судя по витающим в воздухе ароматам, завтрак закончился совсем недавно. Шестерня изменился в лице, а его желудок издал угрожающее ворчание. Пещерник уже собрался выразить недовольство, когда обнаружил, что находится в помещении один, спутники, не задерживаясь, прошли к выходу, нахмурившись, он поспешил следом, вполголоса проклиная безумный распорядок, при котором недолгое опоздание к столу грозило остаться голодным на все утро, а то и большую часть дня.

В лучах восходящего солнца внутренний двор оказался несколько меньше, чем виделся при свете звезд, но все же, выделенное под гильдию пространство внушало трепет. Вокруг вздымаются сложенные из каменных блоков двухэтажные здания, в окнах мелькают фигуры, неярко поблескивают лучи, отражаясь в начищенных до блеска клинках. По посыпанным белоснежным песком дорожкам деловито снуют люди, большая часть, воины в тяжелых доспехах, беззвучными тенями, закутанные с головы до пят в уже знакомые серые плащи, мелькают подземники, выделяясь праздничной расцветкой балахонов, неспешно шествуют маги. До слуха доносится звон оружия, порой, ярко вспыхивает, вздымаются ядовитые дымки.

Зола улыбнулся, одобрительно произнес:

— Не обманула Шейла — чую запах магических реактивов.

— Так вот чем так гадостно прет, — Шестерня приняхался, с подозрением покосился на стоящую неподалеку башню зловещего вида.

— Вы налево посмотрите, как они этим с утра занимаются? — восхищенно произнес Мычка.

Все повернули головы. В сторонке, в закутке между зданиями, тренируются десяток человек. Неопытному взгляду может показаться, что воины всерьез пытаются убить друг друга, настолько сильны удары и быстры движения. Вот бойцы разбежались, застыли, оценивая друг друга, миг, и они устремляются обратно. Ряд молниеносных движений, взгляд не в силах уследить за мельтешением тел, клинки плетут в воздухе затейливые узоры, рассыпая при столкновении фонтаны злых искры, и в тот момент, когда изрубленные тела вот-вот упадут, истекая кровью, воины отскакивают друг от друга, невредимые, замирают снова.

Дерн пожал плечами, произнес отстраненно:

— Наверное, не прекращали с вечера. Хорошо бы Шейлу найти, сами будем долго разбираться, что тут где, да и чего доброго, заподозрят, вопросы начнут задавать, — он кивнул на стоящих неподалеку людей, с подозрением поглядывающих на наемников.

— Так предлагали же, сами отказались, — Себя пожал плечами. Повертев головой, добавила: — Но не думаю, что будет сложно найти искомое, пойдем, заглянем вон в тот дом.

Проследив за взглядом подземницы, наемники обнаружили невзрачное здание, ни чем не выделяющееся на фоне прочих, но спорить не стали, двинулись за Себией, подчеркнуто не обращая внимания на косые взгляды обитателей гильдии. Едва они подошли к входу, навстречу выдвинулся подземник, худощавый, как и большинство представителей своей расы, он не выглядел могучим, но что-то в его фигуре настораживало: скупые выверенные движения, спокойный взгляд, от незнакомца повеяло такой непоколебимой уверенностью, что наемники невольно замедлили ход.

Себя остановилась в шаге от воина, холодно произнесла:

— Мы пришли к твоей хозяйке, пропусти, а лучше, передай о нас.

Воин некоторое время с интересом рассматривал пришельцев, на его лице не дрогнул ни один мускул, когда он произнес:

— У меня нет хозяйки, и в наших краях за столь непочтительное обращение убивают на месте, но на первый раз, я вас прощаю, а просьбу передам.

Глядя, как воин исчез за дверью, Шестерня взъерошил бороду, сказал уважительно:

— Серьезные тут ребята.

— Что он против пятерых? — снисходительно бросила Себя. Подземница, по-прежнему, была не в духе и жаждала выместить на ком-нибудь накопившийся гнев.

Дерн сказал задумчиво:

— Не хотел бы я с ним схлестнуться, пусть даже всем гуртом на одного.

Себя фыркнула, а Зола произнес ворчливо:

— Ни с кем не надо схлестываться. Что за дурная привычка кидаться на первого встречного? Шейла четко дала понять — мы ей нужны.

— Оттого и поставила этого болвана у входа, — зло процедила Себя.

На подземницу покосились, но прежде чем кто-то успел вставить слово, скрипнула дверь, в дверном проеме возникла Шейла, приблизившись, произнесла:

— Пойдемте, я покажу вам, где здесь, что располагается. — Хозяйка двинулась по дорожке, вдоль ограждающей двор гильдии стены, немного погодя, обернулась, сказала с полуулыбкой: — Не хочу вас жестко ограничивать, но постарайтесь не задевать наемников, хотя бы первое время. Здесь не носят знаков отличий, и вполне может получиться, что вы наткнетесь на высокопоставленную особу или представителя иной гильдии.

— Ты о страже возле дверей? — отстраненно поинтересовался Дерн.

— Страже? — хозяйка взглянула с удивлением. — У нас нет стражи.... Во всяком случае, такой, что можно легко заметить.

Мычка поморщился, сказал недовольно:

— Там был какой-то высокомерный тип из подземников...

Шейла пожал плечами.

— Хашиш? Но он не.... Ах вот в чем дело! — она рассмеялась низким бархатным голосом, от чего у мужчин по коже разбежались мурашки, размером с кулак. — А я-то удивилась, с чего вдруг он так взъерился. Хашиш — представитель "Темных мастеров",

конкурирующей с нами гильдии, правая рука хозяина. Последнее время отношения с ними очень натянуты. Мне бы не хотелось, чтобы случайное происшествие качнуло чашу весов к открытому противостоянию. — Она вновь стала серьезной, сухо произнесла: — А теперь к делу. Вон в том здании находится...

ГЛАВА 14

Потянулись насыщенные заботами дни. Проснувшись с утра, наемники умывались, одевшись, спускались в трапезную, где завтракали вместе с прочими обитателями гильдии, после чего расходились, каждый по своим делам.

Мычка направлялся на стрельбище, расположенное в дальней части двора, отгороженное с одной стороны внешней оградой, с другой тыльной частью хозяйственной постройки, место позволяло оттачивать мастерство метания кинжалов и стрельбы из лука, не отвлекаясь, и не боясь случайно задеть кого-нибудь. Тут же тренировались еще десяток бойцов, выпуская в расставленные у стены соломенные мишени, одну стрелу за другой, обычно, каждый занимался своим делом, но порой, устраивали общее соревнование, состязаясь в меткости попаданий и скорости выстрелов.

Шестерня отправлялся в местную кузницу. Не смотря на то, что большую часть оружия и доспехов гильдия закупала на рынке, часть инвентаря изготавливали сами, кроме того, часто возникала надобность в починке оружия и доспехов, изнашивающихся во время ежедневных тренировок и выполнения заданий. Впервые попав в кузницу и вдохнув раскаленный, насыщенный запахами масла и металла воздух, пещерник замер в восхищении: могучие меха, тяжелые наковальни, груды доспехов и сваленное в беспорядке оружие наполнили Шестерню священным трепетом, а вкрапления минералов, тусклыми зрачками поблескивающих из тяжелых каменных блоков стен, вызвали живейшие воспоминания детства.

Чтобы не создавать ненужного шума, кузница расположилась глубоко под землей. Необходимый для дыхания и поддержания огня воздух попадал по сложной системе труб, и успевал охладиться, но, не смотря на это, в царстве металла и пламени стоял чудовищный жар, на что хозяин кузницы, коренастый пещерник с могучими плечами и толстенными ручищами, Молотило, казалось, вовсе не обращал внимания. Молотило оказался нелюдим и сперва, едва не вышвырнул Шестерню, но тот проявил завидное упорство, и хозяин смягчился, позволив новичку сперва просто смотреть, а после, когда Шестерня продемонстрировал неплохие навыки работы с металлом, допустил и до наковальни.

Зола целыми днями пропадал в хранилище трактатов и свитков, упиваясь представившейся возможностью. Накопленные гильдией сокровища знаний, хоть и не шли ни в какое сравнение с богатствами королевского хранилища, в котором, лишь по слухам, находилось более сотни тысяч наименований, но, для начала, и этого было более, чем достаточно. Судя по всему, гильдия распространяла свое влияние далеко за пределы столицы и не гнушалась складывать в хранилища любые попадавшиеся манускрипты. В пыльных сундуках и шкафах хранилища Зола порой обнаруживал такое, что хватался за голову:

древние летописи здесь сосуществовали бок обок с рецептами блюд, а среди пожелтевших манускриптов, испещренных зловещими символами магических формул, неожиданно находился выпранный памфлет, разукрашенный похабными картинками обнаженной натуры.

Когда от тусклого освещения начинало ломить в висках, а перед глазами прыгали значки древних языков, Зола перемещался в башню, где расположилась алхимическая лаборатория. Там, среди булькающих реторт, в насыщенной тяжелыми запахами атмосфере, он отыскивал Дерна. Притулившись в уголке, чтобы не мешать обитателям башни, болотник занимался изготовлением зелий. Вооружившись ступкой, ДERN растирал на алхимическом столе очередную травку, превращая побуревшие, сочные стебли в кашицеобразную пасту. Порой, болотник возвращался с ночного промысла, и тогда вокруг, разложенные неравными кучками, благоухали десятки растений, заполняя помещение густым ароматом, от которого слезились глаза, и жутко свербело в носу. Работающие в башне маги морщились, кривились, но терпели, поскольку ДERN уже успел зарекомендовать себя, как целителя, вылечив нескольких человек от сильнейших ожогов после неудачного эксперимента.

Порой, Зола вытаскивал одуревшего от запахов болотника на свежий воздух, и они прогуливались, обмениваясь впечатлениями, но чаще, маг не доходил то товарища, заинтересованный одним из магических экспериментов, во множестве проводимых в башне, он наблюдал, задавал вопросы, а иногда, когда требовалась помощь, становился полноправным участником. Основной упор в гильдии делался не на разрушительные стихийные заклятья, какими привыкли действовать маги в недавнем окружении Золы, предпочитавшие простое, но грубое воздействие магических потоков, а на манипулирование тонкими телесными энергиями. Подобное, при умелом подходе, позволяло из самого обычного воина сделать неуязвимого голема, когда выносливость бойца усиливалась стократ, а покровы тела становились столь прочными, что от ни чем не защищенной кожи отскакивали тяжелые стрелы, не в силах пробить волшебную защиту.

Себя видели редко. В первый же день девушка ушла в соседнее здание, где располагался отряд подземников, и появилась только на следующее утро, да и то, только для того, чтобы забрать вещи, и с тех пор заходила лишь изредка, перебрасывалась парой-тройкой ничего не значащих фраз и вновь исчезала. Подземников почти никогда не было видно, в трапезной они не питались, на тренировочной площадке появлялись лишь изредка, но почти каждый вечер, завернувшись в плащи, покидали территорию гильдии, направляясь на неведомые задания. О результатах подобных вылазок, не смотря на горячее любопытство друзей, Себя не распространялась. Но по косвенным признакам, на лице и руках девушки во множестве появлялись свежие ссадины и ушибы, а при резких движениях лицо страдальчески кривилось, можно было сделать вывод — подземники выходят в ночь вовсе не для того, чтобы прогуляться по сумеречным улицам.

Раз — в несколько дней, совершались плановые рейды в город. Наемники, в составе небольшой группы согильдийцев, патрулировали улицы наряду с городской гвардией. Особых сложностей работа не вызывала, едва завидев патруль, люди хмурились, отводили глаза и опускали головы. Сперва, такая реакция удивляла, но вскоре, стала привычной, и основное время наемники тратили на знакомство с городом, в тайне подозревая, что Шейла устроила рейды больше в ознакомительных целях, чем исходя из реальной необходимости.

Очередной ознакомительный рейд подошел к концу. Вдоволь насмотревшись на товарные лавки, во множестве расположенные вдоль улиц, и налюбовавшись городской

архитектурой, наемники уже собирались возвращаться, когда неподалеку послышался нарастающий гул голосов, а вслед за этим раздался пронзительный женский крик.

— Помогите! Сделайте же что-нибудь!

Мычка взглянул на товарищей, сказал с подъемом:

— Наконец-то! Хоть какая-то польза от наших прогулок. Я уж думал, здесь вообще ничего не происходит.

Один из сопровождающих, назначенных Шейлой для совместных рейдов, поморщился, сказал недовольно:

— Вообще-то, это дело городских патрульных, но, коль уж оказались рядом — пойдем, поглядим.

В этом месте улица круто изгибалась, скрывая происходящее за группой аляпистых палаток лавочников. Наемники ускорили шаг. За поворотом столпился народ, образовав своими телами живой затор. В центре затора образовалось пустое пространство, где с непрерывными причитаниями металась молодая женщина. Неспешно продавливая толпу, наемники упрямо двигались к цели, пока не оказались в первых рядах. Лишь отсюда стало заметно, что один из ведущих в канализацию уличных люков, сделанных из толстенных металлических прутьев, провалился, открыв взорам зловещее жерло колодца. Женщина, то и дело, подходила вплотную, прижав руки к лицу, мгновение вглядывалась во тьму, после чего, вновь начинала метаться, голая более прежнего.

— Что происходит? — обратился Дерн к стоящему рядом мелкому мужичонке.

Тот ответил насмешливо, не поворачивая головы:

— Сам не видишь? Наш благочестивый властитель так печется о благе людей, что подзабыл о необходимости ремонта. Город ветшает, сейчас вон люк провалился, а завтра, глядишь, на голову какое здание рухнет.

— А баба что? — поинтересовался Шестерня, встав рядом.

— Известно что, дуреха. Пока по сторонам глазела на платки да на украшения, ребенок в подземелье и ухнул. — Мужичонка махнул рукой, добавил с досадой: — Да, кому какое дело? Стражей все одно не дождешься, зато, когда не надо — тут как тут.

— А сами чего стоите? Почему не поможете? — Мычка с интересом взглянул на мужичка.

Тот усмехнулся, сказал едко:

— Не велика потеря: горожанином больше, горожанином меньше, вот если бы, кто из знати упал. Да и кто в здравом рассудке туда сунется? Это раньше, в канализации только крысы да собаки одичалые жили, а теперь поразвелось — не весть — что. Не иначе, к войне... — он повернул голову, только сейчас рассмотрев, с кем именно разговаривал, охнул, его лицо покрылось мертвенной бледностью.

Шестерня хмыкнул, хлопнув мужичка по плечу так, что тот присел, произнес с азартом:

— Вот мы сейчас и посмотрим, что там такого водится, но если соврал, — он повернулся, взглянул грозно, но мужичок уже улепетывал во все лопатки, прорываясь через толпу с такой быстротой, словно за ним гнались подземные демоны.

Заметив представителей власти, люди стали поспешно расходиться, и вскоре, поблизости не осталось никого, кроме несчастной женщины, что продолжала причитать, и, казалось, от горя совсем потеряла рассудок.

Один из сопровождающих воинов принялся к доносящемуся из жерла колодца смраду, поинтересовался брезгливо:

— Вы уверены, что этого действительно хотите? Ребенка, конечно, жаль, но это и впрямь, не наша работа. — Добавил тоном ниже: — К тому же, этот человек, что вел здесь возмутительные речи о нашем правителе, не так уж неправ.

— Что ты имеешь в виду? — Зола живо взглянул на спутника.

Помявшись, тот нехотя сказал:

— Последнее время в империи происходят странные вещи. С окраин доходят вести о появлениях жутких чудовищ, небо заполонили вершинники на своих летающих кораблях, а в глубинах земли, скрытые до времени, просыпаются изготовленные древними ужасные механизмы. — Он почесал в затылке, сказал задумчиво: — Вообще-то, подобным слухам не стоит придавать особого внимания, чернь любит попугать друг друга страшными историями за чаркой вина, но, за последнее время действительно пропало много людей, и даже стражников.

— Их не нашли? — Мычка взглянул остро.

— Почему же, нашли, — воин взглянул как-то странно, — только, они были в таком состоянии, что лучше бы не находили.

Шестерня соорудил страшную гримасу, сказал, обращаясь к Золе:

— Это больше по твоей части: неведомые страшилища, заброшенные места.

Маг холодно произнес:

— Ваши детские страшилки меня не интересуют, но я много слышал о расположенной под городом уникальной системе канализации, и ради того, чтобы на это взглянуть, можно ненадолго примириться с неприятным запахом.

По-очереди спустились в люк. Опасаясь, что не протиснется, Дерн сунулся первым, но строители канализации, похоже, брали в учет посетителей подобной комплекции, и болотник прошел, хоть и царапнув колычугой по краям отверстия. Глядя, как воины один — за одним исчезают в жерле колодца, женщина подскочила ближе, забормотала слова благодарности, в ее расширенных от муки глазах мелькнула искра надежды.

Шестерня полез последним, обращаясь к страдальце, произнес ворчливо:

— Поищем, поищем твоего мальчишку. Как спустимся, так сразу найдем. Ты только следом не нырни. А то, ищи вас потом...

Поросшие грязно-зеленым мхом узкие стенки колодца, покрытые осклизлым налетом проржавевшие металлические скобы, над головой синий кружок неба, что становится все бледнее и дальше. Не ощутив под ступней упора, Шестерня разжал пальцы. Мгновение полета, и ноги с чавканьем ушли в мокрое. Фонтаном взметнулись брызги, ноздри забило вонью. Рядом чертыхнулось, кто-то зло выругался. Пещерник моргнул, завертел головой, осматриваясь.

Вязкий сумрак, прореживаемый тусклыми лучами солнца, пробивающимися сверху через равные промежутки, черными тенями застыли фигуры спутников, вдаль, постепенно загибаясь, уходит широкий проход, стены в потеках слизи, с потолка свешиваются мохнатые космы мха, под ногами густая жижа с торчащими тут и там горками мусора, где, свиваясь тугими жгутами, копошатся белесые черви.

— Думаю, стоит разойтись, — деловито произнес Зола. — Не будем наступать друг другу на ноги, да и мальчишку найдем быстрее.

Судя по лицам сопровождающих воинов, расходиться им хотелось меньше всего. Несмотря на достаточное освещение, место действовало угнетающе. От жуткого зловония начинала кружиться голова. А открывающиеся, то тут, то там отнорки дополнительных

тоннелей пугали крошечной тьмой. Но высказаться против никто не решился.

Разбившись на две группы, разошлись. Вскоре коридор разветвился, не сбавляя шага, Зола двинулся налево, к нему присоединился Дерн. Мычка зашагал направо. Потоптавшись на перекрестке, Шестерня догнал вершинника, пошел рядом, принаравливаясь к шагу, поинтересовался:

— Как думаешь, все эти рассказы о чудовищах..., правда?

Мычка покосился на товарища, спросил с усмешкой:

— Не по себе?

Шестерня посопел, сказал доверительно:

— Пока наверху стояли, даже и внимания не обратил, но как спустились...

Мычка кивнул, сказал серьезно:

— Да, место — не из приятных. Но не думаю, что здесь может быть что-то живое, кроме... — он кивнул на крыс, с противным писком шныряющих под ногами. — Хотя, кто знает, кто знает, — вершинник остановился, внимательно всматриваясь во что-то под ногами.

Проследив за взглядом спутника, Шестерня вздрогнул, из грязи, растопырив скрюченные косточки пальцев, торчит засохшая рука, рядом нехорошо скалится пожелтевший череп, чуть дальше, позеленевшие от времени, перемешанные с мусором вздымаются груды костей.

Шестерня ощутил, как плечи сами собой передернулись, спросил с нервным смешком:

— Думаешь, они погибли своей смертью?

Мычка пожал плечами, бросил:

— Даже если нет, сейчас это не имеет значения, они здесь уже очень давно.

Осторожно, стараясь не наступать на кости, двинулись дальше. Стало заметно темнее, ведущие вверх колодцы встречались с прежней периодичностью, но забитые грязью, почти не пропускали свет. С трудом преодолели завал, часть стены выкрошилось, и здоровенные покрытые грязью глыбы, угрожающе качались при малейшем прикосновении, грозя отдавить смельчакам ноги.

В образовавшейся после завала глубокой нише что-то смутно белело. Повернув голову, Шестерня взглянул пристально, шагнул ближе, пытаясь рассмотреть. В сумраке протаял силуэт человека. Человек сидел на корточках, повернувшись спиной к проходу, так что был виден лишь затылок, с торчащими космами волос, плотно обхватив руками ноги, и по всей видимости, спал, потому что никак не отреагировал на шорох шагов путников.

Шестерня улыбнулся, судя по размерам тела, перед ним был ребенок, протянув руку, потрепал за плечо, бодро произнес:

— А вот и пропажа!

Дрогнув, ребенок покачнулся, замедленно опрокинулся на бок. В падении тело развернуло, на пещерника пустыми глазницами взглянул череп. Охнув, Шестерня отскочил, с чувством выругался. Рядом мгновенно возник Мычка, мельком осмотревшись, убрал руки с рукоятей мечей, присел, вглядываясь в останки. Глядя, как вершинник осторожно расстегивает рубаху на мертвеце, а затем ковыряется в костях, Шестерня с досадой произнес:

— Вот незадача, сослепу показалось — живой.

Мычка выпрямился, стряхнув с рук налипшие кусочки, произнес:

— Очень странно.

Чувствуя, как от нехорошего предчувствия заныло под ложечкой, Шестерня спросил:

— Чего странного? Мертвец, как мертвец. Разве, сидит как живой.

Мычка взглянул на товарища, его обычно бледное лицо, в сумерках подземелья показалось совсем белым, спросил мрачно:

— Как ты думаешь, насколько давно он умер?

Шестерня брезгливо осмотрел останки, чуть подумав, ответил:

— Судя по тому, что кости совсем чистые, очень и очень давно.

Наклонившись к товарищу так близко, что Шестерня невольно отшатнулся, Мычка прошептал:

— Он умер очень, очень недавно. Остатки мяса на костях лишь только начали подсыхать.

— Насколько недавно? — прохрипел Шестерня, сквозь враз пересохшее горло.

— Примерно в то самое время, как мы спускались сюда.

ГЛАВА 15

Пещерник ощутил, как разом сгустился сумрак, стены надвинулись, а вонь что уже успела стать привычной, вновь ударила по ноздрям. Шумы, на которые он раньше не обращал внимания, вдруг стали громче: с громким чавканьем что-то обвалилось с потолка в мутную жижу под ногами, где-то испуганно запищали крысы, из каменной кладки стены донеслось угрожающее потрескивание.

Вжав голову в плечи, Шестерня пробормотал:

— Кто мог сожрать его с такой скоростью?

— Меня больше интересует, как получилось, что он остался одет. Посмотри, на рубаше ни единой дыры, да и на штанах тоже. Все, как новенькое, только в какой-то непонятной слизи. — Мычка прикоснулся к останкам, поднес пальцы к глазам, некоторое время рассматривал, затем принюхался, сказал с сожалением: — Дерна бы сюда. Я не могу определить, что это за субстанция.

Шестерня заметил, как шевельнулись уши вершинника, Мычка замедленно повернул голову, настороженно всматриваясь в глубину провала. Его руки потянулись к плечам, коснувшись рукоятей мечей смешными рожками выглядывающих из-под плаща, застыли. Недоумевая, что могло заинтересовать товарища в глухой стене, пещерник всмотрелся пристальнее, лишь сейчас разглядев то, чего не заметил сразу. В неровной выщерблине земли, словно выгрызенной чьими-то гигантскими челюстями, под самым потолком, чернел широкий отнорок.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Чувствуя, что шерсть на загривке поднимается дыбом, Шестерня пробормотал:

— Может, крысы?

— Может и крысы. — Отпустив мечи, Мычка мягко достал лук, наложив стрелу, шепотом произнес: — Глянь, что там.

Пещерник сглотнул, сказал с нервным смешком:

— А может, ну его? Пойдем себе дальше, а лучше назад вернемся. Все одно, ничего, кроме грязи и крыс, не отыщем.

Скрипнул, сгибаясь, лук, вершинник прищурился, наставил стрелу на отнорок, его лицо превратилось в маску, лишь слегка пульсировал зрачок, то ужимаясь до крохотной точки, то вновь расширяясь, но вскоре застыл и он. Шестерня вздохнул, прикрывшись щитом, шагнул ближе, приподнялся на цыпочки, вглядываясь в лаз.

Сперва в отнорке ничего не было видно, но вскоре, глаза привыкли, крошечная тьма сменилась сумраком, что в свою очередь, посерел, выцвел, протаяли очертания стен, налились объемом. Шестерня продолжал всматриваться, но взгляд наткнулся лишь на земляные глыбки, камушки и червеобразные нити корешков. Он уже хотел отвести взор, когда заметил смутное шевеление. Заинтересованный, Шестерня прищурился, всматриваясь изо всех сил, но в этот миг из глубины коридора долетел пронзительный вопль.

Мычка с Шестерней разом повернули головы, прислушались. Вопль повторился, болезненный, словно кричащий испытывал непереносимую боль. Друзья переглянулись, кроме оставшихся позади спутников кричать в зловонных туннелях было некому, не сговариваясь, рванулись обратно, мгновенно забыв о подозрительных норах.

Осклизлые стены проносятся мимо, из-под сапог фонтаном взлетают мутные брызги, а из потревоженной жижи поднимается тяжелое зловоние. Тоннель изгибается, словно желудок гигантского червя. Поворот, еще один. Пирующие на останках собаки, крысы бросаются врассыпную. Бежать тяжело, ноги скользят, будто под подошвами не насыщенная грязью вода, а свиное сало, но где-то там, впереди, погибает товарищ, пронзительный крик, что звучит почти непрерывно, подстегивает, не позволяя медлить.

Наемники выметнулись в основной коридор, пронеслись, вздымая грязные волны, едва не пролетев мимо, свернули в боковой проход и застыли. Впереди, повернувшись вполоборота, замерли двое сопровождающих воинов: лица бледны, нижние челюсти отвисли, наполненные ужасом глаза обращены вглубь коридора, где в нелепой позе застыл третий. Наемники сперва не осознали, что происходит, а когда вгляделись, ощутили, как в жилах стынет кровь.

Воин пытался идти, но не мог сдвинуться, по пояс — погруженный в какой-то мутный студень, облепивший ноги огромным комом, что пульсировал и слабо колыхался в такт движениям человека. Прозрачный по краям, ближе к центру студень розовел, наливался пурпурным, мягкое содержимое насыщалось сосудами, по всей длине обрамленными множеством мелких пузырьков.

По-прежнему, не понимая происходящего, Шестерня оттолкнул плечом впавших в прострацию воинов, занося секиру для удара, метнулся вперед, готовясь разрубить невиданное существо. Взгляд заметался, выискивая место для удара, пещерник не желал неверным движением оставить спутника без ноги, но раз за разом, проскальзывал, не в силах определить в мутном содержимом границу конечностей, а когда обнаружил...

Пещерник ощутил, как желудок подступает к горлу, стремясь выплеснуть содержимое. У воина отсутствовали ноги. В сердцевине студня, сквозь клубящуюся розовую муть проступили обнаженные кости, вокруг, медленно растворяясь, во множестве висят мелкие ошметки плоти. Внизу, где муть уже очистилась, проглядываются сапоги и скомканная ткань штанов, вверху же, ничего нельзя рассмотреть из-за кровавого тумана, в котором смутно проступают разлохмаченные куски плоти.

Разрушая чарующую картину, в ушах загремел голос Мычки.

— Руби, чего стоишь!?

Зловеще засвистели мечи, раз за разом, вгрызаясь в податливый студень. Вершинник, с

перекошенной от ярости рожей, завертелся, полосуюя клинками диковинное существо. Раненым зверем взревел Шестерня, с уханьем опустил секиру, взмахнул, опустил заново. Не в силах сопротивляться, желеобразная плоть разошлась рваными ранами, откуда в изобилии потек розовый сок.

Сорвавшись с секиры, несколько капель попали на щеку, Шестерня ощутил, как к коже, словно приложили раскаленный металл, заорал не своим голосом. Мельком взглянув на Шестерню, Мычка понял без слов, с силой мазнул рукавом, едва не сорвав с лица кожу. Пещерник охнул, но боль утихла, и он лишь благодарно кивнул.

Не переставая рубить, вершинник предупредил:

— Не поскользнись. Рухнешь — не поможет и Дерн.

Шестерня хотел возразить, но взглянув на спасенного, лишь досадливо крикнул, едва студень растекся, воин, как подкошенный рухнул в слизь, и теперь, медленно истаивал, превращаясь в мутную жижу, сказал с болью:

— Как так случилось? Ведь чудовище даже не сопротивлялось!

Послышалось сдавленное мычание, Мычка с Шестерней подняли головы, с удивлением взглянули на воинов, что по-прежнему стояли бледнее мела, только теперь они смотрели не на мертвого товарища, взгляды согильдийцев оказались прикованы к чему-то за спинами наемников.

Мычка рывком развернулся, застыл, напружинившись. Шестерня повернулся следом, готовясь отразить новую опасность. Но позади ничего не оказалось, покрытый мхом потолок, осклизлые стены, поток жидкой грязи под ногами. Шестерня сплюнул, сказал с досадой:

— Да что у нас за попутчики? От собственной тени шарахаются!

— Там, — указывая мечом, глухо бросил Мычка, — и много.

Шестерня всмотрелся пристальнее, с холодком отметив, что слой грязи в дальней части коридора едва заметно пульсирует, неторопливо, но безостановочно надвигается. Пещерник потряхнул головой, прогоняя наваждение, взглянул вновь. Но иллюзия не исчезла, наоборот, странная шевелящаяся масса придвинулась ближе, распалась на составляющие: бесцветные, серые и почти черные студни, пульсируя и извиваясь, катятся вязким валом, заполняя коридор всю ширь.

Поправив щит, Шестерня поплевал на ладони, сказал зло:

— Не хотелось, да видно придется испачкаться.

— Может, дождемся остальных? — с сильнейшей тревогой в голосе поинтересовался Мычка.

— Что нам с них? — Шестерня ухмыльнулся. — Сам же видал — несколько хороших ударов, и дело сделано.

— Боюсь, он тоже так думал, — Мычка кивнул под ноги, где от недавно живого спутника остался лишь обмотанный доспехами костяк.

Шестерня нахмурился, но ответить не успел, что-то с шумом метнулось навстречу, так что он едва успел подставить щит, закрыв лицо от удара. Развернув щит, пещерник с удивлением взглянул на стекающие по металлу вязкие капли, пахнущие настолько едко, что он отдернулся, сказал ошарашено:

— Что это было?

— Берегись! — Мычка с силой толкнул товарища, одновременно отпрыгнул сам.

Вновь свистнуло. Там, где только что стоял Шестерня, один — за одним пронеслись

несколько темных комков, с чавканьем влипли в грязь далеко позади.

— Это они кидают! — воскликнул Шестерня, указывая на подкатывающийся вал студней.

До того — вялые, студни оживились, то один, то другой вдруг резко содрогался, выстреливая из себя сгустком слизи. Увернувшись от очередного комка, Мычка напряженно спросил:

— Может, все же отступим?

— Ну, уж нет! — Шестерня крутанул над головой секиру, так что лезвие с гулом вспорол воздух, рывкнул с ненавистью: — Еще я от слизней не бегал.

Закрывшись щитом, он прыгнул вперед, одновременно нанеся удар секирой, отчего один из подкатившихся студней разошелся, потек белесой жидкостью. Мычка рванулся следом, мечи заплясали, вгрызаясь в беззащитные тела чудовищ, что легко распадались, растекались едкими потоками, смешиваясь с конгломератом текущих под ногами отбросов.

Удар. Пульсирующая капля лопается, исходя гнойным содержимым. Взмах. Поток едких капель веером разлетается по коридору, пятная густую поросль мха. В лицо бросается смутное. Тело привычно смещается в сторону, уходя от комка слизи, что легко прожжет кожу, превратив лицо в кашу из полупереваренного мяса. Еще удар. Слизистая туша, успевшая подняться до колена, мягко оседает, освобождая ногу.

Рядом рычит Шестерня, с уханьем роняя секиру на тварей. Во все стороны разлетаются ошметки существ, так что приходится краем глаза следить, чтобы не на шутку разошедшийся пещерник случайно не забросил за шиворот едкий кусок. Тело наливается усталостью, глаза застилает пот, а пальцы жжет от попавших на кожу мелких капель, но студней все меньше. Вал существ истончился, последние твари слабо шевелятся, расползаясь бесформенными кляксами. Удар, еще, и рука замирает в отсутствии врагов. По клинкам, распространяя едкий запах, стекает слизь, ноги едва не до колен погружены в жирную грязь, что разбухла, словно напивавшаяся водой губка.

— Ну, вот и все, — забывшись, Шестерня смахнул рукой пот со лба. Его лицо сразу же мучительно исказилось, латная перчатка оставила за собой след из потеков слизи, кожа вокруг мгновенно покраснела, вспухла пузырями.

Взглянув на товарища, Мычка покачал головой, сказал недовольно:

— И все-таки, риск был неуместен. Поскользлись кто из нас в этой жиже, смерть была бы мучительной и быстрой.

— Все там будем, — зло отмахнулся Шестерня. — Сняв перчатку, он быстро-быстро тер обожженное место, соскабливая остатки слизи.

— Не спорю, — Мычка усмехнулся, — но хотелось бы — менее болезненным способом.

Они неторопливо побрели обратно, внимательно глядя под ноги. Слизь смешалась с грязью, и случайное падение, вряд ли, грозило немедленной смертью, но желания проверить это на себе никто не испытывал. Прошли мимо согильдийцев. Те успели прийти в чувство, и теперь, стыдливо отводили глаза, не в силах выдержать снисходительные взгляды наемников.

Послышался громкий топот, из-за поворота выметнулся Дерн, лицо болотника окаменело, желваки вздулись, глаза пылают яростью. Он резко затормозил, едва не сбив друзей с ног, спросил коротко:

— Живы?

— Живы. Слава Прародителю, — хмыкнул Шестерня.

Чуть позже появился Зола, окинув друзей внимательным взглядом, проворчал:

— Говорил же, ничего с ними не случится. Только зря с места сорвали. — Добавил, недовольно взглянув на товарищей: — Чего орали-то?

Мычка кивнул на останки воина, что к этому времени, лишь едва виднелись, почти полностью погрузившись в грязь, сказал негромко:

— Непонятные существа, никогда с такими не встречался. Выделяют едкую жидкость, растворяющую мягкие ткани.

Зола дернул щекой, сказал с раздражением:

— Вечно вы какую-нибудь гадость найдете на свою голову — дети, ни дать, ни взять.

Мелькнуло серое, с негромким чавканьем в стену возле наемников влип кусок слизи, разбрызгав вокруг мельчайшие едкие капельки. Зола охнул, схватился за щеку.

Шестерня хмыкнул, сказал злорадно:

— Ага, так оно и работает. Видать, не всех добили.

Лицо мага исказилось бешенством, не говоря ни слова, он вскинул руки, с силой крутанул посохом. Глядя на руки мага, что привычно наливаются огнем, Мычка с недоумением заметил, как внезапно посерело лицо болотника.

— Нет!

Дерн прыгнул к Золе, пытаясь помешать, но не успел. С рук мага сорвался огнешар, на мгновение, осветив багровым лица друзей, понесся по коридору, набирая скорость и увеличиваясь в размерах. За долю мгновения до того, как огнешар врезался в стену, Мычка понял, что сейчас произойдет. В детстве дети не раз развлекались, бросая в костер испорченные яйца, наблюдая, как пламя затем взвивалось, и во все стороны летели угли и мелкие веточки. Порой, от неаккуратного обращения яйца разбивались, и вершинник хорошо запомнил этот тошнотворный, выворачивающий наизнанку запах. Здесь, в канализации, пахло точно также, с той лишь разницей, что намного, намного сильнее, чем тогда, в детстве.

Полыхнуло. Вместо того, чтобы потухнуть, огнешар разом расширился, перегородив тоннель пылающей стеной, что с гулким ревом понеслась навстречу, словно чудовищный демон заполнил проход своим огненным дыханием. Миг, и ревушая стихия преодолела тоннель, перед глазами наемников разверзлась огненная бездна, но за мгновение до того, как их тела охватила всесокрушающее пламя, Дерн одним движением сбил друзей с ног, вдавил в грязь, одновременно закрывая собой от опаляющего дыхания.

Отвратительная жижа хлынула под одежду, забила рот, наполнила ноздри невыносимым смрадом. Мгновение Мычка сопротивлялся, чувствуя, что сейчас умрет, но сознание истаяло, и мир мягко погрузился во тьму.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 1

Секира с грохотом обрушилась на пол, за ней последовал щит, заскорузлой коркой рухнула металлическая рубаха. Потянувшись так, что хрустнули суставы, Шестерня с облегчением вздохнул, зачерпнув ладонями из бочонка, плеснул на лицо. Борода пропиталась влагой, шустрые ручейки побежали по груди, прозрачными горошинами посыпались вниз, пятная пол вокруг темными кружочками. Крякнув от удовольствия, пещерник произнес:

— Что ни говори, а помыться, порой, все же приятно.

Мычка взглянул на товарища, вершинник лежал на кровати, заложив руки за голову, сказал со смешком:

— Мне кажется, ты поторопился: денек — другой, и грязь бы отвалилась сама.

Шестерня отмахнулся, сказал беззлобно:

— В пещерах и штольнях, где живут пещерники, вода ценится на вес редких камней, а иной раз, и дороже, чтобы просто так, без толку расходовать.

— И давно ты последний раз жил в штольне? — Мычка улыбнулся шире.

— Шестерня взъерошил бороду, отчего волосы вздыбились огненным фонтаном, сказал рассудительно:

— Сказать по чести, никогда и не жил. Но это традиции, а традиции должно блюсти. — Перехватив насмешливый взгляд товарища, отрубил: — А кто не блюдет, тот не пещерник!

— А кто? — Мычка с удивлением выгнул бровь.

— А кто угодно: болотник, к примеру, или человек, а то, еще хуже — вершинник, — Шестерня досадливо сплюнул.

Хлопнула дверь, в комнату вдвинулся Дерн, за ним следом, опираясь на посох, зашел Зола, тяжело ступая, добрал до кровати, со вздохом облегчения пристроил седалище. Маг выглядел утомленным: морщины на лбу заметно углубились, под глазами залегли черные мешки, кожа на лице посерела и приняла землистый оттенок, но глаза, по-прежнему, смотрят остро, а в глубине зрачков, нет — нет, да пробегают живые огоньки, так контрастирующие с общим усталым видом.

Зола несколько раз открывал рот, словно собираясь о чем-то поведать, но по его лицу пробегало сомнение, и он стискивал челюсти, так и не издав ни звука. Некоторое время, понаблюдав за мучениями товарища, Мычка с отстраненным видом произнес:

— Говорят, в связи с нехваткой помещений в гильдии, местное хранилище свитков вскоре будет переоборудовано в казарму, а сами свитки сожжены за ненадобностью.

Зола отозвался в раздражении:

— Дураки всегда что-то говорят, меньше слушай. Да отдельные фолианты стоят всех местных болтунов, вместе взятых, со всеми их блестящими железками и чудовищным самомнением в придачу! — Помолчав, добавил: — Хотя, надо признаться, большая часть рукописей не представляют особой ценности и могут представлять интерес лишь для любителей древности.

Довольный, что разговорил мага, Мычка сказал, старательно пряча заинтересованность под маской безразличия:

— Я всегда считал, что хранилище свитков больше дань традициям, чем необходимый атрибут работы. Порой, приятно отдохнуть в тишине подземных кабинетов, вдохнуть пыль веков, прочесть об укладе предков или чудесах далеких стран. Но искать в пожелтевших трактатах что-то действительно ценное...

Задетый за живое, Зола перебил:

— Смотря — кто ищет. Тот, для кого ценность измеряется лишь в кругляшах из желтого металла, разумеется, не найдет ничего, кроме пожелтевших страниц, годных лишь для растопки печи. Но для тех, кто обращает внимание на суть вещей... — Он замолчал, некоторое время сидел погруженный в себя, затем, без всякого перехода, сказал: — Я обнаружил несколько хроник, где встречаются упоминания о странных выжженных пятнах. Конечно, если вы помните, о чем я говорю.

— Помним. — Дерн на мгновение оторвался от склянок с зельями, что вытаскивал из котомки одну за другой, выстраивая рядком на столе, сказал, с едва заметной улыбкой: — Такое сложно забыть.

— Особенно, утро возле одинокой скалы, — хмыкнул Шестерня. — Когда Зола, после ночных переживаний над останками отряда подземников, благоухал... к-хм, особенно ярко, — повернув голову в сторону мага, он шумно приняхался.

Не обращая внимания на подначки, Зола продолжил:

— Складывается впечатление, что выжженные круги появлялись всегда: когда чаще, когда реже. Обычно это проходило незамеченным, лишь много времени спустя, случайно наткнувшись на почти смытое дождями и заросшее травой пятно, исследователи делали пометки в специальных картах. Со временем, по возмущениям магических полей маги научились предсказывать, где и когда произойдет очередная вспышка, и даже составили карты.

— Это все очень интересно, — Шестерня с привыванием зевнул, — но не мог бы ты ближе к сути?

Зола заторопился, стараясь объяснить раньше, чем интерес слушателей угаснет.

— В хрониках сказано, что этим занимался тогда, чуть ли не каждый маг — недоучка. Подобные карты, сделанные с большей или меньшей точностью, были распространены повсеместно, но потом, разом исчезли, как, впрочем, и их создатели.

С трудом сдерживая зевок, Дерн спросил с деланным интересом:

— К явлению угас интерес?

Зола вскочил, возбужденно заходил по комнате, сказал с подъемом:

— Наоборот! Интерес усилился, только теперь этим занялись магистры гильдий, причем, в исключительной секретности.

— Просто так, или тому была причина? — поинтересовался Мычка.

— Была, и еще какая! — воскликнул Зола победно. — Дело в том, что...

Он не договорил. Скрипнув, отворилась дверь, в комнате возникла Себя. Наемники повернули головы, заулыбались, разом забыв о рассказчике. Оглядев затылки слушателей, Зола махнул рукой, поджав губы, взобрался на кровать, застыл с надменным видом.

Подземница встала у дверей, с улыбкой обвела взглядом товарищей. Последнее время, Себя не часто баловала друзей вниманием, с головой погружившись в работу гильдии, она появлялась лишь изредка, выкроив свободную минутку в напряженном графике дежурств. Наемники всегда радовались появлению девушки, сразу же засыпали вопросами, вот и сейчас, вопросы последовали, один за другим.

Себя тряхнула головой, в ушах зазвенело от голосов, присела на краешек кровати, защищаясь, выставила ладони, сказала со смешком:

— Расскажу, что захотите. Дайте только дыхание перевести. Как дела у самих? Чем занимаетесь?

— Все, как обычно, — Мычка развел руками. — Дерн в башне магов испарениями травится, Шестерня под землей сидит, в кузнице, Зола из хранилища свитков носа не кажет... в общем, ничего интересного. Кто-то говорит, что близится война, но здесь, за стенами гильдии мы не видим признаков приближающейся опасности.

Шестерня поддержал.

— Все так и есть. Разве, порой, в рейды ходим, но это дело тоскливое. Если бы не Зола, вообще бы со скуки померли.

При этих словах наемники разом улыбнулись, с непонятым выражением взглянули на мага, что продолжал сидеть недвижимо, словно находился в комнате один.

— Вижу, у вас действительно все в порядке. — Себя улыбнулась, но ее улыбка померкла, когда она продолжила: — Была бы рада ответить тем же, но, к сожалению, у меня все не так радужно.

Улыбки исчезли, а лица посерьезнели, даже Зола повернул голову, спросил скрипуче:

— Что-то серьезное, или просто избыток грязной работы? — Он покосился на плащ подземницы, в нескольких местах обильно испятнанный чем-то сильно напоминающим высохшую кровь.

Перехватив взгляд, Себя одернула плащ, сказала отстраненно:

— Сопротивление патрулям припозднившихся гуляк и излишне самоуверенных гостей города — дело привычное, я бы не стала обращать ваше внимание на подобные мелочи.

— Тогда, что? — Мычка подался вперед, с любопытством взглянул в лицо подземницы.

— Мне еще не достаточно доверяют, чтобы посвящать глубоко в подробности, но по намекам соратников, по отрывкам бесед в городских тавернах, по нервозности вышестоящих видно — что-то происходит.

— Только это? — скептически полюбопытствовал Зола.

— Не только. — Себя помолчала, словно размышляя, посвящать ли друзей в подробности, решившись, продолжила: — Я выхожу на улицы города каждую ночь. Не знаю, как тут было раньше, старожилы говорят — по-другому, но с каждым разом патрулировать становится все сложнее, а противники... — она запнулась, подбирая слова.

— Злее? — Шестерня с любопытством прищурился.

— Опаснее? — Дерн задумчиво наклонил голову.

— Чудовища, — скорее утвердительно, чем в форме вопроса обронил Зола.

Себя кивнула, сказала замедленно:

— Верно. Удивительные существа, чей облик столь непривычен, что глаз с трудом различает контуры, чудовищные механизмы, об которые тупится лучшее оружие. В небе — недостижимые, бесшумно реют чужеземные летальные машины, а по темным закоулкам во множестве шныряют оборванцы, чьи вонючие обноски скрывают броню непривычного покроя, а боевым навыкам позавидует иной воин из отборных отрядов правителя.

— Звучит устрашающе, но повода не верить тебе — нет, — произнес Дерн. — Сами во время рейдов пару раз сталкивались с не совсем обычными существами, да и приснопамятный бой с механическим чудовищем в первый же день, думаю, никто не забыл.

— Удивительные существа, чудовищные механизмы... — эхом повторил Шестерня. Спohватившись, воскликнул: — Погоди-ка, а что с Найденьшем? С тех пор, как мы вошли в эти стены, я его видел всего пару раз, да и то, мельком.

Пещерник оглядел товарищей, но те, лишь пожали плечами. Увлеченные делами, о чужеземце успели забыть, и теперь, поставленные в тупик вопросом, наемники молчали, с

удивлением осознавая, что Найденыш, как будто, испарился.

Наконец, Зола нехотя произнес:

— Да что с ним станется? Определили подмастерьем на работку попроще, живет — не тужит.

Себя покачала головой, сказала недоверчиво:

— Только не сейчас. Не хотела вдаваться в подробности, но коли зашла речь.... Захваченных в ходе рейда, мы должны сдавать городской страже, но, вызывающих особое подозрение, доставляем в гильдию, где ими занимаются уже... в Зеленой башне.

При этих словах, по комнате, будто пронесся порыв холодного ветра. О Зеленой башне, расположенной за хозяйственными постройками, в дальнем углу внутренней территории гильдии, названной так — из-за покрывающих крышу позеленевших медных листов, старались лишний раз не вспоминать.

Для чего первоначально предназначалось строение, можно было только догадываться, на чердаке, под крышей, до сих пор, можно было обнаружить остатки насквозь проржавевших приспособлений угрожающего вида, теперь же, башня выполняла функции каземата и пыточной, одновременно. Вечерами, когда закончив тренировки, воины расходились по баракам, и на гильдию опускалась тишина, со стороны башни доносились леденящие душу вопли, заставляя любого услышавшего невольно задаваться вопросом — не случится ли так, что на следующую ночь заходиться воплями в руках палача будет он сам.

Шестерня тряхнул головой, сказал с горечью:

— Вот тебе и столица. А ведь, я ночами не спал — мечтал сюда попасть. Думал: свободный город, куда стекаются лучшие мастера, открытый для всех, где свободно сосуществуют все расы, от вершинников до людей, а оказалось... — он махнул рукой.

Зола высокомерно поинтересовался:

— Сожалеешь, что кого-то за излишне длинный язык подвесят на крюк? Что тебе до них? Безмозглая чернь, что не в состоянии оценить собранных в городе величайших достижений науки и культуры, способная лишь набивать желудки да роптать на существующую власть.

Шестерня вскинул голову, спросил зло:

— Что до них мне? А то, что мы тут разговариваем лишь потому, что Найденыш не побоялся броситься на эту махину. Или уже забыл? А теперь его, быть может, пытаются в проклятой башне!

— Сейчас уже, вряд ли, — примирительно произнес Дерн. — Слишком много времени прошло, и если изначально что-то пошло не так, мы ему уже вряд ли поможем.

— Как такое вообще могло случиться?! — Шестерня хватил кулаком по стене так, что с потолка посыпалась пыль.

— Вспомни, как мы сюда попали, — сдержано напомнила Себя, — особого выбора не было.

На нее взглянули с удивлением, каждый раз, едва разговор касался договора, а по сути, пленения их небольшого отряда воинами гильдии, девушка выходила из себя, упрямо твердя о возможности выбора, даже Зола повернул голову, произнес изумленно:

— Я тоже так считаю, но от тебя это слышать странно. Что-то изменилось?

Себя опустила голову, произнесла чуть слышно:

— Довелось неоднократно наблюдать мой нынешний отряд в действии.... Мы бы не устояли.

Шестерня крикнул, пробурчал, остывая:

— Они не встречались с разъяренным пещерником. А насчет Найденыша, вопрос не закрыт. В ближайшее же время поинтересуюсь у Шейлы.

Улыбнувшись краешком губ, Себя поднялась, сказала с чувством:

— Рада была всех видеть, но мне пора.

Наемники зашевелились, поднялись, провожая. Мычка коснулся плеча Себии, сказал с чувством:

— Рад, что заглянула на огонек. Последнее время мы видим тебя не часто, да и сами, если честно, собираемся, лишь под вечер, когда уже нет ни сил, ни желания разговаривать.

Дерн усмехнулся.

— Пользуйся случаем. А то, не случилось бы, воротить друг от друга начнет в очередном путешествии.

— Какие уж теперь путешествия, — Мычка криво улыбнулся. — В город-то выходим через раз, чтобы о большем мечтать.

В неподвижном вечернем воздухе пронзительный гул прозвучал подобно грому. Наемники переглянулись, с недоверием вслушиваясь в плывущий над гильдией звон. Висящий на видном месте огромный медный диск гонга видел каждый, начищенную до блеска поверхность воины частенько использовали в качестве зеркала, но за время пребывания наемников в гильдии гонг — ни разу не применили по назначению, да и по свидетельству ветеранов, подобного на их памяти не случалось.

Не успел растаять звук предыдущего удара, как один за другим, посыпались еще. Прислушиваясь к непрерывному звону, Шестерня произнес с ухмылкой:

— Знато колотят. Никак, случилось что.

— Может, посмотрим? — Мычка оглядел друзей в поисках поддержки.

— Иди, иди, — Зола махнул рукой, — и остальных прихвати. А я не настолько молод, чтобы по прихоти выслуживающихся солдафонов устраивать ночные бега с построениями, — он демонстративно улегся на кровать, отвернулся к стенке.

Неодобрительно покосившись на товарища, Дерн произнес:

— Пожалуй, все же стоит посмотреть. Чтобы после, не пришлось пробиваться через сонмища врагов или выбираться из-под руин казармы. — С этими словами он двинулся к выходу, куда мгновением раньше, юркнула Себя.

Подхватив перевязь, следом устремился Мычка, за ним, напяливая на ходу доспех, побежал Шестерня. Выскочив на крыльцо, наемники заозирались в поисках причины паники, тут же, вышедшие ранее, столпились воины гильдии. Что-то с грохотом обвалилось, послышался панический вопль. Ветерком прошелестел, едва слышный шепоток, кто-то помянул Зеленую башню, затем голос прозвучал громче, увереннее.

Не дожидаясь указаний, Себя рванулась вглубь двора, не обращая внимания на мечущихся, тут и там, воинов. Стараясь не выпускать подземницу из вида, наемники бросились следом. В дальней части двора, невидимое за постройками, что-то вспыхивало, раз за разом, раздавался сухой треск, а короткое время спустя, гулко шумело. Обогнув хозяйственные здания, наемники выметнулись на открытое место, застыли ошеломленные.

Возле башни, на уровне второго этажа, зависли две летательных ладьи, от каждой в основание башни, почти непрерывно, бьют молнии. Ветвистые искры с сухим треском вспарывают воздух, вгрызаясь в неподатливый камень стены, вспышки ослепляют, а резкие щелчки отзываются болью в зубах. Словно замороженные, наемники замерли, наблюдая, как на глазах рассыпаются в мелкое крошево прочнейшие каменные блоки, не в силах сдержать чудовищную мощь неведомого оружия.

Наконец, не выдержав напора, стена взорвалась с оглушительным треском, башня содрогнулась снизу — доверху, взметнув фонтаны багровеющих осколков, рухнуло, едва не треть здания. В открывшемся проеме замельтешили фигурки защитников. Воздух загудел от пущенных с ладей стрел. Миг, и проем опустел, защитники распростерлись, утыканные древками, словно ежи.

Одновременно, из-за деревьев, где притаилась, не замеченная до времени, третья ладья, выскочил отряд воинов, добежав до башни, скрылся в развалинах. Нападающие, кем бы они ни были, добились своего, молнии перестали сверкать, и в наступившей тьме, подсвеченные багровым заревом пылающей башни, ладьи казались жуткими драконами, затаившимися в предвкушении добычи.

Наемники стояли, разрываясь от противоречивых чувств, гонг звонил не зря, на лицо было явное нападение на гильдию, но никаких распоряжений до сих пор не поступило, к тому же, кидаться на оснащенные неведомым оружием полные воинов ладьи противника, казалось сущим самоубийством.

Глядя на разрозненные группки бегущих со стороны казарм защитников, осыпаемых с ладей тяжелыми стрелами, Мычка бросил зло:

— Дурачье, что они делают?

— Защищают цитадель, — напряженно произнес Дерн. — Мне гораздо больше интересно, что делают нападающие.

— Сейчас узнаем, — Себя выхватила кинжал, понеслась в сторону спрятанной за деревьями ладьи.

Ее заметили, одна за другой засвистели стрелы, норовя клюнуть хрупкую фигурку, но девушка сменила темп, пошла в рваном ритме, сбивая стрелкам прицел. Мычка охнул, рванул следом, на ходу вытаскивая мечи. Шестерня воздел секиру, заорав что-то грозное, побежал следом, прикрываясь щитом. Дерн мгновение стоял недвижимо, наблюдая за обезумевшими друзьями, без поддержки атаковать подготовленных к нападению врагов, да еще в таком количестве, было верхом неосмотрительности, не выдержав, потащил из-за пояса кистень, бормоча проклятия, размеренно зашагал следом, но вскоре, пошел быстрее, затем и вовсе побежал.

Над головой, отхватив клочок волос, чиркнула стрела. С холодком ощутив, что попался на глаза лучникам, Мычка отвлекся от маячащей впереди Себии, пошел зигзагами, мешая прицелиться. Рядом, сопя, как разъяренный кабан, несется Шестерня, позади гулко топает ножищами Дерн. Ощутив незримую поддержку, Мычка выбросил из головы лишнее, сосредоточился на цели.

Серое пятно ладьи приближается рывками. В багровых отсветах остывающих обломков башни фигуры врагов искажаются до неузнаваемости: уродливые тени, костлявые конечности, тусклые блики от оружия, словно десятки угрожающих глаз. Рывок в сторону,

холодным дуновением смерти мимо проносятся не то две, не то три стрелы. Ощущение чужого внимания усиливается, прижимает к земле, заставляя почти стелиться, уходя от очередного густо оперенного древка.

Ноги с силой отталкиваются от земли, мощным рывком швыряют тело вперед. Перед глазами стеной вырастает борт ладьи. Тело не успевает замедлиться, по инерции с силой бьется о борт, удар сотрясает с головы до ног, так, что звонко лязгают зубы, а в животе болезненно отдается. Борт высок, но недостаточно. Слева легко взлетает знакомый хрупкий силуэт. Прыжок — следом. Медленно, слишком медленно. Ладья насыщена врагами, и мгновения задержки могут стоить подруге жизни, не смотря на все таланты, в таком количестве противники перемелют ее в фарш.

Слуха касаются яростные ругательства, где-то внизу Шестерня пытается форсировать борт, слишком высокий для пещерника, касаются и отступают, уходя на второй план. Отвлекаться нельзя, потом, после лютой сечи, можно обсудить и посмеяться, но только не сейчас, слишком коротки мгновения, чересчур высок риск. Из сумрака выныривает перекошенное яростью лицо противника. Удар. Уворот. Невидимый во тьме, фонтан крови разлетается горячими брызгами. Следующий. Клинки высекают сноп искр, в глазах отпечатывается мгновение: узкое бледное лицо, сжатые в полоску губы, стекающая по виску капля пота, картинка лишь только начинает угасать, а враг уже распростерся на досках палубы, зажимая руками широкую рану на животе.

Где-то рядом бьется Себя, границы тела едва различимы, движения смазаны, глаз не уследит за молниеносными движениями подземницы, но ощущения единства сильны, как никогда, словно нет вокруг кипящего боя, где жизнь готова оборваться в любой момент, а есть лишь двое, замедленнодвигающиеся в странном танце. Мгновения утекают незаметно. Вот уже рядом, в боевом угаре ревет Шестерня. Секира вздымается, оставляя призрачный шлейф крови, в щите засели обломки стрел, с насадным гулом, словно над ухом, завис сердитый шмель, вращает кистенем Дерн, от превратившихся в смазанный диск цепей, с тяжелыми шипастыми шарами на концах, отскакивают вражеские мечи, а случайные стрелы рассыпаются в труху.

Тяжелый взгляд прищуренных глаз, цветастый халат, наливающиеся сиянием руки — из группы воинов выдвигается маг. Где-то истошно кричит Себя, насадно ревет Шестерня, гортанно вскрикивает Дерн. Друзья разом возникают в поле зрения, в едином порыве устремившись к наиболее опасному противнику. Расстояние ничтожно, от мага отделяют лишь несколько шагов, но противник силен, творя волшебство, руки мельтешат так, что видно лишь смазанные движения. Воздух вокруг уплотняется, мышцы немеют от тщетного усилия преодолеть возникшее сопротивление, сердце колотится так, словно вот-вот выпрыгнет из груди.

В отчаянном усилии рука отбрасывает меч, тянется к перевязи, где в уютных гнездах дожидаются своего часа метательные кинжалы, пальцы нащупывают рукоять, выхватывают. Бросок. Но маг успевает раньше. Тугой кулак воздуха с силой бьет в грудь, испуганными птицами вспархивают силуэты врагов, уносясь вниз и назад вместе с темным силуэтом ладьи, а спустя миг, земля чудовищным молотом врежется в спину, вместе с воздухом вышибая из груди сдавленный стон. В глазах мельтешат кровавые мухи, среди которых, грациозной бабочкой выделяется массивная тень со смутно знакомыми обводами, величаво уплывающая в ночное небо.

Плеча коснулось мягкое, закрыв небо, перед глазами выплыло лицо болотника, губы

шевелинулись. Мычка вслушался, сквозь забившую уши вязкую тишину донеслось еле слышимое:

— Шевелиться можешь?

Вершинник дернулся, замедленно сел, тело отозвалось тупой болью, словно по нему прошел камнепад, спросил со стоном:

— Они улетели?

Деловито ощупывая товарища на предмет вывихов и переломов, Дерн произнес:

— Да. Едва тот маг вышиб нас с борта, ладья ушла. Немногим позже — костей бы не собрали.

В спине стрельнуло, Мычка болезненно скривился, произнес с вымученной улыбкой:

— Боюсь, я уже не собрал.

Закончив, Дерн с удовлетворением кивнул, сказал ободряюще:

— Все закончилось намного удачнее, чем могло бы. Я, сперва, глазам не поверил, когда вы кинулись на ладью. Втроем на два десятка, или, сколько их там было? Вооруженных до зубов вершинников, к тому же, имеющих неоспоримое преимущество в позиции.

— Сам-то, зачем пошел? — Мычка взглянул испытываяще.

Дерн ответил хмуро:

— Дурак, потому что. Ведь не хотел, да не выдержал, выиграла ярость.

— А тот маг? — Мычка попытался встать, но ноги подламывались, и подняться удалось лишь с третьей попытки. — Достали его?

Дерн поднялся следом, ответил:

— Нет. Уж не знаю, что он там наколдовал, но вас вышвырнуло с ладьи, словно щепки. — Он с силой потер плечо, скривившись от боли, процедил сквозь стиснутые зубы: — Пришлось задержаться, успокоить особо шустрых, что пытались нашиговать ваши неподвижные тела стрелами.

Прихрамывая, подошел Шестерня, неслышной тенью приблизилась Себя, в отсветах пылающей башни лица друзей казались почерневшими от усталости. Мычка мельком оглядел подземницу, на теле девушки отсутствовали явно видимые повреждения и терзающий во время боя, глубоко запрятанный страх, отступил, перевел взгляд, присматриваясь к мельтешащим у башни фигурам.

Раздался скрипучий голос Золы.

— Буду благодарен, если кто-то объяснит, что происходит. — Маг неторопливо подошел, остановился, мельком оглядел друзей, при виде попятнанной грязью одежды и свежих ссадин усмехнулся, затем перевел взгляд на башню, поинтересовался: — Это и есть причина переполоха?

Не отводя глаз от башни, Себя ответила:

— Это следствие, причина улетела.

— И это, несмотря на всю нашу доблесть, — с досадой добавил Шестерня.

Перехватив непонимающий взгляд мага, Дерн отстраненно произнес:

— Три ладьи с воинами. Разбили башню и улетели, хоть мы и пытались предложить им остаться, для чего пришлось взобраться на одну из ладей и пообщаться с хозяевами поближе.

Зола оторвался от созерцания останков догорающего строения, некоторое время неверяще смотрел на болотника, пытаясь определить, шутит он или нет, наконец, пожав плечами, отвернулся, произнес задумчиво:

— Если допустить, что вы меня не разыгрываете, и башня действительно развалилась от

атаки неизвестных наемников, а не вследствие неаккуратного обращения со взрывчатой смесью, возникает вопрос — для чего?

Объединенными усилиями набежавшие быстро загасили огонь, лишь слабо светились остывающие камни стены. Повсюду снуют воины, полураздетые, с оружием в руках, суетливо перебегают с место на место, выискивая виновников разрушения. Несколько человек, пришедших ранее и ставших свидетелями безумной атаки четверых новичков, стоят поодаль, время от времени, уважительно поглядывая на наемников.

Мелькнул изящный силуэт, послышался знакомый голос, из темноты, в окружении охраны, вынырнула Шейла, на ходу отдавая команды, прошагала прямо к башне, нырнула в проем, но охрана осталась снаружи.

Глядя на терпеливо ожидающих хозяйку телохранителей, Себя процедила:

— Невероятно, здание разрушено, погибли десятки воинов, а она даже глазом не повела, нырнула в подземелье, словно там — нечто, намного более важное.

— Возможно, так оно и есть, — негромко произнес Дерн. — В любом случае, мне почему-то кажется, мы об этом скоро узнаем, причем, из первых рук.

Не успел он договорить, из разлома выметнулась Шейла, остановилась, отчаянно жестикулируя. Заинтригованные, наемники подошли ближе. Такой Шейлу еще никогда не видали, хозяйка корчмы казалась вне себя, ее лицо исказилось от ярости, глаза пылали черным огнем, голос то взлетал до небес, пронзительным эхом разносясь вокруг, то падал до свистящего шепота.

— Кто отвечает за охрану? — Шейла рявкнула с таким бешенством, что сгрудившиеся вокруг в ожидании приказа воины невольно отпрянули. — Я спрашиваю, кто сегодня отвечает за охрану башни!?

Вперед выступили двое воинов в почерневших доспехах, робко поглядывая на Шейлу, вытянулись в струну. Хозяйка гильдии подступила ближе, раздувая ноздри, уставилась, словно питон на кроликов. Не выдержав пронзительного взгляда, один из воинов отвел глаза, забормотал, оправдываясь:

— Мы заступили, как всегда. Ничто не предвещало нападения.... Мы отлучились всего на чуток, а когда вернулись...

— Ты посмел — отлучился с поста? — Шейла задохнулась от ярости. — Ты посмел?..

Воин втянул голову в плечи, попытался что-то сказать, но подземница не слушала, развернувшись к телохранителю, она выхватила из его рук меч, повернулась обратно. Свистнул клинок, остро отточенная полоска стали прочертила воздух. Захрипев, воин схватился за горло, замедленно завалился на спину, на груди, пятная доспехи, быстро расплывалось темное пятно.

Стоящие вокруг воины хмуро взирали на мертвого товарища. Второй охранник заметно побледнел, когда же Шейла повернулась к нему, не в силах сдерживаться, задрожал. Раздувая ноздри, хозяйка гильдии подошла вплотную так, что дорогая ткань наряда почти соприкоснулась с покрытым пятнами грязи и копоты панцирем доспеха, спросила ласково:

— Ты тоже покинул пост? Не лукавь. Ведь твой товарищ сказал правду. И надо же такому случиться, именно в этот момент, не раньше и не позже, произошло нападение. Удивительное совпадение. Или... не совсем совпадение, — ее голос упал до шепота, — и кому-то хорошо заплатили, чтобы тревога началась позже? — Воин пытался что-то сказать, но Шейла уже не слушала, отвернувшись, холодно произнесла: — В подземелье его.

Лепечущего что-то невнятное охранника схватили под рути двое дюжих бойцов,

поволокли словно мешок с овощами в расположенные ярусом ниже казематы, которые незадолго до того, он охранял от посягательств, и где, по нелепому капризу судьбы, ему предстояло закончить дни рядом с прочими несчастными, обреченными на мучительную смерть в руках заплочных дел мастеров.

Шейла негромко отдавала распоряжения стоящим поблизости воинам, судя по знакам отличия — командирам отряда, те выслушивали, кивали, после чего, стремительно исчезали во тьме вместе со своими солдатами. Окружение постепенно редело, пока не осталось лишь несколько человек, немymi тенями застывших возле башни на случай повторного нападения.

Шейла направилась к наемникам, по мере приближения, гнев исчезал с ее лица, и под конец, лишь сдвинутые брови выдавали недовольство хозяйки гильдии.

Зола взглянул искоса, поинтересовался с деланным безразличием:

— И часто у вас такое происходит?

— Впервые, — голос Шейлы прозвучал убаюкивающе мягко. — Оттого и не смогли дать должный отпор.

— Я не специалист в подобных делах, но, разве можно дать отпор оружию, способному в считанные мгновенья разнести защитную крепостную стену? — полубопытствовал Дерн.

Шейла ответила со столь очаровательной улыбкой, что Себию передернуло:

— На самый острый меч — всегда найдется щит. Вопрос лишь в том, чтобы предугадать направление удара.

Шестерня проворчал:

— Не трудно угадывать, когда от башни остались одни обломки. Чего ради им понадобилось разрушать старое, никому не нужное здание? — Пещерник подмигнул, добавил заговорщицки: — Или, помимо пыточной, залитой кровью несчастных, в подвалах скрыто что-то более интересное, к примеру, набитые сокровищами сундуки?

— Ты совершенно прав, — глаза Шейлы блеснули странным огнем. — Гораздо более интересное, и намного более ценное — узники.

Пещерник, чьи глаза, по мере сказанного, расширялись все более, услышав последнее слово, досадливо сплюнул.

— Ни за что не поверю, что какой-то завалящий человечешка или, даже пещерник, может быть столь ценен, чтобы покупать летающие ладьи, нанимать воинов и вламываться в расположенную в центре города, набитую бойцами под завязку гильдию.

— Кажется странным, но это так. — Хозяйка больше не улыбалась, а глаза смотрели требовательно. — Пропали несколько важных узников, в связи с чем, необходимо предпринять срочные меры.

— Какого рода меры? — с подозрением проскрипел Зола.

— Их необходимо перехватить прежде, чем ладьи покинут границы страны и смогут переправить узников заинтересованным лицам.

— Ты хочешь сказать, — осторожно поинтересовался Мычка, — что мы отправимся следом за ними?

Шейла без улыбки ответила:

— Не мы, вы.

Услышав в голосе хозяйки гильдии жесткие нотки, Зола поморщился, спросил ворчливо:

— Ты говоришь это столь безапелляционно.... А ведь, у каждого из нас есть дела.

Шейла произнесла отстраненно:

— Я могла бы просто приказать, но думаю, сойдемся полюбовно. Тем более, возможно, вам будет интересно узнать — вместе с остальными забрали и вашего знакомого... — она пошевелила пальцами, припоминая, — Найденыша. Кажется, так его звали.

С трудом преодолев изумление, Шестерня прохрипел:

— Но, как мы сможем? Ведь они, словно птицы!

Шейла улыбнулась кончиками губ, и наемники на мгновение вновь увидели перед собой милую хозяйку корчмы, чей образ успел потускнеть и забыться, сказала кратко:

— А это, уже предоставьте мне, — развернувшись, она зашагала прочь.

ГЛАВА 3

Ноги упруго ступают по камням мостовой, гулкое эхо разносится по заполненным вязкой тьмой городским улицам: небольшой отряд целенаправленно движется к центру города, распугивая запоздалых гуляк и заставляя вжиматься в стены крадущихся, в поисках добычи, воришек. Шейла не отступила от слов, и едва наемники успели переодеться, как вместе с двумя десятками воинов, покинули стены гильдии.

Несмотря на строгий приказ — держаться вместе, наемники шагали чуть в стороне. На них поглядывали со сдержанным неодобрением, но вопросов не задавали, поскольку Шейла, двигаясь во главе отряда, пару раз оборачивалась, окидывала спутников поверхностным взглядом, но никак не реагировала, оставляя мелкое нарушение на совести старых товарищей.

Зола вышагивал первым, с шумом впечатывая основание посоха в камни мостовой, слабый ветер раздувал полы балахона и ерошил космы, придавая магу внушительный и суровый вид. Зола негодовал до последнего, выражая недовольство распоряжением хозяйки гильдии, и позволил себя уговорить лишь перед самым выходом. Поглядывая на строптивного товарища, Дерн лишь качал головой, зрелище убитого Шейлой охранника по-прежнему стояло перед глазами, и, несмотря на давнее знакомство с хозяйкой, болотник меньше всего хотел доводить дело до конфликта, подспудно ощущая: если на чаше весов окажутся по настоящему серьезные вещи, Шейла, не задумываясь, пустит старых товарищей под нож.

Шейла остановилась у входа в неприметное здание, судя по почерневшему от копоти фасаду и забранным ставнями окнам, давно заброшенное, требовательно постучала. Некоторое время ничего не происходило, так что наемники уже стали подумывать, что в черноте ночи хозяйка обозналась домом, но вот за дверью раздались шаркающие шаги.

— Кого посреди ночи демоны принесли?

Шейла наклонилась к двери, сказала угрожающе:

— Еще один ненужный вопрос и язык тебе больше не понадобится.

Невидимый собеседник сдавленно охнул, дверь стремительно распахнулась, на пороге возник хозяин — низенький крепыш: круглое лоснящееся лицо, объемистый живот, холеная кожа рук, плечи кутаются в теплый халат из дорогой ткани. Пещерник взглянул на Шейлу снизу вверх, растягивая губы в приветливой улыбке, произнес:

— Прошу прощения, в наше беспокойное время приходится быть настороже.

Бросив на говорящего уничтожающий взгляд, Шейла молча вдвинулась в проем, кивнув воинам, чтобы двигались следом. С удивительной для своей комплекции прытью, хозяин отскочил, согнулся в угодливом поклоне, на его губах застыла улыбка, но глубоко в глазах, упрятанное на самое дно, ворочалось глухое недовольство. По мере того, как в дом входили все новые бойцы, улыбка хозяина тускнела, а лицо мученически кривилось. Лежащие у порога и дальше по проходу ковры на глазах темнели, забиваясь обсыпавшейся с многочисленных сапог грязью, густой ворс стремительно выцветал, и едва последний гость переступил порог, хозяин захлопнул дверь, стремительно бросился вглубь дома, стараясь не смотреть под ноги, где скомканной ветошью бугрились останки ковров.

Прошли ряд утопающих в роскоши комнат, настолько контрастирующих изысканным богатством интерьера с фасадом дома, что наемники лишь оторопело таращились вокруг, не в силах скрыть удивление. Приотстав, Шестерня попытался было дотронуться до одной из многочисленных чудесных вещиц, но, наткнувшись на предупредительный взгляд хозяина, отдернулся, пошел за остальными, бурча под нос что-то недовольное.

В дальней комнате обнаружили ведущую вниз витую лестницу, настолько узкую, что при желании, один человек, встав у основания, смог бы удерживать проход от значительно превосходящих сил врагов. Наемники с недоверием покосились на хозяина, что, нахмурившись, стоял поодаль, но Шейла, а за ней и остальные, без страха принялись спускаться, и наемникам ничего не оставалось делать, как двигаться следом.

Внизу задержались, поджидая хозяина, а когда он спустился, подсвечивая факелом, пропустили вперед. Глядя на возвышающиеся вокруг винные бочки, Шестерня тяжело вздохнул, прошептал сокрушенно:

— Столько добра пропадает!

— Почему пропадает? — также шепотом поинтересовался Мычка. — Хозяин есть.

Шестерня лишь махнул рукой, сказал с тяжелым вздохом:

— Куда уж ему. Здесь хмеля столько — за две жизни не выпить!

— В гости к нему напросись, — отстраненно произнес Дерн.

Шестерня взъерошил бороду, сказал скептически:

— Напросишься тут. Видал, как на меня зыркнул, когда я эту блестящую штуку хотел посмотреть? Думал, в горло вцепится.

— Припугни Шейлой, — с прежней интонацией произнес болотник. — Вряд ли откажет.

— Только, как откупоришь бочку, сперва хозяину дай попробовать, — хмыкнул Мычка. — А то отравит, а потом скажет — сам упился.

Остановились в дальнем углу подвала, возле глухой на вид стены. Воткнув факел в щель между плитами, хозяин дважды с силой нажал один из многочисленных каменных блоков. Хрустнуло, с гулким скрежетом часть стены отъехала в сторону, обнажив темный проем.

Взглянув на хозяина, Шейла кивнула, сказала коротко:

— Прости, что натоптали. — Не глядя на склонившегося в подобострастном поклоне пещерника, исчезла в проходе.

Когда за спиной участок стены с хрустом встал на место, Себя поежилась, сказала чуть слышно:

— Надеюсь, он боится ее больше, чем ненавидит. Не хотелось бы в конце обнаружить "неожиданно" заваленный выход.

— Думаю, подобный вариант предусмотрен, и у Шейлы наверняка припасен какой-нибудь хитрый план, — ободряюще произнес Мычка. — Тем более, мы лишь немногим ниже уровня города. В случае чего, выбраться не составит сложности.

Себя лишь покачала головой. Проведя большую часть жизни в пещерах, она не понаслышке знала, каким коварным может быть самый, на первый взгляд, безопасный проход, и насколько тяжелым может оказаться возвращение. Даже естественный подземный штрек мог без видимой причины рухнуть на голову тяжелыми глыбами камня. Что уж говорить о специально прорытом подземном ходе, где предусмотренные строителями, наверняка, имелись многочисленные ловушки: от разверзающихся под ногами ям, до выскакивающих из стен острейших шипов.

Негромко потрескивает камень под десятками ног, загадочным эхом разносятся скрип доспехов, крошечная, без единого проблеска, тьма живет загадочной жизнью. Холодный страх зарождается в груди, расползается по жилам, сковывая тело ледяным панцирем, пробирает до костей, обессиливая мышцы, а кости превращая в мягкий студень. В ушах звучат глухие голоса, словно доносящиеся из подземного мира, а перед глазами встают невнятные видения, ужасные, и одновременно, притягивающие своей чудовищной извращенностью. Извилистый узкий проход нескончаем, словно дорога посмертья, по которой грешные души спускаются в пучины мрака и хаоса — вне жизни, вне смерти, вне времени.

Вновь гулкий скрип трущихся каменных плит. Впереди вспыхивает яркая точка, разрастается, заливая пространство прохода серебристым сиянием. В сумраке проступает шершавый камень стен, а впереди маячат спины оторвавшихся спутников — избранных бойцов гильдии. Миг, и проход остается позади, стена встает на место. Вокруг те же серые стены, груды покрытых пылью бочек, словно, побродив по лабиринту, отряд вернулся назад, лишь по желтым точкам факелов, мерцающих в такт порывам сквозняка, можно догадаться — цель достигнута.

Тряхнув головой, липкие щупальца страха исчезли вместе с первым проблеском света, Дерн покосился на спутников. В тусклом мерцании светильников лица друзей бледнее обычного, похоже, короткая дорога под землей истощила силы, заставив пережить неприятные мгновения не только его.

Страхнув со лба пот, Шестерня с облегчением произнес:

— Никогда не думал, что начну бояться подземных переходов.

Дернув головой, Зола с отвращением процедил:

— Чары подавления разума. Никогда не любил это направление в магии, и, как видно, не зря. Отвратительное ощущение.

Мычка с трудом растянул губы в улыбке, лицо вершинника побелело, словно присыпанное мукой, поинтересовался с нервным смешком:

— Проход защищен заклятьями? То-то мне всякие ужасы мерещились.

— Не тебе одному, — отрубил Зола. — Полагаю, на случай вторжения, там припасены гораздо более существенные вещи, чем просто бесплотные ужасы. Если интересно, сможешь после уточнить у Шейлы, а теперь пойдемте, мне порядком надоело это место.

Стены скачком раздвинулись, потолок ушел вверх, превращая подвал из заваленного бочками погреба в огромную пещеру. Подсвеченные редкими факелами, из тьмы проступили странные механизмы, полуразобранные, распространяющие вокруг себя ауру угрозы и отдающие тяжелым запахом, они казались изобретением чьего-то воспаленного разума.

Груды металлических деталей, россыпи проржавевших бочек, маслянистые пятна на полу...

Осмотревшись, Шестерня охнул, прошептал в восхищении:

— А я-то, дурак, считал, что основной кузнечный цех в гильдии... Вот где настоящие-то сокровища!

Охая и восторгаясь, пещерник замедленно двинулся вдоль стены, переходя от одного механизма к другому, нежно касался руками блестящих металлических конструкций, что-то негромко шептал. Покосившись на Шестерню, Дерн лишь покачал головой, а Зола постучал пальцем по лбу, направился в дальнюю часть пещеры, откуда раздавались звонкие удары по металлу и доносились приглушенные голоса. Мычка схватил пещерника за руку, решительно потащил за собой. Шестерня сперва упирался, недовольно сопел, но вскоре смирился, пошел сам, но глаза пещерника так и бегали, успевая подмечать малейшие детали.

Наемники обошли очередной механизм, что при ближайшем рассмотрении оказался наполовину разобранный ладьей, точной копией атаковавших гильдию, с любопытством воззрились на происходящее. Пришедшие с Шейлой воины выстроились полукругом, сама же хозяйка, сверкая глазами, буравила взглядом стоящего перед ней пещерника.

Донесся исполненный холода голос хозяйки гильдии:

— Мне нужны четыре ладьи и нужны прямо сейчас.

— Все, что я могу предоставить — две ладьи. — Пещерник держался с почтительным достоинством, но без тени раболепия. — Я помню, ваша гильдия резервировала четыре ладьи, но, — он развел руками, — одна развалилась при испытаниях, вторую до сих пор не вернул магический магистрат, третья, за небольшими неисправностями, работает.... Стало быть — всего две.

Глаза подземницы вспыхнули недобрым огнем, она зловещим шепотом поинтересовалась:

— Что значит "небольшие неисправности"?

Пещерник развел руками, сказал с легким чувством вины:

— Пришлось демонтировать часть силовой установки, вследствие чего, перестало работать основное орудие. — Заметив непонимание во взгляде собеседницы, уточнил: — Другими словами — ладья в отличном состоянии, за исключением мелочи — корабль безоружен.

Наемники затаили дыхание, ожидая, что от дерзкого сейчас останется только мокрое место, но, то ли Шейла решила отложить расправу, то ли невзрачный пещерник представлял из себя нечто большее, чем казался на первый взгляд, и хозяйка гильдии лишь сдавленно произнесла:

— Готовьте.

Пещерник словно только этого и ждал. По его хлопку вокруг материализовались с десяток помощников, все как один — коренастые пещерники в грязных робах. Выслушав указания, они устремились к нескольким укрытым серой тканью громадам, расположенным возле дальней стены. Миг, и ткань опала, словно старая кожа, вместо бесформенных куч глазам предстали гордые обводы летающих кораблей.

Зола сделал шаг в сторону Шейлы. Заметив движение, та подошла, взглянула вопросительно.

— Ты не посвятишь нас в результаты беседы с этим милым пещерником? — отстраненно поинтересовался маг. — Отсюда не очень хорошо слышно. План изменился?

— План остался прежним, — ровно ответила Шейла, хотя было заметно, что

спокойствие дается ей с трудом. — Изменились условия.

— В какую сторону? — осторожно полюбопытствовал Мычка.

— В худшую.

— И почему я не удивляюсь? — насмешливо произнесла Себя.

Зола дернул щекой, попросил раздраженно:

— Что за привычка разговаривать недомолвками? Объясни по простому.

Шестерня покосился на мага, сказал насмешливо:

— Вот те раз! Золе, да по-простому. Не иначе, наш мудрец голову перетрудил. На ладьях полетим, че не ясно-то?

Шейла нахмурилась, сказала с досадой:

— Предлагаю вам замолчать, пока я не начала жалеть о своем решении — вновь принять вас в гильдию. — Наемники прикусили языки, а Шейла продолжила: — Людей и техники должно было хватить на четыре полноценных группы, но обстоятельства складываются так, что получится в два раза меньше.

Шестерня крикнул, Дерн прищурился, а Мычка осторожно поинтересовался:

— Он что-то говорил о вооружении...

Шейла нехотя ответила:

— На каждой ладье установлено орудие. Против людей оно непригодно, но для разрушения зданий и в воздушном бою может оказаться незаменимым. По словам очевидцев у ваших противников три ладьи, и, как минимум, два орудия...

— А у нас? — полюбопытствовала Себя.

— А у нас две, из которых — вооружена лишь одна.

Повисло напряженное молчание. Зрелище рассыпающейся башни еще стояло перед глазами и наемники лишь сейчас по достоинству смогли оценить сложность поставленной задачи. Если в полтора раза большее количество врагов не представлялось особо критичным, наемники полагались на свои силы, да и отборные воины гильдии внушали уважение комплекцией и качеством доспехов, то тройное превосходство противника в оружии, способном легко раскалывать толстенные каменные блоки, ввергало в уныние, вызывая сомнения в благополучном исходе задания в целом.

Прерывая тягостную тишину, Мычка произнес:

— Не скажу, что это обнадеживает, но меня больше интересует другой вопрос — как мы их сможем найти? Непреодолимые для пешего горы летающая лодка преодолееет легко, а непролазный лес или топкое болото и вовсе не заметит, но как уследить, если открыты все дороги?

— Легко убежать, легко и догнать, — ответила Шейла с усмешкой. — Но если тебя волнует лишь это...

— Не только, — перебил Шестерня. — Мне интересно, как с этой посуды справлять нужду, коли приспичит? Там специальные дырки есть, или прямо через борт? Этак и на землю сверзиться недолго.

Услышав последние слова, Себя фыркнула, а Шейла с милой улыбкой произнесла:

— Дорогой Шестерня, эти вопросы необычайно важны, и ты получишь на них ответы даже быстрее, чем думаешь. Все готово? — крикнула она, обращаясь к пещернику, стоящему на прежнем месте. Получив утвердительный знак, вновь повернулась к наемникам, произнесла с подъемом: — Тогда сборы окончены. Можете занимать места. Ваша ладья слева, — она отвернулась, двинулась к остальным воинам, застывшим в почтительном

ожидании

Глядя в спину хозяйке, Зола обескуражено произнес:

— А подробности? Или все прочее на наше усмотрение?

Не оборачиваясь, Шейла бросила через плечо:

— За подробностями к Обвесу, глава рейда он.

Шестерня покосился на указанного воина, ревнивым взглядом оценил мускулатуру, отметил рост и размах плеч, сказал с небрежением:

— Больно надо. И без него управимся, не впервой.

Пришедшие с Шейлой воины разделились на два неравных отряда, больший остался на месте, а меньший двинулся в сторону ладьей. Глядя, как бойцы ловко карабкаются наверх, к ладьям двинулись и наемники. Подошедший первым, Мычка уже собрался запрыгивать на борт, памятуя, как делал это во время недавнего боя, но взгляд наткнулся на выступающие из досок изящные металлические скобы, сделанные в виде лесенки. С облегчением вздохнув, вершинник легко взбежал наверх. Следом появилась Себия, чуть позже, вскарабкались и остальные.

Едва последний из наемников ступил на борт, чуть слышный до того, низкий гул разом стал громче, доски под ногами мелко завибрировали, с облегченьем хрустнули расположенные под днищем подпорки, освобождаясь от ноши, и ладья плавно взмыла.

ГЛАВА 4

Сделав небольшой круг, ладья устремилась вверх. Глядя на приближающийся свод, наемники оцепенели. Шестерня открыл и закрыл рот, Мычка побледнел, а Себия напряглась для прыжка в пропасть, лучше рискнуть ногами, упав с высоты нескольких этажей, чем быть размазанной о камни, даже обычно невозмутимый Дерн вздрогнул, лишь Зола, погрузившись в размышления, оставил происходящее без внимания.

Плиты свода стремительно приближаются, увеличиваясь с каждым мгновением, вот уже видны застарелые сколы и многочисленные мелкие трещинки. Столкновение неизбежно, еще немного, и неуправляемая ладья врежется в камень, с сухим треском лопнет обшивка, изящные обводы корпуса исказятся, сминаясь о неподатливый камень, корабль вздрогнет, словно смертельно раненное животное, после чего, бесформенной массой обрушится, погребая под обломками пассажиров и превращая в кровавую кашу стоящих внизу.

Мгновение парализующего ужаса, и свод смазывается, в темной вышине проступают бесчисленные звезды, а вокруг, насколько хватает глаз, открывается бескрайний иссиня-черный оком неба, лишь далеко на востоке, предвестницей наступающего дня, светлеет тонкая полоска виднокрая.

Себия повертела головой, непонимающе уставилась на дюжего воина удерживающего ее за руки. Перехватив взгляд девушки, тот убрал руки, сказал с улыбкой:

— Насилу успел поймать. Еще немного, и сиганула бы за борт.

— Что происходит? — подземница вновь осмотрелась. — Как мы избежали столкновения?

Воин развел руками, сказал покаянно:

— Это у нас вроде проверки, для тех, кто вылетает впервые. Всегда интересно наблюдать за реакцией. Обычно обходится легким испугом, люди просто не успевают среагировать, но ты... — Он развел руками, добавил с уважением: — Если в бою придется доверить тебе свою жизнь, сделаю это без колебаний.

Стоящие рядом воины заулыбались. Кто-то произнес со смешком:

— Тут-то она тебе шутку и припомнит.

Негромко переговариваясь, воины ушли на переднюю часть ладьи, оставив наемников в одиночестве. Шестерня открыл рот, но вместо голоса вырвалось лишь жалобное сипение, он попытался вновь, с трудом прохрипел:

— Хорошие у них шуточки. Я чуть штаны не обмочил.

Мычка, что до этого времени сидел с остекленевшим взглядом, шевельнулся, пробормотал зловеще:

— Надеюсь, никто не расстроится, если один из этих шутников случайно выпадет за борт, а быть может, и несколько.

— Буду участвовать, — эхом откликнулся Дерн.

Зола отвлекся от размышлений, с недоумением взглянув на товарищей, произнес:

— Там вместо свода световая иллюзия, и надо заметить, неплохая. Разве я не сказал?

Себя процедила зло:

— Наверное, было очень шумно, мы не расслышали.

Пожав плечами, Зола подошел к краю, опершись о бортик, устремил взгляд вниз. Рядом встал Дерн, за ним подошли и остальные, застыли зачарованные, чувствуя, как недовольство стремительно сменяется восторгом, а душа замирает в сладостном ликовании от разворачивающегося внизу величественного зрелища.

Город раскинулся огромным мерцающим цветком: ближе к окраинам сияние едва теплится, редкие огоньки слабо вспыхивают, готовые угаснуть от малейшего ветерка; богатые районы насыщены светом: огненными жилами пульсируют улицы, маняще пламенеют подсвеченные багровым вывески таверн, радужными мотыльками проглядываются окна из разноцветного стекла; дворцы знати сияют так, что больно смотреть, вспыхивают и гаснут фейерверки подсвеченные прожекторами, звездным дождем серебрятся фонтаны, вознесшиеся иглы шпиль и башенок тускло блестят позолотой, навевая сладкие грезы о волшебных существах и дивных странах.

Зачарованный волшебным зрелищем, Шестерня шевельнулся, произнес благоговейным шепотом:

— Много, где бывать довелось, но, чтобы так, аки птица...

Себя отозвалась эхом:

— словно в родных подземельях: лужицы мерцающей воды, светящийся мох, голодный блеск глаз таящихся в сумраке хищников... только, намного, намного прекраснее.

Сияющий цветок города медленно уплывал, теряясь в утренней дымке, землю заволокло тьмой, лишь некоторое время слабо мерцали огоньки стоящих на отшибе лачуг, но вскоре и они исчезли, растворившись в непроглядной черноте.

Мычка со вздохом разочарования отошел от борта, присел на палубу, глядя на усыпавшие небосвод звезды, с завистью произнес:

— Чудом сложилось, довелось подняться под облака, а ведь кто-то так каждый день...

— Не завидуй. Кто высоко летает — больно падает.

Болотник сказал это спокойно, даже с ленцой, но эффект оказался подобен ушату ледяной воды. Спутники поежились, поспешно отодвинулись от борта.

Шестерня передернул плечами.

— Отсюда сверзишься — сразу в лепешку, а то, и еще чего хуже.

— А что может быть хуже? — Себя взглянула с удивлением.

— Что-что, — пещерник нахмурился, — на изгородь какую упадешь, или по дороге змей встретится, сожрет в полете, шмякнуться не успеешь.

Подземница восторженно распахнула глаза, спросила испуганным шепотом:

— А у вас еще и летающие змеи водятся?

— Сам не видел, но говорят. Пастухи жалуются: то корова пропадет, то овцы недосчитаются. А кто виноват? Змей, знамо дело.

Мычка сказал задумчиво:

— Ловил я этих змеев, потом шкуры продавал, по пятаку за штуку.

Себя присела рядом, спросила, искательно заглядывая в глаза:

— Опасные?

Вершинник поскреб затылок, ответил с сомнением:

— Да не так, чтобы очень. Пока мало — ничего, но как расплодятся — спать не дают, ночами воют. Вот и приходилось...

Девушка опасливо заозиралась, спросила еще тише:

— А сюда не залетят?

Мычка потрепал Себию по плечу, сказал успокаивающе:

— Сюда, вряд ли, они низехонько летают.

Шестерня прислушался к доносящемуся из недр ладьи равномерному гулу, сказал:

— Посветлеет — спущусь, гляну, как тут все устроено. Секиру Прародителя мне в печень, если упущу такую возможность.

— Это кто тут такой шустрый? — послышался насмешливый голос.

В надстройке над палубой, расположенной ближе к задней части, высветился прямоугольник дверного проема, спасаясь от яркого света, наемники поспешно прикрыли глаза, а когда проморгались, рядом, оперев руки в бока, возник незнакомец.

Мельком оглядев пришельца, могучая стать вкупе с низким ростом и окладистой бородой, с головой выдали уроженца пещер, Шестерня сказал задиристо:

— Я-то, известно кто, вон, вокруг четверо, и все знают. А кто ты?

— Тебя четверо, а меня все остальные, да полгорода в придачу. Я Маховик, механик судна.

Зола склонил голову в приветствии, церемонно поинтересовался:

— Скажи, любезный, как долго продлится путешествие?

Маховик хмыкнул, взъерошил бороду, отчего стал до боли похож на Шестерню, поменяйся они местами, никто бы не отличил, сказал с прежней насмешкой:

— Кто ж знает: может день, а может седмицу. В нашем деле нельзя загадывать.

Зола нахмурился, спросил неодобрительно:

— Скажи хоть, куда направляемся, в какую сторону?

— Не знаю, — механик пожал плечами. Услышав сдавленный стон мага, добавил: — Но догадываюсь.

— В таком случае, куда мы летим? — к Себии вернулась обычная подозрительность.

Заметив, как угрожающе напряжинулась фигура подземницы, Маховик, на всякий

случай отступил на шаг, сказал серьезно:

— Вы, ребята, обвыкнитесь, сперва звездами полюбуйтесь, может, даже вздремнете, если сможете, а разговоры разговаривать будем позже, когда я с курсом определюсь. Да и посветлеет к тому времени, а то, не ровен час, наскочим на что-нибудь.

Мычка поспешно спросил:

— Наскочим? Здесь?

Маховик снисходительно бросил:

— А ты думал, если небо, то и наскочить не на что? Хуже чем в лесу, чуть не доглядишь — лоб расшибешь, а заодно и ладью. Отчитывайся потом перед главмехом....

Под ногами негромко ухнуло, ладья ощутимо просела. Чертыхнувшись, Маховик унесся обратно, вновь сверкнул прямоугольник входа, хлопнула дверь. Зола прошелся туда-обратно, с ожесточением впечатывая посох в доски палубы, сказал сердито:

— И надо же было поддаться на ваши уговоры. Сейчас бы спал на удобной кровати, не рискуя сверзиться с головокрумной высоты, а с утра сразу в хранилище, там еще столько работы...

Дерн сказал с зевком:

— Все верно. Были бы сейчас в родной корчме, потчевали постояльцев. И чего не сиделось?

Зола недобро сверкнул глазами.

— Я никого с собой не тянул. Сами напросились.

— А никто и не в обиде. — Мычка улегся на палубу, заложил за голову руки. — Одно только зрелище ночного города стоило того, чтобы заново повторить весь путь.

Шестерня завозился, сухо закрипели доспехи, сказал примиряюще:

— Не пойму, чего спорите. Впору радоваться: в кои-то веки удалось в рейд выбратсья, на ладье полетать. А то сидим в четырех стенах, как в темнице. Еще немного, совсем бы мхом поросли.

Ему не ответили. Все в глубине души скучали по тому времени, когда не обремененные обязательствами каждый был предоставлен сам себе и мог заниматься любимым делом. Получаемые от хозяйки задания воспринимались с радостью, а выполнялись без спешки, после вдумчивой подготовки и неторопливых сборов. Здесь, в столице, жизнь гильдии течет по-иному. Все подчинено жесткому распорядку. И если для наемников сделали некоторое послабление, то прочие согильдийцы не имеют и этого. Подъем, короткий завтрак, утренние тренировки, за которыми следуют хозяйственные работы.... Редкие патрули по городу, позволяющие ненадолго вырваться из привычного круговорота дел, что пролетают незаметно, оставляя после себя ощущение смутной незавершенности, когда, едва ощутив вокруг иное течение жизни, тут же, возвращаясь назад, огорошенный царящей на улицах суетой и пьянящим ощущением ничем не ограниченной свободы.

Даже Себия, почти каждую ночь патрулирующая улицы в составе небольшого отряда подземников, порой, с сожалением вспоминала время, когда она вместе с товарищами, не связанные никакими обязательствами, кроме уз дружбы, шли навстречу неизвестности, не задумываясь и не считая выгоды, ввязывались в опаснейшие авантюры, наполняясь ощущением могущества и чувствуя бесконечный азарт от близкого дыхания смерти.

По щеке неприятно мазнуло холодным. Зола открыл глаза. Сверху, на бортике, сидит ворон, иссиня-черное оперение отлиывает металлом, клюв приоткрыт, круглый черный глаз

смотрит, не мигая. Зола коснулся пальцами щеки, чуть отодвинул, присматриваясь. Ворон насмешливо смотрел, как брови мага сошлись на переносице, даже повернул голову, чтобы лучше видеть.

С омерзением обтерев ладонь о доски, маг вытянул руку, пальцы замерцали, угрожающе налились багровым. Но ворон, словно догадавшись, что должно произойти, зло каркнул, взмахнув крыльями, стремительно исчез из виду. Зола попытался встать, но заочевшее за ночь тело слушалось с трудом, охнув, повернулся на бок, замедленно поднялся.

Солнце уже поднялось, но воздух еще не успел прогреться. Далеко внизу курится туманом земля, белесые клочья клубятся, непрерывно меняются, принимая формы неведомых зверей. Темные пятна роц и верхушки холмов, словно редкие островки в бесконечном молочном море, что вскоре исчезнет, не оставив и следа. Здесь, наверху, по-прежнему холодно, доски палубы и бортиков покрыты мелкой водяной пылью. От едва заметной вибрации корпуса пыль собирается в капельки, те, в свою очередь, сливаются в небольшие лужицы, что вскоре испарятся под лучами неумолимого солнца.

Поежившись, Зола плотнее запахнулся в балахон, мельком оглядел товарищей. Рядом, привалившись к борту, спит Дерн, голова свесилась на грудь, руки по привычке прижимают к груди котомку с зельями, чуть дальше, укрывшись с головой плащами, лежат Мычка с Себией, не чувствительный к холоду, раскинулся Шестерня, в качестве подушки — щит, рука крепко сжимает заплечный мешок.

Взгляд заскользил дальше. Несмотря на скромные размеры, пяток шагов в поперечнике и два десятка в длину, ладья легко вместила полтора десятка воинов, а судя по оставшемуся свободным месту, бойцы гильдии вповалку спали в носовой части, занимая от силы треть свободного пространства, вошло бы еще столько же.

Скрипнула, отворяясь, дверь, из надстройки выбрался Маховик, покрасневшие глаза механика взглянули на мага.

— Не спится? — Маховик усмехнулся. — По первости, у всех так. Эти вон, в который раз уже, летят, — он кивнул в сторону согильдийцев, — спят, как бревна.

— Прохладно тут, — нехотя отозвался Зола. — Да и птицы гадят.

— Птицы, это хорошо, — протянул механик. — Значит, верным путем идем.

— А драконы? — зевая, поинтересовалась Себия.

— Где!?

От спокойствия Маховика не осталось и следа. Он подскочил к бортику, приложив руку козырьком ко лбу, воззрился в ту часть неба, куда смотрела подземница, мгновение напряженно всматривался, после чего, бросился в надстройку, по пути наступив на Мычку и запнувшись о Шестерню.

Наемники подхватились, заозирались, не понимая, что происходит. Глядя на их ошарашенные лица, Зола саркастически произнес:

— С добрым утром.

— Какое ж оно доброе, коли, по голове кони топчутся? — пробурчал Шестерня, потирая лоб.

— И не только по голове, — добавил Мычка, осматриваясь в поисках шутника, вздумавшего будить столь необычным способом.

Ладья, между тем, накренилась, круто пошла вниз. В небе, что незадолго до того казалось девственно чистым, протаяли черные точки, начали увеличиваться. Проснувшись вместе со всеми, Дерн с интересом вглядывался в пронзительную синеву, пытаясь

определить, что происходит, но ладья стремительно снижалась, и вскоре, неведомые создания стали уменьшаться, а потом и вовсе исчезли, затерявшись в бескрайних просторах небес.

Чиркнув по верхушкам деревьев, ладья спустилась к земле, мгновение повисев, коснулась поверхности. Корпус ощутимо трянуло, скрипнули доски обшивки, а мгновением позже, затих и ставший привычным гул. В уши ворвался вихрь лесных звуков: шелест листьев на ветру, птичий гомон, деловитое гудение пчел.

Дерн кивнул, с удовлетворением произнес:

— Что ж, так гораздо лучше. Не нравилась мне идея Шестерни — высунувшись, через борт...

Легко перемахнув бортик, болотник прыгнул на землю. За ним соскочили и остальные, лишь Зола ненадолго замешкался, но глядя, как громко переговариваясь, горохом посыпались вниз разбуженные остановкой бойцы, нехотя полез следом, воспользовавшись лестницей из скоб.

Свежий, насыщенный запахом лесной подстилки воздух щекошет ноздри, под ногами похрустывают сухие веточки, разлапистые стебли папоротника вяло покачиваются, щедро орошая все вокруг мелкими каплями росы. Мычка остановился, с наслаждением вдохнул всей грудью. Он уже и забыл, когда последний раз, вот так, в одиночестве, бродил по лесам, выискивая звериные тропы. Даже не верилось, что в сотне шагов позади, на поляне, два десятка бойцов разминают ноги, готовясь к продолжению полета. Чувства говорили об обратном — вокруг, на многие дни пути ни души, только дикие звери, что страшны лишь далекому от природы городскому жителю, а охотнику, проводшему большую часть жизни в уединении, родные братья.

Что-то неправильное почудилось в окружающей жизни леса. Мычка насторожился, еще не понимая в чем дело, потянулся к мечам. Уши настороженно шевелятся, взгляд ощупывает зеленую ткань леса. Неподалеку, в сплошном теле леса наметился просвет, глаза мельком прошли по светлому пятну, вернулись, всмотрелись пристальнее. Мычка понял, что именно привлекло внимание, держась настороже, двинулся к подозрительному пятну. Запах крови, неслышимой змеей вкравшийся в ароматы леса, стал сильнее, набрал мощь, ударил по обостренному обонянию вершинника, словно молот.

Обойдя мешающий обзору толстенный замшелый комель, Мычка остановился, несколько мгновений хмуро рассматривал открывшуюся картину, после чего, вложил пальцы в рот, пронзительно свистнул.

ГЛАВА 5

Позади затрещало, из леса, топая, как стадо лосей, выметнулись согильдийцы, резко остановились, будто налетев на стену. Среди поваленных, словно от удара дубины великана, столетних кряжей, возвышается гора искореженных досок, в изломанных очертаниях с трудом угадываются обводы ладьи. Вокруг, пятная поляну блестками доспехов, застыли фигурки воинов, тела сплюснены, будто по ним прошли огромным молотом, ни звука, ни

движения, лишь тяжелый запах смерти, да звон роящихся над останками мух.

Бойцы разбрелись вокруг, трогая, осматривая, проверяя. Позади шелестнул куст, рядом с Мычкой возникла Себя, мгновением позже, из густого подлеска вынырнули Шестерня и Дерн.

Мельком осмотревшись, Дерн произнес:

— Знакомый покрой доспехов. Не наши ли ночные противники?

— Они самые, — подтвердила Себя. — Вон тот маг, что выбил нас с ладьи. — Она подняла руку, указывая на раскинувшую руки фигуру в измятом балахоне. Маг лежал на спине, на лице застыло сосредоточенное выражение, словно и после смерти он продолжал всматриваться в неведомого врага.

— Кто ж их так? — Шестерня поежился.

— Кто-кто, с неба упали. — Из леса выдвинулся Зола, не замедляя шага, двинулся к останкам ладьи.

— Знать, и мы так можем... — Шестерня передернул плечами, усиленно замотал головой, отгоняя жуткую картину.

Мычка, успев осмотреть уже несколько тел, поднял голову, сказал негромко:

— Можем, но им помогли.

К нему сразу же повернулись несколько воинов, взглянули заинтересованно. Ощувив вопрос в глазах согильдийцев, Мычка произнес:

— У них на телах глубокие раны и нанесены они, отнюдь не оружием.

— Естественно, — один из воинов усмехнулся, — зверье постаралось: столько добычи, и ни один не защищается. Нашел, чем удивить.

— Раны нанесены в то время, когда они еще были живы, посмотри, тела залиты кровью. Разорви их звери после смерти, такого бы не случилось.

Воины стали внимательнее приглядываться к останкам, одобрительно закивали, насмешник же прикусил язык, отошел, пристыженный.

Коротко разбежавшись, Себя взлетела на самый верх оставшейся от ладьи груды обломков, несмотря на небольшой вес подземницы, доски угрожающе затрещали. Шестерня проводил девушку заинтересованным взглядом, поинтересовался:

— Зачем она туда? Или поразмяться решила?

Подземница некоторое время балансировала, переступая с доски на доску, вдруг исчезла из вида. Мычка охнул, дернулся следом, но Дерн придержал за плечо, неодобрительно покачал головой. Вершинник остановился, но продолжал внимательно следить, от напряжения покусывая губу. Неожиданно груда обломков затрещала, с грохотом осыпалась, выбросив тучу пыли. Челюсть у Мычки отвисла, в глазах метнулся ужас, но мгновение спустя, он вздохнул с облегчением.

В пыльном облаке протаяла изящная фигурка, приблизилась, брезгливо морщась и стряхивая с плаща пыль. С удивлением оглядев товарищей, с чьих лиц медленно исчезало напряжение, Себя бросила:

— Никого.

— Что значит — никого? — откликнулся Шестерня от ближайшего тела, чьи бесполезные для хозяина вещи неуклонно перемещались в заплечный мешок пещерника. — Все наружу выпали?

— Насколько понимаю, имеются в виду пленники, — сказал Дерн. — Задание Шейлы никто не отменял, и Себя избавила нас от утомительной работы искать под развалинами

ладьи трупы узников.

Прислушиваясь к беседе, к говорящим приблизился Зола, сказал, обращаясь ко всем разом:

— Полагаю, можно уходить. Все, что можно, мы уже узнали. В обезображенных телах нет ничего интересного, а остатки ладьи теперь недостижимы для исследования.

Заподозрив в словах мага упрек, Себя фыркнула, сказала с издевкой:

— Никто не мешал поторопиться, и, вполне возможно, та россыпь свитков, что попалась мне на глаза в глубине ладьи, принесла бы немногим большую пользу, чем гнить от времени и сырости под обломками корабля.

Оставив Зола, ошарашенного известием, размышлять об услышанном, подземница скрылась в лесу. За ней, пряча улыбку, двинулся Дерн, следом зашепшил Мычка, лишь Шестерня продолжал невозмутимо обшаривать трупы, набивая, и без того тугой мешок, все новыми приглянувшимися вещицами.

Вернувшись к ладье, наемники немного побродили, наслаждаясь мягким ковром трав, что, пользуясь в изобилии льющимся на опушку солнечным светом, буйно разрослись повсюду, когда же из леса показались компаньоны по рейду, неторопливо взобрались на борт.

Загудело. Качнувшись, ладья пошла на взлет. Мягко провалился окружающий поляну кустарник, вниз, словно в удивительном сне, заскользили стволы с узловатыми сучьями, но вскоре растворились, сменившись разлапистой массой крон.

— Смотрите! — воскликнул один из воинов, указывая на что-то рукой.

Все разом повернули головы, взглянули в указанном направлении. Присмотревшись, Шестерня присвистнул, Себя нахмурилась, а Дерн негромко пробормотал:

— Похоже, это и есть причина столь неудачного приземления беглецов.

Совсем рядом, застряв в развилке ветвей, распластался небольшой ящер: кожистые крылья бессильно свешиваются, изодранные в лоскуты, голова неестественно вывернута, из раскрытой пасти поблескивают острые зубы. На спине, закрепленное подпругой, привязано седло, отбеленная кожа попятнана темным, на коротких тесемках, туго стянутые, приторочены несколько мешков. Немногим ниже, наколотый на острый сук, словно насекомое, висит хозяин. Умело подогнанные доспехи красиво облегают фигуру, из-за плеча выглядывает острый рог короткого лука, голова запрокинута, на лице застыло удивление, словно наездник до конца не мог поверить в трагичную развязку, если бы не высунувшееся из груди окровавленное древесное острие, могло показаться, что воин каким-то чудом залез на дерево и теперь задумчиво созерцает небо.

Глядя на лицо подземника, чья и без того темная кожа от потери крови совсем почернела, Шестерня произнес:

— Надо б Маховику сказать, чтобы подлетел поближе.

— Боишься, как бы чего ценного не осталось? — насмешливо бросил Зола, покосившись на распухший мешок товарища.

Пещерник поскреб затылок, сказал в раздумии:

— Маховику будет не лишним знать. Те, что по полянке разбросаны, возможно, тоже не знали, потому и лежат теперь...

— Маховик, если и не знал, то догадывался, — обронил Дерн. — Оттого и спустился сразу же, едва что-то в облаках померещилось.

Шестерня сдвинул брови, сказал упрямо:

— Все равно. Надо подлететь ближе, рассмотреть...

— Чего там рассматривать? — В проеме надстройки возник Маховик, окинув взглядом пространство вокруг, подошел ближе, сказал устало: — Вы пока по лесу бродили, я уже успел насмотрелся. Обычный подземник на обычном драконе — разве, что не в очень обычном месте, — он хохотнул.

— Что-то я таких "обычных" драконов не припомню, — нахмурившись, произнесла Себя. — Ездовых хватает, но таких.... Под землей особо не летаешь, да и незачем.

Маховик пожал плечами.

— А раньше их и не было. Не так давно появились. За последнее время вообще много чего появилось... странного.

Ладя, меж тем, набрала высоту, заскользила над деревьями, что слились в единый зеленый ковер, изредка нарушаемый светлыми пятнами опушек да темными отметинами холмов. Глядя на бесконечное зеленое море, Мычка пробормотал:

— Сколько по лесам странствовал, но лишь отсюда, сверху, можно по-настоящему оценить, насколько велика наша земля.

— Не так уж и велика, — скрипуче заметил Маховик. — К западу, огороженные непролазными скалами начинаются земли пещерников; на юге, в бесконечных густых лесах располагается страна болотников; к востоку живут племена подземников.

— А что на севере? — любопытствовал Мычка. — Ведь мы летим именно туда.

— Вершинники, — коротко ответил Маховик.

— По твоим словам, выходит, что до одних, что до других, что до третьих — рукой подать, — с недоумением произнес Шестерня. — А мы, уж сколько летим, не то, что града — деревни не встретили.

Маховик пожал плечами.

— Так мы на север летим, тут и не живет никто, а если и живет — поди, разгляди под кронами.

— А те, кого преследуем, не могут в лесу схорониться? — любопытствовал Дерн.

— Могут, отчего ж не мочь, только, вряд ли станут.

В голосе механика прозвучала некая недоговоренность, отчего Зола повернул голову, спросил заинтересованно:

— Это почему?

Маховик помялся, сказал нехотя:

— Сам-то я не видал, высоко летаю, но сказывают, что в лесах порой можно встретить такое, что — ни оружие не возьмет, ни даже магия.

Мычка отмахнулся, сказал с недоверием:

— Не слушай. Сколько по лесам охотился, ничего подобного не встречал.

Воины, что до того что-то горячо обсуждали на носовой части, замолкли, заинтересовались разговором, приблизились. Один из бойцов, с кривым шрамом через все лицо, нахмурился, с неодобрением произнес:

— Уж не знаю, в каких ты лесах охотился, но я сам как-то встретил нечто... — он пошевелил пальцами, подыскивая слова, — нечто непонятное. Тварь обвалилась с огромного дерева, и, несмотря на наше бешеное сопротивление, методично, одного за другим, уничтожила почти весь отряд. Уцелело двое, и лишь потому, что, оглушенные, не смогли продолжать бой и оказались засыпанными телами друзей.

Мычка открыл рот, собираясь возразить, но, судя по всему, что-то вспомнил, его лицо

омрачилось, и рот сам собой закрылся. Дерн, с интересом наблюдавший за изменением лица вершинника, примирительно сказал:

— Все верно. Пока мы шли к столице, тоже встречали некоторых удивительных существ...

— Вы уничтожили их? — перебив, воскликнул воин со шрамом.

— Мы разглядели их издали и успели уклониться от встречи, — дипломатично ответил Дерн.

Согильдийцы понимающе закивали. И хотя, в некоторых взглядах проскользнуло презрение, а кто-то даже пренебрежительно фыркнул, большая часть бойцов смотрели с одобрением. Бывалые воины прекрасно знали, где заканчивается граница храбрости и начинается глупость, и к какому возрасту вырабатывается способность эти вещи различать, и потому не стали одергивать своих более молодых товарищей. Вместо этого, один из воинов, широкоплечий, высокий, в тяжелых стальных доспехах, уважительно спросил:

— Ты сказал "их"? Вам довелось встретить больше, чем одно чудовище?

Зола, что все это время порывался что-то спросить, досадливой дернул рукой, сказал скороговоркой:

— Не то три, не то пять, кто ж упомнит... Гораздо интереснее, откуда они берутся?

Среди воцарившегося молчания, воины смотрели на мага с отвисшими челюстями, прозвучал надтреснутый голос Маховика:

— Сам не видел, но, говорят, что это существа не из нашей местности... — Он помолчал, добавил опасливо: — И даже не из нашего мира.

На этот раз, взгляды скрестились на механике. Зола отмахнулся, спросил неверяще:

— Не из нашего мира? А откуда? И как сюда попадают, если не секрет?

Маховик, судя по лицу успевший раскаяться, что затеял разговор, сказал, старательно копируя чьи-то слова, и даже интонацию:

— Иногда магические потоки складываются так, что между двумя мирами возникает связь, и в образовавшийся коридор могут проникать различные сущности...

На этот раз пришло время удивляться Золе. Не ожидав от механика подобных речей, он в затруднении произнес:

— Различные сущности.... Но ведь подобные процессы не проходят незамеченными. Извращение магических потоков приводит к мощнейшему выбросу энергии и... — Он застыл, словно пораженный молнией.

Не обращая внимания на изменения в лице мага, Маховик подтвердил:

— Все верно. После этого остаются огромные выжженные участки земли идеально круглой формы.

После этих слов наемники разом взглянули на Золу, в их глазах мелькнуло запоздалое понимание. Но раньше, чем кто-то успел открыть рот, один из воинов, что в этот момент отвернулся, замедленно повторил:

— Выжженные участки идеально круглой формы... Ты, случаем, не это имел в виду?

Все головы разом повернулись. Впереди и чуть в стороне, в сплошном зеленом массиве чернело пятно. Один из воинов долго щурился, сказал с сомнением:

— Да разве это пятно? Мелочь какая-то, вроде костровища.

Другой воин ответил насмешливо:

— Так мы ж еще далеко. Ближе подлетим — увидишь, какое это костровище.

Услышав последние слова, Маховик попытался незаметно скрыться в надстройке, но его

заметили.

— Пошел менять курс? — пробасил воин в стальных доспехах. — И то верно, подлетим, посмотрим.

Маховик поморщился, сказал с досадой:

— Мы только потеряем время. Да и что интересного может быть в выжженном пятне посреди леса?

Пристально вглядываясь в пятно, Себия произнесла замедленно:

— Если мне не изменяет зрение, там что-то движется.

На нее покосились неверяще, пятно едва виднелось, с трудом различимое среди серо-зеленого лесного моря, и распознать на его фоне движущуюся точку казалось невозможным. Кто-то хмыкнул, кто-то улыбнулся, но остальные приободрились, загомонили радостно, предвкушая интересное зрелище.

Пожав плечами, Маховик исчез в надстройке. Ладья изменила курс, пошла по направлению к пятну, с каждым мгновением спускаясь все ниже. Непрерывная зеленая поверхность пошла рябью, разбилась на отдельные группки деревьев, протаяли незаметные до того детали: мелькнула небольшая опушка, голубым оком блеснуло лесное озерцо, едва различимый в густых зарослях проступил неровный росчерк звериной тропы.

Выжженное пятно приблизилось, увеличилось в размерах, стали видны почерневшие деревья вокруг, но не это привлекло внимание. Посреди пятна, ворочаясь в почерневшей земле, словно свинья в придорожной луже, копошилось нечто бесформенное. Затаив дыхание, воины неотрывно смотрели на гигантскую тушу, что непрерывно шевелилась и вздрагивала.

Вглядевшись, один из бойцов заорал:

— Да оно зарывается!

Остальные лишь сейчас обратили внимание, что вал земли вокруг чудовища неуклонно увеличивается, в то время, как оно само постепенно уменьшается, погружаясь все глубже и глубже. Воины зашумели, кто-то требовал немедленно подлететь ближе, пока чудовище окончательно не скрылось, другие увещевали не лезть на рожон и отойти подальше.

Наемники не принимали участия в беседе, лишь Мычка попытался что-то сказать, но его слова потонули в гуле голосов, и махнув рукой, вершинник замолчал. Чудовище продолжало зарываться и выглядело уже не таким огромным и опасным, и любопытство возобладало. Один из воинов подскочил к надстройке, где скрылся механик, что есть сил, забарабанил в дверь, призывая демонов на голову пещернику, из-за чьей тугоухости будет вот-вот упущено незабываемое зрелище.

Наконец, дверь отворилась. Маховик отшатнулся, едва не угодив под пудовые кулаки, нахмурившись, хотел что-то сказать, но взглянув на оживленные лица бойцов, лишь махнул рукой, вновь скрылся.

Глядя на происходящее, Дерн мрачно произнес, обращаясь к Мычке:

— Мне одному не нравится идея спуститься?

— Никому не нравится, — сквозь зубы отозвался вершинник. — Эти ребята, похоже, не сталкивались ни с чем опаснее подгулявших горожан.

Шестерня возразил:

— Но оно не выглядит опасным...

Себия взглянула на пещерника, сказала насторожено:

— Помнишь останки отряда подземников? Возможно то, что они встретили, тоже не

казалось опасным.

Зола оторвался от карты, что выхватил из заплечного мешка сразу же, едва услышал о выжженном пятне, и с тех пор непрерывно рассматривал, водя по бумаге пальцем и беззвучно шевеля губами, оглядел товарищей пылающим взглядом, судя по всему, увиденное значительно подняло ему настроение, сказал с подъемом:

— Не думаю, что это действительно настолько опасно. Мы на высоте, и даже решишь причинить нам вред, у существа вряд ли что получится, к тому же, оно зарывается, а это означает...

Ладью с силой тряхнуло. Громко лязгнув зубами, Зола проглотил остаток фразы. Несколько бойцов, не удержавшись, упали, остальные вцепились в борт, смотрели вниз с выражением безграничного ужаса на лицах. Наемники подхватились, мгновенно оказались возле бортика, взглянули вниз и ощутили, как волосы встают дыбом.

ГЛАВА 6

От ладьи к чудовищу протянулся толстый, в два обхвата, жгут-щупальце, состоящий, подобно канату, из множества более мелких, толщиной в бедро человека, кроваво-красных жил. Основание щупальца уходит в разошедшиеся, подобно бутону цветка, алые лепестки пасти, где в алчном предвкушении трепещут, истекая соком, многочисленные выросты-хоботки, увенчанное веером острейших крюков наверху намертво впилося в обшивку, удерживая ладью подобно якорю.

Из надстройки выметнулся Маховик: на лице непонимание, в глазах ярость, глянул за борт, схватившись за голову, умчался обратно. Ладья загудела громче, надсаднее, махина воздушного судна дернулась, пытаясь освободиться от захвата. Жалобно заскрипели доски обшивки, щупальце натянулось, начало истончаться, отдельные жилки стали лопаться. Еще немного, и чуждая миру плоть не выдержит, брызнет розовый сок, сплетение жил распадется, и освобожденная ладья рванется вперед, утверждая победу человеческого разума над бессмысленной силой неведомой жизни.

Ладью рвануло. Не удержавшись, воины повалились друг на друга, но тут же подхватились, вновь бросились к борту, с ужасом наблюдая, как, раз за разом, сокращается язык-щупальце, короткими рывками подтягивая ладью к чудовищному жерлу пасти. Не в силах понять, что делать, молодые воины, что еще недавно насмехались над "трусостью" наемников, с испугом переглядываются, ища в старших товарищах поддержки, но те застыли, сцепив зубы, лихорадочно перебирают варианты решения. С обычным врагом, пусть даже более многочисленным и на порядок лучше вооруженным, все решилось бы просто, но что делать с чудовищем? У всех, как назло, лишь оружие ближнего боя, а жуткий язык, словно специально, впился в основание ладьи — рукой не достать.

Сорвав с плеча лук, Мычка метнулся на заднюю часть ладьи, откуда пульсирующая плоть щупальца видна лучше всего. Скрипнув, острые кончики рогов замедленно отогнулись назад, блеснув заостренным концом, стрела легла на тетиву, мгновение задержки, пока глаз выбирает место для удара, и с резким щелчком тетива расправляется, хищное древко

уносится, а на его место ложится следующее. Правая рука вершинника замелькала, выхватывая стрелы, одну за одной, в то время, как остальные части тела застыли, словно замороженные в лед: ни случайного движения, ни неловкого рывка, лишь щелчки тетивы, да смачные шлепки вонзающихся по самое оперение стрел.

Мгновением позже, рядом с вершинником возникла подземница: горящие пламенем глаза, хищный изгиб фигуры, ненадолго застыла, после чего, низринулась вниз. У воинов вырвался невольный вздох ужаса, взгляды замедленно пошли ниже, страпась обнаружить исковерканное тело, но опустившись лишь чуть-чуть, замерли, послышались восхищенные возгласы. Зависнув над щупальцем, словно паук, девушка, раз за разом, вскидывала руку, кромсая враждебную плоть изогнутым кинжалом так, что во все стороны разлетались кровавые ошметки.

Подскочив следом, почти сразу же, Дерн заметил то, что не видели прочие: от одной из внутренних балок, от всаженного по саму рукоять металлического гребня, через борт тянется туго натянутая тонкая веревка, на которой и повисла подземница. Удостоверившись, что гребень держится прочно, а веревка легко выдерживает вес Себии, Дерн сбросил котомку, порывшись, выхватил один из горшочков, отличающийся от прочих более качественной отделкой, рванув пробку, крикнул, обращаясь к подземнице, — Не дыши! — после чего опрокинул горшочек за борт.

Черная жидкость, нехотя полилась тягучей струей, запахло едким. Там, где жидкость коснулась чудовищного языка, плоть почернела, поблекли и отвалились огромные пласты мяса, будто от невидимого огня скрутились клубками, а затем, бессильно повисли толстые волокна. Рядом, плечо в плечо, возник Зола, некоторое время всматривался в происходящее внизу, затем недовольно мотнул головой, подставив ладони трубкой ко рту, сказал громко:

— Поднимайся! — Добавил ворчливо: — Вы б его еще палочками для чистки зубов тыкать начали.

Себя взлетела наверх, перевалившись через борт, сказала, тяжело дыша:

— Плоть, как доспехи, от кинжала немного толку.

Мычка, успевший истратить большую часть стрел, опустил лук, бросил сдавленно:

— Но что-то надо делать! Еще немного, и мы вместе с ладьей окажемся там, откуда уже не выбраться.

Более не обращая внимания на друзей, Зола прикрыл глаза, резко взмахнул посохом. С рук мага сорвался небольшой огнешар, устремился вниз, за ним следом, с каждым последующим становясь все мощнее, низринулись еще несколько. Умения Золы уже не раз выручали друзей из ситуаций, где смерть казалась неизбежной, вот и сейчас, вцепившись в борт, наемники с замиранием сердца следили за происходящим. Огромные лепестки-челюсти уже совсем близко, в предвкушении добычи раскрылись еще шире, по усаженной шипами поверхности стекает мутный сок, скапливается внизу бурлящим озерцом, тяжелый едкий запах забивает ноздри. Еще немного, и челюсти сомкнутся, давя ладью, словно хрупкую скорлупку.

Лицо мага окаменело, по вискам непрерывным потоком стекают ручейки пота, а посох раскалился так, что от жара начинают трещать и сворачиваться волосы на теле. Кровавый жгут языка окутался огнем, полыхнул, словно ярчайший факел, запахло паленым. С гулким хлопком, словно лопнула огромная струна, язык оборвался, горящие ошметки обрушились в пасть, взметнув фонтаны сока, зашипели, затухая. Под победные крики воинов ладья

рванулась, освобожденная, устремилась ввысь.

Удар. От мощнейшего толчка люди рассыпаются по палубе, словно деревянные куклы. Рывок. Ладья встает на дыбы, на мгновение зависает, словно смертельно раненное животное, в расширенных от ужаса глазах, чудом успевших найти опору для рук, воинов отражаются стремительно уменьшающиеся фигурки товарищей, исчезающие в зияющей пропасти глотки, разламывающиеся доски обшивки и два скрученных столба языков, выметнувшихся взамен уничтоженного магическим огнем.

По ушам ударил надрывный вой, замедленно, будто погруженная в смолу, ладья выравнилась, теряя куски обшивки и треща по швам, сместилась чуть в сторону, зависла над краем пасти. Наполовину оглохшие, наемники кинулись к борту, на ходу поднимая и таща за собой с трудом соображающих согильдийцев. Из надстройки, шатаясь, выбрался Маховик, размазывая по лицу кровь, закричал:

— Прыгайте! Может, кто-то спасется.

Шестерня враз оказался рядом, прорычал:

— Айда с нами!

— Нет! — Маховик отшатнулся. — Механик должен уходить последним. А вы бегите. Я пустил двигатель вразнос, но мощности не хватает. Я еще смогу продержать ладью некоторое время... — его шатнуло.

Шестерня в ярости зарычал, не обращая внимания на слабое сопротивление, перекинул механика через плечо, рванул к борту, крича во всю глотку:

— Быстрее! За борт! Сейчас тут все...

Усиливающийся с каждым мгновением вой заглушил его слова, но одного взгляда на лицо пещерника хватило, чтобы понять — медлить нельзя. Подскочив к борту, воины застыли в отчаяние: неподалеку маячит черным спасительная твердь, но слишком далеко, не допрыгнуть. Под ногами затрещало, ладья дернулась, на мгновение, почти вырвавшись из удушающих объятий, зависла над землей. Наемники рванулись, распластались в прыжках, даже Зола, не терпящий подобных головоломных трюков, скакнул, зажмурившись.

Несколько бойцов замешкались, ожидая подходящего момента. Уже в полете Мычка обернулся, с болью наблюдая, как ладью тащит назад, а оказавшиеся в ловушке спутники растеряно смотрят вслед, их лица стремительно бледнеют, а в расширенных от ужаса глазах надежда сменяется безысходностью.

Земля с силой ударила, выбила из груди воздух. Не в силах подняться, Дерн пополз, стараясь, как можно быстрее, удалиться от опасного места, с досадой ощущая, как намокает спина, а пространство вокруг заполняется приторным запахом зелий. В локоть ткнулось острое, зашипев от боли, болотник упал лицом в грязь, обернулся, пытаясь оценить опасность положения.

От чудовища, еще совсем недавно напоминавшего гигантский холм, осталась лишь самая макушка, исчезли языки-щупальца, челюсти сомкнулись, и о прошедшей трагедии напоминал лишь едва слышный гул, несущийся из утробы твари, — расщепленная, наполовину перемолотая, ладья продолжала работать, неотвратимо погружаясь в пучину бездонного желудка.

Земля содрогнулась, в черепае зазвенело от грохота, существо потонуло в огненной вспышке, а чуть позже, поверху пронеслась волна раскаленного воздуха, засыпав с головой горами земли и ошметками плоти.

Грязевой холмик с силой разлетелся. Отплевываясь и протирая глаза из-под земли,

возник Шестерня, завертел головой, очумело озираясь. Вокруг, словно вспаханное поле: ровная черная поверхность, остывая, дымятся обугленные кусочки дерева, в коих с трудом можно угадать остатки обшивки ладьи, исходят слизью гигантские ошметки плоти — останки неведомого существа, в чьем желудке нашла последнее пристанище большая часть рейда.

Со стоном воздев себя на ноги, Шестерня заковылял к ближайшему холмику, где вяло барахтаясь в грязи, копошился Мычка, не в силах выбраться. Поставив вершинника на ноги, пещерник двинулся дальше. Дождавшись, когда перед глазами перестанут плавать кровавые мухи, Мычка побрел в противоположную сторону, пристально глядя под ноги. Возле наводящих на подозрения мест вершинник замедлял шаг, ковырял землю ногой, порой присаживался, тщательно разгребал кучи грязи, поняв, что ошибся, вставал, двигался дальше.

Возвращаясь, Мычка боялся поднять глаза, опасаясь, что не увидит кого-то из друзей. Позади, с трудом переставляя ноги, брели двое спасенных бойцов. Когда слуха коснулись знакомые голоса, а тревога ожидания стала невыносимой, вершинник решительно поднял голову, с облегчением вздохнул, ощущая, как губы сами собой расползаются в улыбке.

Измазанный в грязи до неузнаваемости, Дерн стоит на коленях, с отстраненным видом выбирая из котомки осколки горшочков, рядом, опираясь на посох, застыл Зола, волосы мага посерели от пыли, балахон попятнан грязью, чуть поодаль, Себя рассматривает перевязь, проверяя сохранность оружия. Тут же, обхватив голову руками, прямо на земле сидит Маховик, размеренно раскачивается взад — вперед, Шестерня, обхватив механика за плечо, нашептывает что-то успокаивающее.

Вершинник остановился возле друзей, не в силах скрыть радость, произнес:

— Живы...

— Но не все, — сокрушенным шепотом добавил один из спасенных, с тоской оглядываясь вокруг.

— Чудом, — не отрываясь от занятия, произнес Дерн. — Не качни ладью в последний момент в сторону — не разговаривали бы.

Все поежились, вновь переживая жуткие мгновения, невольно повернули головы в сторону, где совсем недавно ворочалось ужасное существо, а теперь, распространяя гадостное зловоние, курилась дымом огромная воронка. Маховик всхлипнул, едва слышно пробормотал:

— Моя вина. Там ведь, кроме остальных, и помощник мой остался. Это он ладью до последнего вытягивал. — Он поднял голову, на друзей взглянуло уставшее, посеревшее от горя лицо, в покрывшей щеки толстым слоем грязи слезы проложили извилистые дорожки, произнес с отчаянием: — А ведь за безопасность пассажиров отвечаю я! Как могло случиться, что послушал дурных советов? Ведь знал же, знал, что к иномировым существам не то, что подлетать, а и отдаленно приближаться строжайше запрещено!

— Кому первому пришла идея? — Шестерня хмуро покосился на Золу.

— Не мне одному, — защищаясь, откликнулся маг. — Вспомни, половина воинов, как с цепи сорвались, на рожон полезли!

— Не поддержи мы их бравады, могли остановить и остальных! — с нажимом произнесла Себя, с неодобрением глядя на мага.

— Она права. — Мычка встал рядом с подземницей, сказал, не глядя на товарища: — Мы тоже причастны к происшествию, особенно некоторые...

— Хотите сказать, всему причина я? — мгновенно придя в ярость, зло прошипел Зола.

Раздался пронзительный хруст. Раскрыв ладонь, откуда серым ручейком хлынули осколки лопнувшего горшочка, болотник отряхнул пальцы, сказал сурово:

— Вы, видно, забыли, как действуют на разум животные подобного типа. Ведь уже сталкивались, и не раз, а все как дети — крайнего ищите.

Спасенные воины переминались, с удивлением глядя на наемников, даже Маховик успокоился, переводил непонимающий взгляд с Дерна на Зола, и обратно. Шестерня с шумом хлопнул себя по ляжкам, воскликнул с подъемом:

— А ведь и верно — твари подавляют волю! И как у меня вылетело из головы?

Скрипнув зубами, Зола нехотя выдавил:

— Не у тебя одного. — Судя по запылавшим щекам, заметным даже сквозь слой пыли, маг с трудом сдерживался, чтобы прилюдно не проклясть себя за забывчивость. Ведь именно ему, как никому другому, было хорошо известно, какую опасность представляют существа, подобного рода.

Понимая, что творится на душе у друга, ДERN поднялся, с силой хлопнул мага по плечу, так, что тот клацнул зубами, с нажимом произнес, обращаясь разом ко всем:

— Все, забыли. Продолжим как-нибудь после, если будет необходимость и желание. Теперь же вопрос, в другом — как выбираться?

Внушительный вид болотника, а главное, уверенный тон, возымели привычное действие, все тут же успокоились, даже согильдийцы, не испытывающие к наемникам особого пиетета, преисполнились к ДЕРну уважения. Возвышающийся над соратниками на голову, и шире любого из них в плечах, болотник более походил на командующего сотней, волею случая оказавшегося без привычных знаков отличия и в попятнанной ржавчиной кольчуге, чем на простого, пусть и очень умелого, лекаря.

Ухмыльнувшись, таким ДERN нравился Шестерне больше всего, пещерник хлопнул Маховика по плечу, сказал с подъемом:

— Видишь, твоя вина в случившемся не больше остальных. Ребят, конечно, жаль, но такова работа. Да и, говоря по совести, лучше так, чем околеть от старости где-нибудь под забором, забытым друзьями и выброшенным из дома родней.

В голосе пещерника прозвучала такая тоска, что друзья взглянули с удивлением, но в этот момент Маховик глубоко вздохнул, тяжело заговорил, переключив внимание на себя.

— Выбраться отсюда несложно. Следом летит вторая ладья, нас заберут..., если посчитают безопасным спускаться. На этот счет, инструкции четкие: если нечто ставит под угрозу ключевую задачу... — он грустно усмехнулся, развел руками.

Мычка повертел головой, осматривая небосклон, сказал с удивлением:

— Разве они не пошли своим ходом?

— С демонтированным-то орудием? — Маховик хмыкнул. — Нет, они идут позади, не отставая, но и не высовываясь. В случае серьезной заварушки, толку от них не будет, ладья без орудия — балласт. Если же у ведущего возникнут сложности, откажет оборудование, или еще что непредвиденное, — он бросил красноречивый взгляд вокруг, — у ведомого есть время оценить обстановку: уйти, или, когда все закончится, помочь..., если еще будет кому.

Шестерня сказал с уважением:

— Дельно продумано.

Маховик отмахнулся.

— Вынужденная мера. Ведь мы, в отличие от вершинников, не владем секретом изготовления летающих судов.

— А то, что мы видели в мастерской? — Себя удивленно округлила глаза.

— С миру по нитке, — механик вздохнул. — Тут нашли упавшую — подлатали, там у контрабандистов выменяли.... Так и живем.

Зола скрипуче поинтересовался:

— А почему не закупить партию у тех же вершинников? Полагаю, в сокровищнице нашей, да и прочих гильдий, найдется достаточно драгоценностей, чтобы договориться с предприимчивыми дельцами.

Маховик прищурился, сказал с кривой ухмылкой:

— Ты, вроде, умный человек, а говоришь глупости. Кто ж такие вещи на золото сменяет? Это, почитай, абсолютное оружие! В воздухе вершинникам — нет равных. Одну — две ладьи еще можно постараться баллистой сбить, или магов выставить, а ну как десяток прилетит, или того больше? Да они половину города с землей сравниют, пока гвардия будет в соплях путаться!

— А перехватывать не пробовали? — осторожно поинтересовалась Себя. — Если подготовить грамотную ловушку, установить наблюдение...

— Да пробовали, — механик отмахнулся. — Чего только не пробовали. Но у них на этот счет — строго. Если ладью нельзя спасти, ее ломают.

— А починить? — Шестерня выглядел удивленным.

— Ты видал, что от чудовища осталось? — Маховик мотнул головой в сторону, постепенно заплывающей раскисшей плотью, воронки. — Сможешь, после такого, починить?

Один из спасенных воинов, поднял глаза, на его лице отразилась радость, счастливо выдохнул:

— А вот и помощь.

Все разом повернули головы. Из-за деревьев, отсвечивая свежими досками обшивки, величаво выплывала ладья.

ГЛАВА 7

Далеко впереди, едва видимая на фоне неба, протаяла лазурная полоска. Втянув ноздрами воздух, Маховик произнес с затаенной грустью:

— Море.

Подобрав потерпевших крушение, механик уцелевшей ладьи, сумрачно выслушал объяснения, после чего, не сказав ни слова, повел ладью прежним курсом. Наемники, вместе с механиком и оставшимися солдатами гильдии, разместились в задней части ладьи. По молчаливому уговору, им не мешали, не было сказано ни слова обвинения, впрочем, как и не задано ни единого вопроса. Наемники изредка ловили на себе осуждающие взгляды. Воины гильдии не смогли простить гибели товарищей, и хотя, держались подчеркнуто корректно, время от времени, недовольство прорывалось в неодобрительных взглядах.

Мычка принялся следом, повел носом, но лишь пожал плечами, зато Шестерня заинтересовался, сказал с подъемом:

— Говорят, там много воды. Настолько много, что не видно горизонта. Это правда?

Маховик кивнул, сказал тягуче:

— Бескрайняя синь, будто небо опрокинулось, оказавшись одновременно сверху и снизу. Там ветры насыщены солью, в небе пронзительно кричат чайки, а под водой живут диковинные звери.

Зола поморщился, он не любил лирику, предпочитая пространным беседам — четкие формулировки и точные описания, бросил сквозь зубы:

— Тема необычайно интересна, но было бы интереснее узнать, почему мы поворачиваем?

Шестерня пожал плечами.

— А что тебя удивляет? Как не избери путь, рано или поздно, придется поворачивать.

— Я знаком с азами топографии, — раздраженно бросил Зола. — Но если бы ты был чуть внимательнее, то заметил, что уже полдня мы летим строго по прямой, и именно сейчас, когда... — он на мгновение замялся, добавил тоном ниже, — когда до цели осталось всего ничего, по непонятной причине меняем курс.

Дерн поднял голову, некоторое время всматривался вдаль, задумчиво произнес:

— Не думаю, что цель настолько близка, а поворот, скорее всего, связан вон с тем странным сооружением.

Механик одобрительно покосился на болотника, кивнул.

— Все верно, никто не будет поворачивать, если можно лететь прямо. Но здесь прямо нельзя.

Заинтригованные, наемники повернули головы, всмотрелись в приближающийся комплекс зданий. Из зеленого лесного моря вырастают купола, огромные, словно перевернутые чаши неведомого великана, густо утыканные тонкими блестящими иглами, отсюда, свысока, едва видимыми, но любой, в чьих глазах отразилось грандиозное строение, с содроганием понял — каждая такая игла размером с десяток деревьев, поставленных одно на другое. Часть куполов обвалилась, оголилась почерневшая сеть перекрытий, в бездонных, заполненных вязкой чернотой провалах сверкают голубоватые всполохи, эхо разносит непривычные слуху звуки далеко вокруг. Растущий вокруг лес выцвел широкой каймой, почернел, словно отравленный, исходящим из развалин, ядовитым дыханием.

Мычка передернул плечами, сказал опасливо:

— Удивительные сооружения. Кто в силах возвести подобное?

Маховик отмахнулся.

— Полетал бы с мое, еще не то увидел. Таких сооружений в одном только этом лесу пяток натыкано, а уж, сколько по всему миру — никому не известно.

— Действительно необычно, — проворчал Зола, попеременно глядя, то на карту, то на громаду неведомого строения. — Было бы любопытно подлететь, глянуть ближе. Тем более, пару отметок приходится. как раз... — он осекся, воровато покосился на товарищей, но погруженные в созерцание, те не обратили внимания на бормотание мага.

Маховик некоторое время задумчиво смотрел на Золу, замедленно сказал:

— Не тебе одному любопытно, я бы тоже посмотрел, да только не выйдет.

— Это почему же? — Зола поинтересовался с ленцой, но глаза вспыхнули интересом.

— А не летают там ладьи, падают. Видишь, вокруг каймой выжженный лес? Это граница: рядом пролетаешь — ничего, чуть пересек — мотор глохнет.

На него покосились с недоверием, и даже с испугом. Каждый мгновенно представил,

как прямо сейчас, неведомая сила отключает работающие в чреве ладьи механизмы, и корабль, мгновенно превратившись в грудку бесполезного дерева, рушится вместе со всеми пассажирами с огромной высоты.

Судорожно сглотнув, Шестерня прошептал:

— Да уж, опасная у тебя работенка. Это только здесь так, или еще места встречаются?

— Встречаются, — механик кивнул, — но редко, чаще по-другому бывает...

Зола перебил, спросил с нескрываемым интересом:

— А просто ходить пробовали, или... тоже мешает?

Маховик кивнул.

— Пробовали. Интересные, скажу я вам, там вещи находят, настоящие сокровища. Да только после таких походов долго не живут, седмицу, от силы две, затем умирают, да так, что лучше бы вам не спрашивать.

Шестерня, в чьих глазах при упоминании сокровищ зажглась жадность, вторично сглотнул, спросил сипло:

— А что за вещи-то: золото там, камешки какие?

— Да что ты, — Маховик усмехнулся, — такого добра и в других местах хватает, чтобы на верную смерть идти. Нет, там металлы всякие, что ни огонь, ни меч не берут, куски невиданных механизмов, а то, и вовсе непонятное добро, вроде бы видно, для дела вещь сделана, не на показ, но хоть ты голову сломай, не поймешь, как пользоваться.

— Было бы интересно взглянуть, разобраться, — отстраненно произнес Зола.

Маховик хмыкнул:

— Смотрели уже, разбирались, да только без толку. А что это, позволь узнать, за изображение? — механик указал на карту, что маг по-прежнему держал в руках, забыв убрать в мешок. Заметив, как маг отодвинулся, хмыкнул, сказал дружественно: — Да ты не бойся, не испорчу. Сколько я таких бумаг уже пересмотрел, вижу ведь — карта.

С этими словами Маховик протянул руку. Зола поколебался, нехотя отдал драгоценную бумагу, его глаза прикипели к рукам механика, чтобы, в случае чего, немедленно забрать обратно. Маховик чуть заметно усмехнулся, разложил карту на палубе, придавив по краям непонятными инструментами, что специально для этого извлек из петель на поясе, склонился, пристально вглядываясь в хаотическое переплетение линий и мелкую вязь символов.

Наемники, поначалу не обратили внимания, Зола успел намозолить всем глаза, доставая карту из мешка и складывая обратно по пять раз на дню, но по мере того, как Маховик что-то негромко бурчал, ползая по изображению едва не носом, поворачивали головы, с интересом наблюдая за действиями механика. Пристроившись на выступающей из борта доске, сделанной в виде скамьи, Зола сидел, как на иголках, раздираемый сомнениями: отобрать карту прямо сейчас, пока механик окончательно не заляпал рисунок присохшей к рукам грязью, или дождаться внятных объяснений.

Словно почувствовав, что еще немного, и нервы мага не выдержат, Маховик поднял голову, взглянув на наемников, одобрительно произнес:

— Мастер делал. Хоть и без подробностей, но все точно. Вот только не пойму, для чего она? — Он вновь стал возить пальцем, озадаченно бормоча: — Населенных пунктов нет, дороги не обозначены, воздушные пути тоже.... Даже границ нет, а ведь это важнейший элемент, особенно... — Он замолчал, мгновенье раздумывал, после чего поднял голову, спросил, понизив голос: — Ты где это раздобыл?

Зола нахмурился, но раньше него успел вставить слово Дерн. Похлопав механика по плечу, он произнес дружелюбно:

— Будучи наемниками, мы много где побывали, сейчас уж не упомнить. Ты лучше расскажи, что это за схема? А то мы в догадках теряемся. Вон, Зола совсем измучился, ночей не спит, уже мешки под глазами. — Он широко улыбнулся, но глаза остались серьезными, давая понять друзьям, чтобы не вмешивались.

Маховик помялся, сказал, понизив голос:

— Довелось мне как-то возить людей, кого — не спрашивайте, они, прежде чем на борт подняться, предупредили — чтобы вопросов не задавал, из рубки не выходил. Так вот, была у них подобная схемка....

Шестерня не выдержал, поинтересовался насмешливо:

— Откуда ж ты о карте узнал, коли в рубке сидел?

— Помощник мне сказал. — Механик вздохнул. — Он по неопытности советам не внял, наверх поднялся, они как раз карту рассматривали. Сразу-то ничего не сказали, улыбнулись только, а на следующее утро его в канализации нашли, выпотрошенного.

Дерн с неодобрением взглянул на Шестерню, произнес с сочувствием:

— Опасная у тебя работа.

Себя спросила с удивлением:

— Разве ты не мог им отказать?

Механик пожал плечами.

— В нашу мастерскую, абы кто, не заходит. Да и не пропустят. Сами-то, как попали? — он усмехнулся. — То-то и оно.

Зола дернул щекой, сказал со сдержанным раздражением:

— Это все, что ты хотел сказать?

Маховик нахмурился, произнес:

— Я к тому, что не простая это карта, как бы вам с ней горя не нажить. Туда-сюда бесцельно полетали и вернулись. Это я потом понял, на что они смотрели.

— И на что же? — с любопытством произнес Мычка, подсаживаясь ближе.

— На эти самые пятна, подобные тому, где нас чудовище уронило. Они их называли порталами. Видишь, отметки различаются цветом? — он ткнул пальцем в карту. Вот эти бордовые, обозначают старые порталы, там, почитай, уже все заросло, найдешь, лишь зная, что ищешь, да и то с трудом.

— А вот эти? — Зола указал на ярко-красные обозначения.

— А это те, что появились совсем недавно, или вот-вот появятся.

— Значит бледно-розовые...

— Те, что лишь должны возникнуть, — с гордостью закончил Маховик.

Себя прищурилась, спросила с подозрением:

— И обо всем этом ты догадался сейчас, глядя на карту?

— Нет, но с палубы к рубке идут слуховые трубы, так что, мне даже не нужно было выходить, — механик самодовольно ухмыльнулся. — Вот только, что означают эти синие пометки — не скажу, не было у них на карте, а может, разговор не заходил, — он огорченно развел руками.

Мычка некоторое время всматривался в карту, о чем-то напряжено размышляя, сказал с непониманием:

— Вот место, где мы сразились с чудовищем, и оно отмечено, как несуществующее. Но

ведь пепелище уже возникло!

Зола в раздражении отмахнулся.

— Ни ты, ни я не знаем, когда рисовали схему, а уж о времени исследований, можно лишь догадываться: год назад, пять, десять? В то время большей части этих порталов и в помине не было.

Послышались приближающиеся шаги. Себя быстро присела возле товарищей, стремительным движением накрыла карту плащом. Из-за надстройки показался Обвес. Наемники разом повернули головы, в упор, рассматривая назначенного главу рейда. Невысокий, сухопарый, на фоне прочих Обвес смотрелся скромно, но мощный, с ямочкой, подбородок выдавал упрямый характер, а в живом взгляде внимательных глаз читался недюжинный ум.

Заметив, что оказался в центре внимания, Обвес замедлил шаг, сказал:

— В зоне видимости появились беглецы, готовьтесь к бою.

Кто сидел, разом подскочили, а стоящие возле борта повернули головы, всматриваясь в туманную даль. Впереди, едва заметная на фоне приближающегося моря, замаячила темная точка, начала стремительно расти, обретать форму, увеличиваясь на глазах.

Дерн приложил руку козырьком ко лбу, защищая глаза от солнца, некоторое время всматривался, спросил:

— Мне кажется, или мы догоняем?

— Все верно, — Обвес кивнул, — мы идем на сближение и совсем скоро подойдем на достаточное расстояние.

— Достаточное для чего? — полюбопытствовал Мычка.

— Для атаки, естественно, — усмехнулся Обвес.

— А тебе не кажется подозрительным, что они не спешат отрываться? — поинтересовалась Себя. — К тому же, если мне не изменяет память, их должно быть минимум в два раза больше.

— У вас есть какие-то предложения? — Обвес в удивлении изогнул бровь.

— Не мне судить, но и впрямь, не стоит торопиться с решением, — мягко произнес Маховик. — Вершинники идеальные воздухоходы, и то, что сейчас происходит, очень сильно напоминает...

Обвес сверкнул глазами, резко оборвал:

— После того, что произошло с вверенной тебе ладьей, я бы тебе рекомендовал, не только держать рот закрытым, но и не показываться на глаза.

Маховик стушевался, даже, как будто, стал ниже ростом. Шестерня неодобрительно крякнул, сказал сурово:

— Не место личной неприязни, когда общее дело под угрозой.

Обвес хотел ответить что-то резкое, но сдержался, процедил сквозь зубы:

— Возможно, по завершении операции я выслушаю ваши идеи, но сейчас следуйте приказу, пока я не распорядился взять вас за своеволие под стражу. — Резко развернувшись, он ушел в носовую часть.

Глядя ему вслед, Себя произнесла негромко, но так, что услышали спутники:

— Опасно, когда внезапное возвышение кружит голову, это мешает трезво оценить противника.

Несмотря на корректную формулировку и вежливый тон, в словах подземницы прозвучала нешуточная угроза. Дерн шагнул ближе, коснувшись плеча девушки,

примириительно произнес:

— Оставь. Не стоит перед боем браниться с тем, кому совсем скоро придется прикрывать тебе спину.

Себя перевела взгляд на болотника, изогнув губы в улыбке, ответила:

— Свою спину я доверю немногим, и Обвес не входит в их число.

Ее пальцы шустрыми паучками пробежались по многочисленным застегкам доспехов, проверяя, все ли застегнуто, легко ли выходит оружие, не ослабло ли натяжение ремней, что, распустившись во время боя, ослабят броню, пропуская нацеленный в сердце удар.

Глядя на подземницу, принялись приводить себя в порядок и остальные. Дерн спрятал котомку в укромное место, прикрыв для большей сохранности заплечным мешком, распустил ремень, выпустив кольчугу так, чтобы при наклонах не стесняла движений. Шестерня принялся осматривать доспех, с озабоченным видом дергая то одну, то другую чешуйки, что на взгляд пещерника, держались недостаточно крепко. Мычка ощупывал колчан, проверяя боевой запас. Лицо вершинника болезненно кривилось, увлекшись боем с чудовищем, он истратил большую часть стрел и теперь досадовал на себя за неосмотрительность. Зола, по обыкновению, не проявлял беспокойства, аккуратно сложив карту, он запихал заплечный мешок под скамью и с отстраненным видом созерцал облака, оперевшись на посох.

Встав у борта, Маховик напряженно вглядывался в ладью противников, приблизившуюся настолько, что стали видны столпившиеся на палубе бойцы. До крови закусив губу, механик сжимал кулаки так, что белели костяшки, и, время от времени, мычал что-то невнятное.

Глядя на его мучения, Шестерня шагнул ближе, хлопнув по плечу, произнес ободряюще:

— Не расстраивайся. Сейчас мы их быстренько победим, и сразу домой.

— Нам не победить, — сдавленно прошептал механик. — Ты не понимаешь...

— Да что тут понимать-то? — хохотнул Шестерня. — Догоним, вломим, и назад. Не таких обламывали.

Остальные подошли ближе, встали рядом. Ладья беглецов все ближе, уже видны столпившиеся у борта бойцы, лица врагов надменны, не слышно привычных оскорблений, никто не ярится, в предвкушении схватки доводя себя до исступления, словно, вот-вот не произойдет смертельного боя, когда на доски палубы брызнет кровь, а треск обшивки заглушит хрипы умирающих.

— Хорошо стоят, — бросил Шестерня. — Будто, и не вершинники вовсе. Еще немного, и я поверю...

Полыхнуло. Заглушив слова пещерника, часть надстройки разлетелась с сухим треском, засыпав стоящих поблизости обломками досок. Ладью ощутимо качнуло. Чтобы не вывалиться наружу, наемники вцепились в борт. На обломках рубки заплясало веселое пламя, кто-то жалобно вскрикнул.

Перекрывая шум, над ладьей пронесся рев Обвеса:

— Сзади! Все на корму!

Наемники разом повернулись, глядя в конец ладьи, где, окруженная бортиком, разместилась удобная для наблюдения площадка, но в этот момент полыхнуло вновь. Площадку смело. В образовавшейся зияющей бреши, заслонив собой небо, протаяли хищные очертания ладьи.

ГЛАВА 8

Ладья угрожающе зависла над кормой. Наемники на мгновение застыли, всматриваясь в исходящее от странного сооружения на носу вражеского судна пульсирующее свечение, когда по ушам стеганул надрывный вопль:

— На пол!

Обостренные боем рефлексы бросили наемников на доски палубы, а мгновением позже, сметая людей и остатки рубки, над палубой с сухим треском пронесся вал обжигающего огня.

Страхнув с головы тлеющие ошметки досок, Мычка прошипел:

— Еще два-три таких удара — от ладьи и памяти не останется.

Рядом заворочался Маховик, произнес сдавленно:

— От нас не останется, не от ладьи. Они, видишь, поверху бьют, не хотят ладью рушить.

Сверху вновь пронеслось раскаленное. Выстрел пришелся значительно выше, чем в первый раз, но наемники ощутили жаркое дыхание огненного смерча. Приподняв голову, Себя прошипела:

— Так и будем лежать, словно черви, ожидая, пока нас зажарят?

Дерн покосился на подземницу, произнес в затруднении:

— У тебя есть план?

— Они висят почти над нами, — возбужденно зашептала Себя. — Если удачно забросить веревку и быстро взобраться наверх, мы сможем сломать это ужасное оружие.

— А два десятка толпящихся на палубе воинов с радостью нам в этом помогут, — раздраженно буркнул Зола. — Еще идеи есть?

— Я могу попытаться взять управление в свои руки... — прозвучал задумчивый голос механика.

Не давая вновь разгореться спорам, Дерн быстро спросил:

— Что для этого нужно?

Тот криво ухмыльнулся.

— Немного. Попасть в рубку и уговорить напарника передать мне штурвал.

— Мне показалось, или рубку снесло первым же выстрелом? — натянуто бодро поинтересовался Шестерня.

Маховик отмахнулся.

— Это просто надстройка. — Помолчав, сказал: — Не хочу показаться трусом, но, если мы выживем, мне бы не хотелось предстать перед трибуналом за своеволие в условиях боя.

Себя порывисто схватила механика за плечо, жарко выдохнула:

— Я лично вырежу язык у любого, кто посмеет углубиться в подробности этого рейда!

Судя по отразившимся на его лице сомнениям, Маховик не очень поверил в обещание, но над головой вновь затрещало, и не мешкая более, он вскочил, стремительно бросился, исчезнув в останках рубки за мгновение до того, как ладья сотряслась от очередного попадания.

До того лежащий недвижимо, Мычка осторожно снял с плеча лук, уперся в доски

руками. Заметив, как напряжилось тело вершинника, Зола едко поинтересовался:

— Поразмяться решил?

Мазнув взглядом по зависшей над кормой махине ладьи, вершинник прошептал еле слышно:

— Те, что подальше — мои, постарайтесь свалить ближних.

Мычка подпрыгнул, рука резко выпрямилась, вынося оружие вперед, на тетиву легла стрела. Сразу же, отстав лишь на мгновение, подскочила Себия, утонув в ладони, тускло сверкнуло навершие метательного кинжала. Рука подземницы распрямилась одновременно со звякнувшей тетивой. Двое воинов, не успев прикрыться щитами, кулями осели на палубу, остальные засуетились: глухо застучали доспехи, скрипнули натягиваемые луки.

— Держись! — С яростным воплем Шестерня взлетел на ноги, прикрывая собой друзей, что разом шагнули ближе, уходя под защиту тяжелого панциря пещерника.

Сухо тюкнуло, в щите, трепеща оперением, выросли сразу несколько стрел, остальные с воем вспороли воздух, не нанеся никому ущерба. Воздел себя на ноги Дерн, оценивающе пробежался взглядом по разбитым доскам палубы, перешел на вражескую ладью. С крихтеньем поднялся Зола, перехватив взгляд болотника, сказал ворчливо:

— И думать забудь, с твоей-то комплекцией. Эти, может, и допрыгнут, если помочь, — он кивнул на Мычку с Себией, — но, не ты.

Маг раздраженно взмахнул посохом, словно отгоняя настырных слепней, несколько стрел вспыхнули, рассыпались пеплом.

Шестерня удивленно крикнул, не оборачиваясь, прорычал:

— Не знал, что умеешь стрелы на лету палить...

— Надобности не было, — буркнул Зола. — И сейчас бы не стал, да вынуждают.

Маг выставил перед собой левую руку, отчего воздух впереди ощутимо загустел, сложился в подобие щита. Пролетая через незримую стену, стрелы теряли большую часть силы, но не смотря на это, лицо и шея Шестерни вскоре покрылись глубокими ссадинами, а с выросшей из плеча стрелы закапала кровь. Зола крутанул посохом, отчего, сформировавшийся в навершии, огнешар устремился к цели, но пущенный с недостаточной меткостью, ушел в небо, зато следующий попал прямым в лицо массивному воину, что имел неосторожность в это мгновение опустить щит. Кожа на лице воина мгновенно обуглилась, начала слазить почерневшими лохмотьями, обнажая кости черепа, глаза лопнули, заматавшись, он наткнулся на бортик, пылающим факелом рухнул вниз. Его товарищи, уstraшенные, шарахнулись в стороны.

Себия прекратила метать ножи, поставленная магом защита одинаково хорошо замедляла метал, летящий в обоих направлениях, лишь Мычка продолжал стрелять, на долю мгновения высываясь за пределы щита, вершинник пускал стрелу, после чего, резво прятался, не позволяя врагам взять себя в прицел.

Указывая на чудовищное оружие, укрепленное на носу ладьи, что в очередной раз угрожающе засветилось, Дерн посоветовал:

— Ты б, по той штуkenции врезал. Глядишь, повезет, поломается.

Не поворачивая головы, Зола выдавил сквозь стиснутые зубы:

— Еще немного, и поломаюсь я. Если проклятый механик не пошевелится...

Доски палубы завибрировали, жалобно зазвенели металлические вставки. Словно, вняв словам мага, ладья вздрогнула, клюнув носом, отчего, оставшихся в живых бойцов, едва не сбросило в пропасть, резко ушла в сторону, и очередной смерч пронесся в опасной близости, не

причинив вреда.

Шестерня привалился к бортику, с облегчением прорычал:

— Наконец-то. Я уж боялся, превращусь в ежа.

— Еще успеешь, — отрывисто бросил Мычка, — битва не закончена. — Вцепившись в борт, вершинник напряженно уставился на вражескую ладью, что с небольшой задержкой пошла следом.

С трудом опираясь на посох, обессиленный волшбой, Зола просипел:

— Надеюсь, он знает, что делает.

Поддерживая мага плечом, Дерн обратил внимание, как первая ладья, что до того едва двигалась, вдруг обрела скорость, пошла в сторону, стремясь развернуться орудием. Но Маховик, похоже, отлично знал пределы маневренности воздушных судов и гнал ладью прямоком на врага, не оставляя времени для разворота.

Заходится воем спрятанный в чреве двигатель, ветер рычит рассерженным зверем, выворачивая веки и заставляя щуриться, покореженная, начисто лишенная надстройки, потерявшая большую часть экипажа, ладья несется на предельной скорости, стремясь достойно завершить своей боевой путь.

Удар. Ладья сотрясается, сорвав часть обшивки, огненный вихрь уносится дальше, а из покореженных внутренностей столбом вырывается пламя. Корабль противника все ближе, вдоль борта, окаменев от ужаса, застыли воины, в расширенных от страха глазах разрастается облако дыма, веером расходящееся от пылающей, подобно комете, ладьи, что, вместо того, чтобы под огнем чудовищного оружия развалиться россыпью углей, продолжает стремительный полет, словно, взвившийся в последнем прыжке, смертельно раненый зверь.

Судорожно вцепилась в остатки бортика Себя, зажав рукой рану, что-то разухабистое рычит Шестерня, опираясь на посох, замер Зола, трепещущие волосы окутывают голову белесым пламенем. Каменным изваянием застыл Дерн, в руке никчемной палкой зажат бесполезный кистень, шипастые шары бессильно свешиваются, не способные защитить хозяина от приближающейся гибели.

Побледнев, подобно мертвецу, Мычка прошептал непослушными губами:

— Сразу видать — Маховик мастер своего дела...

— Надеюсь, у него на уме что-нибудь более интересное, чем героически погибнуть, расшибив корабль, а за одно, и нас, в лепешку, — сухо бросил Зола.

Не поворачивая головы, Дерн сказал звенящим от напряжения голосом:

— Порой мне кажется, что тебя вообще невозможно напугать.

Зола невесело усмехнулся.

— Можно, но не этим...

Разговор оборвался. В преддверии неминуемой смерти наемники замолчали. Последние мгновения жизни, утекающие, словно песок из разбитых часов, обессмысливают любые слова. Остается, лишь с честью принять смерть. Не вынеся зрелища надвигающейся гибели, Мычка зажмурился, Дерн отвернулся, даже Зола опустил глаза. Взгляд мага наткнулся на скорчившуюся у бортика подземницу, бросившуюся на палубу чуть раньше, перешел на Шестерню, что, зажимая рану, продолжал горланить что-то разудалое. По губам Золы скользнула мягкая улыбка, веки замедленно опустились, готовясь к неизбежному, он гордо выпрямился.

Палуба исчезла из-под ног. Охнув, наемники полетели следом, чувствуя, что проваливаются в преисподнюю. Мысли о вечности мгновенно вылетели из головы, уступив

место панике. Истошно заверещала Себия, захлебнулся руганью Шестерня, рванув Зола за руку, так, что зубы мага звонко лязгнули, Дерн одновременно сгреб Мычку, пригнул друзей к палубе, удерживая от неминуемого падения.

Ладья зарылась носом, стремительно понеслась вниз, немыслимым образом избежав казавшегося неминуемым столкновения. Зеленая гладь моря, что не замеченная во время боя, успела сменить вековой лес, приближается с пугающей быстротой. Едва заметные поначалу, белесые черточки растут, наливаются силой, обращаясь в увенчанные корой пены могучие гребни волны, монолитная масса воды подергивается рябью, разбиваясь на мириады частиц.

Пробиваясь сквозь закладывающий уши свист ветра, корабль уже не воет, ревет, в попытке выйти из затяжного падения. Где-то позади, едва слышно кричат люди, что-то вспыхивает, грохочет, мимо, обгоняя ладью, пролетают вниз горящие куски обшивки. Море опрокидывается, чудовищная сила вжимает в палубу, слуха касается грозный гул прибоя, а ноздри наполняются насыщенной солью влагой, и вновь перед глазами небо, где, полыхая огнем, замедленно расходятся ладьи, оставляя за собой шлейф густого черного дыма.

У бортика шевельнулся Шестерня, сдавленно охнув, сел, проморгавшись, покрутил головой, сказал с удивлением:

— Так вот оно какое, море...

Зашевелились и остальные: кряхтя и стеная, поднялся Зола, морщась от боли, воздел себя на ноги Мычка, заметно прихрамывая, прошлась по палубе Себия, лишь Дерн встал, как ни в чем небывало, словно и не было изматывающего нервы ужасающего падения, с интересом огляделся. Мягко перекатываются волны, нежно качают ладью, словно успокаивающая расшалившегося ребенка мать, вокруг, насколько хватает глаз, лазурная водная гладь, лишь вдалеке темной полоской возвышается берег.

— Меня больше интересует, что делать будем, если добить решат? — Дерн взглянул вверх, где, пятная голубизну черным дымом, выписывают круги вражеские ладьи.

— У нас есть выбор? — хмуро бросил Мычка. Потянувшись за спину, он лапнул колчан, досадливо скривился: оставшиеся стрелы после падения треснули, и пальцы извлекли лишь пучок бесполезных обломков.

Себия подняла голову, некоторое время всматривалась в маячащие в небе точки кораблей, сказала с заметным облегчением:

— Они уходят.

Остальные разом подняли головы, взглянули, в тайне опасаясь, что подземница ошиблась. Каждый в глубине души отдавал себе отчет: то, что они до сих пор живы — невероятная удача, что не может длиться вечно, и теперь, когда последние ресурсы исчерпаны, пожелай того противник, добить, лишенную орудия и большей части бойцов, замершую посреди водной стихии ладью не составит труда.

Захрустело. Из образовавшейся на месте рубки рваной дыры, с обгоревшими краями, поднялся Маховик. Лицо механика почернело, волосы по всей голове обгорели, свернулись посеребренными кустиками, но глаза горят огнем восторга. То и дело, хлопывая себя по робе, где, вгрызаясь в почерневшую ткань, тлеют злые огоньки, он воскликнул с подъемом:

— Вы видали? Нет, вы видали, как я ее посадил!? Вывел из штопора в последний момент. Да таких трюков даже верхоплавцы вершинников не проворачивают!

Зола разогнулся, охнув, схватился за поясицу, ворчливо сказал:

— В следующий раз, постарайся выводить из э-э... штопора как-нибудь помягче. У меня

такое чувство, что в теле не осталось ни одной целой кости.

Маховик открыл и закрыл рот, обвел взглядом наемников, но не найдя в лицах одобрения, лишь махнул рукой, уныло побрел вдоль борта, сокрушенно качая головой при виде, оставленных чудовищным оружием, жутких повреждений. Прихрамывая, подошел Обвес, следом, поддерживая друг друга, приблизились трое бойцов, неодобрительно косясь на наемников, остановились неподалеку.

— Рад, что вы живы, хотя и не очень понимаю, как это получилось..., большая часть моих бойцов погибли. — Обвес вздохнул, продолжил: — Но цель не достигнута, нужно продолжать путь.

Себя изогнула губы в улыбке, сказала язвительно:

— Не сомневаюсь, у тебя есть отличнейший план.

Шестерня хрюкнул, бросил насмешливо:

— Конечно. Мы вот только чуток передохнем, и сразу в путь.

Брови Обвеса сошлись на переносице, он сказал сурово:

— Не очень понимаю, к чему вы клоните, но у нас есть задание, и оно должно быть выполнено.

— Любой ценой? — Мычка вопросительно изогнул бровь.

— Любой, — упрямо повторил Обвес.

Оторвавшись от котомки, откуда осторожно выгребал обломки горшочков, Дерн бросил:

— Оставляя в стороне удивительную, для возвращения обычных заключенных, значимость задания, хотелось бы узнать — каким образом?

— Таким же, как мы добрались сюда. — Обвес мотнул головой, указывая на останки рубки: — Наш механик сейчас поднимет ладью, и мы продолжим путь. — Не слушая дальнейших возражений, он двинулся в обратную сторону.

Проводив воинов взглядом, Шестерня пробормотал:

— Похвальное рвение. Интересно, а потерявшихся в море воинов гильдия разыскивает с таким же усердием?

Вернулся Маховик. На этот раз, его лицо выражало спокойную сосредоточенность. Ни к кому в отдельности не обращаясь, он произнес:

— Повреждения велики, но не настолько, как я предполагал. Обшивка в нескольких местах разбита, но все выше уровня воды, так что, если нам повезет не попасть в шторм, то можем продолжать движение.

Оторвавшись от созерцания наложенной Дерном на оставленную стрелой рану повязки, Шестерня с удивлением произнес:

— Ладья способна плавать?

Маховик довольно ухмыльнулся, сказал с подъемом:

— Еще как! — Добавил деловито: — В общем, вы тут приберитесь, по-быстрому, а я пойду, задам курс, а то эти, хоть и на малой тяге, а по воздуху все ж быстрее до цели доберутся.

Проводив механика взглядами, наемники переглянулись. Шестерня уважительно произнес:

— Похоже, с дисциплиной в гильдии дело обстоит еще строже, чем я думал.

— Он ни на мгновение не усомнился в том, куда мы направляемся дальше, — эхом откликнулся Мычка.

— И это притом, что большая часть рейда погибла, — сумрачно добавил Дерн.

— С дисциплиной — да, только с головой, похоже, непорядок, — прошипела Себя. — На полуразрушенном судне, что вот-вот уйдет под воду вместе с остатками бойцов, не зная точно куда, продолжать погоню за превосходящим силой противником, в безумном стремлении отбить заключенных сомнительной ценности.

Зола пробормотал с непонятной интонацией:

— Порой, вещи, что в силу нашей ограниченности кажутся бесполезными, на деле представляют намного большую ценность, чем мы могли бы представить.

ГЛАВА 9

Пока расчищали палубу, сбрасывая за борт обломки обшивки и куски обгоревших досок, ладья стронулась с места, набрав скорость, заскользила по водной глади. Глядя на мерцающие колокола медуз и скользящие в глубине смутные тени, Шестерня, то и дело, бросал работу, надолго замирал, восхищенно рассматривая невиданных морских обитателей. Себя с завистью поглядывала на пещерника, но превозмогая любопытство, заставила себя завершить работу, и лишь, когда палуба очистилась от мусора, подошла к бортику, застыла, замороженная безграничной мощью стихии.

Насколько хватает глаз, вокруг расстилается безбрежная водная гладь, покатые громады валов неспешно вздымаются и опадают, создавая иллюзию бесконечного движения. Скрытая туманной дымкой, вода вдали плавно сменяется небом, и если не приглядываться, создается впечатление, что находишься внутри огромной голубой сферы, где отсутствует твердь, а за тонкими стенками в пугающей тьме плавают бесформенные тени неведомых существ.

Мычка ушел назад, устроившись в развороченной части кормы, раскрыл заплечный мешок, принялся перебирать содержимое. Когда в ладони возникла небольшая оструганная палочка, густо обмотанная тонкой нитью и усаженная мелкими блестящими крючками, вершинник с удовлетворением кивнул, принялся распутывать нить. Заинтересованный происходящим, тихонько приблизился Шестерня, остановился, наблюдая.

Мычка извлек из мешка полоску вяленого мяса, отрезал кинжалом несколько кусочков, после чего, нанизал мясо на крючок, бросил за борт. Палочка закрутилась, разматываясь, а вершинник сосредоточенно замер, лишь пальцы, едва заметно, подрагивают, будто выполняют некую очень тонкую, но ответственную работу. Засмотревшись, Шестерня подался вперед, под ногой хрустнуло. Мычка покосился, поманил пальцем. Пещерник подошел, спросил с затаенным страхом:

— Не боишься? А вдруг, какое страшилище выловишь?

Мычка улыбнулся.

— На такую нить много не выловишь — оборвется. Да и море, если подумать, то же озеро, только больше.

Он дернул. Руки так и замелькали, выбирая нить из воды. Миг, и на палубу шлепнулась небольшая, размером с ладонь, упитанная рыбеха, забилась, норовя ускакать обратно. Мычка оглушил добычу, извлек изо рта рыбешки крючок с еще не объединенным мясом, забросил вновь.

Вскоре, возле Мычки высилась горка рыбы. И теперь, уже не один Шестерня смотрел на

добычу с жадным вожделением. Вершинник выловил еще несколько рыбешек, окинул результат критическим взглядом и принялся решительно сматывать нить.

— А как это готовить? — поинтересовалась Себя, с опаской осматривая одну, особенно большую рыбину с гребнем острых шипов вдоль всей спины.

— По всей видимости, придется есть сырыми. — Зола пожал плечами.

— Думаю, если выломать эту пару лишних досок и сделать небольшой костер, то... — Шестерня замолчал, оценивающе разглядывая палубу под ногами.

Краем уха, прислушиваясь к разговору товарищей, Мычка достал из заплечного мешка чистую тряпицу, расстелил, создав подобие импровизированного стола, взяв ближайшую рыбу, несколькими скупыми движениями располосовал тушку. Внутренности полетели в море, следом отправилась и шкурка, заменявшая удивительному представителю морской стихии привычную чешую. Зачерпнув соли, вершинник ловко промазал рыбу изнутри, после чего, взялся за следующую.

К тому времени, когда последняя рыбина легла выпотрошенной на доски палубы, беседа заглохла, украдкой сглатывая слюну, наемники молча созерцали рыбные ломти. Соль успела раствориться, забрав часть жидкости, и подсохшие на солнце, полупрозрачные кусочки мяса выглядели особенно аппетитно. Мычка отряхнул руки, встал, и двинулся в носовую часть ладьи. Шестерня, что уже некоторое время голодно сглатывал, бросил вслед:

— Когда готово-то будет?

Мычка на мгновение обернулся, взглянул непонимающе, но перехватив голодные взгляды друзей, коснулся лба, сказал с раскаянием:

— Так давно уже... Вы не спрашиваете, я уж решил — не голодны.

Он развернулся, двинулся прежним путем, с улыбкой прислушиваясь к раздавшейся за спиной возне, что вскоре сменилась жадным чавканьем. Мычка вернулся не один, позади, хмуро поглядывая по сторонам, шли воины гильдии. Взглянув на недоеденную рыбу, от недавнего улова осталось меньше половины, вершинник кивнул спутникам, предлагая присоединиться к обеду, а сам остановился возле образовавшейся на месте рубки почерневшей дыры.

Мгновенье постояв возле отверстия, Мычка осторожно ступил на обгорелые ступеньки, двинулся вниз. Лестница закончилась низеньким коридором. Чтобы войти, пришлось согнуться. Двигаясь на ощупь, дальний конец коридора не подсвечивался, а льющийся со спины свет почти не помогал, перекрытый собственным телом, вершинник прошел несколько шагов, как вдруг нечто вцепилось в руку.

Испуганно дернувшись, Мычка приложился головой о потолок, раздраженно рывкнул:

— Что за шутки!

Сухо щелкнуло, во тьме протаяло бородатое лицо, ухмыльнулось, слышалось насмешливое:

— А я-то думаю, кто за стенкой шебуршит...

Оправившись от испуга, Мычка повертел головой, поинтересовался:

— Ты управляешь прямо отсюда?

Маховик хохотнул, сказал с подъемом:

— Неужели интересно? Пойдем, покажу.

Мычка поморщился, сказал с сомнением:

— Там, наверное, еще грязнее, чем здесь. К тому же, я наловил рыбы, и если поторопишься, успеешь поучаствовать в трапезе.

Маховик отмахнулся, потянул за собой.

— Пошли, пошли, где еще такое увидишь. А рыбы тут полно, наестся успеем — из ушей полезет.

Дав себя увлечь, вершинник вдвинулся за механиком в прилежащий к основному, боковой коридорчик, осторожно спустился по закручивающейся винтом лестнице, прошел через дверь и оказался в комнатухе. Окинув взглядом помещение, Мычка присвистнул. По стенам, толстые, словно сытые удавы, змеятся трубы, с потолка гроздьями свешиваются собранные в пучки металлические нити, в углах тускло поблескивают закопченными поверхностями металлические ящики, в центре, занимая почти все свободное пространство, возвышается увенчанный многочисленными ручками и штырьками небольшой пьедестал.

Мычка взглянул на стены, сквозь забранные стеклами круглые оконца льется приглушенный свет, вздымаются водяные горы, спросил с удивлением:

— Как это возможно, ведь снаружи нет окон? К тому же, до внешней стены немалое расстояние, а кажется, будто мы отделены от моря тонкой перегородкой.

Маховик отмахнулся.

— Не бери в голову. Здесь много такого, что сам понимаю с трудом, не то, что объяснить. Лучше сюда глянь.

Механик поднял руку, ухватился за одно, из подвешенных к потолку, металлических устройств, с силой потянул. Часть потолка опустилась, обнажив чудовищное переплетение трубок и шестерен. Маховик поманил пальцем, отступил в сторону, освобождая пространство. Мычка протиснулся на указанное место, стараясь не зацепить топорщащиеся отовсюду детали непонятного назначения.

Едва он замер, Маховик поднял руки, что-то щелкнуло, Мычка ощутил, как на голову опустилось некое подобие шлема. От многочисленных солнечных бликов в глазах вспыхнуло, от крика чаек и плеска волн зазвенело в ушах. Ошеломленный волной нахлынувших ощущений, вершинник затаил дыхание. Сперва казалось, что в калейдоскопе из звуков и оттенков невозможно разобраться, но вскоре, в общей массе шумов протаяли знакомые нотки голосов, а мельтешащая картинка распалась на сегменты, что, в свою очередь, сложились в единое целое.

Казалось, вершинник одновременно взглянул на мир десятком глаз, в поле зрения одновременно попало море со всех сторон, большая часть неба и изумрудная зелень глубин. Маховик что-то подкрутил, и часть картинок отдалилась, зато, другая приблизилась, расцветилась красками. Мычка с любопытством наблюдал, как мимо, блестя чешуей, проплывают диковинные рыбы, одновременно, видел пенный след позади корабля, с любопытством рассматривал сидящих на палубе товарищей.

Вершинник вслушался, за шумом ветра и плеском волн, пытаясь различить голоса спутников. Словно догадавшись, механик вновь крутанул какую-то ручку, часть шумов истончилось, на первый план выдвинулись голоса, зазвучали столь явственно, что Мычка с трудом сдержал желание обернуться, испуганный перспективой неловким движением сломать удивительное устройство, остановился лишь в последний момент.

Маховик, в очередной раз, чем-то щелкнул, шлем мягко ушел вверх, с улыбкой, глядя на гостя, что после столь ярких впечатлений стоял оглушенный, ошарашено хлопая глазами. В углу шевельнулось. Мгновенно вернувшись к реальности, Мычка повернулся на звук, спросил с подозрением:

— Что это?

Маховик поморщился.

— Резьба, механик этой ладьи, не хотел уступать управление — пришлось успокоить. —

Спросил с затаенной гордостью: — Ну как, понравилось?

Мычка отвернулся от вяло шевелящегося тела, сказал с восхищением:

— Поразительно! Словно появилась дополнительная пара глаз и ушей. Да что пара, — десяток!

Польщенный, Маховик улыбнулся, механик относился к ладье, как к детищу, воспринимая похвалы кораблю подобно матери, что млеет от удовольствия, когда кто-то восхищается ее ребенком, сказал ворчливо:

— Ладно, ладно. Как-нибудь, под настроение, покажу еще кое-что, а теперь иди. У меня еще дел — невпроворот. Да и с этим, — он кивнул в угол, — надо что-то решать.

Выбравшись наружу, Мычка зажмурился, солнце ударило по глазам, на мгновение ослепило, после полутемной каморки мир показался ярким и радостным, даже обгорелые доски обшивки смотрятся по-другому, празднично блестят желтыми кругляшами заклепок.

Потянуло холодом, приподнятое настроение враз улетучилось. По мере продвижения на север жара начала спадать, несмотря на солнце, по-прежнему, высоко висящее, налетающие порывы ветра быстро остужают тело, заставляя зябко ежиться. Плотнее запахнувшись в плащ, Мычка подошел к товарищам. Закончив трапезу, наемники расположились вдоль бортика, спасаясь от прохладных прикосновений ветра за огораживающим палубу выступом. Тут же, обнаружили и оставшиеся бойцы гильдии.

Завидев Мычку, один из бойцов сказал с улыбкой:

— Неплохой обед. Я и не думал, что сырая рыба может быть такой вкусной!

Принимая похвалу, вершинник рассеянно кивнул, подошел к товарищам, сказал с восторгом и страхом одновременно:

— Маховик показал мне комнату управления изнутри.

На него взглянули с интересом. Шестерня спросил с любопытством:

— Ну и как?

Вершинник развел руками.

— Я почти ничего не понял, но один вывод для себя, все же, сделал.

— И какой же? — Дерн повернул голову, взглянул пристально.

— Не взялся бы управлять ладьей ни за какие коврижки!

— Попугай мне еще пассажиров, попугай! — раздался ворчливый голос. К наемникам неторопливо приблизился механик, погрозил Мычке пальцем. — И так спаслись, едва не чудом.

Взгляды невольно переместились на Маховика. Ковыряя в зубах рыбьей костью, Шестерня бросил со смешком:

— Видать, и впрямь управление сложное, иначе, вместо того, чтобы маневры совершать, с чего б ты прямиком в море попер.

Вспомнив пережитое, Себя передернула плечами, сказала с прохладцей:

— В тот момент, я решила, что мы разобьемся. Была ли нужда в подобном риске?

Зола покачал головой, сказал скрипуче:

— Соглашусь, на управление это было не очень похоже. Скорее, на свободное падение...

Дерн промолчал, с интересом наблюдая, как лицо Маховика багровеет, а ноздри начинают раздуваться, но прежде, чем механик успел высказаться, в разговор вклинился

Обвес. Оглядев механика с головы до ног, он бросил ледяным тоном:

— Удивительно, что хоть кто-то остался в живых. Похоже, вместо того, чтобы совершенствовать навыки полета, кое-кто просиживал штаны в забегаловках города.

Воины поддержали его одобрительными возгласами.

На механика было больно смотреть, он то краснел, то бледнел, наконец, не выдержав, зло сплюнув под ноги, удалился, громко топая и недовольно ворча. Мычка проводил его сочувствующим взглядом. Бойцов гильдии можно было понять. Потерявшие друзей, оставшиеся в живых, лишь чудом в бою, где от них не зависело ровным счетом ничего, воины, волей — неволей винили механика.

Дерн произнес, не обращаясь ни к кому в отдельности:

— Будем надеяться, что вы не ошиблись. Иначе будет обидно, если в ближайшем будущем Маховик разобьет ладью о камни или утопит, не желая разочаровывать столь уверенных в собственной правоте пассажиров.

На него покосились с неудовольствием, но возражать не стали, ощутив в словах болотника скрытый подтекст. Через некоторое время, наверху появился Резьба, подслеповато щурясь и растирая занемевшие руки, он отрешенно бродил по палубе, разглядывая разрушения и сокрушенно качая головой. Рассудив, что несчастное выражение на лице механика обусловлено чувством голода, Шестерня предложил ему шмат вяленого мяса, но тот, лишь покачал головой, чем вверг пещерника в состояние глубокой задумчивости.

Опасливо косясь на Резьбу, Шестерня отошел к борту, где, погруженный в раздумья, застыл Зола, сказал шепотом:

— Мне кажется, пребывание на высоте не лучшим образом сказывается на состоянии здоровья. Если даже пещерник отказывается есть...

Маг покосился на мясо в руках товарища, перевел взгляд на Резьбу, сказал сухо:

— Не думаю, что за столь короткое время нам станет хуже.

Шестерня задумчиво взъерошил бороду, сказал с сомнением:

— А может, в целях профилактики... — он потряс шматом, вопросительно взглянул на Золу.

Тот поморщился, ответил с досадой:

— Непременно присоединюсь, но чуть позже. Сейчас я немного занят расчетами.

Задумчиво наморщив лоб, Шестерня отошел, некоторое время напряженно размышлял, но лишь махнул рукой, с обреченным видом ухватил мясо зубами, оторвав изрядный кус, принялся сосредоточенно жевать.

Ближе к вечеру, вдали обозначилась полоска облаков, что немногим позже, протаяла, обрела форму, превратившись в иззубренные вершины скал. Все сгрудилось на носу, с интересом вглядываясь в приближающуюся землю. Пока еще трудно различимый, далекий берег выглядит недружелюбно: иззубренные каменные зубы нацелились в небо, словно огромная челюсть неведомого хищника, покрытые снегом вершины холодно белеют на темнеющем небосклоне, черная поверхность берега, без единого светлого пятна, кажется безжизненной и угрюмой.

Насмотревшись на скалы, берег не вызвал заинтересованности, Себя чуть повернула голову, произнесла:

— Там что-то есть.

Все разом повернулись, всматриваясь в застывшее впереди и чуть правее, темное пятно.

Услышав подземницу, Маховик, что стоял по левую руку, угрюмо уставившись вдаль, неторопливо подошел, некоторое время всматривался, вдруг переменялся в лице, сдавленно охнув, метнулся ко входу в рубку, стремительно скатившись по лестнице, исчез из глаз. Его проводили недоумевающими взглядами. Кто-то покрутил пальцем у виска.

Завыло громче, ладья накренилась, пошла в сторону, огибая замеченный предмет по широкой дуге, когда звук неожиданно оборвался. Тишина окутала мягким одеялом, прорезались неслышимые до того звуки: надрывные крики чаек, влажный плеск волн. Некоторое время корабль по инерции двигался вперед, но вскоре, ход замедлился, и ладья недвижимо замерла, едва заметно покачиваясь на волнах.

На палубе вновь появился Маховик, тяжело вздохнув, промолвил:

— Можете расслабиться. Приехали.

ГЛАВА 10

На Маховика смотрели с непониманием. Мычка осторожно поинтересовался:

— Что-то случилось?

— Корабль умер, мы не сдвинемся с места. — Механик развел руками.

— Что ты несешь? — с угрозой спросил Обвес. — Что значит умер? Резьба, проверь.

Второй механик, отдохавший неподалеку, с готовностью метнулся в чрево ладьи, но вскоре выбрался, ошарашено произнес:

— Не понимаю в чем дело, но ничего не работает. Словно действительно...

Обвес взглянул на Маховика, сказал замедленно:

— Похоже, к нам в рейд попал агент конкурирующей гильдии.

Обнажив меч, он шагнул к механику, но едва не врезался в Дерна, что резво подался навстречу. Огромный, почти в два раза шире и на голову выше, болотник выглядел устрашающе. Обвес замялся, а ДERN мягко произнес:

— Прежде, чем принимать решение, возможно, стоит задать пару-тройку вопросов.

Обвес нахмурился, сказал сумрачно:

— Вопросы излишни. Сперва этот пещерник уничтожил свою ладью, убив почти половину рейда, теперь сломал нашу. Вы дважды, едва не погибли по его вине, и после этого, тебе все еще что-то не ясно?

ДЕРН пожал плечами, отчего кольчуга с шорохом приподнялась и опустилась, поинтересовался:

— Полагаешь, убив пару-тройку спутников, мы приблизимся к цели? — Отвернувшись от впавшего в задумчивость Обвеса, он взглянул на берег, задумчиво произнес: — Далековато, но при определенном везении, можно и попытаться.

Шестерня посмотрел на болотника, затем взглянул на берег, потом вновь на Дерна, спросил неверяще:

— Ты собираешься туда... плыть? — Глядя на непривычно сосредоточенное лицо болотника, Шестерня отшатнулся, прошептал чуть слышно: — Когда мы падали в море, я думал — это худший момент в жизни. Как же я ошибался...

Не отрывая взгляда от странного пятна на воде, Мычка негромко произнес:

— На вашем месте, я бы не торопился. Похоже, нас несет к берегу.

— Не к берегу, а к этой проклятой штуке, что не дает нам двигаться, — отозвался Маховик. — В море всегда так, к большим предметам прибывает меньшие.

— А разве она больше? — Шестерня сделал ладонь козырьком, взгляделся.

Остальные последовали примеру пещерника. На некоторое время воцарилась тишина, и тихие слова подземницы прозвучали угрожающим раскатом.

— Ты даже не представляешь, насколько.

Непонятный предмет тем временем приблизился, разросся, устроясь размерами. Взорам путешественников предстало нечто напоминающее бревно, только чудовищной величины: огромное, покрытое коричневыми наплывами и зеленоватыми наростами, со скругленными концами и странным, напоминающим башенку, горбиком в центре, "бревно" казалось жутким морским чудовищем, затаившимся в ожидании добычи.

Мельком взглянув на непонятное образование, Зола подошел к Маховику, поинтересовался:

— Ты сказал, оно не дает нам двигаться.... Что ты имел в виду?

Заинтересованный, Мычка повернул голову, на шаг ближе сдвинулась Себя, даже Дерн подошел ближе.

Маховик хмыкнул.

— Да, то и имел. Подошли ближе, чем нужно, двигатель и отключился.

— Так же, как и у тех куполов, что облетали? — быстро спросил маг.

— Ага. — Маховик кивнул. — Только там место известное, а это, — он кивнул на "бревно", — откуда взялось — ума не приложу.

Шестерня почесал в затылке, спросил озадаченно:

— И ты так сразу определил, что та штука виновата? Положим, те развалины, что ранее пролетали, ты знаешь, другие рассказывали, да и так видно, захочешь подойти — поостережешься. А тут что?

Маховик кивнул в сторону "бревна", сказал серьезно:

— Вон, ладью прибило, даже две. Говорил уже, вершинники воздушные суда не бросают, слишком ценная вещь, по кускам, а утащат назад в мастерские, заново соберут. А тут сразу несколько. Смекаешь?

Возвращая разговор к интересующей теме, Зола спросил:

— Значит, ты этого раньше не видел?

— Да нет же. — Механик затряс головой. — Тут особо не полетаешь, вон, острова уже рядом, пограничный патруль заметит — пиши, пропало. Но, понимаешь, всяких приходится возить, так что, бывал в здешних местах, но этого — не видал.

Зола извлек из заплечного мешка карту, некоторое время изучал, но прежде, чем он успел проронить хоть слово, Мычка ткнул пальцем в схему, сказал:

— Судя по береговой линии, мы сейчас здесь.

Все опустили глаза, всматриваясь в указанную точку. Там, где указал вершинник, почти под пальцем, розовела одна из многочисленных пометок.

Зола с удовлетворением кивнул, пробормотал:

— Я так и предполагал. Единственное, что странно, это не похоже на животное, и даже на его останки.

Шестерня скривился, отчего кожа на лбу собралась складками, сказал с досадой:

— Само собой, не похоже. Так же, как и разрушившая стены храма штука, с которой мы столкнулись при входе в город, от которой нас спас Найденыш. — Он махнул рукой, закончил ворчливо: — Оно не живое и никогда им не было. Это конструкция. Механизм.

Тем временем, конструкция приблизилась, и путешественники замолчали, подавленные чудовищным величием былой мощи. Мычка прошептал едва слышно:

— Какое же все-таки оно огромное!

— Больше, много больше, — эхом откликнулся Шестерня. — Ведь мы видим лишь надводную часть. Что там, в глубине, страшно и представить.

С глухим стуком ладья ткнулась носом, еще некоторое время шла боком, разворачиваясь, наконец, застыла.

— Пойду, осмотрюсь. — Обвес одним движением перемахнул борт, мягко спрыгнул. Остальные воины последовали за ним.

Глядя, как группа удаляется, осторожно ступая по испятнанной ржавчиной поверхности неведомой конструкции, Шестерня нахмурился.

— Что-то я не чувствую особого желания гулять по этой, по этому... — он сопровождал свои слова жестом, указывая на возвышающуюся плавучую громаду.

— Боишься, утонет? — насмешливо произнес Мычка. — Брось. Судя по слою ржавчины, оно здесь годами плавает.

Вершинник подался вперед, легко прыгнул с борта, призывно замахал руками. Следом с крикательством полез Шестерня, за ним Дерн. Невесомой тенью мелькнула Себя, опередив неспешно спускающихся товарищей. Зола покосился на спутников, но лишь поморщился, отошел к противоположному борту, застыл в задумчивости.

Шестерня потоптался, поглядев по сторонам, произнес:

— Если бы не столь внушительные размеры, я бы сказал — что это тоже ладья. — Перехватив жалостливый взгляд товарищей, решивших, что от долгого путешествия пещерник начал бредить, Шестерня ошетинился, сказал защищаясь: — Да вы рожи-то не кривите. Приглядитесь внимательнее, вот и обшивка со швами, почти, как у нас, только квадратами, и даже подобие рубки есть.

— Только корпус не деревянный, а металлический, — насмешливо бросил Мычка, скосив ногой огромную пластину ржавчины. — Самое то — для плавания.

— Да и палуба странновата, — добавил Дерн, осматривая покатые бока "ладьи", — того и гляди — в воду сверзишься.

Шестерня насупился, сказал сердито:

— Ничего странного. У нас, коли бортики сорвать, тоже самое выйдет, если не хуже. А что до металла..., кто смог сотворить подобное, тому и металл не помеха, будет и плавать и летать. А сильно захочется, то и поползет, яки гусеница.

Мычка взглянул скептически, Себя пожала плечами, а Дерн покачал головой. Буйные фантазии Шестерни, возможно, пришлись бы к месту в другое время, но сейчас, вдали от берега, на сломанной ладье, рядом с металлическим чудовищем столь чужеродного вида, что при одном взгляде бросает в оторопь, домыслы пещерника лишь нагнетали обстановку, заставляя испуганно вздрагивать и опасно озираться.

Обвес с товарищами успели скрыться с глаз, спустившись в одну из ладей, выглядящих на фоне металлической поржавевшей громады, словно утлые лодчонки. Наемники двинулись следом, внимательно посматривая под ноги, не смотря на прочнейшие плиты металла, выглядящие несокрушимыми, никому не хотелось провалиться в незаметную дыру

или рухнуть, вместе с куском проржавевшей обшивки, в неведомые глубины, где в крошечной тьме, наверняка, затаились алчущие крови ужасные твари.

Дошли до первой ладьи. Полузатонувшая, облепленная водорослями, она едва держалась на плаву, на две трети погружившись в воду. Не заинтересовавшись, двинулись дальше. Следующая ладья оказалась более привлекательной, но, едва Шестерня вознамерился подняться на борт, из-за бортика показался один из бойцов гильдии. Его лицо лучилось довольством, а до слуха донеслось мелодичное позвякивание.

Шестерня нахмурился, проворчал:

— Вот к чему приводят долгие сборы. Пока вы ковырялись, эти ловкачи успели собрать самое ценное.

— Это мы ковырялись? — ахнула Себя.

— Конечно, — обвиняюще бросил пещерник. — Пока одни в соплях путаются, другие успевают добро нажать.

— Не горюй. — Мычка ободряюще хлопнул пещерника по плечу. — Что-нибудь, да по твою душу осталось. — Он махнул рукой, указывая куда-то в сторону.

В этот момент, наемники миновали надстройку, и взорам предстало жуткое зрелище. С противоположной стороны сгрудились не одна, не две, а почти десяток ладей. Позеленевшие, облепленные водорослями, с потемневшей от влаги обшивкой корабли производили удручающее впечатление. У Шестерни отвисла челюсть, Себя удивленно распахнула глаза, а Дерн нахмурился.

— Это сколько ж там сокровищ! — прошептал враз охрипшим голосом пещерник.

— Похоже, эта штука плавает уже давно, раз вокруг скопилось столько хлама, — заметила подземница.

— Меня интересует другое, — задумчиво произнес Дерн, — я вижу корабли, но не вижу экипаж.

Шестерня мгновенно насторожился, спросил с подозрением:

— Может, они затаились, ждут, когда мы начнем обшаривать ладьи в поисках наживы?

Дерн пожал плечами.

— Не думаю. Если кто и был в живых, то давно покинул это гиблое место. Но я не вижу и мертвых: ни костей, ни доспехов.

Мычка отмахнулся, сказал с досадой:

— Естественно, что ничего не видно. Первый же шторм смое с ладьи все не закрепленное. Ты внутрь загляни, тогда и узнаешь: есть там кто, и насколько они мертвы.

Услышав последние слова, Шестерня, что уже двинулся к ближайшей ладье, замедлил шаг, сказал неуверенно:

— Думаешь, там, внутри, полно мертвецов?

— Еще бы. — Мычка подмигнул, произнес жутким голосом: — И они, только того и ждут, когда некий упитанный пещерник сунется внутрь, чтобы броситься скопом, вонзить клыки и когти в податливое тело, а разорвав на куски, наслаждаться теплым, еще трепещущим мясом.

Шестерня испуганно сморгнул, пробормотал, глядя себе под ноги:

— Как-то, уж очень тут покато, боюсь, в воду б не упасть. Пойдемте, поищем место поудобнее.

По губам Дерна скользнула улыбка, но произнес он очень серьезно:

— Это верно. Негоже на заднице кататься, пусть даже за сокровищами. Найдем, где

полого — спустимся.

Шестерня закивал, взглянул с благодарностью. Двинулись дальше, посматривая на искореженные, застывшие ладьи, но как ни вглядывалась Себя, как ни прислушивался Мычка, кроме хозяйничавших на кораблях бойцов гильдии, так никого и не заметили. Не доходя до конца, развернулись, зашагали обратно. Шестерня косился на ладьи, вздыхал, но попыток проверить содержимое трюмов больше не предпринимал.

Заметив на одном из кораблей Обвеса, Мычка помахал рукой, крикнул:

— Мы возвращаемся. Не задерживайтесь и вы.

Обвес окинул вершинника холодным взглядом, отвернулся.

— Не очень-то он тебя жалует, — бросил Шестерня, заметив, как помрачнел вершинник.

— Он никого не жалует, — процедила Себя. — Назначение командующим рейда вскружило Обвесу голову.

— Он потерял почти всех людей, — произнес болотник. — Такие вещи не улучшают настроение.

— Он глава рейда и не должен позволять чувствам влиять на решения, — отрезала Себя.

Приблизившись к своей ладье, наемники приободрились. Несмотря на отсутствие явной угрозы, прогулка оставила неприятное впечатление, вызвав желание, как можно скорее вернуться. Когда до корабля осталось совсем немного, и слуха коснулись голоса ожесточенно спорящих Маховика с Золой, Мычка замедлил шаг, а затем, и вовсе остановился. Глядя на него, остановились и другие.

Шестерня произнес с нетерпением:

— Не мог бы ты отдохнуть немного позже? По крайней мере, на ладье можно поужинать.

Всматриваясь в разом потемневшее лицо вершинника, Себя осторожно спросила:

— Что-то не так?

— Вода, — сдавленно произнес Мычка. — Она поднимается!

Все взгляды разом устремились вниз, где лаская железные плиты корпуса, лениво шевелились волны. Повисло напряженное молчание. Несмотря на чужеродность и недолгое пребывание, металлическая машина успела внушить уверенность прочностью и основательностью изготовления, и залегающая под ногами бездонная пучина не казалась опасной. И теперь, когда неживая плоть рукотворного чудовища начала медленно, но неотвратимо тонуть, на глазах погружаясь в воду, каждый ощутил, как внутри расправляет щупальца холодный, липкий страх.

— Быстрее, ладья в двух шагах! — воскликнул Шестерня. — Там мы будем в безопасности.

— Остальные бы не увлеклись, — хмуро произнес болотник. — Не заметят вовремя, спасай потом...

Дерн повернулся, сделал шаг назад, но в этот момент раздался гулкий грохот, плиты под ногами содрогнулись, словно кто-то невидимый нанес металлическому существу смертельную рану. Наемники застыли, боясь шевельнуться. Шестерня мельком взглянул на воду, воскликнул радостно:

— Оно вновь всплывает!

— Боюсь, это ненадолго, — сдавленно пробормотал Мычка. — Оглянись!

Головы разом повернулись, взгляды прикипели к дальнему краю "ладьи", где вспенивая волны, из глубины вырывались огромные пузыри воздуха, с шумом лопались, разбрызгивая далеко вокруг желтоватые клочья пены. По мере выхода воздуха, дальний край "ладьи" опускался все ниже, в то время, как "нос" постепенно задирался.

Ощувив, что стоять становится все сложнее, подошвы начали скользить по отполированным ветрами плитам металла, Себя пригнулась, произнесла с напряжением:

— Предлагаю, как можно быстрее, вернуться на ладью и любоваться зрелищем с безопасного расстояния.

Дерн, что все это время стоял в напряженных раздумьях, глухо произнес:

— Ты права, но остальные?..

Шестерня с силой рванул болотника за плечо, развернув к себе лицом, рявкнул:

— Демон с ними! Нужно было по сторонам смотреть, а не по трюмам шарить.

Балансируя руками, пещерник побежал к ладье, следом устремились Себя с Мычкой. В последний раз, взглянув туда, где в кипящей стихии, похожие на скорлупки ореха, сталкиваются и крутятся ладьи, Дерн решительно последовал за товарищами.

ГЛАВА 11

Едва не падая, придерживаясь за вставшую на дыбы поверхность, Дерн достиг верхней точки, с удивлением взглянул на товарищей, что замерли, озадаченно переминаясь. Проследив за взглядами, болотник понял причину. Внизу, на подсвеченных заходящим солнцем, бликующих медным волнах колышется ладья, на палубе мельтешат фигуры спутников, кажущиеся совсем мелкими. От высоты захватило дух, Дерн невольно сглотнул, спросил хрипло:

— Чего вы ждете?

Шестерня повернул к болотнику лицо, щеки пещерника заметно побледнели, а в глазах метался страх, сказал сдавленно:

— Нужно спускаться, но как?..

— В ладью с такой высоты не попасть, да и разобьемся, — в тон добавила Себя.

Дерн перевел взгляд на Мычку, что молча, переминался рядом. Ощувив на себе требовательный взгляд болотника, тот поднял глаза, сказал виновато:

— Они правы. Прыгать с такой высоты — самоубийство. Надо дожидаться, пока вся эта конструкция погрузится глубже, и уже без всякого риска сойти в воду...

Ноздри болотника шевельнулись, лицо наполнилось яростью, он прорычал так, что спутники вздрогнули:

— А ты знаешь, что бывает, когда тонут предметы такого размера? А ну все вниз!

Не дав друзьям опомниться, он растопырил руки, одним движением сгреб всех в охапку, оттолкнувшись, прыгнул, что было сил. Жалобно вспикнула Себя, истошно заорал Шестерня, охнул от ужаса Мычка. Наемники стремительно понеслись вниз. Мгновение ужаса, в ушах свистит ветер, а в глазах, приближаясь с пугающей быстротой, отражается темная поверхность воды. Удар. Тело охватывают холодные объятия стихии, рот и нос

наполняются водой, а внутри испуганной птицей бьется панически страх.

Вынырнув, Дерн осмотрелся. Рядом, барахтаясь по-собачьи, держится Себя, тут же, нелепо размахивая руками, взбивает воду Шестерня, Мычка уже достиг ладьи, с обезьяньей ловкостью карабкается вверх. Удовлетворенный увиденным, болотник цапнул товарищей за одежду. Двумя мощными толчками достиг ладьи, дождавшись, когда сперва Себя, а потом и Шестерня, буквально взлетели на палубу, неторопливо выбрался следом.

Зола встретил друзей скептическим взглядом, спросил, указывая на вздыбившуюся громаду:

— Ваша работа?

Наемники обернулись, замерли, пораженные величию картины. Стальная машина взметнулась позеленевшей скалой, облепившие металл, бурые стебли водорослей повисли бессильными плетями, чудовищные гребные винты застыли проржавевшими наростами.

С отвращением, выливая воду из сапог, Шестерня пробурчал:

— Обвес с соратниками там шуровали, с них и спрашивай.

— Спросил бы, да не вижу, — отрезал Зола.

— На ладьях посмотри, — сухо посоветовала Себя. — Они настолько увлеченно грабили содержимое, что не обратили внимания на происходящее.

— Если бойцы со страху не повыпрыгивали в воду, то они в безопасности, — произнес Маховик, подходя ближе.

— Никто здесь не находится в безопасности, — сумрачно произнес Дерн.

Друзья взглянули на болотника с тревогой, заметив, что он, в отличие от остальных, смотрит не вверх, а вниз, проследили за взглядом Дерна и ощутили, как внутри вновь распускает холодные щупальца страх. Вокруг вставшего на дыбы стального судна закручивается гигантский водоворот, обрывки водорослей, доски и даже ладьи со все возрастающей скоростью плывут по спирали, с пугающей скоростью приближаются к месту, где вода вскипает, жадно заглатывает добычу, словно оголодавший хищник.

Гигантский металлический столб стремительно проваливается в воду, то тут, то там из-под воды вырываются воздушные пузыри, с треском лопаются, обдавая все вокруг потоками брызг. Мгновение, и стальная ладья исчезает, проглоченная жадной пучиной, на ее месте возникает чудовищный водоворот. Вода с ревом устремляется в пучину, таща за собой утлые скорлупки ладей. Вот в бездонной пучине исчезла одна, за ней другая. Ненадолго зависнув на самом краю воронки, следом проваливаются еще две.

Наемники застыли у борта, пальцы мертвой хваткой вцепились в доски бортика, взгляды прикипели к разверзшейся пучине. Сердца бьются на пределе, накачивая мышцы кипящей от возбуждения кровью, но некуда бежать, в открытом море водоворот смертельная ловушка, остается, лишь до ломоты в зубах стискивать челюсти, ожидая неминуемого конца.

Мимо пронеслась последняя из ладей, по палубе мечутся люди. Мелькнули перекошенные ужасом лица, расширенные в панике глаза. Миг, и суденышко обрушивается вниз, унося с собой незадачливых путешественников, что осмелились потревожить покой мертвого корабля.

С трудом двигая челюстями, словно перемещая неподъемный вес, Шестерня прохрипел:

— Ну, вот и все. Встретимся в чертогах Прародителя.

Клацая зубами так, что слова, едва можно разобрать, Себя прошептала:

— Нужно... стоять... до конца.

Ответить никто не успел. Ладья накренилась, на мгновение зависла над бездной, после

чего, провалилась. Но в тот момент, когда лазурные стенки водного колодца взметнулись, закрывая небо, снизу с силой ударил водяной кулак. Наемники, как подкошенные, рухнули на палубу, а ладья рванулась вверх, будто подброшенная катапультой, с шумом шлепнулась, взметнув фонтан брызг, закачалась на волнах.

Ловя ртом воздух, удар оказался столь силен, что первые мгновения ребра отказывались расходиться, не пропуская вздох, Зола прошептал:

— Что это было?

Дерн уперся руками в палубу, рывком сел, сказал с видимым облечением:

— Водоворот закрылся. Мгновеньем раньше — мы бы оказались в толще воды, мгновеньем позже — ладью бы перевернуло волной выброса.

Зашевелились и остальные. Со стоном воздел себя на ноги Мычка, тряся головой, с трудом поднялась Себя, гремя доспехом, как огромная черепаха, прошелся на четвереньках Шестерня, остановился, недоуменно вглядываясь через пробоину в бортике. Из дыры в палубе показалась взлохмаченная голова, наружу выбрался Маховик, глянул дико, лицо механика покрыто каплями крови, под глазом наливается фиолетовым огромный синяк. Глядя на очумевшее лицо механика, Дерн сказал с подъемом:

— А ведь мы выжили, Маховик! Крепкая у тебя посудина.

Тот, лишь отмахнувшись, сказал с тоской:

— Обшивка потрескалась, внутри полно воды, и она пребывает.

— Что это значит? — Себя непонимающе взглянула на механика.

— Это значит, мы ненамного отстали от Обвеса, — угрюмо бросил Шестерня, сумевши, наконец, подняться на ноги.

— Но... Обвес мертв! — воскликнул Мычка, замолчал, осознав жуткую истину.

В багровых отсветах заходящего солнца лица наемников, словно, подернулись пеплом, когда все разом посмотрели на темнеющую изломанными углами гор далекую полосу берега, лишь белоснежные вершины ослепительно блестят, пылая расплавленным золотом в лучах заката, высокие и недостижимые для затерянных среди черной морской глади путешественников.

Звучный хруст стеганул по ушам, нарушив трагичную торжественность момента. Наемники повернулись, с удивлением взглянули на болотника. Дерн задумчиво вертел в руках обломок доски, судя по удивительному сходству с дырой в палубе возле ног, только что вырванной из обшивки. Скептически оглядев трофей, болотник отбросил доску, нагнулся, примерившись, с силой рванул. На этот раз, в его руках оказался кусок намного больше. Удовлетворенный результатом, Дерн довольно кивнул.

— Не сочти за труд, объясни, что ты делаешь? — поинтересовался Зола, с безразличностью наблюдая за действиями товарища.

Глядя, как болотник продолжает методично вырывать огромные куски из обшивки, Шестерня пробормотал:

— Возможно, Дерн решил попытаться заделать пробоины...

— Или не мучаться ожиданием... и других не мучить, — отрывисто бросила Себя.

Оторвавшись от работы, Дерн отряхнул прилипшие к ладоням щепки, сказал:

— До скал мы доберемся, едва ли к утру, — он кивнул в сторону берега, едва видимого в стремительно сгущающейся темноте, — я подумал — пара-тройка кусков дерева под рукой лишними не будут, но, если вы считаете по-другому...

Последние слова потонули в треске и грохоте. Наемники принялись разбирать обшивку

с таким неистовым рвением, что вскоре, палуба напоминала источенный мышами сыр. Переступая громоздящиеся вокруг обломки, Маховик потеряно бродил по палубе, с болью глядя, как и без того израненная ладья, на глазах превращается в груды бесполезного дерева.

Глядя на мучения механика, Шестерня похлопал его по плечу, сказал с пониманием:

— Ладья, верно, отслужила свой срок. Да и еще послужит, ведь надо ж нам как-то добраться до берега.

Маховик лишь тяжело вздохнул, отвернулся, прикипев взглядом к стремительно погружающемуся в океан солнцу. Оттаскивая подготовленные обломки в сторону, Себя, то и дело, поглядывала за борт, при этом, лицо подземницы становилось все более озабоченным. В очередной раз, взглянув на волны, едва не перехлестывающие борт, она сдавленно произнесла:

— Нужно поторопиться. Еще немного, и мы окажемся в воде.

Дерн буднично произнес:

— А все готово, разбирайте.

Подступающая к ногам вода не способствовала спорам, и наемники мгновенно разобрали доски. Даже Маховик, что по-прежнему, почти не реагировал на реальность, подобрал один из кусков. Все сгрудилось у кормы, куда вода еще не успела подступить. Глядя, как Шестерня лихорадочно ощупывает себя, проверяя, хорошо ли подогнан доспех, Мычка посоветовал:

— Ты бы снял половину, не доплывешь.

Охлопывая себя так, что вокруг стоял непрерывный звон, Шестерня буркнул:

— Чтобы мне какая-нибудь рыбина пузо отгрызла? Ну, уж нет.

— Живыми бы остаться, — выдохнул Зола. — А ты о пузе думаешь.

— Он о нем всегда думает, — нервно усмехнулась Себя.

Тщательно закрепив заплечные мешки, и удостоверившись, что ничего не забыли, наемники застыли в ожидании. Передняя часть ладьи уже погрузилась в воду, и над волнами возвышался лишь самый краешек кормы. Заправив посох за пояс, Зола буркнул:

— Ладно, чего ждать-то.

Маг шагнул в воду, мгновенно провалившись с головой, но тут же, всплыл, заворочался, устраиваясь на доске. Глядя на него, следом посыпались и остальные. Вода вскипела от падающих тел. Некоторое время слышался лишь плеск да отфыркивания, наемники принаравливались к непривычному положению, когда же все успокоились, ладья исчезла, и вокруг расстилалось лишь безграничное море, а спустя миг, солнце окончательно погрузилось в океан, и на мир пала тьма.

— И что теперь? — раздался напряженный от сдержанного испуга, голос Шестерни.

— Гребь, что еще, — спокойно ответил Дерн. Судя по ровному, без истерических ноток голосу, болотник чувствовал себя в воде столь же уверенно, как и на суше.

— Куда грести-то, зеленая твоя душа? — взорвался пещерник. — В открытое море? Я ничего не вижу!

Раздался звучный шлепок, рядом завожилось. Послышался смешок, Мычка произнес ободряюще:

— Если даже я различаю берег, тебе ли жаловаться? Ты ж во тьме лучше всех нас вместе взятых видишь!

Вновь завожилось. Довольный похвалой, Шестерня проворчал:

— Не так, чтобы лучше, Себя, вон, тоже глазастая. Но да, теперь вижу.

Послышался раздраженный голос Золы.

— Если вы закончили, может мы, наконец, двинемся? А приятную беседу в холодных волнах сможете продолжить после того, как достигнем берега, без меня.

Вскоре глаза привыкли к тьме, и даже слабого света усыпавших небо звезд хватило, чтобы различить чернеющую полосу берега. Несмотря на относительное удобство, доски придавали плавучести настолько, что даже Шестерня, увешанный доспехами с головы до ног, погрузился в воду лишь чуть-чуть, наемники гребли неспешно, стараясь не расходовать силы понапрасну.

Вскоре, воздух вокруг налился сиянием, замерцал. Повертев головой, Мычка с удивлением обнаружил, что вместо размытых серых теней отчетливо видит спутников, спросил неверяще:

— Мне кажется, или рассвет здесь наступает сразу же после заката?

Дерн выпростал руку из воды, с силой шлепнул, отчего поверхность моря, вокруг ладони болотника, на мгновение ярко вспыхнула, сказал:

— Дело не в солнце.

Привлеченные беседой, спутники по-очереди выныривали из раздумий, куда погрузились, убаюканные неспешным плаванием, с удивлением всматривались вниз, где перед замороженными взорами разворачивалось волшебное зрелище. В насыщенном сиянием бесконечном голубом пространстве двигаются гигантские тени, вяло колышутся белесые колокольчики медуз, сплетаются в странном танце клубки светящихся червей. Бездна наполнена загадочной жизнью, что ненадолго приоткрыла свои тайны шести ничтожным фигуркам, застывшим в тонкой пленочке на самой границе миров.

Казавшаяся поначалу теплой, вода постепенно остыла, наемники отвлеклись от созерцания, быстрее заработали руками, пытаясь согреться, а немногим позже, угасло и сияние. Вновь навалилась тьма, лишь бледные звезды, да редкие всполохи в глубинах подсвечивают дорогу, позволяя не сбиться с пути.

Далеко на востоке небо посветлело, звезды начали гаснуть, а полоска берега обозначилась четче, приблизилась, маня долгожданным отдыхом у костра и горячим завтраком. Наемники воспряли духом, несмотря на удерживающие на поверхности воды деревяшки, все порядком устали, замерзли и хотели лишь одного — как можно быстрее закончить вынужденное купание. Однако, радость оказалась недолгой, над водой поднялась дымка, огородив все вокруг плотным заслоном. Сперва исчез берег, чуть погода, потухли блистающие вершины гор, а немногим позже, мир потонул в сером мареве.

Наемники невольно сбились ближе, среди косматых кусков тумана уставшим глазам мерещатся чудовищные образы, мелькают жуткие тени и слышится подозрительный плеск. Вскоре, дымка стала настолько густа, что даже вытянутая в сторону собственная рука терялась в мареве, а робкие призывы к друзьям не получали ответа, крик глож, едва зародившись, будто туман пожирал звуки, наслаждаясь ужасом и бессилием, оставшихся один на один со своими страхами, путешественников.

Себя с отвращением сплюнула заполнившую рот воду. Взмах. Рука с трудом вздымается, совершая короткие гребки. Занемевшие от перенапряжения мышцы сокращаются все слабее и слабее. Еще один. Промокшая насквозь, одежда неприятно холодит тело, высасывая остатки тепла, перед глазами мельтешат кровавые мухи, а в ушах гулкие, словно далекий молот кузнеца, отдаются надсадные удары сердца. Голова пуста, лишь на самом краю сознания мельтешат обрывки поблекших мыслей.

Сил почти не осталось, лишь лютее, идущее из темной глубины стремление жить, заставляет, вновь и вновь, взмахивать руками, но и оно слабеет, колеблется под напором одиночества и усталости. Вокруг все та же белесая мгла, будто в целом мире не осталось ничего, кроме серой хмари и черной бездны, затаившейся в ожидании добычи, что ослабнув, рано или поздно, перестанет сопротивляться, расслабиться, позволяя стихии поглотить трепещущую искру жизни.

Черная меланхолия застигает разум, и некому поддержать, спутников не видно. Возможно, они давно уже мертвы, проглочены прячущимися в тумане чудовищами, или устав бороться за жизнь, принесли себя в жертву прожорливому духу моря, а быть может, это она сбилась с курса, и с каждым гребком удаляется от берега, упрямо придерживаясь гибельного пути.

Но разве для того она покинула родной дом, отказавшись от положения, оставив близких и друзей, пустившись в полный опасностей путь, чтобы закончить жизнь на дне моря, разбухшей от воды, с выеденными рыбой глазами и почерневшим языком!? Из глаз хлынули злые слезы, растеклись по щекам, смешавшись с морской водой. Закусив губу, Себя зарычала, возбуждая яростью угасшие чувства, и хотя из горла вырвался лишь слабый клекот, руки заработали быстрее, а тело начало разогреваться.

От неловкого движения доска выскользнула из-под живота, исчезла в тумане. Себя ощутила, как сердце стиснули холодные зубы ужаса. Найти в плотном, почти осязаемом тумане доску казалось почти нереальным, но, даже обнаружив спасительный кусочек дерева, она рисковала навсегда сбиться с пути. Понимание безысходности накрыло ледяным покрывалом, разом остудило кровь. Зарычав, как смертельно раненый зверь, девушка забилась, почти не осознавая, что делает.

В живот ткнулось мягкое, руки заскребли по песку, оставляя глубокие дорожки, волна отхлынула, обнажив испятнанную лохмотьями водорослей песчаную косу, и в этот момент, как по волшебству, истаяла туманная хмарь. Порыв ветра унес обрывки седых клочьев, и сквозь пелену слез, исказившую мир до неузнаваемости, Себя увидела берег.

ГЛАВА 12

Слуха коснулось негромкое потрескивание, пахло дымком. Открыв глаза, Себя вздрогнула, совсем рядом мерцает пламя, веселые огоньки прыгают по веткам, со сладострастным шипеньем вгрызаются в сухую древесину, угли постреливают, разбрасывая далеко вокруг мелкие багровые искры. Костер умиротворяюще потрескивает, распространяя вокруг волны живительного тепла. Подземница подалась вперед, сунула конечности, едва не в самое пламя, чувствуя, как неохотно выходит из тела холод, за время плавания проникший в самую глубину естества.

Рядом шевельнулось, перед глазами возникла палочка с нанизанными кусками, истекающего соком, прожаренного мяса. Изумительный запах ударил по ноздрям, рот наполнился слюной, а под ложечкой засосало с такой силой, что Себя схватила палочку, принялась рвать мясо, не обращая внимания на жир, что тут же полился по рукам, обильно

окропил доспехи.

Кто-то хмыкнул, над ухом раздалось ободряющее:

— Проголодалась. Гляди, как уминает!

Себя быстро расправила с мясом, и, лишь потом, огляделась. Вокруг, плотной стеной вздымаются вековые сосны, под ногами толстая подушка из веточек и сухой хвои. Тут же расположились спутники. Подложив под голову замшелый камень, в сторонке дремлет Дерн. Короткими точными движениями Мычка сосредоточенно режет мясо. Сочные ломти, один за другим, ложатся на лист лопуха. Негромко шурша, точилом правит любимую секиру Шестерня, лезвие блестит настолько, что боль-

но смотреть, но упрямый пещерник, вновь и вновь, водит камнем по клинку, стачивая, одному ему видимые, шероховатости. Чуть поодаль, одетый в одну лишь набедренную повязку, скорчился Зола, наколотый на палочки, балахон сохнет сморщенной шкурой возле костра, вокруг мага, в живописном беспорядке, разбросаны пожелтевшие свитки.

Спокойная расслабленность товарищей подействовала умиротворяющее, и глаза начали закрываться, когда в голове вспыхнуло непонимание. Глаза, сами собой, распахнулись, девушка завертела головой.

Перехватив ее взгляд, Шестерня вздохнул, отвечая на невысказанный вопрос, произнес:

— Не доплыл он. Не то в тумане потерялся, не то решил, что потеряв за рейд две ладьи, недостоин жизни.

Тяжело вздохнув, пещерник замолчал, потемнел лицом. По всей видимости, механик пришелся ему по душе.

Мычка поднял голову, поддерживая, произнес:

— Может, где дальше выплыл. Вспомни, сами едва нашли — так разбросало.

Раздался скрипучий голос Золы.

— Не выплыл. Еще на ладье стояли, по лицу видно было — не выплывет. А если даже и выплыл, уже не имеет значения. Меня гораздо больше интересует, что будем делать мы.

— Задание не выполнено, — не открывая глаз, откликнулся Дерн.

— У тебя еще не пропало желание его выполнять? — в голосе мага послышалась издевка.

— При чем тут желание? — поинтересовался Дерн, устраиваясь поудобнее. — У нас прямое пожелание главы гильдии, если не сказать — приказ.

Зола нахмурился, сказал зло:

— А тебе не кажется, что это задание постепенно превращается в самоубийство? Обе ладьи потеряны, все бойцы гильдии мертвы, мы сами, не раз и не два, находились на грани гибели, и выжили, лишь чудом!

Выпав из руки пещерника, звякнуло точило. Шестерня повернул голову, с удивлением взглянув на Золу, спросил:

— Но, как же, Найденьш? Ведь, он нас спас...

— К демонам Найденьша! — взорвался маг. — Прежде, чем он спас нас, мы спасли его. Да, и неизвестно, как бы все повернулось, не наткнись мы в степи на его брненное тело.

Болотник раздраженно передернул плечами, рывком сел, пошарив под спиной, вытащил из хвои здоровенный сук, отбросил далеко в сторону, после чего, обратил взгляд на мага, сказал с сарказмом:

— Осталось выяснить, кто нас туда привел. Жаль, память подводит.

Маг насупился, сказал раздраженно:

— Я уже устал повторять — никого с собой не звал. Сами напросились!

— Конечно, — уже с не скрываемой издевкой произнес болотник, — вопрос лишь в том — далеко бы ты ушел.

— Уж куда-нибудь, да ушел бы, — сверкнув глазами, отрезал Зола.

— Не дальше обеденного зала таверны, и не мгновеньем позже, чем появился тот вершинник — охотник до чужих вещей, — сухо бросила Себя.

Маг раздражал подземницу несносным характером, и если обычно она с этим мирилась, то будучи в плохом настроении, недовольство прорывалось наружу.

Зола поморщился, сказал, уже не так уверенно:

— Уж как-нибудь бы разобрался.

— Помню, помню, — хмыкнул Мычка. — Мы твой мешок у него втроем, едва отобрали...

— Вчетвером, — уточнил Шестерня, искоса поглядывая на Зола, что к этому моменту не знал, куда девать глаза.

Перестав скалиться, Дерн деловито произнес:

— Сейчас выпьемся, а вечером проберемся в город. Мычка сказал, тут недалеко.

— А почему не сейчас? — поинтересовался пещерник. Он с силой взмахнул секирой. Лезвие сверкнуло молнией, с воем вспорол воздух, замерло, наставленное в сторону воображаемого противника. — Спать удобнее ночью, да и по лесу — сподручнее, когда светло...

Мычка, что последние мгновения к чему-то напряженно прислушивался, жестом оборвал товарища, указал вверх. Шестерня, едва успел поднять голову, чтобы заметить мелькнувшую над деревьями массивную тень. Сосны рассерженно загудели, на головы посыпалась хвоя и мелкие веточки, слуха коснулся знакомый гул, но быстро затих, растворившись в шумах леса.

Мычка покачал головой, сказал задумчиво:

— Это, уже третья за сегодня. Либо, где-то неподалеку походит воздушный путь, либо, они кого-то ищут.

Шестерня отмахнулся, сказал беспечно:

— И пусть себе ищут. Или вы боитесь, что сквозь кроны разглядят? Так, сами недавно летали — ничего ж не видно!

— Это днем не видно, а ночью на огонь сбегутся со всех окрестных земель, — назидательно сказал Мычка. — Поэтому, пока есть возможность, нужно отдохнуть. К тому же, мы в чужом краю, и если сейчас все спокойно, к вечеру могут повылазить такие существа, что об отдыхе придется забыть.

Услышав последние слова, Шестерня посерьезнел, начал настороженно оглядываться. Улыбнувшись уголками губ, Мычка улегся на спину, закинул за голову руки и смежил глаза. Следом за ним, сморенная сном, улеглась и Себя. Над лагерем повисла тишина, прерываемая лишь тихим скрипом доспеха, напуганный словами вершинника, Шестерня продолжал вертеться, высматривая за деревьями чудовищ, да надтреснутым кряхтением Зола — не дождавшись пока балахон окончательно высохнет, маг закутался в одежду и теперь ворочался, ощущая холодные прикосновения влажной ткани.

Прогоревшее бревно развалилось, выбросив фонтан искр, рассыпалось мерцающим цветком углей. Потянувшись до хруста в суставах, Шестерня сел, осоловело осмотрелся. Подтянутый и бодрый, Мычка расхаживает вокруг, что-то высматривая в хвое, Дерн, по

своему обыкновению, перебирает горшочки с зельями, по очереди, осматривая каждый, выискивает мельчайшие трещинки, и плотно оборачивая листьями лопуха, осторожно опускает в котомку.

Ощувив напряжение в животе, Шестерня с кряхтением поднялся, двинулся к ближайшим деревьям, но под ноги попало мягкое, с воплями задергалось, обратилось Золой. Маг вскинулся, рывкнул, обращаясь к оторопевшему от испуга пещернику:

— Куда прешь, пещерное племя, совсем глаза потерял?

Держась за сердце, Шестерня произнес, заикаясь:

— Так темно ж, не видно ничего. — Он поднял руку, указывая вверх.

Зола задрал голову, мельком взглянув на потемневшее небо, где подслеповато подмигивали первые звезды, успокаиваясь, проворчал:

— Тебе-то, что до того? Что днем, что ночью видишь одинаково.

Заворочалась, просыпаясь, Себя, блеснув багровыми отсветами углей в глазах, спросила с зевком:

— Я что-то пропустила?

Обрадовавшись неожиданной помощи, Шестерня скороговоркой произнес:

— Нет, нет, что ты! Зола, как раз, начал рассказывать одну жутко интересную историю... — не договорив, он засеменил в лес, откуда, мгновение спустя, донесся гулкий вздох облегчения.

Проводив задумчивым взглядом пещерника, девушка с интересом воззрилась на мага, но тот, лишь недовольно морщился, потирая оттопанную руку, и не спешил тешить товарищей рассказами, и Себя с разочарованием отвернулась.

Поежинали остатками обеда, предварительно подогрев мясо в угольях. Зола попытался было подкинуть дров, но Мычка перехватил, уже летящее в костер, полено, покачав головой, указал на небо, где в этот момент, ненадолго закрыв звезды, пронеслась продолговатая тень ладьи. Больше никто не пытался развести огонь, и вскоре, затоптав уголья, путешественники уже двигались через лес, беззвучно ступая по пружинящему коврику хвои.

Лес закончился, деревья разом отступили. Впереди, испятнанный россыпью огней, раскинулся город: по защитной стене движутся серые тени охраны, на башенках, подсвеченные пламенем костров, темнеют силуэты баллист.

Всмотревшись в застывшие у ворот фигурки воинов, с длинными копьями на перевес, Шестерня с сомнением произнес:

— Вы, по-прежнему, настаиваете на том, чтобы пройти ночью?

— Конечно, — задорно произнесла Себя. — Но будь я проклята, если мы воспользуемся вратами!

Мычка одобрительно кивнул, Шестерня досадливо крякнул, а Зола глухо произнес:

— Этого я и боялся.

— Может, составим план? — предложил Дерн. — Пробираясь ночью в чужой город, хотелось бы избежать непредвиденных случайностей.

Себя отмахнулась, бросила снисходительно:

— План..., кому он нужен.

Сорвавшись с места, девушка проворно двинулась в сторону города, остальные поспешили следом. Сперва, Себя направилась к главным воротам, но едва спутники начали нервничать, предполагая неизбежное объяснение с сурового вида стражами, подземница резко свернула в сторону, в последний момент, избежав пристального внимания гвардейцев.

Дерн, лишь покачал головой, а Мычка, едва заметно выдохнул, но вслух не высказался никто, наемники доверяли спутнице и старались не отвлекать внимание проводницы неуместными комментариями.

Городская стена выступила из сумрака черной тенью, еще мгновение назад, над головой нависал полог из сияющей звездной паутины, а теперь, часть неба исчезла закрытая каменной кладкой.

Шестерня окинул взглядом бугрящуюся выступами поверхность, сказал уважительно:

— Серьезная постройка, с наскоку не преодолеть.

Себя хмыкнула:

— От свиней изгородь — и то лучше будет.

Едва слышно шелестнул плащ, гибкая фигурка исчезла из виду, а немногим позже, сверху упал конец веревки, дернувшись, застыл. Глядя на приглашающе белеющую полосу, Шестерня взъерошил бороду, задумчиво произнес:

— И по этой ниточке я должен...

Мычка звучно хлопнул пещерника по плечу, шепнул насмешливо:

— А ты попроси Дерна подстраховать. Коли и сорвешься, то прямо в ручки. А они у болотника, ха-ха, мягкие.

Мычка взлетел по веревке, перевалившись через край, исчез из виду. Покряхтев, следом полез Зола. Проводив мага взглядом, Шестерня повернулся к болотнику, взглянул выжидательно, но Дерн не повел и бровью, и тяжело вздохнув, пещерник принялся карабкаться по веревке. Последним полез Дерн. Дождавшись, когда затихнет пыхтение пещерника, болотник взялся за веревку, в сомнении подергал, но утонувшая в широченной ладони нить держала прочно, и Дерн подтянулся.

Взобравшись, Дерн мельком осмотрел лежащего тут же охранника, с уважением отметив изящество работы Себии: видимые повреждения отсутствовали, но мужчина оказался жив и, едва заметно, дышал, тут же обнаружился затушенный факел.

Себя отвязала веревку, прошептала, обращаясь к Мычке:

— Помоги.

Вдвоем они произвели некие манипуляции с телом, после чего, создалось полное впечатление, что гвардеец всего лишь прилег отдохнуть, но забывшись, уснул. В завершение, Себя вытащила из заплечного мешка небольшую баклажку, откупорив, смочила губы воина, спрятала назад.

Шестерня повел носом, пораженно прошептал:

— Золотистое, с холмов, ранний сбор, десятилетняя выдержка! Кто бы мог подумать...

Себя скользнула к лестнице, бесшумно скатилась вниз, остановилась, поджидая спутников. Пустое пространство вдоль стены ярко освещено, негромко поскрипывают сапоги патрульных. Вжавшись в темное пятно возле лестницы, наемники дождались, пока мимо, бряцая доспехами и негромко переговариваясь, прошли трое патрульных, после чего, по знаку подземницы, прокрались до ближайшего дома, моля богов, чтобы гвардейцы не обернулись.

Так, избегая открытых мест и ныряя в ближайший закоулок, при одном лишь звуке шагов, наемники углубились в город. Пустынные у окраин, улицы постепенно наполнялись жизнью: из-за притворенных ставен доносятся приглушенные голоса, опираясь на стены, замедленно бредут домой припозднившиеся зеваки, где-то звенит посуда, над входом в таверны сияют подсвеченные факелами вывески, а из распахнутых настежь дверей доносятся

аппетитные запахи.

Шестерня сглатывал все чаще, провожая вывески голодным взглядом, когда же, третья по счету таверна осталась позади, не выдержал, сдавленно возопил:

— Может мы, наконец, закончим петлять по городу и пристроим натруженные... ноги у огня в одной из этих уютных харчевен?

— Конечно, — не оборачиваясь, спокойно ответила Себя. — Зайдем в первую попавшуюся.

Шестерня возмущенно поинтересовался:

— А чем плохи были предыдущие три?

Себя оглянулась, блеснув зрачками, бросила:

— Нужно отойти от врат. Если в городе напряженная обстановка, мы рискуем встретить наблюдателей.

— Я бы не сказал, что следящие за порядком с большой охотой суются в трущобы, — с сомнением, заметил Зола.

— В обычные, — да, но в расположенных возле входа в город тавернах вероятность весьма велика. Сохраняя силы, путники останавливаются в первой же таверне, уставшие с дороги, с удовольствием делятся новостями с прочими посетителями, зачастую, в обычном разговоре, упоминая множество, полезных для ушей правителя, вещей.

Преисполнившись сарказма, Зола уже хотел осведомиться, откуда подземнице известны, столь интригующие подробности, но неподалеку, гостеприимно распахнула двери очередная трапезная, и забыв о беседе, наемники двинулись вперед ускоренным шагом.

Задымленное помещение с низким потолком, в углах тускло коптят факелы, в камине над грудой мерцающих багровым углей поджаривается туша кабана, распространяя вокруг чарующий мясной дух. Зал пуст, лишь у дальней стены притулился оборванец, да за одним из столиков, упав лицом в миску, дремлет хмельной гуляка.

Переглянувшись, наемники вошли, дружно направились к одному из дальних столов. Едва они присели, раздался скрип половиц, к столу подошел вершинник, судя по надменному лицу и дородному телосложению — хозяин корчмы, сказал с улыбкой:

— Надеюсь, гости из дальних краев столь же голодны, сколь уставши? Я прикажу подать ужин, как можно быстрее. А чтобы ожидание не было столь томительным, отведайте нашего фирменного вина.

На столешницу опустилась тяжелая бутылка с заплавленной сургучом пробкой. Тут же, подбежал служка, водрузил перед каждым медную чарку, после чего, оба удалились. Себя проводила их полным подозрения взглядом, поинтересовалась с сомнением:

— Странная традиция угощать вином случайных посетителей, что еще, даже не оплатили заказ.

— Отличная традиция! — с подъемом воскликнул Шестерня.

Мелькнуло лезвие кинжала, хрустнув, отлетела пробка, повеяло терпким хмельным ароматом. Забулькало. Пещерник аккуратно разлил вино, умудрившись не расплескать ни капли.

— За удачное завершение, — произнес Мычка, воздев бокал.

Наемники опорожнили бокалы, помолчали, оценивая послевкусие. Себя поморщилась, произнесла задумчиво:

— Есть что-то необычно в этом вине. Какой-то знакомый привкус...

Дерн подцепил пальцами пробку, внимательно осмотрел, после чего перевел взгляд на

бутылку, замедленно произнес:

— Странно.

— Что не так? — Зола покосился на товарища.

— На бутылке толстый слой пыли, а сургуч совсем свежий...

Себя, что все это время силилась припомнить нечто важное, прошептала:

— Я вспомнила. Такой вкус придают истолченные клубни травы забвенья, если их подсыпать...

Вывхатив кинжал, девушка стремительно обернулась, попыталась встать, но тело повиновалось с трудом, и она, едва не упала. Пересиливая головокружение, подземница двинулась к стойке, откуда, со страхом в глазах, за ней следил хозяин. Позади с глухим стуком что-то упало. Мельком обернувшись, Себя обнаружила лежащих без движения товарищей, лишь Дерн вяло ворочался, сопротивляясь отраве.

Мир качнулся, руки повисли бессильными плетями, звякнув, отлетел в сторону нож. Себя мягко завалилась на половицы. Угасающий взор успел ухватить вбегающих в харчевню стражников, и сознание померкло.

ГЛАВА 13

Боль вкралась, пробуждая сознание, охватила тело, сковав стальными объятьями. Застонав, Мычка шевельнулся, потянулся, растягивая занемевшие мышцы. Руки рвануло, глухо звякнул металл. Сознание вернулось рывком. Мычка с удивлением воззрился на тяжелые проржавевшие цепи, соединяющие стальные браслеты на руках и ногах. Сквозь зарешеченное оконце, под потолком, проникает смутный свет, освещая небольшую, три на три шага, клетку узилища. Сложенные из грубо отесанных камней, стены покрыты пятнами бурого мха, потолок нависает столь низко, что встань во весь рост — упрешься головой. Вместо одной из стен — дверь, из толстенных стальных прутьев, в слабом свете невидимых факелов чернеют провалы еще нескольких узилищ, чьи двери располагаются полукругом. В воздухе витает терпкий запах мочи и гари.

В памяти всплыли последние мгновения: сладковатый привкус вина, разливающаяся по телу слабость, и рванувшаяся в сторону фигура девушки. Едва слышный стон привлек внимание. Мычка насторожился, некоторое время прислушивался, затем осторожно окликнул:

— Хей, кто здесь?

Звякнуло, раздался бодрый голос Шестерни:

— С возвращением. Мы уж боялись, не очухаешься.

Мычка ощутил, как губы сами собой расползаются в улыбке. Настроение мгновенно улучшилось, а в сердце зародилась надежда. Стараясь, чтобы радость не пробилась в голос, друзья могли неверно оценить неуместное, в подобном положении, веселье, Мычка поинтересовался:

— Похоже, я кое-что пропустил. Что именно произошло?

— Ты пропустил все, — ворчливо отозвался Зола. — Но не проси рассказывать, мы

знаем — не намного больше.

— Уже то радует, что все живы, — сказал Мычка. — Я, когда кандалы увидел, усомнился.

— Вопрос, надолго ли, — донесся рассудительный голос Дерна.

Повисла напряженная тишина. Но вскоре, Шестерня не выдержал, сказал со вздохом:

— Хорошо, хоть в одном месте заточили. Все веселее время коротать.

Хрустальными колокольчиками во тьме прозвенел голос Себии.

— Боюсь, совместное пребывание обернется против нас.

Чувствуя, как при звуках голоса подземницы сердце забилося сильнее, Мычка спросил:

— Ты что-то чувствуешь?

— Вижу, — коротко ответила девушка.

Ощувив в голосе собеседницы недосказанность, Мычка хотел уточнить, но в это время загремел засов, и слова так и не сорвались с языка. С протяжным скрипом распахнулась невидимая дверь, застоявшийся воздух подземелья колыхнулся, от дрогнувшего пламени факелов метнулись испуганные тени, весело запрыгали по стенам. Зашаркали подошвы, на площадку перед клетушками вышли трое вершинников. Двое остановились чуть позади, застыли, держа факелы на вытянутых руках, третий же, подступил ближе, заложив руки за спину, прошелся взад-вперед.

Наемники, молча, рассматривали мужчину. Поджарый, тонкокостный, как большинство вершинников, с волевым испещренным шрамами лицом, мужчина производил впечатление опытного воина, но костюм из парчи, вкупе с внимательным взглядом, и залегшие у переносицы глубокие морщины наводили на мысли, что последнее время ему больше приходится заниматься политическими, нежели ратными делами.

Не тратя время на прелюдии, мужчина сурово произнес:

— Чтобы не создавать, друг другу, сложностей, предлагаю вам рассказать начистоту: кто вы, откуда, и для каких целей прибыли. — Видя, что пленные не торопятся с ответом, он добавил: — Предупреждаю сразу, я почти всегда занят, зато, у местного заплочных дел мастера времени — хоть отбавляй, поэтому поторопитесь, если не хотите продолжать беседу в... — он запнулся, подбирая слова, — менее благоприятных условиях.

— По-твоему, это благоприятные условия? — с ехидцей поинтересовался Зола.

Вершинник расплылся в улыбке, сказал сладким голосом:

— Ты удивишься, насколько удобным покажется твое нынешнее положение всего через пару дней, если, в ближайшее время, я не получу должной информации.

— Мы много, где бывали и можем долго рассказывать. Будет обидно, если должная информация всплывет ближе к концу, ведь у тебя почти нет времени, — резонно заметил Дерна.

— Не стоит считать чужое время, тем более тому, чья жизнь балансирует на грани лезвия, — холодно бросил вершинник.

— Мы обычные путники, каких много, пришли в город, в надежде, на лучшую долю, — мирно произнес Дерна. — Но, похоже, выбрали не лучшее время для путешествия.

Вершинник усмехнулся, сказал устало:

— Вы выбрали не лучшее время для лжи. Я уже слишком давно занимаю свой пост, и слышал, чересчур много, "правдивых" историй, чтобы поверить в столь безыскусный, обман. Даю последний шанс, чтобы рассказать правду, и тогда, возможно, смерть ваша будет легкой и безболезненной.

В своей клетке поперхнулся Шестерня, спросил ошарашено:

— А зачем, вообще что-то, говорить, если мы отсюда не выйдем?

Не глядя на собеседника, вершинник произнес:

— Ты удивишься, но, порой, смерть бывает настолько желанной, что поток красноречия не прервать. — Он подождал, но наемники молчали, и гость развел руками, сказал, не выказывая удивления: — Что ж, иного, я не ожидал. Тогда, до встречи. Уверен, к следующему моему визиту, вы станете сговорчивее.

Простучали удаляющиеся шаги, надрывно скрипнула дверь, и стало тихо. В клетушке у Шестерни завожилось, раздался, исполненный удивления, голос:

— Мне показалось, или этот вершинник, несколько, не в себе?

— Ты полагаешь? — буднично поинтересовался Дерн.

— Но ведь, это очевидно! — воскликнул Шестерня. — Приволок нас, безвинных, в каземат, задает идиотские вопросы, угрожает расправой...

— Везде свои порядки, — задумчиво промолвил Мычка. — Возможно, здесь так принято встречать незнакомцев, и...

Из тьмы узилища насмешливо фыркнула Себя, сказала, прервав рассуждения вершинника:

— Мычка, Шестерня, при всем уважении, похоже, вы не до конца понимаете, на кого работаете и во что ввязались.

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовался пещерник, прикинув к прутьям двери. — Хозяйка, та же, работа, считай, тоже. Разве город чуть больше, да пространства шире, не то, что в нашей деревне.

С тяжелым вздохом Себя поинтересовалась:

— Остальные думают также?

Раздался голос болотника:

— Этот вопрос особо не обсуждался, но, коль скоро, выдалось свободное время и тебе есть, что сказать... Мы с удовольствием выслушаем.

Помолчав, подземница произнесла:

— Для вас не секрет, как я отношусь к Шейле, впрочем, как и для меня, не является секретом ваше к ней отношение. Не буду вас разубеждать, знаю, бесполезно, но для очистки совести напомню — раса подземников отличается от прочих исключительной расчетливостью, особенно, это характерно для женщин.

— Не сказать, чтобы это явилось новостью, — желчно отозвался Зола.

Пропустив слова мага мимо ушей, Себя продолжила.

Гильдия, где все ведущие места заняты подземниками, наводит на размышления, гильдия, где у руля женщина-подземница, внушает страх. И это не пустые слова. Верхушка невзрачной, на первый взгляд, гильдии, интересуется такими вещами и проворачивает такие дела, о которых большая часть состава не имеет даже отдаленного представления, в наивном заблуждении полагая, что основное их предназначения — ежедневная муштра на плацу и редкие рейды на совместное с городской стражей, патрулирование города.

— Честно говоря, у меня сложилось именно такое представление, — задумчиво произнес Мычка. — Частые тренировки, редкие рейды, обилие хозяйственной работы. Так было в прошлом, когда между редкими заказами каждый из нас занимался своими делами, так происходит и теперь.

— Структура гильдии несколько сложнее, чем может показаться на первый взгляд, —

продолжила подземница. — Большая часть наемников, к которой до недавнего времени относились и вы, даже не подозревает об истинном положении дел, впрочем, как и не участвует в оных.

Зола не выдержал, спросил с плохо скрытым сарказмом:

— Мы?

Себя выдержала тон, ответила ровно:

— Да, вы. Потому что я, с недавних пор, вхожу во внутренний контур.

— И что это тебе дает? — Зола не изменил тона.

— Не важно, что мне это дает, важно, с чем я, в результате этого, столкнулась. А столкнулась я с такими вещами, о которых не стоит рассказывать даже друзьям.

— Что же сподвигло тебя к откровению? — голос мага переполнился желчью.

— Мы попали в ситуацию, когда потребуется действовать на пределе сил, а знание истинной картины происходящего развеет иллюзии, позволив полностью сосредоточиться на задаче, — честно ответила Себя.

Шестерня шумно почесался, сказал с деланным весельем:

— Чем дальше, тем больше жути. Может, на этом ты закончишь рассказ, иначе, чувствую, к концу повествования я буду испуган настолько, что не решусь сделать и шага из узилища.

— Ты считаешь, это действительно нам поможет? — спросил Дерн.

— По крайней мере, вы будете понимать, кто эти люди, и что от вас хотят, — ответила подземница. — А это, поверьте, немало.

Зола проворчал уже спокойнее:

— Осталось узнать, почему ты не сделала этого раньше? Возможно, мы бы сейчас не находились в столь плачевном положении.

Себя ответила с холодком:

— Во внутреннем контуре достаточно магов, способных прочесть мысли, и даже те крупницы знаний, что я сейчас раскрываю, подвергают вас смертельной опасности.

Наемники ощутили неприятное шевеление страха, осознав, что хрупкая, застенчивая девушка, что стала неотъемлемым членом команды и, уже не раз доказала свою преданность общему делу, бросаясь на защиту товарищей в безвыходных ситуациях, обладает холодным рассудком и руководствуется трезвым расчетом. И теплые отношения, что, по-прежнему, сохранялись в их тесной компании, возможно, остались таковыми, лишь потому, что жизни товарищей не входили в круг деловых интересов подземницы. Не входили, до поры до времени.... Но войди дружба в конфликт с интересами дела, конечный выбор загадочной уроженки подземелий оставался под вопросом.

Помотав головой, Мычка отбросил неприятные размышления, спросил, возвращаясь к началу:

— Так, что, именно, мы должны знать?

— Наша гильдия входит в, так называемый, стальной круг, это боевая организация, одна из нескольких, под видом обычной гильдии наемников скрывающая свою истинную деятельность: разведка, шпионаж, диверсии. Помимо основной деятельности, мы предупреждаем диверсии со стороны враждебно настроенных государств и устраняем последствия спонтанной активности древних артефактов.

Шестерня кашлянул, сказал негромко:

— С артефактами все понятно. Один из них, разнес стену монастыря и пытался

раздавить нас при входе в город. А что касается деверф... дисерв... — он раздраженно крякнул, произнес по слогам, — ди-вер-сий... Что ты имеешь в виду?

Себя ответила:

— Разное. Да, ты и сам, как-то, принимал в этом участие. Если, не забыл. Тот раз, когда, спустившись в канализацию, вы наткнулись на неких существ, после чего, в упоении боем, разнесли добрую половину квартала.

Шестерня произнес с содроганием:

— Такое забудешь. — Помолчав, произнес с подозрением: — Удивительно, откуда ты знаешь. Я никому не рассказывал, боялся, на смех поднимут. Да и остальные, думаю, тоже.

Себя невесело усмехнулась.

— Мы вылавливали оставшихся тварей еще седмицу, и не факт, что уничтожили всех. Они расползлись по канализации.

Дерн поинтересовался с нескрываемым любопытством:

— А почему ты решила... — он запнулся, поправился, — почему в гильдии решили, что это именно диверсия?

— А ты раньше встречал подобных животных, или хотя бы, что-то отдаленно напоминающее? — задала встречный вопрос подземница.

Мычка непонимающе воскликнул:

— Да никто такого раньше не видал! С чего они вообще взяли, что это чья-то злая воля?

— Ходят слухи, что в некоторых гильдиях растят чудовищ, а потом проверяют, подбрасывая результаты в города сопредельных государств, — спокойно ответила Себя. — И не только чудовищ. Появление механизма, что едва не убил нас при входе в город, вполне, могло оказаться спланировано, пещерникам такое под силу, а граница их территорий проходит не так уж и далеко.

— Не слишком ли ты много знаешь для обычного исполнителя? — сухо поинтересовался Зола.

— А с чего ты решил, что я обычный исполнитель? — на этот раз, сарказм прозвучал уже в голосе девушки.

Наемники вновь ощутили неприятное шевеление страха. Подземница, каким-то невероятным образом, успев, за короткое время пребывания в гильдии добиться столь значимого положения, пугала все больше.

Дерн кашлянул.

— Действительно, интересно. Это все, что ты хотела сказать?

— Это была, лишь прелюдия, — девушка усмехнулась. — Гильдии, равного уровня, есть не только у нас, и дела, что они решают, зачастую, гораздо серьезнее вопросов, что решаем мы. Волей случая, попав в этот рейд, вы вступили в опасную игру с жесткими правилами и очень серьезными противниками.

Зола звякнул кандалами, буркнул:

— И этими прелестями мы обязаны тем самым врагам?

Судя по звякнувшим цепям, подземница пожала плечами.

— Надеюсь, что нет. Иначе, нам уже ничего не поможет. Я присутствовала на нескольких допросах в Зеленой башне. То, что остается от подозреваемых после процедуры выяснения, уже нельзя назвать живым существом.

Шестерня громко сглотнул, так, что по подвалу пронеслось эхо, хрипло спросил:

— Можно, хотя бы, узнать, ради чего мы подвергаемся такому риску? В конце концов,

ведь не из-за кучки бесполезных узников затеяли этот рейд?

— Этого я не знаю, — честно призналась девушка. — Можно только догадываться, для чего гильдии понадобились эти люди, и какова их истинная роль, но, судя по реакции хозяйки гильдии, их ценность невероятна.

Обращаясь к болотнику, Зола саркастически произнес:

— Не иначе, твой спасенный протеже является близким родственником особо знатной персоны, а быть может, и самой персоной.

— Какой смысл гильдии тратить силы и людей на обычного представителя знати? — задал резонный вопрос Дерн.

— Какой смысл, ради того же представителя, штурмовать гильдию? — ответил вопросом на вопрос Зола. — Ведь наш рейд, всего лишь, ответ на дерзкую атаку неизвестных. Ведь вы находились в самой гуще сражения и могли оценить уровень подготовки. Что скажете?

— Мы оценили, — сдержанно произнес Мычка. — Не хотелось бы повторять.

— Это да, — хмыкнул Шестерня. — Башню они разделали под орех, да и нас, едва не утертвили.

— О том и реку, — сухо подытожил Зола. Помолчав, добавил сокрушенно: — И как я поддался на ваши уговоры? Вместо занятий магическими изысканиями, я мотаюсь по миру, теряя драгоценное время в поисках бездарного представителя высшего сословия, чья бессмысленная жизнь не возместит и крупницы потраченных усилий.

Дерн насмешливо произнес:

— Вероятно, эта жизнь пополнит закрома гильдии сверкающим металлом, чей вес для организации важен много больше, чем потерянные жизни наемников, и уж тем более, их потраченное время.

Загремел замок. Наемники затихли, напряженно внимая звукам. Послышался шорох шагов, что-то звякнуло, загрохотало. Некоторое время раздавалась невнятная возня. Затрещали, разгораясь, ветви в невидимом камине, потянуло дымком. Испуганно дрогнули тени, отступили, вытесняемые светом пламени.

Вслушиваясь в лязганье невидимых инструментов, Мычка болезненно морщился, сообразно шуму воображение рисовало: то огромные клещи, испачканные свернувшейся кровью, то проржавевшую тупую пилу. Когда фантазии стали нестерпимы, Мычка с шумом выдохнул, встряхнулся, громко звякнув цепями.

На звук за дверью материализовался небольшой, даже по меркам своей расы, пещерник, обежав взглядом Мычку, повернул голову, оглядел прочих узников. Контраст между жуткими звуками и неожиданным появлением карлика оказался столь велик, что Мычка не выдержал, нервно рассмеялся.

Незнакомец мгновенно повернулся на смех, сказал с улыбкой:

— Довольные узники — удача тюремщика. Вижу, вы уже успели освоиться. Что ж, тем лучше. Осталось представиться, и можно начинать...

Последние слова прозвучали столь угрожающе, что Себя напряженно кашлянула, а Шестерня испуганно охнул. Бестрепетным голосом Дерн произнес:

— Вижу, ты любитель поговорить.

Пещерник всплеснул ручками, сказал, с показной грустью:

— Что делать, что делать. Я люблю общение, но большую часть времени приходится проводить здесь, в сырых стенах. Вот и вынужден общаться — с кем судьба пошлет. Лишь одно печалит: узники — народ неразговорчивый, вот и приходится больше самому, самому... — Он замолчал, вновь обвел пристальным взглядом скрючившихся в цепях наемников, словно ожидая реакции, не дождавшись, продолжил, заметно погрузнев: — Что ж, вижу, вы не исключение, тогда приступим к работе. Меня зовут Винт. Если вам вдруг страстно захочется поговорить, или вы вспомните нечто очень важное и решите немедленно этим поделиться, обращайтесь ко мне. Мое имя обладает магическим эффектом, стоит его только произнести, как работа останавливается, и вы получаете внимательнейшего слушателя.

— А что за работа? — тупенько спросил Шестерня.

Казалось, Винт растает от умиления, настолько его лицо расплылось в улыбке.

— Это очень важный момент, и я рад, что у вас это вызывает неподдельный интерес. Я здесь для того, чтобы помочь узникам вспомнить кое-какие важные моменты жизни. Как ни странно, но, попадая сюда, у многих начисто отшибает память. Моя работа — излечить их от сего недуга. Каждый собеседник уникален, и приходится попотеть, прежде, чем удастся подобрать ключик. Порой, процесс долг, зачастую утомителен, но, рано или поздно, я достигаю цели.

— Ручонки не устают? — недобро поинтересовался Дерн, бросив на карлика тяжелый взор.

— Я мастер, — подбоченившись, гордо ответил Винт. — Знание, моя стезя. А ремеслом занимается Оторва. Кстати, вот и он, познакомьтесь.

На стены узилища упала тень, ошеломленным взорам наемников предстал болотник. Все невольно задержали дыхание. Привыкшие к могучей фигуре Дерна за годы общения, наемники не особо удивлялись крупным габаритам мужчин, но в этот момент, они ощутили оторопь. Чудовищный, с непропорционально маленькой головой и огромным телом, болотник внушил трепет, одним лишь своим видом. Покрытый заляпанным кровью кожаным фартуком, напоминающий подвальную бочку для хранения вин, неохватный торс, сколь огромные, столь же, угловатые, будто под кожей залегли гранитные валуны, выпирающие бугры мышц на плечах и груди, заплывший жиром пузырь брюха, невероятные ноги-тумбы, вызывающие стойкое недоумение — как при ходьбе под ними не проседает, выстилающая пол узилища, каменная кладка.

— Где ж вы его такого взяли? — прохрипел Шестерня, с трудом проталкивая слова.

— Это история долгая, — охотно ответил тюремщик, — и, возможно, я вам ее поведаю, но лишь после того, как мы закончим дело.

— Что-то мне подсказывает, что к тому времени наш интерес угаснет, — чуть слышно пробормотал Зола.

Винт хлопнул в ладоши, с подъемом произнес:

— Что ж, приступим. Для начала, мне бы хотелось выслушать соплеменника. Коль скоро судьба подарила такую возможность, грех не воспользоваться. Оторва, выпусти гостя.

Съежившись перед надвинувшейся массы болотника, Шестерня проблеял:

— Может, обойдемся без этого чудовища? Посидим за кружкой винца, поболтаем. Глядишь, я и расскажу, что захочешь.

Глядя, как помощник отпирает замок и вынимает опутанного цепями Шестерню, выглядящего в руках болотника, словно, детская игрушка, Винт, с глубокой печалью в голосе, сказал:

— Я бы рад, но, видишь ли, в силу особенностей работы, мне нужно знать точно, что ты говоришь правду, а без соответствующей подготовки я не смогу быть уверен в том, что... ты немного не приукрасил, а то, и вовсе, ха-ха, соврал!

Наемники ощутили дурноту, когда закинув Шестерню на плечо, словно куль с овощами, помощник тюремщика направился вглубь зала, где угрюмо топорщились ржавыми крючьями жуткие приспособления, лишь одним своим видом, нагоняющие оторопь.

Заскрипели кожаные ремни, рассыпаемые потревоженными углями из камина, фонтаном взметнулись искры, гулко звякнул металл. Установилась напряженная тишина. Наемники замерли, с тревогой ожидая чего-то ужасного, что неминуемо должно было произойти. Мгновения давящего безмолвия, и по ушам резанул надрывный крик, заметался под сводом, многократно отражаясь от стен. Зло зашипел металл, погружаясь раскаленным остовом в незащитное тело, потянуло тяжелым духом сгорающей плоти.

Сменяясь, загremели инструменты. Заплечных дел мастер заменил остывающий прут другим, напивавшимся огнем до алости. И вновь шипение, и снова нечеловеческий крик, от которого никуда не деться, даже если зажать уши, уткнувшись головой в холодный камень стен. Крик продолжает ввинчиваться в череп, буравя мозг, словно наточенный инструмент опытного лекаря, прожигая осознанием того, что на столе палача извивается в ужасных мучениях не просто очередной узник, а верный друг и соратник, чья жизнь сейчас по капле вытекает вместе с кровью, выпущенной из жил рукой умелого палача.

Сжавшись в комок, замерла на полу Себя. Зажав уши, отвернулся Мычка. Стиснув кулаки, приник к двери Дерн, уперся тяжелым взглядом в стену напротив. Лишь маг застыл в расслабленной позе, словно, вовсе не слышал душераздирающих звуков, ушел вслед за мыслью к далеким сферам, и только внимательный глаз смог бы разглядеть пульсирующую в такт бешеному биению сердца синюю жилку на виске Золы, да катящиеся со лба, холодные капли пота.

Кошмар кончился, крик затих. Тяжелые шаги палача сменились звоном цепей, когда, вернувшись, Оторва бросил в клетку окровавленное тело Шестерни. Повисла напряженная тишина. Взгляды товарищей прикипели к пещернику, чье израненное тело больше напоминало разделанную говяжью тушу. Шестерня лежал недвижимо, лишь кровавые струйки толчками выплескивались из жутких ран, разбегались шустрыми ручейками. Наконец, пещерник шевельнулся, хлюпая ладонями по образовавшимся кровавым лужицам, с натугой поднялся, прижался спиной к стене, мелко — мелко трясаясь всем телом и тяжело дыша.

Шелестнул, едва слышимый, вздох облегчения. Несмотря на чудовищные раны, Шестерня держался уверенно, и даже попытался улыбнуться, но лишь, жутко оскалился, обмяк, на мгновение, потеряв сознание от боли. Взгляды плененных переместились на тюремщика, воздух сгустился от сдерживаемой ненависти.

Ощувив, почти осязаемую, ярость узников, тот выставил перед собой ручки, сказал с деланным испугом:

— И не надо так на меня смотреть. К тому же, ваш друг чувствует себя намного лучше,

чем выглядит. Все же, я мастер, а не какой-то костолом из подворотни. Каюсь, — он понуро опустил голову, — немного переусердствовал, но всего-то, чуть-чуть. Зато теперь моя совесть чиста, он действительно ничего не знает.

Ледяным, словно ветер с горных вершин, голосом, Дерн произнес:

— Надеюсь, у меня представится возможность побеседовать с тобой с глазу на глаз.

Но тюремщик лишь улыбнулся, произнес вкрадчиво:

— Разумеется, мы побеседуем. Возможно, даже раньше, чем ты рассчитываешь. Но ведь ты не откажешь уступить очередь даме? — Он закаменел лицом, бросил жестко: — Девчонку!

Скрипнул засов. Чудовищная рука сгребла подземницу за волосы, поволокла вглубь зала. Глядя, как исказилось болью лицо Себии, Мычка задохнулся от ярости, глухо зарычал.

Дерн прошептал чуть слышно:

— Крепись. Скорее всего, она отделается легче, чем Шестерня. Женщин не потрошат. Но для тебя, это будет — во сто крат хуже.

Тюремщик, хотя и успел отойти от клеток, услышал, повернув голову, сказал с деланной грустью:

— Обычно это так, но только, не здесь. Хотя, должен сознаться, начнем мы именно с этого. Оторве, при всем его ужасном облики, работа особого удовольствия не доставляет, но вот молоденькие узницы... — Он причмокнул, произнес с отеческой нежностью: — Малышу нужно, хоть изредка, испытывать радость. Да и узницам, подобная прелюдия, значительно улучшает память.

— Я тебя убью! — выдохнул Мычка.

— Ловлю на слове, — донеслось насмешливое. — Надеюсь, ты будешь тверже в стремлениях, чем предыдущие, ха-ха, сотни узников, что, как и ты, обещали многое, а в итоге, не смогли исполнить даже мелочей.

Раздался треск рвущейся одежды, послышалась короткая возня, перемежающаяся сдавленными проклятиями Себии, но звучный шлепок прервал поток слов, и наступила зловещая тишина, до напряженного слуха наемников доносилось лишь гулкое дыхание чудовищного палача. Девушка болезненно охнула, замычала, не желая выказывать слабость, но не выдержала, сорвалась на крик.

Захохотал тюремщик, перемежая смех одобрительными комментариями, равномерные вздохи палача заполнили пространство подземелья пульсирующим гулом, и на фоне чудовищной какофонии ужасающих звуков, застыв на высшей ноте, звенел непрекращающийся надрывный женский крик.

Заткнув руками уши, Мычка метался по камере, рычал, как раненный зверь, но исполненный боли, крик подруги пробивался в уши, заставляя бросаться на прутья решетки, не чувствуя боли и не обращая внимания на текущие из многочисленных ссадин, на лице и руках, кровавые ручейки.

В безумный вихрь шумов спасительной нитью вплелся чужеродный звук, усилился, заставляя сосредоточиться и возвращая сознание, что вот-вот перешагнет черту, откуда нет возврата, к привычной работе. Мычка остановился, взглянул непонимающе. Безумие медленно истаивало, сменяясь сперва удивлением, а потом и радостью. Дверь в клетке болотника ходила ходуном, толстенные металлические прутья выгнулись, словно тонкие прутики под сильным ветром, а внутри, выделяясь чернильным пятном на фоне серых камней, подобно демону, застыл Дерн. Мышцы окаменели, по твердости, сравнявшись с

камнем стен, руки прилипли к прутьям, раздвигая непослушное железо, будто податливую глину, взгляд прикипел к чему-то невидимому в глубине зала.

Послышался опасливый окрик тюремщика. Шумное дыхание палача сбилось, раздался недовольный рев, и сразу же, тяжкая поступь сотрясла подземелье. Себя, наконец, перестала кричать, и теперь, лишь едва слышно, постанывала. Зловещая тень упала на плиты, в поле зрения возник Оторва: низ фартука бугрится, выделяясь, еще не остывшим, мужским естеством, заплывшие жиром глазки налились кровью, шустро перебегают из стороны в сторону, отыскивая источник недовольства, чудовищные кулачищи, каждый, размером с голову взрослого мужчины, с хрустом сжимаются.

С жалобным хрустом толстенные костыли вышли из гнезд, сорванная с петель, дверь рухнула, взбив кучу пыли. Дерн шагнул вперед, оценивая, окинул взглядом противника. Взглянув на болотника, Мычка отшатнулся. Обычно невыразительное, отстраненное в самых страшных ситуациях, лицо Дерна казалось чудовищной маской. Ненависть исказила знакомые черты до неузнаваемости.

В своей клетке шелохнулся Зола, сдавленно прошипел:

— Выбей мою дверь.

— После. — Не отводя взгляда от противника, Дерн шагнул вперед.

Зола рывкнул в бешенстве:

— Дурак, из-за твоей самонадеянности погибнут все!

Глаза Дерна полыхнули яростью, но разум возобладал, он резко повернулся, с силой рванул дверь, вытащив из петель наполовину. И в этот момент, противник ударил. Словно огромный таран пронесся по подземелью. Оторва одним прыжком преодолел разделяющее их расстояние, ударил плечом. Приняв на себя вес двух тел, жалобно звякнула дверь, из груди Дерна со свистом вылетел воздух. Ошеломленный ударом, он не успел прийти в себя, когда Оторва схватил за сковывающую конечности пленника цепь, с силой рванул. Дерн отлетел к стене, словно сорванный порывом ветра лист, с грохотом впечатался в камни.

Подземелье содрогнулось. Казалось, после такого удара наемник сползет безжизненным кулем на пол, но Дерн лишь усмехнулся. Сплюнув кровавым сгустком, он резко присел, перекинув цепь через шею, одновременно наступая на провисшие звенья, выпрямился. Лицо Дерна исказилось от усилия, он сдавленно зарычал, из-под продавливаемой металлом кожи брызнула кровь. Не выдержав усилия, лопнуло одно, из изъеденных ржой звеньев. Дерн с облегчением выпрямился, а мгновение спустя, на него налетел Обвес.

Могучие тела закружились в смертельном танце, гулко топоча по пыльным плитам пола и круша пыточные станки. В исполненном мелькающих теней тусклом освещении невозможно выделить, где свой, а где чужой, лишь смазанные движения да смачные удары, следующие, один за другим. Порой, в зеленоватой массе проглядывают очертания бойцов, но вновь исчезают, увлеченные динамикой схватки.

У стенки, не отрывая горящего взгляда от противников, затаился тюремщик, пальцы обхватили рукоять изогнутого ножа, тело подергивается от напряжения. Короткий миг передышки, и карлик рванется в атаку, чтобы погрузить клинок в податливую плоть поверженного, но пока бой продолжается, приходится выжидать.

В грохот боя вплетается равномерное звяканье. Удар за ударом, Зола обрушивает кандалы на дверь, пытаясь сокрушить неподатливую преграду. Испытавшие на себе силу болотника, костыли петель изогнулись, наполовину выдавились из камня, но по-прежнему, сдерживают мага, бьющегося, как запертый в клетке дикий зверь.

Бессильный — помочь друзьям, Мычка вцепился в прутья двери, вывернул шею, пытаясь рассмотреть скрытую выступом девушку. Заметив его попытки, карлик повернул голову, радостно улыбнувшись, крадучись двинулся в сторону девушки, стараясь не попасть под ноги бойцам. От нехорошего предчувствия Мычка взвыл, тряхнул решетку, всеми силами желая лишь одного — получить, хотя бы миг, свободы.

С гулом падающего дерева один из бойцов рухнул, недвижимо распростерся на плитах. С замиранием сердца Мычка перевел взгляд и ощутил, как внутри становится холодно и пусто, щеря окровавленные зубы и тяжело дыша, над телом Дерна возвышается палач. А мгновение спустя, не выдержала дверь в клетку мага, с жалобным грохотом обвалилась, вырванная из петель. Палач замедленно поднял голову, угрожающе зарычал.

Зола бросил зло:

— Уж, как не изощрялся, но в кандалах творить волшбу не доводилось.

Запахло грозой, воздух вокруг мага взвихрился, порскнула в стороны пыль. Палач замер, с удивлением и восторгом всматриваясь в происходящее, но гневный крик карлика ударил по ушам, подстегнул великана. Зарычав громче, Обвес шагнул к противнику.

Воздух вокруг рук Золы засиял, и в тот же миг, кандалы начали слабо светиться. Металл, сперва покраснел, налился багровым, затем побелел, запыхав столь ярко, что стало больно смотреть. Мычка не поверил глазам, когда стальные браслеты размазались, потекли, как тающее на жаре масло, с шипением падая на пол и застывая бесформенными кусками.

Карлик завизжал, захлебнулся криком. Взревев так, что заложило уши, палач устремился вперед, к окутанной светом хрупкой фигуре мага. Мычка с ужасом смотрел, как Зола вскинул руки, пузырящиеся, с лопающейся от нестерпимого жара кожей. Губы мага сложились в нехорошую ухмылку, и он ударил.

Огнешар пришелся точно в грудь палачу. Кусками обвалился, мгновенно почерневший, фартук, зашипела, сворачиваясь, кожа. Палач несколько мгновений стоял, неверяще глядя на распространяющееся по груди пламя, затем взвыл, принялся сбивать огонь руками. Но жар не утихал, наоборот, разгорался все сильнее, словно, злобный демон огненной стихии с наслаждением вгрызался в плоть, стремясь насытить вечно неутолимый голод еще живым телом.

Следующий огнешар превратил в почерневшие лохмотья гениталии палача, а последний — врезался в голову. Превратившись в пылающий факел, огромная туша беззвучно обвалилась на пол. Уже мало напоминающий человека, с обгоревшими руками и безумным блеском в глазах, Зола повернул голову, отыскивая взглядом тюремщика.

Взглянув в расширенные зрачки мага, где клубилось отражение огненных смерчей, тюремщик тоненько завизжал, опрометью кинулся бежать, но споткнулся, запутавшись ногой в кожаных ремнях, задержался, как, пойманный в паутину, жук. Улыбнувшись, Зола шагнул к тюремщику, скрипуче произнес:

— А теперь, малыш, я займусь тобой.

ЧАСТЬ III

Дверь рухнула, выбитая мощным ударом. Не успев погасить инерцию, Дерн ввалился в комнатку, остановился, с трудом удерживая равновесие, пророкотал:

— Что за хлипкие постройки, а если бы я ударил в полную силу?

Остальные забежали следом, разбрелись по комнате, раскрывая сундуки и переворачивая ящики. Встреченный по пути охранник не обманул, указав точное местоположение вещевого склада. Сперва гвардеец упорствовал, не желая общаться с вышедшей навстречу, изможденной троицей узников, но, когда следом вывалился, заляпанный с головы до ног кровью, огромный болотник, а за ним, деревянно шагая, показался почерневший, исходящий дымом человек, охранник сдался.

Мычка не сводил взгляда с Себии. Подземница держалась подчеркнуто отстраненно, но по ее лицу, время от времени, пробегала судорога боли, а руки спазматически дергались, тянулись вниз, прикрывая живот. В этот момент, вершинник с трудом подавлял поднимающуюся волну лютой ненависти, поспешно отворачивался, переводя взгляд на товарищей. Однако друзья выглядели не лучше. Сплошь покрытый кровью, Шестерня больше напоминал свежеразделанную тушу. Зола, чья и без того, костлявая фигура почти целиком почернела от невероятного жара, создавал впечатление заживо сожженного, но вновь возвращенного к жизни неведомой магией. Наиболее здоровым казался Дерн, но, судя по неровным движениям и замедленной походке, бой с палачом дался болотнику тяжело.

Зарывшись в сундук, едва не до пояса, Шестерня радостно воскликнул, выпрямился, потрясая тускло блеснувшим оружием, после чего, с удвоенным рвением принялся ворошить содержимое, одну за другой, вытаскивая и бросая под ноги части экипировки.

Догадавшись по воплю товарища, что именно нашел пещерник, Дерн произнес с облегчением:

— Хоть какая-то радость за сегодня. Если не разбились сосуды с зельями...

Болотник распахнул ближайший сундук, мельком взглянув, перешел к следующему, коротко ударил, по-прежнему сковывающим запястье, браслетом по замку, откинул крышку. Вскоре, большая часть сундуков лишилась замков, а некоторые и крышек, а в центре помещения, на свободном от мебели пятачке, начала расти горка оружия и доспехов.

С трудом одевшись, сковывающие запястья, браслеты, с кусками цепей, мешали до невозможности, превращая привычный процесс — в сложную эквилибристику, Мычка застыл у двери, напряженно прислушиваясь, но зловещую тишину коридора нарушали лишь звяканье оружия и шуршания одежды, да негромко стонал Шестерня, натягивая доспехи поверх, не успевших зарубцеваться, ран.

Сборы затягивались. Измученные, наемники с трудом облачались в доспехи, а остатки оков затрудняли, и без того длительную, процедуру. Мычка оглядывался все чаще. Лицо вершинника закаменело, а в глазах металось отчаянье. В очередной раз, оглянувшись, он встретился взглядом с Дерном, сдавленно прошептал:

— Я понимаю, что пострадал меньше вашего, но, не могли бы вы быстрее? Сюда идут, и, судя по звукам, их немало!

— Что ж теперь, из-за болванов ноги сбивать? — Голос Золы прозвучал настолько глухо, словно, помимо рук и лица, у мага обгорело горло.

Прихрамывая, Себя двинулась к выходу, держа в каждой руке по ножу. Девушку шатало, но в глазах подземницы горело неугасимое темное пламя. Встретившись с подземницей взглядом, Мычка, на мгновение, ощутил оторопь, настолько ее глаза напоминали глаза Шейлы. Он видел хозяйку в бешенстве всего один раз, но тот взгляд запомнился надолго.

Поддерживая Золу под руку, Дерн двинулся следом, цапнув за плечо Шестерню, что с упоением рылся в очередном сундуке, впихивая в и без того раздутый, заплечный мешок все новые вещи, потащил за собой. Пещерник сперва что-то жалобно шептал, протягивая руки к оставшейся горке сокровищ, но вскоре обмяк, повис на руке болотника.

Глядя на спутников, что едва держатся на ногах, Мычка стискивал челюсти до хруста в зубах, с ужасом понимая, что это конец. Чтобы пробиться к выходу, придется преодолеть ряд заполненных стражей коридоров, а после, путаясь в лабиринте незнакомых улиц, уходить от погони с полумертвыми товарищами на руках.

Поддерживая одной рукой Себию, а в другой, сжимая лук, Мычка выдвинулся в коридор, уповая скорее на чудо, чем на трезвый расчет, зашагал туда, где должен был находиться выход. Коридор закончился дверью. Прислушиваясь к тяжелым шагам болотника, и, одновременно, ловя приглушенные крики стражи, вершинник решительно потянул дверь на себя.

Узкий проход уходит в обе стороны, слева, через десяток шагов, упирается в тяжелые, окованные полосами потемневшего металла двери, справа, резко сворачивает, ребрится уходящими вверх, крутыми ступеньками. Вершинник повернулся к выходу. В этот момент, двери распахнулись, но Мычка среагировал раньше.

Скрипнули петли, створки замедленно пошли назад, открывая толпящихся позади воинов. Мягко оттолкнув подземницу, Мычка выкрикнул:

— Все назад!

Не имея сил противиться, спутники послушались. Развернувшись, наемники побежали в обратную сторону, стремясь укрыться за поворотом от безжалостных стрел, что вот-вот устремятся вслед. И хотя, тела защищены привычным панцирем доспехов, удар тяжелой стрелы собьет с ног, а истаивающих, с каждым мгновением, сил может не хватить, чтобы подняться.

Мельком отметив, как замедленно оседают двое противников, с внезапно выросшими из горла, стрелами, Мычка развернулся, рванулся за товарищами, не оставляя преследователям времени, чтобы, как следует прицелиться. Защелкали тетивы, стрелы устремились вдогонку, но вершинник успел свернуть, понесся по лестнице, злорадно ухмыляясь: местная охрана оказалась не настолько расторопной, чтобы расстрелять измученного заключенного, и это рождало надежду, призрачную, но, все же, надежду, что является последним убежищем загнанных в смертельную ловушку, заставляя плечи расправиться, а кровь быстрее бежать по жилам.

Поворот. Еще один. Ноги легко несут по ступенькам, с силой отталкиваются, минуя две, а то, и три — за раз. Пролет остается позади, за ним, еще один. Чуть выше, бегут товарищи. Слышится надсадное дыхание, ноги с трудом несут измученные тела. Мычка до боли закусил губу, глядя на расплывающиеся по ступенькам алые пятна, в полутемном чреве прохода, кажущиеся почти черными.

Серыми пятнами проносятся коридоры — ответвления, взгляд успевает, лишь краешком, зацепить мельтешение ярких пятен, то — бликуют доспехи, устремившихся на

охоту за беглецами, воинов. Из незаметного прохода бросается черная тень, холодное острие бьет, словно молния, направленное в горло умелой рукой. Не ожидая нападения, Мычка даже не успел испугаться, но тело среагировало само, звякнул выбитый нож, сбитый с ног, противник покатился по лестнице. Очередной поворот скрыл тело.

Гудит невидимый колокол, поднимая на ноги, все новых бойцов. Навстречу выплескиваются сразу несколько, закованных в латы, воинов. Прикрыв голову, Мычка проскользнул, ощущая, как хищные лезвия мечей, пущенные недостаточно точно, скользнули по выдубленным пластинам твердой, словно дерево, кожи доспехов.

Впереди замерцало тусклое. И тут же, в лицо ударила волна свежего воздуха. Наемники выметнулись наружу, остановились, озираясь. Пространство вокруг изборождено многочисленными крышами. В свете заходящего солнца потемневшие черепицы налились красным, словно, вокруг вздыбилось кровавое море, застыло изрезанными гребнями волн. Снизу доносятся вопли, мельтешат огни многочисленной стражи.

Мычка завертел головой, в отчаянии, отыскивая выход. По бокам пропасть, лишь впереди тонкий мостик, соединяющий площадку выхода с плоской вершиной соседней башенки.

— Туда!

Вершинник подтолкнул товарищей в единственном направлении, положив стрелу на тетиву, развернулся, не спуская глаз с темнеющей арки выхода, принялся замедленно отступать. Пару раз нога проваливалась в пустоту, вершинник ненадолго замирал, балансируя, но вновь, нащупывал дорогу, крался назад. В проходе выросла фигура воина, рванулась по пятам, но наткнувшись на стрелу, завалилась навзничь. Следом, выскочил еще один, но распростерся рядом.

С нехорошей ухмылкой Мычка посылал одну стрелу — за другой, выпуская, скопившуюся в груди, ярость. Но внутри, прочно обосновалась вязкая тоска. Как дикий зверь чувствует неминуемую гибель, обострившиеся чувства кричат, что конец близок, и Мычка ярился уже больше по инерции, лишь для того, чтобы заглушить предчувствие смерти, отсрочив тот момент, когда подчиняясь безысходности, руки сами опустятся, подставляя беззащитное тело под смертельный удар.

Рука, в очередной раз, метнулась к колчану, но пальцы ухватили пустоту. Отшвырнув, ненужный более, лук, Мычка выхватил мечи. Короткие, предназначенные для боя на близкой дистанции, когда нет места для размаха, а время исчисляется мгновениями, мечи казались не самым лучшим оружием для удержания врага на тонком перешейке, но выбора не было, и вершинник пригнулся, ожидая атаки.

Первый воин, не рассчитав скорости, наскочил на меч сам, покатился вниз, орошая крышу кровавым дождем, второй отправился следом чуть позже. Но участь товарищей отрезвила идущих следом, и гвардейцы перестали переть на рожон. Некоторое время Мычку пытались достать копьем, увернувшись, вершинник рванул за древко, отправив воина по накатанной дороге, после чего, рискуя сорваться, прыгнул вперед, распоров кончиком клинка горло стоящему тут же врагу.

Видя гибель соратников, бойцы заревели, слышались проклятья, зазвенела сталь, но охотников сражаться с обезумевшим, как выглядел со стороны Мычка, противником поубавилось. Когда в проеме появились лучники, Мычка понял, что пропал. Первую стрелу он отбил мечом, зло чиркнув по клинку, каленый наконечник отлетел в сторону, вторая просвистела над головой, вырвав клоч волос и оцарапав кожу, третья с силой ударила в

плечо, отчего Мычку развернуло, едва не сбросив с крыши.

Среди свиста ветра и разъяренных воплей врагов Мычка разобрал призывные крики друзей, вперемешку, со странно знакомым, гудением. Не обращая внимания на зов, чем могли помочь израненные, едва держащиеся на ногах товарищи? Вершинник улучшил момент, используя мгновенную передышку между выстрелами. Сунув меч под мышку, Мычка молниеносно бросил, один за другим, три кинжала, по очереди выхватывая из гнезд перевязи. Один кинжал ушел в пустоту, срикошетив от брони, стоящего впереди, воина, но два других нашли цель. Болезненно вскрикнув, один из лучников схватился за выбитый глаз, завертелся на месте, второй отдернулся, тряся окровавленной рукой, кинжал врезался точно между пальцами левой руки, лишив воина возможности удерживать лук.

Кровожадно оскалившись, Мычка вновь перехватил меч, и вовремя, озверевшие от бессилия воины поперли буром, выдавливая шустрого противника грубой массой. С трудом отбив меч, и чудом увернувшись от копья, Мычка отпрыгнул, рискуя сорваться, развернулся на крошечном пяточке и замер. В груди похолодело, а руки сами собой опустились, с трудом удерживая, враз потяжелевшее, оружие.

Над площадкой, где готовясь к последнему бою, сгруппировались друзья, зависла ладья. На носу, выдаваясь вперед хищным жалом, поблескивает жуткое оружие, окаймляющие палубу, бортики тускло блестят защитными пластинами металла. Ладья плавно опускается, еще немного, и обезопасившись от падения, с борта посыплются вражеские воины, заполнят площадку враждебной толпой.

Растянувшиеся каплями липкой смолы, мгновения замедленно утекают в бесконечность, ладья опускается все ниже, но воинов все нет. Почему? Может, это какой-то хитрый план, или бойцы настолько уверены в победе, что не спешат, предоставляя жертвам возможность насладиться ужасом приближающейся гибели? И что замыслили друзья, враз бросившиеся карабкаться на борт, вместо того, чтобы, принимая наиболее выгодную позицию, отступить подальше?

Мелькнула смазанная тень, за руку рвануло, а слуха коснулся жаркий шепот:

— Быстрее! Да быстрее же!

Повинуясь Себии, Мычка позволил увлечь себя к ладье, по-прежнему, не понимая, для чего это нужно. И лишь, когда девушка полезла наверх, таща его за собой, в душе шевельнулась робкая надежда. Боясь поверить в невозможное, Мычка забросил мечи в ножны, замедленно полез следом, по-прежнему, ожидая подвоха. По металлической пластине обшивки скользнула стрела, следом звякнула еще, а третья воткнулась совсем рядом. Отбросив опасения, вершинник взлетел наверх, перевалившись через борт, рухнул на доски, спасаясь от несущихся со злым гудением стрел, а когда выпрямился, заполненная воинами, крыша стремительно отдалялась.

Исчезли мерцающие светляки факелов, истаял шум голосов. Мычка замедленно повернулся, обвел взглядом друзей. Последний рывок забрал остатки сил, и наемники недвижимо сидели, привалившись к бортику, на почерневших от усталости лицах читалось, лишь бесконечное, утомление.

Скрипнув, отворилась дверь рубки, на фоне светлого пятна арки протаяла невысокая, коренастая фигура. Не успев остыть от боя, Мычка недобро взглянул на незнакомца, рука потянулась к оружию.

Послышался насмешливый голос:

— Было бы небезынтересно узнать, как вы оказались на крыше городской тюрьмы, да

еще в окружении, такого количества, стражников?

Пальцы разжались, выпуская, липкую от крови, рукоять. Чувствуя, как губы раздвигаются в улыбке, Мычка прошептал:

— Маховик.... Но, как?

Механик сделал шаг, повернувшись так, что из темноты выступила половина лица, улыбнувшись, произнес:

— Это долгая история.

— Поверь, мы не торопимся, — чуть слышно прохрипел Зола.

Взглянув в сторону говорящего, Маховик вздрогнул, сказал с содроганием:

— Вижу, перепало на вашу долю испытаний. Но, должен вас огорчить, я тороплюсь, итак сделал лишних два круга над городом. К тому же... — его лицо помрачнело, — за нами уже выслали погоню, а ладьи городской гвардии отличаются прекрасным ходом, не то, что эта развалина.

Дерн с трудом шевельнулся, произнес, замедленно проговаривая слова, будто совершал непосильную работу:

— Не обнаружив тебя на берегу, мы подумали, ты настолько расстроился из-за потери ладьи, что... — он замолчал, переводя дыхание.

— Что решил покончить счеты с жизнью? — закончил предложение механик. — Нет, конечно, нет. Я люблю свою работу, и машины мне словно дети, но не стоит оно того: как пришло, так ушло. Хотя, не стану скрывать, были и такие мысли. — Он помолчал, неожиданно хохотнул, добавил с подъемом: — Но, как видишь, верные решения ведут верным путем: я вновь на ладье, наслаждаюсь открытым небом и свежим воздухом, хоть он здесь и, порядком, морозный.

С натугой поднявшись, Себя бросила в сторону удаляющихся огней города быстрый взгляд, заинтересованно произнесла:

— Мне безумно любопытно, как, за неполных два дня, ты смог заполучить во владение ладью, но вынуждена спросить о другом, куда ты нас везешь?

Маховик с силой потер лоб, на лицо механика легла тень, когда он произнес:

— Судя по тому, какое количество гвардейцев я видел возле и на самом здании тюрьмы, лучше бы вам переждать время за городскими стенами. К тому же, — он с сочувствием оглядел наемников, — отдых вам, явно, не помешает.

Шестерня шевельнулся, со стоном попытался подняться, но лишь бессильно завалился на бок, прошептал едва слышно:

— Не удивлюсь, если в придачу к ладье, шел, забитый бочками с вином, погреб.

Маховик исчез в рубке, вскоре вернулся, прижимая к груди раздутый бурдюк, сказал, протягивая пещернику:

— Брал с собой промочить горло, да вижу, тебе нужнее. — Дождавшись, когда Шестерня, приложившись к горлышку, оживленно забулькал содержимым, с сожалением сказал: — Нет никакого погреба. Да и ладью, скажу по чести, доверили с трудом, не иначе — от великой нужды. Услышал краем уха, что в одной из местных мастерских погиб механик, зашел, перекинулся парой фраз, и, как видите... — он развел руками.

Оторвавшись от бурдюка, Шестерня с облегчением вздохнул, сказал с подъемом:

— Благослови тебя, Прародитель, за это вино, ко мне вернулась жизнь. Теперь можно, хоть в пекло битвы, хоть на заснеженные вершины гор...

Его голова со стуком откинулась, бурдюк выскользнул из пальцев, забрызгав пещерника

вином, так, что стало неясно, то ли потеки хмельного напитка стекают по рукам пещерника, то ли, это жизнь вместе с каплями крови покидает измученное тело.

ГЛАВА 2

Уши Мычки шевельнулись. Вершинник повернул голову, некоторое время к чему-то прислушивался, напряженно произнес:

— Если это не случайная ладья, то нас почти догнали.

Маховик бросился к бортику, мгновение всматривался в вязкий сумрак позади, после чего, метнулся в рубку. Едва он скрылся из виду, струящийся из входа в рубку свет погас, а ладья стремительно пошла на снижение. Себя взглянула в непроглядную тьму внизу, сдавленно произнесла:

— Если он планирует сесть прямо здесь...

— Что не так? — Мычка перегнулся через борт, некоторое время безуспешно пытался рассмотреть хоть что-то, но в итоге, сдался, вопросительно взглянул на подземницу.

— Там же сплошной лес! — прошипела девушка. — Мы разобьемся о деревья!

Подтверждая ее слова, сухо шелестнуло, словно кто-то мазнул по ладье мохнатой лапой. А мгновением позже, захрустело так, будто сотни огромных жуков вгрызлись в сухое дерево. На головы посыпалась хвоя, полетели мелкие веточки, с неба разом исчезли все звезды. Пару раз в борт ударило настолько сильно, что, казалось, ладья рассыплется, но полет продолжался. Каким-то чудом Маховик успевал реагировать, избегая столкновения с могучими лесными великанами, и вскоре, полет закончился.

Ноздрей коснулись ароматы леса. Страхивая с себя хвою, наемники с удовольствием вдыхали свежий лесной запах, после затхлого воздуха подземелья, казавшийся божественным. Из недр ладьи вынырнул механик, захрустел хвоей, незримо для взоров, перемещаясь вдоль борта. Послышался огорченный вздох, Маховик придушенно пискнул:

— Трещины в бортике, царапины на броне.... Как я объясню мастеру!?

Сверху зашумело. Над кронами, обрушив ливень хвои, пронеслось массивное, умчалось в даль, гудя, как недовольный шмель.

— И как они умудряются отслеживать, ни зги ж не видно? — восхищенно пробормотал Мычка.

— Как, как, приспособления есть специальные, — недовольно проворчал механик. Добавил сдержано: — Не хочу показаться невежливым, но давайте поторопимся с выгрузкой. Скоро преследователи поймут, что промахнулись, а мне еще возвращаться.

Поддерживая друг друга, наемники осторожно спустились с ладьи, отошли в сторонку. Последним двинулся Мычка. Перебросив ногу через борт, вершинник тепло произнес:

— Нам с трудом удалось выбраться из узилища, и мои спутники едва живы, но без тебя бы наш путь закончился на крыше. Мы этого не забудем, а теперь, прощай.

Вершинник перемахнул через борт, спрыгнул на землю, ощутив под ногами пружинящий покров из хвои, быстрым шагом двинулся в сторону, ориентируясь на, едва слышимое, дыхание друзей. Загудело громче, в спину мягко толкнула воздушная волна.

Ломая ветви, словно огромный зверь, ладея пронеслась меж деревьев, набрав высоту, пробила кроны и растворилась в ночи.

— Ну что, разведем костерок, да на боковую... — бодро произнес Шестерня.

— Костра не будет, — холодно ответила Себя.

Пещерник растерянно крикнул. Мычка положил руку Шестерне на плечо, сказал мягко:

— Хоть мы и под пологом ветвей, но с высоты малейшее пламя видно на огромное расстояние. Нас найдут.

— А так, мы замерзнем, — чуть слышно прошептал Зола. — Какая разница? Я уже рук не чувю.

Дерн сказал устало:

— Рук ты не чувствуешь по другой причине. — Помолчав, добавил: — Но Зола действительно прав, холод пробирает до костей. Не удивлюсь, если утром мы проснемся в снегу.

— Если вообще проснемся, — прошептал маг еще тише.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Понимая, что нужно приободрить друзей, Мычка с подъемом произнес:

— Благодаря ладе, тут полно отломанных свежих ветвей, а подстилка прелой хвои послужит отличной постелью. Осталось, лишь найти подходящее место, и можно приступать к сооружению лагеря.

Некоторое время искали удобное место, вернее, искала, в основном, Себя, остальные двигались едва-едва, опасливо вытянув перед собой руки, чтобы не наткнуться на торчащие отовсюду острые сучья. Подбодренный хмелем, Шестерня сперва пытался соперничать с подземницей, с хрустом продираясь через бурелом в поисках подходящего убежища, но кровопотеря дала о себе знать, и вскоре, пещерник обессилено опустился на землю.

Увлеченная поисками, подземница незаметно уходила все дальше, пока похрустывание веточек не затихло, слившись с едва слышным шуршанием ветра над верхушками деревьев. Путешественники остановились, вслушиваясь в дыхание леса. В другое время, не будь они так измученны, наемники бы смогли насладиться очарованием ночного леса, но сейчас, необходимость ждать вызвала раздражение, а пробирающий до костей холод заставлял приплясывать, сводя все желания к страстной жажде тепла.

Под мягкими шагами зашуршала хвоя, послышался негромкий голос Себии:

— Я нашла то, что нужно. Пойдемте.

Стараясь идти, друг за другом, малейший шаг в сторону грозил внезапно вырастающими из тьмы корявыми, словно пальцы мертвеца, сучьями, наемники побрели за девушкой. Короткий переход до места показался, изнуренным событиями дня путникам, бесконечным, и когда, наконец, подземница скомандовала остановку, наемники, едва не валились с ног.

Сглатывая и задыхаясь, Зола прошептал:

— Я ничего не вижу. Чего ради мы тащились через весь лес?

Сдерживая раздражение, Себя произнесла ровно:

— В шаге от тебя, яма. Там уже было достаточно хвои, но я добавила веток и пучков мха, так, что теперь мы можем спать, не опасаясь замерзнуть.

Пытаясь разглядеть убежище, Шестерня шагнул вперед, но запнулся, с испуганным воплем полетел куда-то вниз. Что-то хрустнуло, затрещали веточки, а мгновением позже, раздался довольный голос пещерника:

— А тут, действительно, неплохо!

Шестерня еще что-то говорил, но его не слушали. Подгоняемые необоримой усталостью, наемники нащупали края впадины, и один за другим, стали осторожно спускаться, стараясь не поскользнуться на разъезжающихся под ногами земляных комочках.

Внизу оказалось, на удивление, тепло. Едва они спустились, Себя опрокинула следом огромную кучу сосновых веток, укрывших наемников с головами, после чего, спрыгнула сама. Толстый слой подгнившей хвои и свежие ветки показались, смертельно уставшим путникам, слаще самой мягкой кровати, и вскоре, убаюканные покоем и идущим друг от друга, теплом, наемники крепко спали.

Щеки коснулось холодное, скользнуло на шею, оставив за собой мокрую дорожку. Мычка открыл глаза, некоторое время бездумно разглядывал открывшуюся картину. Высоко-высоко, почти под самое небо, возносятся деревья. Могучие, покрытые ребристой корой стволы отбрасывают узловатые ветви, ближе к вершинам расходятся широченными кронами, на которых тяжелым седым покрывалом лежат облака, мельчайшей водяной пылью оседают на хвое, срываются с ветвей тяжелыми каплями.

Перед глазами встали сумрачные стены подземелья, память услужливо воскресила картины безнадежного боя. Невольно дернувшись, Мычка попытался сесть, но ветки замедлили движения и вершинник лишь слабо забарахтался, подняв тучу хвои. Из веток высунулась голова, хмуро уставилась на Мычку. Зеленоватый оттенок кожи делал болотника, почти, неразличимым на фоне хвои, и казалось, сам лес оценивающе взглянул на пришельца.

Вершинник вздрогнул, пробормотал:

— Хорошо, хоть в лесу. Высунься такое из болота, уж и не знаю, что подумал бы.

— Костер бы не помешал... — Дерн зябко передернул плечами.

Мычка покивал, сказал задумчиво:

— Облака настолько низко, что дым от костра не будет замечен. К тому же, начинается снегопад...

Хрустнули ветки, с обрывистого края посыпались мелкие камушки, и вершинник исчез. Проводив товарища взглядом, Дерн осмотрелся. Несмотря на ночное время и незнакомую местность, место подземница выбрала удачное. Наполовину засыпанная хвоей и мелкими веточками яма, в корнях вывороченного дерева, чем-то напоминала импровизированный земляной дом. Сходство усиливалось тем больше, что дерево рухнуло не полностью, и раскоряченные, словно ноги огромного паука, корни с наростами мха и остатками земли нависали над ямой, подобно крыше, защищая от ветра и сочащейся с ветвей, влаги.

Слуха коснулся негромкий стук. Дерн осторожно убрал ветки, взглянул на товарищей. Почерневший за ночь еще больше, Зола выстукивает зубами дробь, крепко обхватив себя руками в тщетных попытках согреться. Рядом, бледный, словно мертвец, спит Шестерня, лицо позеленело от кровопотери, губы покрыты бурыми потеками и воспалены, дыхание прерывисто. Дерн покачал головой, друзья нуждались в помощи, и помощи быстрой, стараясь не шуметь, выбрался наружу.

Мычка шустро носился вокруг, стаскивая к убежищу сухие ветви, так что, вскоре, возле ямы громоздилась изрядная куча хвороста. Потянуло дымком, затрещали, сторая, веточки, и вскоре, веселое пламя уже вовсю бушевало с остервенением оголодавшего хищника, пожирая сухие сучья.

Удостоверившись, что костер разгорелся, и в ближайшее время не потухнет, Мычка отошел от огня, с удовлетворением произнес:

— Теперь, дело за малым: узнать, что водится в местных лесах.

Покосившись на вершинника, что уверенным шагом двинулся в лес, Дерн бросил вдогонку:

— Заодно глянь, нет ли, где поблизости трав. У меня почти не осталось зелий, а раны у ребят серьезные.

Не дожидаясь ответа, у Дерна не возникло и тени сомнения, что обладающий тончайшим слухом, Мычка все отлично услышал, болотник извлек из ямы котомку и принялся перебирать горшочки с зельями, извлекая и выкладывая рядом уцелевшие, и отбрасывая в сторону расколотые. С сожалением взглянув на разбитые горшочки, коих оказалось большинство, Дерн тяжело вздохнул, получить из оставшихся крох зелья нужного состава казалось невероятной задачей, и взялся за дело.

Вернувшись, Мычка обнаружил возле костра, лежащих на кучках веток, Зола с Шестерней, оба не двигались, погруженные в сонное оцепенение. Мельком взглянув на друзей, вершинник вздрогнул, кожа на открытых частях тел наемников бугрилась жуткими коростами неестественного черно-зеленого цвета, но заметив, как Дерн соскабливает с ладоней пасту того же цвета, с облегчением выдохнул.

Заслышав шаги, болотник поднял голову, выжидательно взглянул на Мычку. Едва вершинник снял с плеча скрученную в кольцо бечеву, плотно унизанную свежей, еще не успевшей заснуть рыбой, в лице Дерна протаяла заинтересованность. Когда же Мычка вытряхнул из заплечного мешка ворох мятой травы, глаза болотника в удивлении расширились.

Насмешливо поглядывая на товарища, устремившегося к травам, как хищник к добыче, Мычка присел на кучу веток, принялся потрошить рыбу. Когда большая часть улова поджаривалась, насаженная на воткнутые вокруг огня палочки, вершинник ощутил смутное неудобство. Окинув лагерь взглядом, Мычка понял причину дискомфорта, повернулся к Дерну, чтобы спросить, но тот предвосхитил вопрос.

Не отрываясь от перебирания травы, болотник буркнул:

— Ушла. Куда не сказала. Вернется к вечеру.

Ощувив в словах болотника издевку, Мычка поморщился, открыл рот для ответной колкости, но передумал. В условиях, когда измученные боями, товарищи едва могли шевелиться, а перспективы, даже на самое ближайшее будущее оставались, весьма туманны, вопросы подобного рода выглядели неуместными.

Рыба, меж тем, запеклась, в воздухе растекся сладкий запах жареного мяса. Громко сглотнул Зола, зашевелился Шестерня, не открывая глаз, начал шумно принюхиваться. Оторвавшись от трав, что разложенные по кучкам, уже лежали в строгом порядке, соответственно целительной пользе, Дерн подошел к костру. Мельком взглянув на разгладившееся лицо товарища, Мычка, в очередной раз, подивился, как мало нужно его друзьям, чтобы ощутить себя счастливыми. Чтобы забыть о холоде, голоде и предстоящем опасном пути — Дерну достаточно горстки лечебных трав, Шестерне хватает пары глотков хорошего вина, и пещерник готов идти, хоть против целого войска. Зола же, лишь только, попадись магу на глаза новый свиток, мгновенно уносится мыслью в такие дали, откуда возвращается очень нескоро и, лишь, с большим трудом.

Открыв глаз, Шестерня уставился на подрумянившиеся кусочки рыбы, некоторое время пытался дотянуться рукой, не меняя положения тела, но, не преуспев, раздраженно всхрюкнул, принял сидячее положение. Следом за ним, поднялся Зола, подцепил ближайшую палочку, со вкусом вгрызся в мясо, жадно зачавкал.

Покосившись на почерневшие, больше напоминающие птичьи лапы, руки мага, Шестерня отодвинулся, пробормотал чуть слышно:

— На такое посмотришь — аппетит испортишь.

— На себя посмотри — шкура дырявая, — не остался в долгу Зола.

Давясь и чавкая, наемники набросились на пищу, почти мгновенно смели приготовленное мясо. Мычка вновь нанизал рыбу на палочки, воткнул в землю у огня, принялся поворачивать, время от времени, поглядывая на друзей и улыбаясь голодному блеску глаз. Вторая порция исчезла чуть медленнее. Лица заметно разгладились, на щеках появился румянец.

Когда третья порция почти дожарилась, предостерегающе хрустнули ветки, верная принципу предупреждать о своем появлении заранее, из леса вышла Себя, присела у костра.

Мужчины выжидательно уставились на подземницу, даже в глазах Золы мелькнул интерес. Выдернув одну из палочек, Себя осторожно сняла зубами кусочек, медленно прожевала, наслаждаясь вкусом, подняла глаза на спутников, обнаружив в устремленных на нее взглядах немой вопрос, сказала просто:

— Была в городе, узнала обстановку.

Мычка распахнул глаза, сказал с испугом:

— Ты осмелилась выйти в город?!

Себя пожала плечами.

— Низкие облака, промозглый ветер, густой снег.... В такую погоду, это не составило трудностей.

— Когда только и успела, — проскрипел Зола. — По мне, так Маховик забросил нас изрядно, чтобы шастать туда-сюда.

Подземница покачала головой, сказала невесело:

— Не так далеко, как хотелось бы. Город гораздо ближе, чем может показаться, и при должном желании, нас отыщут быстрее, чем вы успеете восстановить силы.

Шестерня улыбнулся, забыв о ранах, с силой хлопнул болотника по плечу, но, тут же, болезненно скривился, сказал сдавленно:

— Дерн и из мертвых поднимет, не то, что подобные мелочи.

Болотник поморщился, сказал зло:

— За мной дело не станет, да только без зелий и лучший из знахарей, ничего не сделает. Хорошо, Мычка не поленился, трав нарвал, хоть немного, а все польза.а

Себя сбросила с плеча мешок, порывшись, молча протянула Дерну несколько украшенных резьбой, плотно запечатанных горшочков. Болотник взглянул с некоторым удивлением, осторожно принял. Пока Дерн распечатывал, по-очереди приносиваясь к каждому зелью, Себя сидела недвижимо, безучастно глядя в костер, когда же лекарь восхищенно присвистнул, на щеках девушки пробился румянец удовольствия.

— Откуда? — потрясенно пробормотал Дерн. — Это же...

Болотник вновь с силой втянул носом воздух, не сдержав эмоций, сунул пузырек в лицо пещернику. Не ожидав подвоха, Шестерня вдохнул полной грудью, его лицо страдальчески сморщилось, глаза наполнились слезами. Издав жалобный писк, пещерник уткнулся лицом в колени, затряс головой, пытаясь избавиться от жгучего ощущения в носу.

Ощувив на себе требовательный взгляд болотника, Себя сдержанно произнесла:

— Я немного знакома с основами знахарства, поэтому, встретив торговца зельями,

приобрела кое-что.... Надеюсь, это поможет нашим друзьям быстрее встать на ноги. — Заметив восхищенные взгляды товарищей, подземница нахмурилась, сказала сурово: — Мы отвлеклись. Предлагаю обсудить план захвата беглецов, потому, как едва закончится снегопад, их увезут вглубь страны, и задание станет невыполнимо.

Зола поинтересовался:

— Не буду уточнять, где ты все это узнала, спрошу по существу — сколько у нас времени?

Себя окинула взглядом кроны деревьев, откуда, проникая сквозь ветви, сыпались снежинки, заполняя лес белой хмарью, умиротворенно улыбнувшись, замедленно произнесла:

— Снегопады здесь затяжные, но в это время года погода неустойчива. У нас не больше седмицы.

ГЛАВА 3

Потянулись размеренные, похожие один на другой, словно две капли воды, дни. С утра, едва сквозь плотную стену облаков начинал пробиваться солнечный свет, Мычка уходил на охоту. Неподалеку, затерянная в густых зарослях, обнаружилась речушка, в чьих, холодных, скачущих по камням, быстрых водах обитали крупные серебристые рыбыны. Приноровившись, Мычка быстро набирал с десятков, вылавливая рыб из глубоких ям за камнями, где, отдыхая от быстрого течения, они висели в толще воды, лениво шевеля плавниками.

Вернувшись в лагерь, вершинник быстро разделявал рыбу, раскладывая на палочках у костра, что, к его возвращению, уже полыхал, приветствуя добытчика веселым потрескиванием. Прутики с подрумянившимися кусочками Мычка раздавал товарищам, а на освободившееся место сразу же втыкал следующие, успевая за короткое время разделать и нанизать рыбу на пруты. Недоеденное после завтрака мясо Мычка заворачивал в листья, часть зарывал в хвою, оставляя на обед, а часть складывал в заплечный мешок, после чего, на пару с подземницей, уходили в город.

Дерн, в первый же день обшарив окрестный лес сверху донизу в поисках целебных трав, корпел над зельями. Вокруг болотника, разложенные в строгом порядке, возвышались горки корешков, нанизанные на веточки, у огня висели листья неведомых растений, темнея и скукоживаясь в волнах горячего воздуха, размазанные равномерным слоем по полоскам коры, дожидались своей очереди, растертые в сочную пасту стебли.

От разложенных повсюду трав в лагере постоянно висел терпкий запах, от которого свербело в носу, а изредка, когда болотник растирал какие-то особо едкие растения, начинали слезиться глаза. Порой, нюхнув очередного Дернова зелья, Шестерня начинал безудержно чихать, перемежая громкие, словно треск ломаемых древесных стволов, чихи с витиеватыми ругательствами, но едва болотник подходил с порцией свежего зелья, пещерник замолкал, терпеливо пережидая процесс лечения.

В ходе лечения Шестерня преображался. Покрытый зеленоватой кашицей с головы до

ног, пещерник становился похожим на странное лесное существо, что, преодолев страх, вышло на поляну, зачарованное пламенем костра. Высыхая, паста стягивалась, и кожа начинала немилосердно зудеть, отчего Шестерня принимался приплясывать и вертеться, изрыгая бесчисленные проклятья на судьбу, что, сперва, бросает в руки палача, подвергая ужасным мукам, а затем, обрекает на лечение, не более приятное, чем пережитые ранее пытки.

В отличие от пещерника, переживающего выздоровление с заметным недовольством, Зола, казалось, вообще не замечал ни хмурого заснеженного леса вокруг, ни пронзительного ветра, даже падающие на голову ледяные капли не отвлекали мага от излюбленного занятия. Несмотря на обгоревшие, едва не до костей руки и сильнейшую боль, от которой лицо мага, то и дело, искажалось болезненной гримасой, Зола каждое утро начинал с того, что раскладывал вокруг себя свитки и надолго погружался в размышления.

Рассматривая руки мага, что, не смотря на лечение, по-прежнему напоминали обугленные головешки, Дерн хмурился, но лишь, в очередной раз, тщательнейшим образом втирал в кожу свежеприготовленное зелье, после чего отходил, предоставляя Золе возможность продолжить прерванные размышления. Порой, устав от неподвижности, маг покидал насиженное место, неторопливо прогуливался, без интереса поглядывая по сторонам, но вскоре, возвращался, нахохлившись, вновь застывал над свитками.

Негромко хлопнуло, повеяло гарью, сдавленно охнул Зола. Оторвавшись от завораживающего зрелища багровых переливов пламени, Шестерня повернул голову на шум, взглянул с интересом. Неподалеку, шипя, словно брошенная в воду головешка, трясет руками Зола, чудь дальше, на стволе могучего древесного великана, исходит дымком черная проплешина.

— Никак, по делу соскучился, — одобрительно произнес пещерник. — И то верно. А то сидишь, как истукан, не шевелишься. Я бы не выдержал, поразметал бы все вокруг.

— Оно и видно, — желчно бросил Зола. — Наразметался так, что весь хворост перевел, скоро огонь погаснет.

Пальцы мага курились дымком, и Зола с усилием дул на руки, пытаясь успокоить жгучую боль.

— В снег сунь — там, в ложбинке, — бросил Дерн, не глядя на мага. Покосившись на пещерника, неодобрительно произнес: — А ты бы и впрямь, с огнем не усердствовал — палишь так, что до меня жар доходит. Да и о ладьях не забывай, не ровен час — заметят, а с вас, как с бойцов, пока толку немного.

Шестерня беззаботно отмахнулся, сказал:

— Я хоть сейчас в сечу, благо, заживает, как на собаке. Да и твои зелья, надо сказать, не бесполезны.

— Чем попусту бахвалиться, лучше ветвей принеси, — буркнул Зола, усаживаясь к костру. — А что до сечи, не всегда по-нашему выходит. Или напомнить, как в пыточной на цепях висел, а после, пока из подземелья уходили, у Дерна на плече болтался?

Шестерня потемнел лицом, воспоминания не доставили пещернику радости, молча встал, направился в лес, втянув голову в плечи и загребая ногами хвою.

Проводив товарища взглядом, Дерн покачал головой, сказал тихо:

— Зря ты так. Ему тогда больше всех досталось. Я когда смотрел, как его на ремни режут, думал с ума сойду.

Зола тряхнул головой, сказал упрямо:

— Досталось, да только ума не прибавило. Нас же сейчас куры лапами загребут! Не то, что отряд бойцов с ладьи. — Помолчав, добавил с досадой: — К тому же, ему все как с гуся вода, еще пара дней, и шрамов не останется. А я рук почти не чувствую! Волшба выходит с трудом. Сотворил огнешар — чуть ноги себе не опалил. К посоху даже прикоснуться боюсь — сам сторю, и вас сожгу к демонам.

Дерн мельком взглянул на руки мага, что Зола, согревая, вытянул к огню, сказал успокаивая:

— Восстаноятся. Не сразу, конечно, время должно пройти. Думал, будет дольше, но с помощью зелий, что принесла Себя, хотя, ума не приложу, где взяла, через седмицу будешь, как новенький.

— Твоими бы устами... — проворчал маг. — Ладно, пройдуся, может, тоже чего в костер принесу, а то Шестерню пока дождешься.

Он с кряхтеньем встал, замедленно двинулся в лес, зябко кутаясь в балахон и поглядывая по сторонам в поисках сучьев.

Прошло еще два дня. Мычка с Себией, по-прежнему, вместе уходили с утра в город, возвращались же порознь. За ужином, пока вершинник делился впечатлениями, все с интересом слушали, задавали уточняющие вопросы, когда же доходило до Себии, подземница лишь разводила руками, отвечая на вопросы спутников короткими односложными фразами, после чего, забивалась в яму в корнях дерева и почти мгновенно засыпала.

Наемники переглядывались, пожимали плечами, но, доверяя спутнице, не задавали лишних вопросов, справедливо полагая, что, как только выяснится что-нибудь важное, подземница не преминет поставить всех в известность.

Очередным хмурым утром, когда низколетящие облака, напоровшись на верхушки деревьев, в который раз, извергали на лес потоки смешанного с водой снега, Себя оглядела товарищей, коротко произнесла:

— Период бурь заканчивается. Сегодня к вечеру, самое позднее — завтра с утра, пленников под усиленным конвоем отправят вглубь страны.

Зола нахмурился, Мычка взглянул ошарашено, а Шестерня поперхнулся куском мяса.

Лишь болотник не выказал удивления, произнес, обращаясь к подземнице:

— Пока есть время, надеюсь, ты поделишься с нами наблюдениями. Думаю, это будет не лишним...

Далеко, на пределе слуха, зародился гул. Сперва, Мычка, а затем, и остальные принялись вслушиваться. Гул усилился, набрал мощь. Что-то тяжелое пронеслось над самыми кронами, сотрясая ветви и обрушивая на землю целые сугробы снега.

Кашлянув, Зола задумчиво сказал:

— Интересно, это обычный разведывательный рейд, или...

Прислушиваясь к гулу, что, ненадолго ослабев, вновь усилился, Шестерня воскликнул:

— Секиру Прародителя им в печень, да нас обнаружили!

— Или не нас, — возразил Мычка, — и не обнаружили, а летают по каким-то своим надобностям.

— В любом случае, ожидание закончено, — подытожил Дерн. — Пора выдвигаться. А по пути, чтобы не было скучно, Себя уточнит детали.

Все разом засобирались. Зола принялся собирать свитки, неловко орудуя, по-прежнему, непослушными руками. Шестерня выгреб из-под кучи ветвей доспехи, начал прилаживать на

себя один за другим. Дерн собрал в одну грудку все травы и корешки и поспешно, но без лишней суеты, укладывал туго стянутые ниткой пучки в котомку.

Мычка извлек из глубокой ямки остатки мяса, где они хранились, завернутые в ароматные листья и засыпанные снегом, поделив поровну, принялся раскладывать по заплечным мешкам. Закончив с пищей, вершинник забросал костер снегом и сырыми ветками, после чего, проверил перевязь с оружием, закинул мешок на плечо и встал рядом с Себией, что собралась раньше всех и терпеливо поджидала товарищей.

Собравшись, двинулись в лес. Падавший почти седмицу снег покрыл все вокруг небольшими сугробами, и Мычка, раз от разу, оглядывался, хмурясь все больше — за отрядом оставался четко различимый след, приди кому в голову, соответствующая мысль, выследить наемников не составило бы большого труда. Вслушиваясь в то затихающий, то вновь усиливающийся гул, невидимая в облаках ладья выписывала над лесом круги и не спешила улетать, Мычка не выдержал, резко свернул в сторону, уводя товарищей в глубь леса.

Привыкшие к странностям вершинника, спутники не стали возражать. К тому же, не приученные ориентироваться в лесу, они целиком полагались на провожатого, не выказывая удивления или недовольства непредвиденным изменением маршрута.

Когда деревья отступили, а впереди, сквозь снежную хмарь, замаячили стены города, Шестерня с удивлением произнес:

— Странно, мне казалось, до города, должно быть, несколько ближе.

— Так и есть, — Мычка потрянул головой, сбросив с волос выросшую шапку снега. — Но я подстраховался, чуток удлинил путь. Теперь, даже если кто-то взял наш след, искомое отыщет не скоро.

Себия произнесла с удивлением:

— Ты удлинил путь не меньше, чем в два раза. Разве в такую метель следы не замечает сразу за идущим?

Мычка покачал головой.

— На открытом пространстве — да, но в лесу след остается намного, намного дольше.

— Все это очень интересно, — буркнул Зола, — но намного больше меня интересует другое. Надеюсь, в этот раз, мы не будем сигать через стены, а воспользуемся воротами. Лазать по мокрым камням с моими руками будет не очень удобно.

Маг продемонстрировал друзьям черные головешки кистей. Раны уже затянулись, мясоросло, и даже успело подернуться тонкой розовой кожицей, но руки мага по-прежнему производили страшное впечатление.

Себия потрянула головой, сказала успокаивающе:

— Карабкаться никуда не придется. В светлое время суток вход через врата свободный. Тем более, в такую метель. Охрана здесь хороша, но не настолько, чтобы теплему воздуху сторожевой будки предпочесть промозглый ветер улицы.

Девушка решительно двинулась к воротам. Остальные поспешили следом. Не смотря на некоторые опасения, из памяти наемников еще не стерлись картины недавних злоключений, никому не хотелось задерживаться под пронзительными порывами ветра, что, то силой толкал в спину, ускоряя и без того быстрый шаг, то швырял в лицо горсти колючего снега, заставляя морщиться и прикрываться руками.

Попетляв по заснеженным улочкам, ввалились в указанную Себией корчму. Расположившись поближе к камину, где жарко пылали здоровенные чурки, наемники с

облегчением вздохнули, после проведенных в лесу дней было приятно ощутить крышу над головой. Посетителей оказалось немного, и, не желая упускать выгоду, рачительный хозяин без лишних вопросов направил к гостям служек с блюдами.

Глядя, с какой скоростью на столе вырастают многочисленные тарелки с яствами, Шестерня громко сглотнул, но, едва на столешницу бухнулась здоровенная чарка хмеля, заметно вздрогнул, с подозрением уставился на тощего поваренка, что в испуге отпрянул, не понимая, чем вызвал заclubившийся в глазах гостя гнев.

Себя похлопала парнишку по плечу, показав жестом, что все в порядке, наклонившись к пещернику, произнесла:

— Не беспокойся. Здесь нас не усыпят и не отравят. Одного раза более, чем достаточно.

На нее взглянули с интересом, но голод оказался настолько силен, а яства сладостны, что наемники приступили к трапезе, не уточняя, какими средствами подземница расположила хозяина к себе в этом столь негостеприимном городке.

Глядя, как огромные куски сдобренного травами и приправленного жгучими пряностями мяса исчезают в утробах товарищей, Мычка предупредил:

— На вашем месте, я бы не увлекался. Вполне возможно, вечером нам предстоит бой, и нешуточный, а с полным брюхом много не навоюешь.

Заглотив здоровенный шмат хлеба, и залпом опорожнив кубок хмеля, Шестерня прорычал набитым ртом:

— После седмицы в лесу на воде и рыбе я не откажусь хорошенько отобедать, пусть даже это будет мой последний бой!

Отщипывая кусочки кислых пахнущих желтоватых листьев, ворохом лежащих на небольшой плоской тарелочке, Зола произнес:

— От схватки не уклониться, а учитывая сказанное Себией об уровне заинтересованных сторон, работа пройдет особенно тяжело, но, все же, хотелось бы знать детали, чтобы, по возможности, избежать пустых усилий и необдуманных шагов.

Он вопросительно уставился на подземницу. Следом за магом подняли глаза и остальные. Ощувив себя в перекрестье требовательных взглядов, Себя, едва заметно оглянувшись, проверяя, нет ли поблизости случайных ушей, понизив голос, произнесла:

— Узников держат в неприметном здании, неподалеку от тюрьмы.

— А почему не в тюрьме? — искренне изумился Шестерня. — Уж на что мы искушенная компания, и то, едва ноги унесли! Что ж говорить об обычных узниках, к тому же, потерявших всякую надежду...

Зола прошипел с явным недовольством:

— Кто унес, а кого и унесли — речь не о том. Ты можешь не перебивать?

Шестерня насупился, обиженно замолчал. Мычка укоризненно взглянул на мага, сказал примирительно:

— Почему не в тюрьме — понятно: слишком заметно, у всех на виду. К тому же, как вы, надеюсь, помните, у нас в гильдии узников содержали в самом защищенном месте, что не помешало нападавшим в считанные мгновения пробиться туда, куда, казалось, попасть невозможно вовсе.

Дождавшись, когда все замолчали, Себя закончила:

— Завтра утром узников под видом обычных граждан загрузят в ладью, после чего, увезут в неизвестном направлении.

Шестерня просиял, сказал понимающе:

— Обычных граждан большими отрядами не сопровождают.

— А если и сопровождают, то скрытно, — добавил Мычка. — Что нам также на руку — оружие труднее спрятать, дольше доставать, да и расстояние нужно выдерживать — идущие группой попятам дюжие "прохожие" слишком бросаются в глаза, чтобы остаться незаметными.

— Ты хочешь сказать, что охраны не будет? — поинтересовался Дерн.

— Будет, — ответила Себия. — Но на расстоянии, что даст нам драгоценное время.

ГЛАВА 4

Одно за другим, блюда исчезли в желудках путников и, вскоре, стол опустел. Осоловевшие, наемники по-очереди отваливались, распускали ставшие тугими пояса. Лишь Шестерня никак не желал отступать, вяло ковыряясь в миске, вылавливал мясные кусочки, макал в соус и закидывал в рот, но вскоре, сдался и он. К столу мягко приблизился корчмарь, застыл выжидательно. Себия выложила на столешницу несколько тяжелых тусклых монет.

Хозяин сгрел деньги, радушно произнес:

— Если что-то потребуется — только скажите. Здесь всегда рады гостям.

Дождавшись, когда корчмарь удалится, подземница негромко произнесла:

— На втором этаже я сняла комнату, когда вернемся — сможем отдохнуть.

— А мы уже уходим? — поинтересовался Зола.

Шестерня всполошился.

— Как уходим? Разве наши планы меняются? — Перехватив заинтересованные взгляды сидящих за соседним столом посетителей, пещерник произнес тоном ниже: — Ведь речь шла о завтрашнем дне.

— Или о сегодняшнем вечере, — напомнил Мычка.

— Нужно изучить местность, — терпеливо объяснила Себия. — Знание прилежащих улиц поможет нам сократить путь и сэкономит время.

— А обязательно идти прямо сейчас? — Зола поморщился. — Не очень удобно бродить на полный желудок.

— Здесь рано темнеет, а в наступающих сумерках, сквозь снежную пелену, много не разглядишь, — отрезала подземница.

Идти не хотелось, отяжелевшие после обильной трапезы желудки требовали отдыха, а завывающий в трубе ветер навевал сон, но голос Себии прозвучал требовательно, и, таки выбравшись из-за стола, наемники, нехотя двинулись к выходу. Насыщенный жаром воздух таверны остался позади, в лицо сыпануло снегом, а промозглый ветер охватил холодным одеялом, забрался ледяными пальцами под одежду, заставляя сжаться.

Не торопясь, двигались по городу, старательно минуя наиболее людные улицы и обходя патрули по широкой дуге. Сказался сытный обед, а быть может, ожидание предстоящего завершения рейда, но упавшее поначалу от необходимости вновь идти на улицу, настроение выравнилось, в лицах протаял интерес, наемники пошли шибче, с интересом приглядываясь к непривычной архитектуре города.

Несмотря на суровый климат, здания оказались проникнуты духом изящества: могучие бревна украшены затейливой резьбой, тяжелые глыбы стен подобраны так, что рисунок камня превращает грубую поверхность в затейливый орнамент, удивляющий глаз и вызывающий почти непреодолимое желание вглядеться пристальнее, пытаясь разобраться в хитросплетениях созданных природой и дополненных мастерством зодчих узоров.

С трудом протиснувшись через заваленный мусором переулочек, оказались на небольшом пустыре, образовавшемся, судя по остаткам стен, на месте сгоревшего дома.

Себя указала на неприметный дом напротив.

— Там они и содержатся.

Дерн посмотрел на здание, сказал с сомнением:

— В этой избе? Ты не ошиблась? Я бы не рискнул оставлять столь ценных подопечных в таком ненадежном месте.

— Форма бывает обманчива, — ответила Себя. — И не забудь, подразумевается, что об этом никто не знает.

— Да и кто поручится, что в домах по соседству не затаился отряд гвардейцев? — задумчиво добавил Мычка.

Зола кивнул куда-то в сторону, поинтересовался:

— А это что за дворец? Очертания мне что-то смутно напоминают.

Шестерня хмыкнул, сказал зло:

— Еще бы. В казематах этого "дворца" мы провели незабываемое время. Местный пыточный инструментарий мне еще долго будет видеться в страшных снах.

Слова пещерника пробудили тяжелые воспоминания, и все невольно повернули головы, с брезгливым опасением взглянули на темную громаду тюрьмы, чернеющую неподалеку, подобно отвесному заснеженному утесу.

— Мне кажется, или к нашим "друзьям" пришли гости? — поинтересовался болотник.

Головы вернулись в прежнее положение, а взгляды уперлись в замерших у входа в дом подозрительных фигурах, обшаривая незнакомцев с ног до головы.

— Отойдем, — Себя указала на обломки стены, — не будем привлекать внимания.

Продолжая наблюдать за домиком, наемники сдвинулись, расположившись так, что со стороны улицы стали практически незаметны. Дверь домика вскоре распахнулась, и двое незнакомцев исчезли в проеме, остальные остались снаружи, привалившись к стене, принялись с деланным безразличием рассматривать крыши окружающих зданий.

Мычка указал вдоль улицы, сказал с подозрением:

— Мне кажется, или вон та группка вершинников, возле таверны, также интересуется домом?

Себя ответила:

— Да, но не они одни. Если ты посмотришь в противоположную сторону...

Раньше, чем девушка закончила, Мычка уже всматривался в указанное место, пытаясь вычленив среди редких прохожих замаскированных воинов. Подземница не ошиблась. Возле оружейной лавки толклись несколько мужчин, заинтересованно рассматривая развешанные под навесом колышки, но, судя по пристальным взорам, что раз за разом, бросали "покупатели" в сторону ветхого домика, лавочник, что выскочил навстречу гостям и теперь приторно улыбался, во всю расхваливая товар, старался впустую.

Зола покосился в одну сторону, затем перевел взгляд в противоположную, озадаченно произнес:

— Здесь всегда полно переодетых бойцов, или мы попали не в лучшее время?

Себя прошептала срывающимся от ярости голосом:

— Негодяй. Он же клялся, что не раньше вечера! Попадись ты мне...

Девушка закончила фразу совсем тихо, так что спутники не разобрали слов, но судя по угрожающей интонации, обманувший подземницу информатор, в случае повторной встречи, простым испугом бы — не отделался.

Дерн осторожно коснулся плеча Себии, поинтересовался:

— Что-то пошло не так?

— Полностью не уверена, но, похоже...

— Они выходят! — воскликнул Шестерня. — И не одни.

Дверь домишки распахнулась, исчезнувшие до того незнакомцы появились вновь, а вслед за ними, с заведенными за спину руками, не поднимая головы, вышли трое. Себя сдавленно выругалась, Мычка хмыкнул, а Шестерня радостно фыркнул, узнав в одном из заключенных Найденыша. Покосившись на пещерника, что улыбался во весь рот и приплясывал от нетерпения, Зола едко сказал:

— Ты помаши, помаши, а лучше — крикни, а то нас как-то плохо видно. Еще мимо пройдут, не заметят.

Дерн озадаченно протянул:

— Узников выводят ежедневно, или что-то пошло не так?

— Их никуда не выводят, в дом никто не заходит. Здесь вообще никого не должно быть! — сдавленно прошипела подземница.

Мычка подвигал плечами, отчего ремни перевязи смачно хрустнули, с удовлетворением сказал:

— Значит, мы успели вовремя. Остается лишь выбрать подходящий момент для нападения.

Тем временем мужчины возле таверны разом повернулись, двинулись вдоль улицы, туда же повели и узников, а мгновением позже, кучковавшиеся у лавки покупатели разом охладели к товарам, зашагали следом, не приближаясь и не отставая.

Не дожидаясь, пока узники скроются за домами, Себя рванулась в едва заметную за остатками стены щель между домами, бросила коротко:

— За мной!

Наемники не заставили повторять дважды, по-очереди втиснулись в проход, побежали, запинаясь о камни и проваливаясь в залитые водой и припорошенные снегом ямки. Тяжелее всех пришлось Дерну, могучий телом, он с трудом поспевал за товарищами, то и дело, застревая в особо узких местах и с жутким хрустом царапая кольчугой обледенелые камни стен, когда, собравшись с силами, одним могучим рывком вырывал себя из цепких каменных объятий.

Задыхаясь от бега, Зола крикнул, обращаясь к подземнице:

— Ты уверена, что они не свернут раньше, или, в конечном итоге, мы не упремся в тупик?

Не оборачиваясь, подземница бросила:

— Не уверена, но выбора нет. А насчет тупика, не беспокойся, слишком много раз я крадась этими задворками, чтобы ошибиться, и с закрытыми глазами.

Девушка побежала быстрее, и маг вынужденно замолчал, экономя дыхание и всеми силами пытаясь не отстать от несущейся, как молния спутницы. Для подземницы, словно не

существовало препятствий: выступающие углы Себя огибала легко, а рытвины и кочки перепрыгивала так, словно заранее знала, в каком именно месте под ноги попадется та или иная преграда.

Разгоряченные, выметнулись на открытое пространство. Мельком оглядевшись, Себя решительно зашагала вперед. Приблизилась к месту, где, благодаря нескольким снесенным домам, улица расширилась, превратившись в, своего рода, площадь, густо заставленную палатками лавочников, из-за позднего времени и плохой погоды, по большей части, закрытыми.

Окинув взглядом площадь, Себя деловито произнесла:

— Скоро они будут здесь. Подыскивайте удобные места и постарайтесь не привлекать внимания. Подошедший за выяснениями патруль может сильно усложнить задачу, а учитывая, что планировать приходится на ходу, забот, и без того, будет более, чем достаточно.

— Как мы отсюда выйдем? — поинтересовался Мычка.

— Так же, как и пришли. Подобных тому лазу, что привел нас сюда, здесь предостаточно. Гораздо сложнее будет выйти из города. А теперь, расходимся.

Наемники разбрелись по площади. Редкие открытые палатки оказались набиты ни чем не примечательными товарами: горки подмороженных овощей чередуются шматами мяса сомнительной свежести, а потемневшие от влаги рубахи, развешанные под навесами на специальных чурках, вызывают поток мурашек и желание немедленно уйти, лишь от одной мысли, что стоит попытаться примерить — холодная мокрая ткань коснется кожи.

Снег повалил гуще, стало темнее. Разбрызгивая серую кашу из перемешанной со снегом грязи, наемники бродили среди палаток, всеми силами создавая видимость озабоченных покупками граждан. Но, чем дальше, тем труднее становилось поддерживать образ. Ожидание затягивалось, а напряжение нарастало. Наемники все чаще поглядывали в сторону, откуда должны были появиться узники, но улочка оставалась безлюдна, лишь изредка, мелькали силуэты редких путников, плохо различимые за уплотнившейся снежной пеленой.

Когда напряжение достигло предела, из-за поворота показалась группа мужчин, а немногим позже, подтянулись и узники, уныло бредущие в окружении пятерки сопровождающих. На подходе к площади узники замедлили шаг, а идущие первыми, наоборот, двинулись шибче, разошлись, захватывая большую часть рынка.

Мычка не успел спрятаться за палатку, и сделал вид, что крайне увлечен выбором специй, выложенных на лотке в миниатюрных металлических баночках. Рядом прошуршали шаги, в плечо с силой толкнуло. Мужчина замедлил шаг, ожидая реакции, но Мычка не пошевелился, хотя мышцы закаменели в ожидании схватки. Отслеживая краем зрения маячащую за плечом тень, Мычка продолжал ковыряться в специях, и лишь внимательный взгляд смог бы заметить, как вдруг, замедлились движения рук покупателя.

Позади презрительно хмыкнуло, силуэт двинулся дальше. Выдохнув, Мычка поставил коробочку на место, замедленно повернул голову, пристально взглянул вслед уходящему, оценивая противника. В любой, даже самой простой схватке, малейшие детали могут иметь большое значение, а предстоящий бой будет совсем не простым. Укрытые плащом, плечи воина широки, что свидетельствует о силе, спина гордо выпрямлена — явно не самый низший чин, но излишне раскованная походка и вызывающее поведение свидетельствует о молодости, опытный воин держит спесь в узде, и не выдаст себя столь глупо.

Улыбнувшись краешком губ, Мычка повернул голову, оценивая расстояние до узников, перевел взгляд, всматриваясь в едва видимые тени позади, замыкающая группа не отстала, и двигалась на прежнем расстоянии, после чего, мягко пошел на сближение.

Товарищи не дремали, и в тот момент, когда Мычка подходил к узникам, возникли рядом, разошлись, охватывая сопровождающую группу кольцом. Возня за палатками не укрылась от бдительных глаз стражей. Без какого-либо видимого знака группа перестроилась, сдвинувшись так, что узники оказались плотно зажаты с боков.

Не сговариваясь, наемники шагнули навстречу врагам: сердца заколотились, нагнетая кровь в мышцы, руки рванулись к оружию. Но едва пальцы обхватили рукояти, готовые выдернуть смертельную сталь из ножен, раздался предупредительный окрик.

Позабыв о подозрительных чужаках, охранники разом воззрились в небо. Не ожидая подобной реакции, наемники сбились с ритма. Рассудок подталкивал воспользоваться моментом, перебить отвлекшегося врага, но чувства предупредили об опасности, и наемники невольно подняли головы, пытаясь разглядеть, что же заставило защитников забыть о безопасности.

ГЛАВА 5

За сыплющимся в глаза снегом сперва ничего было не разглядеть, но вот над головами метнулась смутная тень. Тень мелькнула настолько стремительно, что показалась лишь очередным сгустком снега, закрученным в воздушный водоворот, но почти у каждого возникло нехорошее предчувствие. Некоторое время, ничего не происходило, и взгляды вновь уперлись в противников, когда сверху замельтешило.

В ушах зазвенело от клекота, воздух наполнился зловонием, и с небес черными тенями низринулось жуткое. Первые мгновения, ничего нельзя было разобрать. Вокруг, закручивая снежные вихри, мечутся огромные темные лохмотья, словно сильнейший ветер сорвал в ближайшем замке, и теперь, кружит по площади тяжелые полотна занавесей.

Прикрыв лицо рукой, от поднявшегося ветра стали слезиться глаза, Дерн с удивлением всмотрелся в новых участников действия. Над площадью, издавая пронзительные вопли, мельтешат крылатые ящеры, кожистые крылья пружинят, растянутые ветром, пасти щетинятся рядами острейших зубов, забранные пластинами надбровных дуг, словно броней, глаза непрерывно поворачиваются, высматривая жертву. На спинах у каждого ящера по наезднику: руки цепко держат узду, и хотя каждый восседает в своеобразном седле, что наверняка, не позволит хозяину свалиться, тела воинов распластаны так, что почти сливаются со спиной летуна, стремясь свести давление встречного воздушного потока на нет.

Сверху метнулось, в спину ударил тугой кулак ветра. Дерн пригнулся, отступил к палатке. Вряд ли летучие воины прибыли специально по его душу, но в царящей суматохе один из ящеров мог запросто откусить голову, просто пролетая мимо. Мельком мазнув взглядом вокруг, Дерн вычленил товарищей, почти все нашли убежище, и теперь, наблюдали за происходящим, лишь неугомонная подземница, обнажив кинжал, подкрадывалась к

охране, ожидая удобного для нападения момента.

Пригибаясь, болотник бросился к девушке. Охранники больше не таились, сбросив ненужное более тряпье, выстроились цепью вокруг пленных, застыли, обнажив оружие. И хотя почти все внимание бойцов сосредоточилось на шныряющих вокруг бестиях, в одиночку подземница вряд ли бы преуспела, увести пленных, отбиваясь одновременно от пятерых могучих мужчин, не смог бы и искуснейший боец.

На помощь товарищам уже неслись обе группы поддержки, и Дерн ощутил — еще немного, и будет поздно. С двумя десятками противников они завязнут надолго, и даже, если судьба будет благосклонна, и каким-то образом, удастся одержать верх, к этому времени со всего города сбегутся привлеченные шумом стражи, после чего, рейд будет провален окончательно и бесповоротно. Заревев так, что стоящие подле горожане в ужасе шарахнулись, а товарищи, как один, повернули головы в его сторону, Дерн понесся к кольцу врагов, где, стиснутые со всех сторон могучими спинами, застыли узники.

Шаг, другой. За спиной, плотно обернутые в листья, звякают уложенные в котомку горшочки с зельями. Надо бы скинуть, да поздно, в груди зародился огонь ярости, стремительно растекается по жилам, не позволяя остановиться. В руке, сам собой возник кистень, удобно устроился, плотно охваченный пальцами. Тяжелые шары покачиваются на цепях в такт шагам, острые жала шипов недобро сверкают — еще немного, и воздух с протяжным стоном разойдется, разорванный страшным оружием, безжалостный металл вопьется в податливую плоть, кроша кости и разрывая мышцы, опрокинет на землю, ставшее вдруг безвольным тело врага.

Лица противников все ближе, холодно блестит металл обнаженных клинков, глаза сосредоточены на цели. Мир стремительно сужается, в поле зрения остается лишь фигура врага. Мгновения замедляются, растягиваясь в вечность. Лишь далекие от ратных дел горожане представляют себе сечу, как бесконечный обмен ударами, с молодецким уханьем и утомительным топтанием земли. По настоящему все совсем по-другому: короткий миг, за который необходимо отразить удар, или увернуться, встав на самую грань смерти, чтобы тут же ударить в ответ.

Лицо противника искажается гримасой ненависти, губы расползаются в недобрую ухмылку. Уже слышится шелест летящего навстречу оружия, как вдруг глаза врага недоуменно распахиваются, взгляд стекленеет, а спустя миг, голова взрывается кровавым фонтаном, вперемишку с костяным крошечком ошметки мозга разлетаются далеко вокруг, а тело замедленно, как во сне, опадает на землю.

Мгновенно остановившись, словно налетев на каменную стену, Дерн стер с лица прилипшие ошметки плоти, окинул площадку впереди враз протрезвевшим взором. Мир вновь расширился, обогатился красками, а сквозь забивший уши гул ворвалось сонмище звуков. За те мгновения, пока он бежал к врагу, ситуация заметно изменилась. Летающие всадники перешли в наступление, и теперь, отовсюду доносится звон металла и крики раненых. Изредка, на фоне общего шума, раздается особо жуткий крик — это в меру сил помогают хозяевам ездовые животные, отрывая от снующих под ногами людей огромные куски, и тут же, глотая еще теплое, трепещущее мясо.

Защищающая узников группа уменьшилась почти вдвое, один боец уже лежит на земле, наполовину растерзанный ящером, другой отползает, придерживая вывалившиеся из огромной раны кишки, остальные объединенными усилиями сдерживают натиск двух наездников, с высоты седел ловко орудующих длинными копьями с зазубренными

наконечниками. Третий ящер надвигается на подземницу. Наездник внимательно осматривает поле боя, изредка снисходительно поглядывая на головоломные прыжки девушки, уходящей от стремительных атак летуна в самый последний момент.

Ярость вспыхнула с новой силой. Болотник не любил пустой жестокости, равно издевались ли над собакой дети, или охотник наслаждался мучениями жертвы. Рванувшись вперед, Дерн перехватил ящера за шею в тот момент, когда тот в очередной раз готовился атаковать Себию, сдавил с такой силой, что чудовище жалобно зашипело, выгнулось дугой, грозя сбросить наездника. Неотрывно глядя в расширенные от удивления, глаза противника, Дерн произнес, проговаривая каждый слог:

— Что ж так, верхом, да против пешего, поди, неудобно?

Перехватив ящера за шею второй рукой, болотник с силой рванул. Раздался хруст, в глазах помутнело от напряжения. Издав булькающий звук, ящер завалился на бок, так что наездник кубарем вылетел из седла, но тут же вскочил, ринулся на противника. Тоненько свистнуло. Взмахнув руками, подземник упал лицом вниз, в шее, обогренная кровавым венцом, застыла рукоять метательного кинжала.

Из-за палатки выскочил Мычка, одной рукой выхватил кинжал, а другой помог подняться Себии, воскликнул зло:

— С ума сошел, врукопашную на наездника кидаться?!

По-прежнему, ощущая головокружение, Дерн развел руками.

— Он спасал меня, — коротко бросила Себия.

Рядом вырос Зола, мельком взглянув на поверженного ящера, насмешливо произнес:

— Вижу, начинаете входить во вкус. Но что дальше?

— А дальше, мы обойдем этих жутких тварей, и по-тихому заберем Найденыша и кто там еще с ним, — деловито произнес Шестерня, выходя из-за спин товарищей.

— Проще сказать, чем сделать, — метнув взгляд в направлении отгороженных стеной бойцов узников, проворчал маг. — Но, как я понимаю, особого выбора нет.

Не говоря более ни слова, наемники рванулись к узникам, обходя бойцов по дуге. Почти не встретив препятствий, охрана и нападающие оказались всецело заняты друг другом, наемники выскочили позади защитников, но встретили пустоту, узники исчезли. Себия зарычала от злости, Шестерня расстроено крикнул, а Зола поморщился. Все завертели головами, отыскивая пропажу.

Дерн обнаружил беглецов первый, коротко скомандовал:

— Там!

Прошедших мгновений хватило, чтобы охрана сумела сориентироваться и трезво оценить свои шансы. И теперь, двое бойцов волокли узников за собой, стремясь добраться до переулка, темнеющего меж домами мрачной щелью, справедливо рассудив, что в узком пространстве отвесных стен ящеры не разместятся, ограниченные размахом крыльев, а спешившиеся наездники, лишенные помощи могучего товарища, уже не так опасны.

Беглецы все ближе. Узники значительно замедлили воинов, и наемники уже торжествовали победу, когда сверху, едва не зацепив преследователей лапами, рухнули сразу три летуна. Зазвенело оружие, послышались полные ярости и боли крики.

Отрезанные от беглецов тушами ящеров, наемники остановились.

Опасливо поглядывая на чудовищ, Шестерня произнес:

— Может, подождем? В любом случае, чем бы ни кончилось дело, мы будем в выигрыше.

Себя резко повернулась, крикнула люто:

— Разве ты еще не понял? Они пришли за тем же, что и мы. Их цель — узники!

Подземница рванулась вперед, но один из наездников, словно ожидал, молниеносно развернул ящера. Клацнули зубы, Себя каким-то чудом успела среагировать, увернувшись от смертоносных зубов в последний момент. Свистнуло копье. Зола отшатнулся, едва не оставшись без глаз, болезненно охнул Шестерня, получив чувствительный удар, от глубокой раны пещерника спас лишь нагрудник.

Мычка выбросил руку, но наездник лишь дернул головой, уворачиваясь от смертоносного куска металла. Вновь свистнуло копье, одновременно наездник подал ящера вперед, и наемникам пришлось отступить. Подземник искусно вращал копьем, держа противников на расстоянии, и заставлял ящера поворачиваться в нужную сторону, едва наемники пытались обойти.

— Быстрее, они же сейчас уйдут! — зазвенел пронзительный крик подземницы.

Дерн с Шестерней двинулись одновременно. Качнувшись вперед, пещерник прикрылся щитом, принимая на грудь удар зазубренного наконечника, болотник же перехватил древко, рванул. Не ожидая подобного маневра, подземник не успел отпустить оружие, вылетел из седла. Ощувив облегчение, ящер расправил крылья, взмыл, оставив хозяина наедине с судьбой.

Не обращая внимания на оглушенного падением врага, наемники ринулись вперед, но в этот миг, фонтаном взметнулся снег, слепя, ударил по глазам, в грудь упруго толкнул ветер. Ненадолго ослепнув, наемники отскочили, очищая глаза от грязи, а когда проморгались, пространство впереди опустело, лишь несколько растерзанных тел распростерлись на снегу.

Дерн быстро шагнул вперед, перевернул тела, по-очереди оглядел застывшие лица. Закончив, он повернулся к товарищам, сказал негромко:

— Один из них наш. По всей видимости, в запале боя его раздавил ящер. Остальные исчезли.

— Но зачем они им понадобились? — непонимающе произнес Шестерня.

— А нам они зачем? — сухо бросил Зола.

— У нас задание, а у этих... — Шестерня осекся, озадаченно посмотрел на мага.

— Задание провалено, нужно уходить, — сдавленно произнес Мычка, поглядывая по сторонам. — Вскоре здесь будет полно гвардейцев.

Себя поискала глазами, остановив взгляд на наезднике, что, с трудом шевелился, оглушенный падением, сказала зловеще:

— Провалено, да не совсем. Есть еще ниточка.

Заметив, как затвердело лицо девушки, превратившись в подобие металлической маски, Шестерня поежился, сказал просительно:

— Может, не стоит? Бедолага, едва шевелится. Что он скажет?

— Скажет, — негромко произнесла Себя, и друзья содрогнулись, настолько отстраненно и холодно это прозвучало.

Мычка покачал головой, Шестерня отвернулся, а Дерн нахмурился, когда Себя шагнула к раненому. Мгновение постояв в раздумье, девушка тряхнула головой, вслушиваясь в исполненные ярости возгласы охраны, сказала зло:

— Проклятье! Они слишком быстро опомнились. Нам помешают. — Мельком взглянув на болотника, подземница повелительно бросила: — Бери его, и уходим.

Удивляясь, с какой легкостью подчиняется команде, Дерн легко подхватил подземника,

перекинув через плечо, припустил за Себией, что уже скрылась в ближайшем проулке. Остальные побежали следом, время от времени оборачиваясь: никто не хотел получить от особо ретивого преследователя стрелу в спину.

И вновь, бег по извилистым проулкам и узким переходам. Погони не слышно, но, зная город, и не будучи стеснены в возможностях, преследователи вполне могут пройти кратчайшим путем, и перегородить дорогу в самом неожиданном месте, навязав бой на удобных им условиях. Мимо проносятся заборы и стены домов, сливаясь в сплошную серую поверхность. В сгущающейся тьме уже не видно земли, и несложный путь превращается в мучительную, полную препятствий дорогу: ноги, то и дело, соскальзывают в наполненные ледяной водой ямки, невидимые выступы стен с силой бьют в плечи, заставляя болезненно морщиться, а разбросанные то тут, то там камни оставляют на ступнях ноющие ссадины.

Запыхавшись, остановились передохнуть в каком-то тупике. Разглядывая поросшие мхом стены, Мычка поинтересовался:

— Куда держим путь?

Себия пожалала плечами.

— За городские стены. После бойни, на площади, здесь лучше не оставаться.

Шестерня сказал с тоской:

— Опять под снег и пронзительный ветер.

— У тебя есть предложение получше? — скептически поинтересовалась подземница.

Пещерник произнес с затаенной надеждой:

— А корчма? Ты говорила..., хозяин надежен.

— У тебя есть уверенность, что сумма, имеющаяся у нас, окажется больше, чем назначит за наши головы городская гильдия? — едко бросил Зола.

— Дело даже не в деньгах, — устало произнесла подземница. — Те, кому мы перешли дорогу, обладают намного более эффективными средствами для развязывания языков, чем золото.

— А с этим что? — Дерн хлопнул по перекинутому через плечо подземнику.

— Он ответит на ряд вопросов, после чего, о нем можно будет забыть, — холодно ответила Себия.

— Так может, он ответит прямо сейчас? — осторожно спросил Шестерня. — Висящий на плече подземник, не лучший способ отвлечь внимание.

Девушка нахмурилась, но сдержала раздражение, отдельно произнесла:

— Здесь, не лучшее место. На его вопли сбегутся гвардейцы со всего квартала, а это в наши планы не входит.

— У нас, оказывается, появились планы? — хмыкнул Зола.

— Они появились, едва мы подписались на рейд, — отрезала Себия. — И, надо заметить, за все это время, мы не особо преуспели.

На девушку взглянули с интересом. Ранее тихая, почти во всем согласная с товарищами, за последнее время, подземница разительно изменилась: порой в голосе Себии звучали металлические нотки, а взгляд становился, столь тяжел, что всякое желание возражать, едва возникнув, истаявало, как утренний туман под палящими лучами солнца. В эти мгновения, она чем-то неуловимо напоминала Шейлу, так что, даже вечно недовольный Зола не возражал, лишь поджимал губы, да чуть слышно ворчал.

Подводя итог беседы, Дерн произнес:

— Что ж, за город, так за город. Если ни у кого нет возражений...

— Есть. — Мычка поднял руку, привлекая внимание. — Прежде, чем выйти за стену, предлагаю зайти кое-куда, благо, уже стемнело, и мы сможем пройти незамеченными, не привлекая внимания к этому, — он кивнул на ношу болотника.

— Может, объяснишь подробнее? — Себя вопросительно изогнула бровь.

Мычка загадочно улыбнулся.

— Нужно навестить одного знакомого. — Заметив удивленные взгляды товарищей, поспешно добавил: — Это не займет много времени, к тому же, может оказаться бесполезным.

Пожав плечами, подземница бросила:

— Веди.

Вершинник крадучись зашагал прочь из тупика. Заинтригованные, спутники двинулись следом.

ГЛАВА 6

Стушившаяся тьма и плотная пелена снега позволяли двигаться, не особо скрываясь. Завидев подозрительные тени, случайные горожане шарахались в сторону, не желая искушать судьбу излишним любопытством, а изредка, попадающиеся патрули наемники обходили по широкой дуге, лишь только заслышав бряцание доспехов.

Жилые дома кончились. Наемники вошли в рабочий квартал. Из смутно вырисовывающихся во тьме построек раздается приглушенный визг пил и грохот молотов. Повсюду, брошенные, где придется, громоздятся груды необработанных древесных стволов, груженные огромными ящиками, то тут, то там возвышаются телеги, россыпи каменной крошки и угля сменяются мягким покрывалом опилок, наваленных беспорядочными кучками.

Мычка свернул к одному из зданий, остановившись у ворот, забарабанил в тяжелую створку. Товарищи встали поодаль, прислушиваясь к происходящему. Вершинник стучал, не переставая и вскоре, створка приотворилась, раздался неприветливый голос. Мычка ответил в тон. Некоторое время собеседники обменивались ругательствами.

Дерн негромко произнес, обращаясь к товарищам:

— Негостеприимный тут народец.

Шестерня хмыкнул:

— Знамо дело, от работы отрывать. — Вслушиваясь в разухабистые ругательства, с улыбкой добавил: — Я бы еще не туда отправил. А этот, вишь, сдерживается. Вежливый.

Себя с Дерном недоуменно переглянулись. Разносящийся далеко окрест раскатистый голос, изрыгающий непрерывную ругань, особой сдержанностью не отличался, а уж заподозрить в витиеватых тирадах вежливость мог лишь вовсе не искушенный в правилах хорошего тона слушатель.

Дверь с грохотом захлопнулась, разговор оборвался. Пожевав губами, Зола задумчиво произнес:

— Любопытно, они о чем-нибудь договорились, или радушный хозяин, не в силах

переубедить Мычку в одиночку, отправился за помощниками?

Вновь скрипнула дверь, на этот раз, голос показался наемникам смутно знакомым, а спустя мгновение, подозрения подтвердились. Из снежной хмари выдвинулся Мычка, а следом за ним, вытирая испачканные маслом руки, показался Маховик. Увидев наемников, механик резко остановился, словно врезался в невидимую стену, на его лице промелькнула гамма эмоций, от удивления, до испуга, но, затем, губы растянулись в улыбке, а в глазах блеснула радость.

Распахнув руки, механик произнес:

— Рад видеть вас в добром здравии. Вы вновь на ногах! — Он скептически оглядел одежду гостей, густо заляпанную кровью, добавил тоном ниже: — Хотя, возможно, все не так уж и радужно.

Приветствуя, Шестерня хлопнул Маховика по плечу, сказал беззаботно:

— Не обращай внимания, это чужая.

Маховик покивал, судя по недоверчивому выражению лица, слова Шестерни не убедили механика, но оставил сомнения при себе, деловито поинтересовался:

— Хотелось бы верить, что вы пришли просто поинтересоваться моими делами, но... чем обязан?

Себя одобрительно произнесла:

— Ты все верно понял. Задание завершено, и нам нужно выбраться из города, а лучше — из страны.

Лицо механика вытянулось. Оттягивая неизбежное, он уныло пролепетал:

— Я очень рад, но... чем могу помочь?

Перекинув подземника на другое плечо, Дерн рассудительно произнес:

— Дорога предстоит дальняя, а мы ограничены во времени. К тому же, нас будут искать...

— К чему ты ведешь? — сипло прохрипел механик.

— Говорят, ты умеешь управлять ладьей, — ответил Дерн просто.

— При том, весьма неплохо, — добавил Мычка с нехорошей ухмылкой.

— Что вы хотите сказать? — пискнул ошалевший от такого напора механик.

Себя дернула головой, сказала, с трудом сдерживая раздражение:

— У нас на хвосте висят убийцы из гильдии и половина городской стражи. Если ты не поторопишься, этот веселый народец скоро будет здесь, и, распаленный злостью, от необходимости месить грязь, вместо того, чтобы спокойно попивать винцо в корчме, особой разборчивости не проявит, как, впрочем, и особого милосердия.

Лицо механика пошло пятнами, кулаки сжимались и разжимались, так что хрустели костяшки. Зола с интересом поглядывал на Маховика, ожидая продолжения.

Механик сдавленно прорычал:

— Я с величайшим трудом получил работу. До сих пор не могу поверить в чудо: попасть в чужую землю, без средств, без надежд, без связей и сразу же заняться тем, что тебе ближе всего.... И вы хотите меня этого лишить?

— Жизнь полна сюрпризов, — грустно произнес Мычка.

Набрав воздух в грудь, Маховик заорал:

— Да ты понимаешь, что я потерял обе вверенных ладьи? Меня же по возвращении распнут! Заставят остаток жизни трудиться на рудниках! Ославят так, что ни один мастер, опасаясь за деловую репутацию, не примет меня на работу. Не-ет, — он затряс головой, — я

отказываюсь. Пусть сюда сбегается хоть вся городская стража. Я не сделал ничего дурного, коллеги по цеху это подтвердят.

Не ожидая такого поворота, наемники в затруднении переглянулись. Лишь подземница не выразила удивления. Улыбнувшись, Себя мягко двинулась к механику. Взглянув в лицо подземницы, Мычка передернул плечами, губы девушки улыбались, но в глазах сквозило такое, что вершинник меньше всего желал бы увидеть подобный взгляд, направленный в свою сторону.

Остановившись рядом с Маховиком, так что их глаза встретились, подземница произнесла нараспев:

— Желанная работа, обеспеченная жизнь, уважение товарищей... Ты получишь всего с избытком, особенно после того, как власти узнают, откуда, а, главное, по чьему поручению ты прибыл и кого привез. Ладья полная наемников, прибывших из соседней страны с целью саботажа и диверсии — чем не повод для радости? Полагаю, озабоченные напряжением в отношениях с приграничным соседом, местные власти захотят задать тебе множество вопросов, для чего используют удобное узилище и опытных заплечных дел мастеров, коих здесь в избытке, уж поверь, мы успели познакомиться с ними достаточно близко.

По мере того, как подземница говорила, из ее голоса исчезали сладкие нотки, сменяясь клетотом коршуна и змеиным шипением, так что, под конец, наемники с содроганием вслушивались в неслыханные доселе интонации, не в силах поверить, что это голос принадлежит их спутнице.

Маховик сглотнул, сместил глаза, покосившись на стоящих кружком неожиданных гостей, но на лицах наемников не увидел сочувствия, лишь суровая сосредоточенность и терпеливое ожидание, что до поры скрывает глухую ярость, готовую прорваться все сметающим потоком, едва лишь представится подходящий повод.

Механик выдохнул, его плечи поникли. Он прошептал убито:

— Хорошо, я сделаю, как вы скажете. Но мне понадобится время. К тому же, ладьи неплохо охраняются, и я...

— Это не твоя забота, — холодно произнесла подземница, поставив в разговоре точку.

— Мне... нужно собраться, — чуть слышно произнес Маховик.

Глядя, как механик уходит, ссутулившись и с трудом передвигая ноги, будто враз постарел на десяток лет, Шестерня сказал с сожалением:

— Хороший он парень. Жаль, что пришлось так, по грубому...

Ему не ответили. Спутники молчали, погрузившись в невеселые мысли. Вздохнув, замолчал и пещерник, застыл, уставившись в пространство.

Поежившись, балахон почти не удерживал воздух, и порывы пронзительного ветра пробирали почти до костей, Зола спросил:

— А если он все же не решится?

— Тогда наша задача сильно усложнится, — отстраненно произнесла подземница.

Радуюсь, что разговор вновь начался, Шестерня подчеркнуто бодро сказал:

— Вершинники живут на островах. Не думаю, что они настолько богаты, что перемещаются только на ладьях. Должны быть и обычные корабли.

— В такую погоду корабли могут и не ходить, — сумрачно заметил Мычка.

— Подождем, пока погода изменится, — пожал плечами Шестерня. — Не век же здесь снегопады.

Под быстрыми шагами захрустел снег. Из сумрака вынырнул Маховик, окинув мрачным

взглядом наемников, невесело бросил:

— Пойдемте. Дорога не близка, а погода становится все хуже.

— Хорошая мысль, — простужено проскрипел Зола. Добавил, обращаясь к механику: — И пожалуйста, постарайся не теряться. Мы ценим помощь и не хотели бы волноваться, разыскивая тебя по городу.

Маховик нахмурился. Не понять подтекст сказанного, мог лишь ребенок. Наемники не собирались рисковать, и любые подозрительные действия с его стороны могли быть пресечены самым быстрым и жестоким образом. Резко развернувшись, механик двинулся сквозь буран, не медля, но и не особо спеша, чтобы не вызывать ненужных вопросов.

Метель усилилась настолько, что наемники двигались тесной толпой, едва не держась за руки. Видимость, сперва, сократилась до нескольких шагов, а потом, и вовсе сошла на — нет, идущие рядом товарищи воспринимались размытыми тенями, а чуть дальше и вовсе все тонуло в белом мареве. Изредка, то с одной, то с другой стороны выступали части домов, напоминающие бока огромных чудовищ, но тут же исчезали, бесследно истаявали мутными тенями.

Порой, начинало казаться, что привычная жизнь исчезла, растворилась в сером круговороте, вызванном к жизни чьей-то злой волей, и путники обречены на вечное скитание в этом чуждом, лишенном неба и земли мире. В такие моменты, наемники вздрагивали, начинали лихорадочно озираться, но, едва завидев по соседству силуэт товарища, тут же успокаивались, укоряя себя за неуместную слабость.

Громада каменной стены выступила из снегопада угрюмым утесом, а вскоре, показалась и дверь. По знаку Маховика наемники остановились, отступили на шаг, застыв в напряженном ожидании. Механик ударил раз, затем еще несколько, явно выстукивая некий условный сигнал. Некоторое время ничего не происходило, наконец, дверь беззвучно распахнулась, но едва Маховик шагнул внутрь, тут же, захлопнулась.

Мычка, что шагнул, было, в сторону двери, остановился, беспомощно оглянулся на товарищей. Шестерня озадаченно взъерошил бороду. Дерн, едва заметно, пожал свободным плечом. Только Себя не повела и бровью, не отводя глаз от двери, куда смотрела столь напряженно, словно собралась прожечь взглядом в окованных железом досках дыру.

— Вы, по-прежнему, думаете, что он не отступит? — подал голос Зола.

Ему не ответили. Этой части города никто не знал, да и, зная, понять, куда именно привел спутников механик, было невозможно. За отрезавшей наемников от прочего мира глухой стеной снега вполне мог прятаться целый замок, или тюрьма, куда, задайся такой целью, их легко мог привести Маховик. Сохраняя на лице спокойствие, наемники напрягали все силы, не взглядом, так хоть слухом пытаясь пробиться сквозь воздвигнутый непогодой заслон. Но все попытки оставались тщетны, ушей касалось лишь голодное завывание ветра, а взгляд различал только темное пятно стены, с едва выступающим прямоугольником плотно притворенной двери.

Ждать пришлось недолго. Дверь вновь отворилась, из проема показалась рука, махнула приглашающе. Повторять не пришлось. Себя, а за ней и остальные, поспешно подошли, один за другим скрылись в чреве входа. Пропустив наемников, дверь мягко встала на место.

Миновав короткий проход, наемники вновь очутились на улице. Мычка повертел головой, сказал с удивлением:

— Так это и не здание вовсе, а всего лишь, стена.

— И она мне что-то напоминает, — задумчиво пробормотал Дерн.

Шестерня хмыкнул.

— Что-то.... Да у нас в гильдии, такая же! Разве чуток повыше, да камень другой.

Зола покосился на пещерника, спросил:

— Хочешь сказать, что Маховик привел нас в местную гильдию?

Мычка ответил с нервным смешком:

— Похоже на то, разве стражи не хватает...

Под тяжелыми шагами закрипел снег. В снежной мгле зародились три смутных фигуры, приблизились, превратившись в воинов: бледные от холода лица сосредоточены, взгляды оценивающе обшаривают чужаков, тела бойцов закутаны в теплые, свисающие до земли плащи, сквозь них не пробиться ветру, а взгляд врага не углядит, когда пальцы лягут на рукоять оружия, выжидая подходящего момента.

— Кто вы, что вам нужно? — холодно поинтересовался один из воинов.

Нахмурившись, он сделал движение распахнуть плащ, но не успел. Дерн, до того стоящий в расслабленной позе, резко крутанулся, сбрасывая подземника с плеча. Не ожидавшие подобного, воины на мгновение отвлеклись, пытаясь увернуться от тела, чем не замедлили воспользоваться наемники. Свистнула сталь, Себя замедленно выпрямилась, а Мычка опустил руки, где, словно по мановению волшебства, выросли короткие клинки. Тела воинов медленно осели на землю, дернувшись, застыли.

Глядя на вытекающие из-под тел темные пятна, Шестерня запоздало пробормотал:

— А вот, и стража.

Хрустнул снег, рядом возник силуэт. Себя резко повернула голову, спросила с угрозой:

— Куда ты нас привел, и кто эти вершинники?

Выступив из тьмы, Маховик сказал едко:

— А никто не говорил, что будет легко. Мы в гильдии, эти вершинники — охрана. Или ты полагаешь, что здесь в каждом дворе по ладье, и можно вот так, запросто, взять — полетать?

Разглядывая убитых, Зола поморщился, сказал:

— Надо понимать, сейчас поднимется тревога, и короткое время спустя, за нами начнет охоту весь состав гильдии? Действительно, план интересный.

— Мое дело поднять ладью в воздух, остальное — ваши заботы, — отрезал Маховик.

Шестерня открыл рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент, неподалеку зазвенел гонг. Гулкие удары зарождались где-то в недрах двора, разносились далеко окрест, сообщая о появлении врагов и призывая всех к оружию. Мычка вновь выхватил мечи, Себя выдернула из охранника кинжал, а Дерн поспешно взвалил на плечо подземника, придерживая драгоценную ношу, цапнул кистень, оглянувшись настороженно.

Не дожидаясь команды, Маховик побежал, наемники бросились следом, догнали, окружив кольцом, пошли вровень, защищая от случайной стрелы или необдуманного желания юркнуть в укромное местечко, оставив их один на один с бойцами гильдии. Послышались возбужденные голоса, замелькали тусклые искры факелов, загремело оружие. Кто-то выскочил из тьмы, не разобрав, шарахнулся. Шестерня сопровождал несчастного пинком в мягкое место, радостно всхрюкнул.

Еще несколько раз на них выскакивали, но пещерник орал, ругался, призывая демонов на головы слепцов, что, не продрав зенки, толкутся по углам, вместо того, чтобы бежать к воротам, где уже кипит жаркий бой. Поначалу, это помогало. Не разобрав, воины коротко благодарили, бросались мимо, устремляясь в указанном направлении. Один из бойцов что-то

заподозрил, задал встречный вопрос. Пока Шестерня собирался с ответом, кистень болотника обрушился на шлем воина, гася сознание.

Некоторое время удавалось избегать столкновений, но, когда навстречу выметнулись сразу трое, осветив факелами пространство далеко вокруг, эффект неожиданности закончился. Высекая искры, зазвенела сталь. Защитники закричали, призывая на помощь. Подстегиваемые битвой, наемники почти мгновенно опрокинули воинов, но призыв услышали. В снежном вихре зародились отдельные светлячки факелов, затем их стало больше, послышались гневные вопли, и вскоре, огненные точки заполнили пространство вокруг, медленно, но неуклонно охватывая наемников огненным кольцом.

ГЛАВА 7

Сбоку, в поле зрения появляется силуэт, тускло мерцает металл, тело заученно изгибается, уходя от удара, а в следующий миг, меч устремляется к цели. Мышцы ощущают сопротивление, когда клинок погружается в плоть врага, слух касается отвратительный хруст, словно меч перерубил огромное насекомое. Резкое движение, и оружие освобождается. Позади, зажимая руками смертельную рану, оседает враг, исчезает в черноте ночи. Глаза неотрывно обшаривают пространство, не отвлекаясь на малозначимое. Слух напряжен до предела, улавливая и разбирая по нотам симфонию боя в поисках едва слышного скрипа, что издает натягиваемый лук. Если от живого противника можно уклониться, перехватить оружие, остановить удар, то от пущенной хорошим лучником стрелы нет спасения: незримо возникнув, ударит хищным клювом, пронзит насквозь, заставив извиваться в страданиях, а родная сестра, отправленная вдогонку, вопьется следом, обрывая мучения.

На мгновение, отвлекшись от боя, Мычка мельком мазнул взглядом по друзьям. Чуть позади, пыхтя и поскрипывая доспехом, как огромный броненосец, бежит Шестерня, волосы встопорщены, в руке угрожающе покачивается секира. По левую руку несется Себя, подземница двигается мягко, будто перетекая, время от времени, рука дергается, выбрасывая клинок навстречу врагу, порой, когда противник, оказывается, чересчур ловок, или закован в тяжелую броню, девушка ограничивается обманным движением, не ввязываясь в затяжной бой.

Чуть отстав, тяжело топают болотник. Излюбленная котомка за спиной и болтающийся на плече подземник искажают силуэт, превращая фигуру Дерна в чудовищное порождение кошмаров. Возникающие из тьмы враги шарахаются, лишь редкий смельчак отваживается напасть на жуткое. В такие моменты, Дерн досадливо отмахивается, кистень в его руке коротко дергается, и, не успев понять, что произошло, противник оседает, оглушенный.

Позади всех семенит Зола: лицо мага сосредоточенно, губы шевелятся, неслышно читая заклятья, навершие посоха чуть заметно мерцает багровым — мелкая искра в бесконечном океане ночи, она не привлечет взгляд, но, в случае нужды, полыхнет ослепительно, выплескивая обжигающий магический вихрь. Воздух позади Золы переливается бледным. Взмученные вихрем снежинки висят, образуя полусферу, словно маг тащит за собой

невидимый зонтик. Товарищи смотрят вперед, и никто не скажет, сколько стрел опали невесомыми снежинками, не в силах пробить магическую защиту.

— Готовьтесь, сейчас будет ладья, — прерывающимся голосом бросил Маховик.

Из тьмы выступают смутно знакомые обводы: плавные линии корпуса, витиеватая резьба, надраенные до блеска металлические бляхи защиты. Маховик взбежал по лесенке вбитых в борт скоб, шарахнулся от выступивших навстречу силуэтов, но узнал товарищей, с облегчением выдохнул, Себя с Мычкой обошлись без лестницы, взлетев на мгновение раньше.

Механик метнулся к рубке, рванул дверцу, но лишь бессильно выругался, не в силах преодолеть сопротивление замка. Через борт перевалился Шестерня, подскочил, заозирался в поисках противника.

Заметив мучения Маховика, пещерник рявкнул:

— А ну посторонись!

Механик едва отшатнулся, как Шестерня ударил. Зло свистнула секира, с жалобным звяканьем отлетели куски замка. Маховик исчез в проеме, а пещерник одним прыжком вернулся к бортику, откуда, как раз, показался Дерн. Облапив болотника, Шестерня рванул, помогая товарищу, после чего, объединенными усилиями, они подхватили Золу, одним движением выдернули вверх, едва не перебросив через противоположный бортик.

Себя вскрикнула, бросилась на корму, где из-за бортика поднялась чья-то голова, с силой ударила. Голова исчезла, что-то с шумом обвалилось, донесся болезненный вскрик. Наемники рассредоточились по ладье, заняли оборону. Огоньки факелов приблизились, окружили ладью огненным кольцом, по доскам обшивки забарабанили десятки рук, раздались ликующие вопли.

Сняв котомку, и поглядывая за борт на волнующееся море огней, Дерн глубокомысленно изрек:

— Надеюсь, им не придет в голову подпалить ладью...

— Не думаю, — задумчиво бросил Зола, глядя, как Шестерня сшиб за борт очередного воина. — Разве только, мы их сильно разозлим.

Освободившись от сковывающей движения ноши, Дерн сказал кротко:

— Значит, надо постараться не злить.

В недрах ладьи чавкнуло, загудело, словно, где-то внутри разом пробудились от спячки множество суровых пчел, и почти сразу же, послышался отрывистый приказ, преследователи устремились в атаку. Над бортиками одновременно возникли десятки голов: пылающие злобой глаза, перекошенные яростью лица. Ударили невидимые за снегопадом лучники, но побоявшись попасть в своих, взяли слишком высоко, и стрелы прошли над головами, не причинив наемникам ущерба.

Дальнейшее слилось в сплошной кошмар. На ладью бесконечным потоком полезли воины, будто где-то рядом распахнулись врата в мир демонов, исторгнув сонмища закованных в сталь бойцов. Засверкал металл, на заснеженные доски палубы брызнули капли дымящийся крови, обильно пятная снег черным. Несколько воинов, пораженные в головы, исчезли за бортом, но их место тотчас заняли другие. Распаленные гибелью товарищей, преследователи разъярились так, что, казалось, забыли о боли. Не обращая внимания на раны, бойцы переваливались через борта, устремляясь на наемников, едва ли, не с голыми руками.

Себя мечется, словно молния, вот она отбивает изогнутым клинком острие

направленного в грудь меча, короткий звон, сталь высекает снап искр, подземница тенью проносится дальше, а противник в удивлении замирает, и лишь спустя несколько долгих мгновений, тело безвольно заваливается. Молодецки ухая, машет секирой Шестерня, вкладывая в удар столько сил, что, даже прикрывшись щитом, враг не выдерживает, гремя доспехами, вылетает за борт. Окруженный вихрем металла, движется Мычка, руки напоминают смутные тени, настолько быстро удары сменяются один другим. Вершинник не останавливается ни на мгновение, непрерывно перемещаясь от одного бортика к другому.

Болотник бьет коротко, но страшно. Утонувший в огромном кулачище, кистень кажется маленьким и безобидным, но горе тому, кто обманется иллюзией. Вслед за неспешным движением кисти, связка шипастых шаров выстреливает, как из катапульты, проминая прочнейшие доспехи, а незащищенную плоть, превращая в сочащуюся кровью и сукровицей слизь.

Среди всеобщего хаоса, лишь одна фигура недвижима. Возле рубки, прижавшись спиной к гладкой поверхности обшивки, застыл Зола: густые, как у филина, брови сошлись на переносице, руки растопырены в незавершенном жесте. Больше похожий на памятник, нежели на живого человека, маг, как будто, отрешился от битвы, пребывая мыслями далеко от места сражения. Ветер утих, но седые космы развиваются, балахон вспухает пузырями под порывами магических энергий, глаза мага удерживают в поле зрения товарищей. Время от времени его пальцы чуть заметно шевелятся, складываясь в странные символы, и, одновременно, то над одним, то над другим наемником вспыхивает, и тут же гаснет слабое сияние, а пущенная особо метким лучником стрела отклоняется с пути, унося притаившуюся на острие невидимую смерть в пустоту.

Доски палубы черны от крови, повсюду разбросано оружие и обрубки конечностей, но нападающие будто забыли о страхе, или тот, кто отправляет их, настолько страшен, что лучше умереть в бою, чем, проявив осторожность, остановиться, попытавшись оценить ситуацию? Жалобно вскрикивает Себя, движения подземницы замедляются, со лба, заливая лицо черным, течет кровь. Мычка отбивается лишь одной рукой, вторая свешивается бессильной плетью, с трудом удерживая меч.

Шестерня перехватил секиру обоими руками, щит лежит неподалеку искромсанным куском, но уже не слышно молодецкого уханья, а на лице проступила смертельная усталость. Дерн, по-прежнему, бьет короткими точными ударами, словно только что вступил в бой, но кольчуга в нескольких местах разорвана, меж разошедшихся колец вспухают кровавые пузыри.

Пинком свалив за борт очередного противника, Мычка отскочил, воскликнул в ярости:
— Когда же мы взлетим?

Зола повернул голову, на вершинника взглянуло почерневшее, высохшее лицо, словно маг разом постарел на десять лет, прошептал чуть слышно:

— Ты, по-прежнему, веришь?

Мычка с силой дернул рукой, с жалобным звяканьем направленная в грудь мага стрела переломилась, наткнувшись на клинок, крикнул с болью:

— Но ведь мотор работает, Маховик у руля!

Зола закрыл глаза, его шатнуло, но, собрав остатки сил, вновь открыл, произнес сурово:

— Не будь наивным. Хватит и одного Шестерни. Шум лишь видимость. Маховик никуда не собирался, это было ясно изначально.

Послышался хриплый голос Шестерни:

— Ребята, а ну, подсоби! Осталось продержаться — всего чуток!

Маг невесело улыбнулся, не глядя, выбросил руку в сторону. Перебравшийся через борт незамеченным, и теперь подкрадывающийся воин вспыхнул факелом, заметался, освещая пространство палубы зловещим светом, пока Дерн сильным ударом не вышиб несчастного за борт.

Рядом возникла Себия, бросила сухо:

— Я все слышала и согласна с Золой. Жить нам осталось недолго, но предатель должен умереть.

Глядя, как подземница решительно направляется в рубку, Мычка открыл рот, но так ничего и не сказал. Правда казалась, слишком очевидна, чтобы спорить. Механика принудили силой, и он воспользовался представившейся возможностью, чтобы отплатить тем же. Вздохнув, вершинник кивнул, отвернулся.

С носа ладьи послышались вопли. Перехлестнув бортики, враги заполнили палубу, заметив противников, загомонили, сперва удивленно, а затем, все более зло. Никто и не думал, что воздушный корабль удерживает всего несколько воинов. Подбадривая друг друга, нападающие двинулись вперед, уверенные в скорой победе.

Угрожающе воздев секиру, Шестерня отступил к товарищам, готовый разmozжить голову первому, кто решится напасть. Рядом, и чуть позади, встал Дерн, прикрыв пещерником, как живым щитом, израненный бок. В предвосхищении конца Шестерня зарычал, нагнетая ярость, к нему присоединился Дерн, а следом и Мычка. Последним оскалился Зола, но вместо звуков из груди мага вырвался лишь едва слышный хрип.

Незаметный за шумом битвы, гул постепенно усиливался, и в тот миг, когда наемники рванулись в последнюю атаку, ладья дрогнула. Боясь, что почудилось, Мычка взглянул на товарищей, Зола поджал губы, Дерн глубоко вздохнул. Шестерня опустил секиру, счастливо пробормотал:

— Я знал, что Маховик не подведет.

Качнувшись, ладья пошла вверх и в сторону. Нападающие на мгновение застыли, на их лицах проступила растерянность, быстро сменившаяся страхом. Пока ладья находилась на земле, а позади, напирали, готовые помочь товарищи, бой шел к закономерному концу. Сейчас же, ситуация изменилась. Они оказались наедине с чужаками, что впятером положили, едва ли не вдесятеро превосходящий численностью отряд. Подгоняемые страхом, бойцы ринулись в атаку, чтобы смять, втоптать, разметать чужаков, пока те, каким-нибудь чудесным образом вновь не восстановили силы, ведь не иначе, сами демоны помогают неведомым убийцам, что, играючи, отбивались от вдесятеро превосходящих сил.

Из рубки высунулась Себия. Взгляд подземницы метнулся поверх голов нападающих, пронзив тьму, а губы изогнулись в ухмылке.

Себия крикнула так, что заложило уши:

— Наземь!

Измученные настолько, что ни у кого не возникло желания переспрашивать, наемники повалились на палубу, не обращая внимания на подбегающих противников. Решив, что чужаки сдаются, воины зарычали громче, бросились, чтобы добить поверженных. Раздался хруст, от жуткого скрипа заломило зубы. Крики радости сменились воплями ужаса и страха. Над палубой будто пронесся короткий смерч, и все стихло.

Мычка повернул голову, взглянул сквозь прищуренные веки, затем открыл глаза, сказал неверяще:

— Они исчезли!

Следом поднял голову Дерн, осмотревшись, произнес задумчиво:

— Действительно исчезли.

— Но как? — едва слышно выдохнул Зола.

Себя произнесла со смешком:

— Дерево. — Ощувив немой вопрос друзей, уточнила: — Не знаю, специально, или сослепу, Маховик прогнал ладью сквозь дерево. Их попросту смело ветвями.

Мычка хихикнул, охнув, схватился за бок. Закрыв глаза, Дерн растянул губы в улыбке, гулко захохотал. Следом, присоединяясь к общему веселью, засмеялся Шестерня. Зола некоторое время сдерживался, хмурил брови, но и он не выдержал, улыбнулся. Лежа на палубе, наемники улыбались, дышали полной грудью, ощущая, как в легкие вливается столь привычный, и, в то же время, сладостный воздух победы.

Из рубки, едва видимый в наступивших сумерках, высунулся Маховик, окинув взглядом палубу, сказал ворчливо:

— Прошу прощения за задержку. Эти бездари разомкнули контакты питания. Пришлось повозиться, чтобы поднять посудину в воздух.

— А мы, было, решили, что ты задержался нарочно, дабы местные нас успели вразумить, — бросил Мычка, поднимаясь на ноги.

Механик посопел, сказал сердито:

— Признаюсь, была такая мысль, но вовремя отогнал, не поддался искушению. — Он вздохнул, обронил тяжко: — Чужак я тут, что ни говори. Хоть и взяли без вопросов, и до работы допустили, а все ж, как на говно, смотрят. Если ты не вершинник — значит второй сорт, хоть из кожи вылез, ничего не изменишь.

Себя поднялась следом за Мычкой, сказала сумрачно:

— Хорошие слова. Рада, что не успела спуститься.

— Куда спуститься? — не понял механик.

— К тебе, — произнесла подземница, сверкнув глазами.

Маховик сглотнул, тяжелый взгляд девушки сказал больше, чем любые слова, прокашлявшись, спросил чуть слышно:

— Теперь что? Идем назад, или...

— Или, — с нажимом произнесла Себя. Поискав глазами, зловеще сказала: — Где-то здесь должен быть подземник... У меня к нему кое-какие вопросы. Как только я получу ответы, тут же укажу направление.

— А если он не скажет? — поинтересовался Маховик раньше, чем осознал неуместность вопроса.

Подземница улыбнулась так, что механик отшатнулся, сказала с жуткой улыбкой:

— Скажет. Мне он скажет все, даже то, чего не знает.

— Да погоди ты, дай дух перевести! — взмолился Шестерня. — Дерна изрубили, Зола почти не дышит, сама едва стоишь, того и гляди, без чувств — грохнешься.

— Дело не закончено, — упрямо произнесла Себя. — Сперва задание, остальное после.

Проследив, как подземница пошатываясь, двинулась вдоль палубы, вглядываясь в разбросанные повсюду тела, Шестерня покачал головой. Упорство девушки порой ставило пещерника в тупик. Относясь к жизни просто, Шестерня не понимал подобной жертвенности, считал, что любому делу свое время, если сейчас что-то не получается, то

обязательно выйдет позже, и надрываться ради сомнительной выгоды, как можно быстрее расправиться с заданием, считал глупым и бессмысленным занятием.

Шестерня хотел еще что-то сказать, но Дерн тронул пещерника за плечо, сказал глухо:

— Оставь ее, лучше помоги найти котомку. Что-то я с трудом вижу, не иначе — по голове приложили.

Глядя на изрубленное плечо и бок товарища, Шестерня сказал натянуто бодро:

— Сейчас, сейчас. Вот только на ноги встану. А что до головы... — он хохотнул. — Так то не рана — просто стемнело. Я и сам, едва вижу.

Пещерник с трудом встал, двинулся в темноту, откуда вскоре вернулся, волоча за собой котомку. Пока Дерн выкладывал зелья, Шестерня с Мычкой бродили по ладье, осматривая тела павших. Пещерник обшаривал карманы, а Мычка мельком осматривал тела, и, если замечал признаки жизни, наносил короткий добивающий удар в шею, после чего, шел дальше.

Закончив, Мычка вернулся, следом подошел Шестерня. К этому моменту Дерн уже разложил перед собой горшочки и колдовал с зельями. В тусклом свете фонаря, вынесенного Маховиком из недр ладьи, болотник казался зловещим демоном, отдыхающим после чудовищной битвы: зеленоватая, почти черная во тьме, кожа головы бугрится свежими рубцами, руки, грудь и даже лицо покрыты слоем запекшейся крови, кольчуга разорвана во множестве мест.

Дерн поднял голову, оглядев товарищей, поинтересовался:

— Чего мнетесь? Подходи по одному, разберусь с вашими царапинами, а потом, можно и собой заняться.

Дикий, исполненный боли крик резанул по ушам, заставив наемников вздрогнуть. Дернувшись всем телом, Мычка стремительно обернулся, но в царящей в дальней части ладьи черноте смог разглядеть лишь смутное шевеление. Вопль повторился. Наполненный страданием, он вызывал ужас, и, одновременно, острую жалость, столько муки было в надрывном, почти нечеловеческом крике.

Шестерня тронул Мычку за локоть, сказал мрачно:

— Давай, не тяни. У нас лекарь сейчас свалится.

Дерн добавил в тон:

— Действительно, поторопись, как-то мне не очень хорошо. А что до крика — не обращай внимания. Себя задает вопросы...

Все время, пока болотник замазывал раны, а потом отпаивал товарищей зельями, вопли звучали почти непрерывно, сперва, громкие и пронзительные, постепенно теряли силу, слабели, под конец, превратившись в сдавленные хрипы. Когда, закончив с ранами товарищей, Дерн приступил к своим, из тьмы появилась подземница. Устало опустившись на щит, девушка некоторое время молчала, не мигая, уставившись на фонарь, после чего произнесла:

— Он был столь добр, что поделился со мной знанием. Узников перехватила гильдия одного из многочисленных княжеств подземников. Наш путь лежит на восток.

Шестерня проснулся от дробного стука, прислушавшись, с удивлением обнаружил, что стук издают его собственные зубы. Небольшая рогожка, найденная среди прочего хлама в трюме ладьи, почти не согревала, и холодный ветерок легко продувал ветхую ткань, вытягивая из тела остатки тепла. Пещерник попытался подняться, но заледеневшие мышцы не слушались. Сделав несколько безуспешных попыток, Шестерня, наконец, сел, открыл глаза. Низкие тучи, за время пребывания на острове ставшие уже привычными, рассеялись, над головой выгнулся иссиня-черный купол неба, стремительно светлеющий в лучах восходящего солнца.

Ощувив давление в животе, пещерник встал, воровато оглянувшись, двинулся в дальний конец ладьи. Но, едва он сделал шаг, нога наступила на мягкое. Раздался вопль, до того — незаметная, куча лохмотьев зашевелилась, обратившись Золой. Маг уставился на пещерника, сказал зло:

— Тебя прямо сейчас поджарить, или позже, когда придет время завтракать?

Втянув голову, Шестерня шмыгнул на нос ладьи, скрывшись от гнева товарища за непонятной конструкцией, забранной промасленной плотной тканью. Проводив пещерника хмурым взглядом, Зола поежился, с натугой встал. Тело отозвалось такой болью, что маг закусил губу, чтобы не вскрикнуть, постоял, пережидая, пока перед глазами перестанут маячить разноцветные круги, крохотными шагами двинулся по кругу, разминая окоченевшие мышцы, и прислушиваясь к внутренним ощущениям. Но, не то, сыграл роль крепкий сон, не то, оказали действие зелья болотника, за исключением жгучего голода и легкого головокружения, иных неприятных эффектов Зола так и не обнаружил.

Зашевелились, просыпаясь, остальные: гулко зевнул Дерн, трясаясь, словно лист на ветру, поднялся Мычка, сонно поглядывая по сторонам, выбралась из-под тряпок Себия. Вершинник закашлялся, просипел простужено:

— Еще немного, и я превращусь в ледышку.

— Действительно, костер бы не помешал, — отозвалась Себия. Лицо подземницы посерело, словно подернулось пеплом, девушку била крупная дрожь.

Зола повертел головой, присматриваясь, задумчиво протянул:

— Костер организовать не сложно, был бы материал под рукой. Да только здесь особо не разбежишься. — Взгляд мага остановился на надстройке, он произнес в сомнении: — Разве только рубку спалить...

В этот момент дверь рубки отворилась, из проема вышел Маховик, поинтересовался с недовольством:

— Это кто тут собрался мне ладью палить?

— Не ладью, а рубку, — насмешливо протянул Мычка. — Все одно, с нее толку нет, а так, хоть согреемся.

— Солнце встанет — согреетесь, — мрачно бросил механик.

— Так, когда оно встанет? — бодро поинтересовался Шестерня. Пещерник вернулся к товарищам повеселевший, и, судя по прояснившемуся лицу, преисполненный желания поговорить.

— Я вот сейчас в трюм спущусь, да ладью пару раз крутану вокруг оси, — пообещал Маховик. — Живо согреетесь.

— Так мы разобьемся! — воскликнул Шестерня, закрыв лицо в притворном ужасе.

— Вода смягчит падение, — бросил Дерн от бортика, где уже некоторое время стоял, обозревая окрестности.

Заинтересованные, наемники подошли к бортикам, вгляделись в открывшееся зрелище. Вокруг, насколько хватает глаз, простирается безбрежная водная гладь, могучие валы, что сверху, больше похожи на мелкую рябь, неспешно вздымаются, перекатываясь в бесконечном движении, вздымаемые чудовищными обитателями глубин взлетают фонтаны брызг, вода курится паром.

Мычка обернулся к механику, стоящему скрестив руки на груди на прежнем месте, спросил с удивлением:

— Ты сбился с курса? В прошлый раз мы преодолели море намного быстрее. Прошла ночь, настало утро, а я не вижу даже намека на берег.

Механик пожал плечами.

— В облаках много не налетаешь, а небо очистилось не так давно.

Себя поинтересовалась:

— Ты хочешь сказать, что все это время мы ползли, как черепахи?

— Конечно, — Маховик пожал плечами. — Мало приятного с разгону наскочить на скалу или высокое дерево.

Подземница вздохнула.

— По крайней мере, у нас есть время. Преследователи, если каким-то образом они выбрали верное направление в тумане, вряд ли шли быстрее нашего.

Шестерня взъерошил бороду, задумчиво изрек:

— Живущие в глубине горных кряжей пещерники знают ведущие к поселенью тропки и проходы так, что могут пройти по ним с закрытыми глазами, не заплутав и не набив ни одной шишки о многочисленные выступы породы. — Перехватив недоумевающие взгляды товарищей, Шестерня объяснил: — Это я к тому говорю, что, может, мы их и опередили, но надо быть настороже.

Солнце взошло. Горизонт вспыхнул, словно, раскаленная болванка, принявшая на себя, удар кузнечного молота. Сразу стало теплее. Наемники повернулись к светилу, исстрадавшиеся по теплу, замерли, вбирая благодатные лучи. Омытый водами океана раскаленный шар неуклонно поднимался, насыщая мир светом и пробуждая жизнь во всех ее удивительных формах.

С поверхности моря исчезла туманная вуаль, из воды, радуясь наступлению утра, начали выпрыгивать стайки рыб, белесые наросты инея на обшивке ладьи потемнели, оплыли каплями, что тут же стали испаряться, и вскоре, уже вся палуба парила, избавляясь от скопившейся за ночь влаги.

Шестерня порывлся в заплечном мешке, вытянув кусочек вяленого мяса, закинул в рот, смачно зачавкал. Покосившись на пещерника, Мычка громко сглотнул, потянулся за своим мешком. Дерн укоризненно взглянул на Шестерню, произнес, обращаясь ко всем разом:

— Пользуясь случаем, предлагаю позавтракать. Конечно, если у вас есть аппетит...

Повторять не потребовалось. Усевшись кружком, наемники принялись перетряхивать мешки, отыскивая запасы съестного. На импровизированном столе, в виде свернутой вчетверо рогожи, появились куски поджаренного мяса, пучки трав, горстка сухарей, белым холмиком выросла соль, тут же расположились красноватые стручки перца. В довершение картины на "столе" возник бурдюк с хмелем.

Маховик пару раз выглядывал из рубки, но, обнаружив, что трапеза продолжается,

скрывался. На третий раз, увидев механика, Дерн поморщился, кивнул, указывая на свободное место подле. Механик вновь исчез, но короткое время спустя, появился с зажатым под мышкой небольшим бочонком и связкой копченых свиных ушей.

Отведав вина, Шестерня причмокнул от удовольствия, с чувством произнес:

— А ты запасливый: и хмель хорош и закуска!

Маховик потряс головой, возразил:

— Я-то запасливый, да только не с вами. Из дома, на ночь — глядя, сорвали, только и успел, что портки ухватить. А это в трюме нашлось. Не иначе, на сей ладье — персон важных возили.

Закончив с завтраком, Шестерня сытно рыгнул, окинув взглядом Дерна, произнес с укоризной:

— Что ж ты за доспехом не следишь? На кольчуге дыр больше, чем на лохмотьях бедняка, не защита — название одно. Скидывай, подлатаю по быстрому. Да и вы хороши, — бросил пещерник спутникам. — Кожаный доспех, он особого тщания требует, а у вас что: швы поразошлись, лямки на честном слове держатся...

Беззлобно ворча, Шестерня вытряхнул из мешка груду инструментов, среди которых наемники смогли опознать лишь короткий нож с толстым лезвием, да небольшой молоточек, все остальные устройства казались столь сложными, что, недолго поломав головы, спутники оставили тщетные попытки.

Зазвенел металл, закрипела кожа, и вскоре, возле Шестерни выросла изрядная куча доспехов. Сам же пещерник вооружился инструментами, с видом мастера принялся священнодействовать, время от времени, прихлебывая мелкими глотками из бурдюка.

Солнце поднималось все выше, постепенно прогревая воздух. В обнесенном бортиками пространстве ладьи, защищенном от ветра, стало жарко, и, разморенные теплом и бездельем, наемники разбрелись по судну, наслаждаясь моментом отдыха и расслабленности. Дерн, по обыкновению, занялся зельями. Зола разложил перед собой карту, к нему тут же подседа подземница, с интересом принялась вглядываться в переплетения линий и значков. Мычка улегся на спину, закинув руки за голову, замер, прислушиваясь к неторопливой беседе товарищей.

Маховик, в очередной раз, вышел из рубки, остановившись подле мага, прищурился, взглянул на карту. Не поднимая головы, Себя негромко произнесла:

— Вчера я указала направление.... Надеюсь, мы не сбились с курса?

Маховик ответил насмешливо:

— Даже если и сбились — недолго выровнять. Скажи лучше, куда именно направляемся, а то, если место мелкое, можно и мимо пролететь, не заметить.

— Мимо не пролетишь, не иголку в стоге сена ищем, — усмехнулся Зола. — Княжества те хоть и небольшие, да только много их, одно на другое налезает.

— А заметить помогут, — сумрачно добавила Себя. — Наездники на ящерах не побрезгуют, сами подлетят.

Звякнуло. Окинув работу критическим взглядом, Шестерня отложил кольчугу, сказал ворчливо:

— Готово. Разбирайте свои обноски, глаза бы мои на них не глядели. И как у вас смелости хватает в подобном в бой лезть — ума не приложу.

Наемники неторопливо потянулись к пещернику, принялись разбирать вещи, с удовольствием отмечая, что расползавшиеся нити подновлены, а успевшие образоваться

прорехи, стянуты прочной нитью. Дерн поднял стальную рубашу, внимательно оглядев, сказал с уважением:

— Точно помню, не то в трех, не то в пяти местах звенья посыпались, а где именно — и не разгляжу. Кольчуга словно новая.

Шестерня польщено хмыкнул, отмахнулся.

— Уж не до хорошего. Собрал кое-как, большего без кузницы не сделать. Продержится сечу-другую, и то ладно.

Маховик, меж тем, подошел к бортику, некоторое время всматривался вдаль, приложив ладонь козырьком ко лбу, поинтересовался:

— Может, нам за этими взять?

— А кто там? — занятый картой, без интереса откликнулся Зола.

— Десяток летающих ящеров, может два, — замедленно ответил механик. — Ведь мы, все одно, в земли подземников летим. Рано или поздно, они нас туда приведут.

— А почему ты решил, что они к подземникам полетят? — удивился Дерн, оторвавшись от зелий. — Нешто, больше лететь некуда?

Маховик пожал плечами.

— Так, они со всадниками летят. А поскольку я не слышал, чтобы кроме подземников кто-то еще осмелился оседлать этих тварей...

Он еще говорил, а Себя уже оказалась рядом, хищно вгляделась в синеву небес. Следом подскочил Мычка, прикипел взглядом к едва видимым точкам. Подошел и Шестерня, мгновение всматривался в едва видимые точки, сказал неуверенно:

— Не наши ли вчерашние знакомцы?

Мазнув взглядом по небосклону, Зола произнес ворчливо:

— Что вы там вообще видите? На таком расстоянии, что ящеры, что вороны — захочешь, не отличишь. Подлетайте ближе, да рассматривайте на здоровье.

— Вороны посреди моря не летают, — назидательно заметил Мычка.

— А может и правда, — Шестерня рубанул рукой воздух, — подлетим, посмотрим. Что гадать?

Взгляды обратились на механика. Тот помялся, сказал с сомнением:

— Подойти можно, да только и пяток воинов на ящерах способны сильно осложнить полет, а их там раза в три больше.

— А это тебе на что? — Шестерня ткнул пальцем в забранную тканью конструкцию на носу. — Я помню, как с помощью подобных штук пара ладей в считанные мгновения разнесли небольшую твердыню.

— А ты умеешь ей управляться? — едко поинтересовался механик. — Одно дело, палить в неподвижную цель, да еще размером с башню, и совсем другое — попасть в мечущегося ящера.

Дерн поднялся, неторопливо подошел к предмету спора, и одним сильным движением сбросил ткань. Похлопав по металлическим пластинам, покрывающим удивительное оружие подобно панцирю, болотник повернулся к товарищам, сказал уверенно:

— Вот, в бою и проверим. Не для красоты же это установили.

Спокойствие Дерна действовало убеждающее. Маховик скрылся в рубке, а наемники засобирались, готовясь к возможному бою. Ладя накренилась, легла на бок, меняя курс. Далекие точки ящеров сдвинулись, поплыли, перемещаясь к носу, пока не оказались точно напротив орудия, где и застыли.

Ладья заметно прибавила скорости, ветер завыл громче. Далекие точки беглецов начали увеличиваться, обрастать деталями, так что, вскоре стали различимы восседающие на спинах ящеров наездники. Благодаря широким кожистым перепонкам, ящеры почти не взмахивают крыльями, парят, держась в воздухе столь же уверенно, словно попирают лапами земную твердь.

Залюбовавшись ящерами, выстроившимися в клин, словно стайка гусей, Шестерня произнес задумчиво:

— Никогда бы не подумал, что подобных зверей можно приручить. От одного вида оторопь берет, а уж подойти, и, тем более, сесть на спину...

— Многие звери, несмотря на грозный вид, легко приручаются, — назидательно произнес Мычка.

— А если ему во время полета — пожрать приспичит? — с содроганием произнес пещерник. — Ему же без разницы, что глотать: птица ли, зверь какой. Хозяина сожрет — не заметит.

Мычка пожал плечами, сказал в затруднении:

— Вероятно, их кормят до полета, а может, и во время.... Хотя, не думаю. Обожравшись, зверь становится ленивым и неповоротливым.

— Вот, и я о том же, — озадаченно произнес Шестерня. — Это ж, какую смелость надо, на такую страхолудину взгромоздиться. Или они что жуют перед полетом...

Себя повернула голову, поинтересовалась с удивлением:

— Что ты имеешь в виду?

Шестерня ухмыльнулся, сказал со странной интонацией:

— Как о ратных подвигах рассуждать, тут все горазды, но когда доходит до дела, не у всех достаёт смелости: у кого руки дрожат, кто с места сдвинуться не может, а иные и того хуже, портки мочат. Но, получается так, что, хочешь — не хочешь, а все одно приходится. С опытом да возрастом это проходит, но не у всех. Каждый раз так мучаться мало кому по нраву, вот и отыскивают, как бы природу свою обмануть, да смелости набраться.

Есть такие травки, Дёрн не даст соврать, что если пожевать, или отвар сделать, начисто страх снимают. Пожевал такое, и все одно — что одному супротив пятерых биться, что ночью на погост.

— Про пятерых понятно, а на погост-то зачем? — ехидно поинтересовался Зола.

— Так, там девки встречаются, — ответил за пещерника Мычка.

— Какие девки? — Себя распахнула глаза, вглядываясь в подозрительно честное лицо вершинника.

Мычка пожал плечами.

— Обычные. Как и везде. Разве что неразговорчивые, так, это не беда, зато, и слова против не скажут, если полежать рядом захочешь, ну, или еще что... — он насмешливо взглянул на Шестерню.

Глядя, как лицо подземницы искажается отвращением, Шестерня сплюнул, проворчал с досадой:

— Что бы доброе сказал. Я же, о другом реку. Как себя заставить на такое страшилище взгромоздиться!

Мычка произнес понимающе:

— Так вот, я и удивляюсь. Она ж холодная, склизкая, и пахнет, наверное...

Обрадованный поддержкой, Шестерня сказал с подъемом:

— Точно! Зеленая, скользкая и пахнет. Жуть одна.

Дерн задумчиво произнес:

— Согласен, бывает, подкатывает так, что и на хромую готов залезть, и на беззубую, но чтобы на зеленую и с душком..., я бы не решился. — Он помолчал, уважительно взглянув на Шестерню, добавил: — Думаю, не решился бы, даже с травой.

Не обращая внимания на ухмылки товарищей, Шестерня польщено улыбнулся, сказал доверительно:

— Это ничего. Ежели, придется трудно, обращайся, я научу, как страх преодолевать. У меня по этой части большой опыт.

Дерн поперхнулся, поспешно произнес:

— Благодарю за предложение, но, пожалуй, воздержусь. Все ж таки, зеленая и с душком это слишком, даже для меня.

Пещерник с удивлением посмотрел на побагровевшие от сдерживаемого смеха лица спутников, пожав плечами, отвернулся, некоторое время разглядывал цепочку ящеров, замедленно произнес:

— Может, мне всего лишь кажется, но, похоже, они нас заметили.

Когда он обернулся, улыбки, словно ветром сдуло. Лица друзей стали сосредоточены, а взгляд обращены вперед, туда, где, разворачивался клин ящеров, перестраиваясь в боевой порядок.

ГЛАВА 9

Из рубки вылетел Маховик. Судя по сведенным бровям и сжатым в полоску губам, механик собирался сообщить нечто важное, но взглянув на наемников, понял, что опоздал с известием, бросил короткое:

— Будет бой. Постарайтесь не подходить к бортикам.

Заметив, что Маховик собирается вернуться обратно в чрево ладьи, Зола поинтересовался:

— А что, насчет орудия? Можем ли мы его использовать?

На лице Маховика отразилось сомнение. Мгновение помедлив, он кивнул, сказал сердито:

— Боюсь, вы ни во что не попадете, а скорее, выведете орудие из строя, но... попробуйте. У нас не такое большое преимущество, чтобы отказываться от пусть даже призрачной, но возможности: не попадете, так напугаете.

Проводив механика взглядом, Шестерня ревниво бросил:

— Парень немного забылся, решив, что лишь он разбирается в машинах.

Дерн кивнул на установку, спросил коротко:

— Разберешься?

Вместо ответа, пещерник подошел к орудию, мгновение раздумывал, глядя на многочисленные ручки и рычажки, взявшись за один из рычажков, потянул, покрутил пару ручек, после чего, повернул голову, бросил снисходительно:

— Азы механики. Не знаю, чем она стреляет и как заряжается, но управление осилит и ребенок.

Болотник кивнул, сказал с удовлетворением:

— Будет нужна помощь — зови, а мы пока тут...

Подцепив с палубы кистень, Дерн шагнул к бортику, потоптался, примеряясь. Глядя на него, заняли приглянувшиеся места и остальные. Заскрипела кожа, зазвенел металл, наемники ощупывали себя, проверяя, удобно ли сидят доспехи, не ослабли ли закрепляющие ремни, легко ли выходит из ножен оружие. Вскоре звуки затихли. Наемники замерли в неподвижности, всматриваясь в приближающиеся точки врагов.

С десяток драконов развернулись, направились прямоком к ладье, остальные не изменили направления, и, судя по участвовавшим взмахам крыльев, даже ускорили полет. Приближаясь, ящеры быстро росли в размерах. Прошло совсем немного времени, и черные точки, сперва напоминаясь безобидных мух, увеличились, обросли крыльями: вытянутые в струну хвосты с шипами на концах напоминают огромные иглы, шеи непрерывно изгибаются, оскаленные морды поворачиваются то одним, то другим боком, оценивая добычу. На спинах рептилий едва различимы всадники, но пока слишком далеко, лица и элементы снаряжения протают немного позже, когда начнется бой, пока же, видны лишь смутные очертания фигур.

Шестерня, до этого момента, упоенно крутивший ручки управления, вдруг подхватил сброшенную Дерном ткань, принялся натягивать на орудие.

Зола покосился на пещерника, спросил с вялым сарказмом:

— Не осилил управление, решил убрать от греха подальше?

Не отрываясь от работы, Шестерня буркнул:

— Решил преподнести летунам подарочек. Достойного врага надлежит удивлять. Вот подойдут поближе, уверенные в неуязвимости, как же, что мы им отсюда сделаем, а тут — оп! — пещерник прищелкнул пальцами. — Такой нежданчик образовался.

Мычка спросил с сомнением:

— Полагаешь, они не заметят твою возню?

Закрыв последний угол и расправив ткань, Шестерня с удовольствием оглядел работу, сказал:

— Так-то лучше. А то, идем с открытым забралом, всяк рожу видит и оценивает: стоит нарываться, нет ли. Заметят или нет — вопрос другой. Наше дело — свою мощь прикрыть, чтобы противник до последнего не знал, с кем связывается.

— Что-то не верю я, что ребята эти ни разу с ладьями не сталкивались, — проворчал Зола.

Словно подтверждая слова мага, идущий до этого ровной линией отряд ящеров разделился, образовавшиеся группы пошли по широкой дуге, беря ладью в клещи. Шестерня огорченно крикнул, пробормотал:

— Секиру Прародителя им в печень, вот ведь, незадача.

Мычка хотел сказать что-то успокаивающее, но в это время, противники атаковали. Ящеры пронеслись над ладьей, словно ураган, едва не сбросив наемников, упавших под прикрытием бортиков в самый последний момент. Метнувшись к Золе, что, судя по выражению лица, вовсе не собирался прятаться, Мычка с силой рванул мага, пригнул, упал рядом, лишь чудом избежав смерти, громадные, усаженные зубами-саблями челюсти с грохотом сомкнулись где-то рядом. Сверху рассерженно заревело, с силой взмахнув

крыльями, так, что вершинник ощутил, как на спину обрушился воздушный молот, ящер рванулся в небо, разгоняясь для очередного захода.

Выхватив мечи, Мычка вскочил на ноги, но тут же, вновь упал, уворачиваясь от копья. Черненное стальное навершие ткнулось в доски обшивки, прочертило глубокую борозду, отдернулось, выбросив фонтан щепы, наведенное умелой рукой, вновь ткнулось, на этот раз, значительно ближе. Мычка завертелся, с трудом избегая смертельного острия и выжидая лишь небольшой передышки, чтобы ринуться в атаку, но становилось только хуже. Зависнув над ладьей, ящер усиленно взмахивал крыльями, сбивая воздушным потоком с ног и затрудняя движения, наездник же, не переставая бил копьем, подогревая себя гортанными воплями.

С усилием, преодолевая воздушные кулаки, бьющие один за другим, и одновременно, уходя от копья, Мычка ощутил, что проигрывает в этом противостоянии: мышцы ноют, требуя передышки, пот застилает глаза, а сердце колотится так, что, еще немного, и выпрыгнет из груди, алым комком затрепыхается на досках палубы. И некому помочь, друзья заняты не меньше.

Удары прекратились, рядом с грохотом обвалилось копье. Отпрыгнув в очередной раз, Мычка повернул голову, сквозь муть и кровавые точки разглядел, как враг замедленно сползает с седла. На лице подземника застыло удивление, увлеченный боем, он пропустил момент, когда из шеи, обрамленная кровавыми ручейками, выросла рукоять метательного ножа. Ощувив, что что-то не так, ящер беспокойно завертел головой, рванулся в сторону, увлекая скособочившееся в седле, бессильное тело хозяина.

Мычка вымученно улыбнулся, кивнул, благодаря за спасение, кто-то не поленился, выкроил мгновение, чтобы помочь погибающему товарищу метким броском, хватая ртом воздух, и пошатываясь, двинулся к лежащим поодаль мечам, оброненным в ходе боя. Жутко скрежетнуло, словно по камню провели огромным ножом. Мимо, гремя, как брошенная на камни черепаха, пронеслось непонятное. Мычка отскочил, напряжился, готовый к защите.

Ударившись о борт, непонятное помянуло секиру прародителя, подхватившись, обернулось Шестерней, с ревом устремилось обратно. Жуткий скрежет повторился. Повернув голову, Мычка обнаружил источник звука. Один из ящеров, вцепившись в край бортика, понукаемый наездником, с остервенением рвет обшивку: увенчанные толстыми изогнутыми когтями лапы выстреливают, раз за разом, ударяя в одно и то же место, фонтаном разлетается древесная щепка, а защитные металлические плиты прогибаются, не выдерживая яростного натиска чудовища.

Пещерник подскочил к терзающему ладью ящеру, запрыгал, размахивая секирой. Один из взмахов достиг цели, ящер зло зашипел, отдернулся, из рассеченной лапы брызнуло бурое. Шестерня победно заорал, бросился вперед, занося оружие для решающего удара, но в этот момент, наездник что-то крикнул, и вместо того, чтобы улететь, ящер прижал голову к телу, а когда пещерник подскочил, ударил. Шея рептилии с силой выпрямилась, увенчанная костяной броней голова выстрелила, подобно кулаку опытного бойца, попав точно в грудь противнику. Шестерню сдуло, подземник же, довольно ухмыльнулся, повел поводьями, уводя ящера на безопасное расстояние.

Мычка похолодел, удар такой силы должен был выбить из пещерника дух, а то и вовсе, переломать кости, сорвавшись с места, подскочил к товарищу, затряс, возвращая к жизни. Шестерня шевельнулся, замедленно сел, ощупывая доспех на груди и очумело трясла головой. С облегчением выдохнув, Мычка с силой хлопнул пещерника по плечу, бросил с подъемом:

— Эк ты его! Вон, как улепетывает, остановиться не может.

Болезненно перекосив рожу, Шестерня едва слышно выдохнул:

— Разве? А я уж решил, что это он...

— Ты, ты, — уверил Мычка. — Давай, вставай! А то разлежся — нашел время для отдыха.

Вершинник подскочил, пинком отправив выпавшую после сокрушительного удара секиру обратно владельцу, бросился на помощь Дерну, что замедленно отступал от идущего по пятам ящера, короткими хлесткими ударами награждая бестию каждый раз, когда тварь вытягивала шею, пыталась ухватить болотника пастью. Дерн действовал неспешно, и, как будто, лениво, но голова бестии покрылась кровавыми рубцами, а по кистеню обильно струилась кровь, разлетаясь веером алых брызг при каждом взмахе.

Издав предупредительный крик, чтобы болотник в запале боя не принял его за врага, Мычка присоединился к товарищу, и вдвоем, они живо вытеснили противника с ладьи, после чего, двинулись на помощь подземнице. Себии пришлось туго, над ней зависли сразу два ящера, и девушка совершала немыслимые кульбиты, уворачиваясь от бьющих копьями наездников и их питомцев, что, раз за разом, щелкали челюстями, норовя отхватить кусочек от мечущейся под ногами добычи. Заметив врагов, подземники нехотя отлетели.

Воспользовавшись передышкой, Дерн поинтересовался:

— Что с Золой?

Не в силах вымолвить, лицо Себии посерело от усталости, а грудь часто-часто вздымалась, насыщая тело воздухом, она мотнула головой, указывая куда-то за спину, в сторону рубки. Дверь надстройки оказалась распахнута настежь, а в глубине, наполовину завалившись внутрь, лежал Зола. Дерн нахмурился, двинулся было к товарищу, но, заслышав предупреждающий окрик Мычки, остановился.

Вновь зашумели крылья. Из-за бортиков вынырнули сразу шесть ящеров, надвинулись, заслонив небо крыльями, и болотнику стало не до ран товарища. Засвистели, рассекая воздух, копья, защелкали челюсти, взмученный могучими крыльями воздух взвихрился тугими струями, от звона металла вперемешку с яростным ревом зазвенело в ушах.

На этот раз, наездники действовали более слаженно. Убедившись, что противник не так прост, чтобы взять нахрапом, подземники атаковали сообща. Не спускаясь слишком низко, там, где оружие наемников могло причинить вред, подземники били сверху. Направляемые умелыми руками, копья выстреливают одно за другим, зазубренные наконечники вспарывают воздух, проносясь в опасной близости. Лица врагов сосредоточены, губы презрительно поджаты, глаза цепко удерживают фигурки суесящихся внизу противников, что вскоре, неминуемо станут добычей, не могут не стать, ведь всадник всегда в преимуществе над пешим, а уж если под седлом не абы что, а боевой ящер, так и вовсе.

Болезненно вскрикнул Мычка, копьё чиркнуло по предплечью, оставив за собой глубокую алую борозду, досадливо крикнул Дерн, из рассеченной когтистой лапой кожи на голове заструилась кровь, захрипела Себия, не в силах более выдерживать темп.

Надвигающийся вал из зубастых пастей, когтистых лап и острых копий кажется непреодолимым. Пока есть куда отступать, но ладья не безгранична, и вскоре, позади, отрезая путь к отступлению, возникнет бортик, за которым лишь пропасть. Товарищи еще стоят, защищаясь с боков и подпирая плечами, но силы не бесконечны, все медленней движения, все реже вздымаются руки, пытаясь нанести врагу, хоть какой-то урон, а в глазах, прикрытое пеленой ярости и гнева, протаивает бессилие.

Слуха касается негромкий треск, а глаза замечают неяркое свечение, но сил, чтобы разобраться, уже нет, как и желания. Возможно, под прикрытием ящеров враги готовят какое-то мощное заклятие, или, подожженная умелой рукой, пылает ладья. И уже не важно, упасть ли от безжалостной стали, или быть сраженным магическим огнем.

В сухой треск — вплетаются испуганные вопли, лица врагов, что мгновение назад улыбались, торжествуя победу, покрывает смертельная бледность, глаза в панике расширяются. Резкий, как от падающего дерева, хруст, ярчайшая вспышка. Воздух воспламеняется, тела охватывает безумный жар, кто-то жутко кричит, пространство вокруг заполняется облаком деревянного крошева, мелкой кровавой взвеси и раскаленных злых искр. Сознание плывет, не в силах вместить чудовищный хаос происходящего.

Дерн замедленно выбрался из кучи мусора, куда его отбросило непонятной, но могущественной силой. Зашевелился покрытый обгорелыми ошметками плоти ком, поднялся, превратившись в Мычку. Тут же, встала, сбросив с себя тлеющие доски, Себя.

— Что это было? — простонал Мычка, протирая слезящиеся от недавнего жара глаза.

— Похоже, они неудачно применили какое-то новое оружие, — пробормотала Себя, разглядывая дымящиеся куски обшивки и развороченные доски — все, что осталось от изящной надстройки.

— Не скажу, что особо новое, но в целом, да, не слишком удачно, — задумчиво бросил Дерн.

Ощув в словах болотника некую недосказанность, Себя повернулась, взглянула в направлении, куда, все это время, неотрывно смотрел Дерн. Удивляясь наступившей тишине, Мычка поспешно открыл глаза, всмотрелся. В десятке шагов, в носовой части, подбоченившись, с победным видом замер Шестерня, а рядом... Мычка сглотнул. Возле пещерника, развернутая вытянутой частью к корме, возвышается боевая установка, в глубине переливаются огоньки, металл тускло светится, еще не остывший после выброса чудовищной энергии.

Насладившись ошалевшими взглядами друзей, пещерник шевельнулся, похлопав по забранному металлом боку конструкции, довольно произнес:

— Хороша! Жаль раньше не додумался использовать. А уж, каков эффект. Врагов словно ветром сдуло!

— Эффект не плох, — согласился Дерн, оглядывая развороченную рубку и покореженные доски палубы. — Одному удивляюсь, как вместе с наездниками не сдуло нас. Шестерня обиделся.

— Я ж, не просто так. Сперва, приметился, а уж потом... — он сделал выразительный жест, призванный обозначить, что именно произошло потом.

Себя скептически оглядела вызванные действиями пещерника разрушения, сказала сдержанно:

— Если оно регулируется, не мешало бы взять повыше.

— И так сойдет, — отмахнувшись, беззаботно ответил Шестерня. — Глянь, как улепетывают!

Все посмотрели в указанную сторону, глядя на удаляющиеся точки ящеров, летящие вслед ушедшим вперед товарищам.

Зола, что успел выбраться из развалин рубки, и теперь, брезгливо отряхивал балахон, проворчал беззлобно:

— Хотелось бы верить, что их напугал ты, а не те три ладьи...

Послышался хруст, из обломков рубки выбрался Маховик, оглядевшись, хмуро произнес: — Вижу, вы успешно отбились. Поздравляю. Хотя, скажу по чести, не обязательно было настолько уродовать ладью. У меня на нее планы.

— У нас гости, — сумрачно бросил Мычка, кивнув на далекие пятнышки ладей.

Маховик без интереса мазнул взглядом в указанную сторону, отмахнулся.

— Они появились раньше, чем завязался бой, и до сих пор, не проявили интереса.

Себя удивленно взглянула на механика, сказала с нажимом:

— Ты говоришь об этом так спокойно, словно, они не представляют угрозы. Мы только что, едва отбились от десятка воинов, вооруженных лишь пиками. Что будет, если к нам подойдут несколько ладей с этим жутким оружием, одним выстрелом, из которого с палубы смело все живое!

Механик поморщился, судя по недовольному выражению лица и прикованному к разрушенной постройке взгляду, его мысли были далеко, сказал с досадой:

— Не думаю, что открою тебе глаза, но не обязательно на каждого встречного поперечного в драку кидаться. Никто нам не помешает при их приближении развернуться, и отправиться, куда следует. Можно это сделать прямо сейчас.

Маховик направился к рубке, но слова Дерна заставили его замедлить шаг.

— Княжества подземников лишь ориентир, — тихо произнес болотник. — Нам нужны всего три человека, вернее, уже двое, и они с ними.

Рука Дерна поднялась, уперлась в уносящихся ящеров, успевших удалиться настолько, что вновь превратились в мельтешащих на самом краю зрения мушек.

Механик нахмурился, его лицо стало заметно мрачнее, поколебавшись, произнес:

— Я много летал, и делал с ладьей такие трюки, от которых у наблюдателей стыла в жилах кровь, а у коллег по цеху лица сводило от зависти, но я и помыслить не мог, чтобы гоняться за небесными наездниками в их родной стихии, тем более пытаться отобрать добычу.

— Жизнь полна неожиданностей, — философски изрек Зола.

— Смелому: шахта — по колено, — хохотнув, добавил Шестерня.

— Заодно попробуем себя в качестве охотников, — с угрозой произнес Мычка. — Приелось быть в роли дичи.

Маховик хотел возразить, но, оглядев посуровевшие лица наемников, раздумал, нагнув голову, шагнул в окруженную развороченными досками, обугленную дыру — все, что осталось на месте рубки. Завибрировали разболтавшиеся доски обшивки, ставший привычным, и почти неслышимый гул усилился, чуть накренившись, ладья устремилась вперед, держа курс на размытые за серой рябью облаков, смутные тени ящеров.

ГЛАВА 10

Зашуршала бумага. Зола привычным движением развернул карту. Пошарив взглядом вокруг, маг отыскал место почище, где и разложил свое сокровище. Придавив края оказавшимися под рукой кусками обшивки, Зола склонился, всматриваясь в рисунок.

Заинтересовавшись, к магу присоединилась подземница, а вскоре подошли и остальные, принялись с интересом разглядывать изображение. Цепочкой бугров обозначены горные кряжи, мелкими черточками показаны бескрайние просторы леса с выющимися, подобно жилкам, руслами рек, многочисленные короткими полосками очерчены болота, а россыпь мелких точек указывает на пустыню.

— Жаль, не отмечены границы стран, — произнес Дерн. — Было бы гораздо проще сориентироваться.

— Да и разноцветные пометки мешают, — поддакнул Шестерня. — Куда не кинь взгляд — они повсюду.

Зола смерил товарищей хмурым взглядом, сказал с недовольством:

— Кому мешают — смотрите за борт. Море кончилось, и вы сможете полюбоваться необычайно интересным зрелищем.

— Там же сплошной лес, чем любоваться-то? — недоумевающе произнес Шестерня.

— Зато, значки не мешают, — едко бросил Зола.

Мычка сказал с расстановкой:

— Если не ошибаюсь, мы сейчас находимся здесь, — его палец уперся в карту, неподалеку от одинокой голубой пометки.

— Да, где-то в этом районе, — задумчиво пробормотал Дерн. — Не скажу, что хорошо ориентируюсь в картах, но, по-моему, именно эта горная гряда сейчас высится на виднокрае.

Наемники мельком взглянули в указанную сторону, убеждаясь в правдивости слов товарища. Вновь взглянув на карту, Себя произнесла:

— Княжества подземников начинаются здесь, — она провела пальцем, очертив невидимую границу. — Нам нужно настигнуть беглецов раньше, чем они смогут получить помощь от соплеменников.

— Так это совсем рядом! — воскликнул Шестерня, всплеснув руками.

— Не так уж и рядом, — буркнул Зола. — Мельчайшая точка на карте — почти день пешего пути. И хотя, мы идем далеко не пешком, но и до границ еще порядком.

— Какой помощи ты опасаясь? — осторожно поинтересовался Дерн, взглянув на подземницу.

Себя пожала плечами.

— Еще одного отряда. То, что подземники не используют ладьи, не делает их слабыми противниками. Нас, едва не растерзали пяток ящеров, что будет, если их станет на десяток больше?

Вспомнив бой, Мычка невольно передернул плечами, перед глазами, как живые, встали идущие стеной наездники: распахнутые пасти ящеров, угрожающе поблескивающие наконечники копий. Тряхнув головой, вершинник отогнал неприятное видение, сдавленно произнес:

— Не хотелось бы.

Шестерня фыркнул, сказал запальчиво:

— Это потому, что мы не использовали весь потенциал. В следующий раз, сперва применим оружие, а потом...

Покосившись на развалины рубки, Дерн насмешливо произнес:

— Боюсь, после этого, у летунов не останется работы.

Шестерня побагровел, сказал рассерженно:

— Вы мне еще понамекайте, понамекайте! Будете потом сами от этих тварей

отбиваться.

Себя тронула пещерника за плечо, сказала с обезоруживающей прямоотой:

— Ты молодец, спас всех. Еще немного, и мы бы не выдержали...

От такой откровенности пещерник тут же успокоился, его лицо разгладилось, а губы разошлись в широкой улыбке. Не в силах скрыть удовольствие от похвалы, он произнес примирительно:

— Вот так бы сразу. — Помолчав, добавил: — А что промахнулся маленько, так то, с непривычки. Там ведь, пока прицел настроишь...

Наемники вновь склонились над картой, лишь Мычка отвернулся, с тревогой взгляделся в силуэты ладей, что за это время, как будто увеличились в размерах. Закончив беседу, наемники разошлись: Дерн занялся зельями, Себя с Мычкой отошли к бортику ладьи, откуда принялись наблюдать за беглецами, Шестерня занялся орудием, лишь Зола остался недвижим. Не шевелясь и не моргая, Маг неотрывно смотрел на синюю пометку, куда, если верить карте, они с каждым мгновением неуклонно приближались.

— Мы их настигаем!

От возбужденного вопля Шестерни Зола дернулся, оглянулся, в глазах мага, еще мгновение назад пустых и невидящих, протаяло понимание, он подхватился, двинулся на нос ладьи, на ходу сворачивая и упихивая в заплечный мешок драгоценную схему.

Возле орудия суетился пещерник. Приплясывая от нетерпения, Шестерня, то и дело, прикладывался к врезанным в панель управления окулярам, раз за разом, подкручивал какие-то ручки, дергал за рычажки. Заслышав шаги, он повернулся, с предвкушением произнес:

— Сейчас подойдем ближе, получают по полной, секиру Прародителя в печень!

Не уточняя, в чьей именно печени Шестерня жаждал узреть секиру прародителя пещерников, Зола подошел к бортику, где уже стояли Мычка с Себией, встал возле. Впившись взглядом в висящих чуть впереди и ниже ящеров, маг замедленно произнес:

— Будем надеяться, они не решатся повторить нападение. В прошлый раз, атака оказалась столь стремительна, что, к своему стыду, я выбыл из боя в первые мгновения.

Мычка качнул головой.

— Не думаю. Своим чудесным выстрелом Шестерня не только разнес рубку, но и сильно обжег нескольких ящеров. Глянь на последних. Видишь, как тяжело взмахивают крыльями? Да и летят в самом хвосте, хоть и несут, в отличие от предыдущих двух, всего по одному всаднику.

Услышав слова вершинника, Шестерня бодро откликнулся:

— Раз все еще летят, значит, легко отделались. Но уж во второй-то раз, я постараюсь, не ударю в грязь лицом.

Себя шевельнулась, негромко произнесла:

— Нужно отойти. Если один из всадников решится напасть, ему потребуется, всего лишь, взять чуть выше и придержать ящера, как он окажется прямо здесь. Да и...

Себя оборвала себя на полуслове, скептически взглянула в сторону пыхтящего у орудия Шестерни, но товарищи отлично поняли, о чем умолчала подземница. Несмотря на хвалебные речи Шестерни, у каждого перед глазами еще стоял приснопамятный выстрел, которым пещерник разнес половину ладьи, и едва не спалил собственных товарищей.

Себя с Мычкой отошли в центр ладьи, чуть погодя, к ним присоединился и Зола. Дерн задержался возле пещерника. Посмотрев, как лихо Шестерня крутит ручки, отчего ствол орудия, как по команде, смещается то в одну, то в другую сторону, а то, начинает

поворачиваться и вся конструкция целиком, болотник сказал чуть слышно:

— Постарайся не попасть в узников. Не говоря о том, что будет жаль Найденыша, Себя тебя разорвет, а после, Шейла растерзает оставшееся... вместе со всеми нами.

Кивнув Шестерне, что задетый за живое, сперва вскинулся, но, смирив гордость, лишь, тяжело вздохнул, болотник отошел к остальным, скрестив руки на груди, замер.

Ладья клюнула носом, чуть снизилась, так, что ящеры оказались почти вровень, пошла шибче, отчего цели разом приблизились, укрупнились, представ во всем жутком великолепии. Поднимаются и опускаются огромные крылья, воздух закручивается спиралями, всадники подались вперед, так, что почти слились с телами ящеров, в фигурах проглядывает напряжение, будто, даже находясь на недостижимой высоте, ожидают коварного удара в спину.

Мычка нахмурился, произнес сквозь зубы:

— Почему они не оборачиваются? Неужели забыли, что по следам идет вооруженная ладья?

Зола пожал плечами.

— Дело привычки. В небе им нет соперников, вот, и летают без боязни.

— Но шум! — воскликнул вершинник. — Мы же шумим так, что и мертвый услышит.

Дерн пожал плечами.

— Кто как, а я сквозь свист ветра тебя-то слышу с трудом, не говоря о большем.

Себя покачала головой, сказала сумрачно:

— Нет, тут что-то другое. Они идут так, словно их кто-то подгоняет, или что-то...

— Например? — Зола взглянул на подземницу испытывающе.

— Например, приказ, — ответила Себя. — Они захватили нечто настолько ценное, что стремятся, не смотря на смертельную опасность, доставить это вовремя.

— Или кого-то... — эхом откликнулся Дерн, но слова прозвучали настолько тихо, что товарищи лишь покосились на болотника, не разобрав смысла.

Замерцало, разгораясь изнутри багровым, оружие. Спешно подкрутив ручку управления, Шестерня прильнул к окулярам, что-то дернул, нажал. Послышался нарастающий сухой треск. Полыхнуло. С кончика ствола сорвалась бардовая искра, унеслась вдаль. Попавший под выстрел ящер вспыхнул, как пропитанный маслом факел, почти мгновенно, прогорел насквозь, так, что вниз, оставляя за собой дымный след, рухнула груда обугленных костей.

Наемники затаили дыхание, с трепетом глядя на разрушительные последствия неведомого оружия. Несмотря на то, что сейчас оружие выступало на их стороне, помогая справиться с могучим противником, еще свежи были воспоминания о том, как подобным способом их, едва не уничтожили в воздушном бою. Да и висящие вдалеке силуэты неизвестных ладей не добавляли радости: в случае, если незваные гости проявят агрессивные намерения, придется принять бой, и вот тогда, чудовищную силу оружия придется уже во всей полноте ощутить на себе, отбиваясь от втрое превосходящего противника.

Наездники зашевелились, разом дернули руками, отчего ящеры замахали крыльями сильнее, наддали, пытаясь уйти от нависающей громады ладьи. Расстояние начало увеличиваться. Наемники впились взглядами в беглецов, невольно задерживая дыхания и сжимая кулаки в бессильной ярости: наездники удалялись, а вместе с ними, истаивала надежда на скорейшее выполнение задания и возвращение в гильдию.

Но горе преследователей, как и радость беглецов, длились недолго. Спрятанный в чреве ладьи механизм не исчерпал своих возможностей и на треть. Завыло громче, вздрогнув,

ладья начала разгоняться. Ветерок, что до того лишь мягко трепал волосы, усилился, взревев, словно раненый зверь, принялся выворачивать веки.

Чтобы устоять под напором воздуха, наемники поспешно отошли к бортикам, вцепились в выступающие части, опасаясь быть выброшенными, лишь Шестерня да Дерн не сменили положения: пещерника непробиваемым щитом прикрыло оружие, а болотник, лишь чуть расставил ноги, превратившись в подобие скалы, в своей неодолимой прочности, безразличной к извечному напору ветров.

— Почему не стреляешь?

Пробившись сквозь вой ветра, напряженный крик подземницы коснулся слуха. Шестерня мельком обернулся, крикнул в ответ:

— Боюсь своих задеть. Глянь — они в линию вытянулись, по заднему вдарю — все упадут.

Прищурившись, так что глаза превратились в тонкие щелочки, Себя всматривалась в беглецов, от возбуждения покусывая губу, волосы подземницы растрепались, и, казалось, что на голове девушки бушует черное пламя. Засмотревшись, Шестерня, едва не упустил момент, когда строй ящеров начал перестраиваться вновь, но яростный выскерк глаз Себии вернул к действительности. Пещерник вновь прильнул к окулярам, подкрутил пару рукояток, нехорошо улыбнувшись, дернул за рычаг.

Уже знакомый злой треск разрывает воздух, от яркой вспышки мутиться в глазах, а когда зрение вновь восстанавливается, одним ящером становится меньше, лишь уходящий вниз быстро тающий дымный след указывает, куда рухнули останки несчастного. Лицо Шестерни каменеет, когда он наводит прицел, выбирая очередную жертву. Глаза не отрываются от окуляров, выцеливая врага, пальцы подкручивают ручки, задавая направление, куда устремится смертельный сгусток огня, рука тянется к рычагу...

Шестерня отпрянул от окуляров, протер глаза, вновь приник, бросил недоуменно:

— Они исчезли.

Себя подалась вперед, вцепившись в борт, всмотрелась вниз, крикнула зло:

— Они снижаются!

Шестерня подскочил следом, взглянув на удаляющиеся силуэты беглецов, взявших настолько круто, что, казалось, ящеры не летят — падают, воскликнул:

— Лес! Они уходят в лес! Нужно сказать Маховику.

Однако механик, наблюдающий за ходом боя из чрева ладьи, заметил маневр противника без подсказки. Ладья сбавила скорость, накренившись, пошла по спирали вниз, забирая вправо, и с каждым разом уменьшая круги. Наемники переместились к борту, напряженно вглядываясь в беглецов. Бросив бесполезное оружие, метнулся к остальным и Шестерня, завертел головой, высматривая подземников. Ему указали. Серые спины ящеров терялись на фоне зеленой массы леса, и пещерник не сразу смог вычленить треугольные контуры чудовищ.

— Чего они этим хотят добиться? — непонимающе произнес Мычка.

— Как минимум, уйти с линии поражения, — хмыкнув, пояснил Зола.

— Но ведь, они не смогу взлететь! — воскликнул вершинник.

— А зачем им взлетать? Скрытые кронами, проберутся, куда захотят. Мы и не увидим, — резонно заметил маг.

— Как и всякие летуны, эти ящеры плохо ходят, а в густом лесу они не продвинутся и на сотню шагов, — объяснил Мычка.

Себя прервала спорщиков:

— Вы забыли, с кем имеете дело. Не удивлюсь, если у них на подобный случай что-нибудь припасено.

— Лады, — отстраненно произнес Дерн.

— Не думаю, скорее...

— Нас нагоняют лады, — перебив Себя, повторил Дерн с нажимом.

Проследив за взглядом болотника, товарищи нахмурились. Три лады, о которых в пылу боя успели забыть, приближались с пугающей быстротой.

— А вот и старые знакомые с площади, — проворчал Шестерня. — Быстро они нас нашли.

— Что будем делать? — сумрачно поинтересовался Мычка. — Втроем они разнесут нас в щепки, даже, если успеем ударить первыми.

— Может, как в прошлый раз, спрячемся под деревьями? — осторожно произнес Дерн.

Шестерня покачал головой.

— Не поможет. В прошлый раз, мы ушли лишь благодаря облакам, сейчас же, как назло, отличная погода. Заметив, куда мы приземлимся, они попросту выжгут лес на сотню-другую шагов вокруг. С таким оружием, — он мотнул головой в сторону орудия, — это не займет много времени.

Зола пожал плечами.

— Значит, пока не поздно, нужно попытаться уйти.

— И потом искать узников неведомо где? — сердито спросила Себя.

— По крайней мере, останется возможность. Мертвые, мы вряд ли что-то отыщем, — буднично заметил Дерн.

Себя закусил губу так, что выступила капелька крови. Выражение лица подземницы менялось с невероятной быстротой, от слепой ненависти, до полной беспомощности. Друзья глядели на нее выжидательно. Каждый понимал бушующие в груди девушки чувства: преодолеть множество препятствий, несколько раз, едва не погибнуть, почти достигнуть желанной цели и быть вновь отброшенным в самое начало, от такого и у сильнейшего духом пойдет кругом голова, а грудь переполнится яростью. Но также, каждому было ясно и другое — мертвые не достигают ничего, и наемники ожидали от соратницы хоть и мучительного, но единственно верного решения.

С трудом проговаривая слова, словно вкатывая в гору тяжелый камень, Себя произнесла:

— Похоже, вы правы. Я не вижу иного выхода, как...

Ее слова прервал грохот. На палубу, запинаясь о разбросанные вокруг обломки и чертыхаясь, выскочил Маховик, заорал возбужденно:

— Если вы собираетесь преследовать их и дальше, торопитесь.

Пять пар глаз разом уставились на механика. Прервав озадаченное молчание, Дерн произнес осторожно:

— Мы только что это обсудили, и решили...

Маховик отмахнулся, рявкнул яростно:

— Нечего обсуждать. Вот вам канат. Как только спущусь достаточно низко, прыгайте вниз. И не спорьте! — воскликнул он, заметив, что Зола уже набрал в грудь воздуха для вопроса. — Пока я с вами тут буду ляссы точить, лады расшибется в лепешку. И так против всех правил безопасности...

Сбросив с плеча моток веревки, Маховик метнулся назад, пролетев сквозь ведущее в комнату управление отверстие так быстро, что никто не успел и рта раскрыть. Дерн взглянул на товарищей, желая уточнить, что они поняли из сумбурной речи механика, но подземница среагировала быстрее. Метнувшись молнией, Себя подхватила канат, в два прыжка очутилась возле одной из скоб, через равные промежутки выдающихся со внутренней стороны бортика, продев канат в скобу, короткими точными движениями завязала хитроумный узел, затянув, проверила на прочность несколькими сильными рывками.

Заметив, как на лице подземницы появляется плотоядное выражение, как у хищника, напавшего на след добычи, Шестерня озадаченно спросил:

— Я не очень понял, но, что ты собираешься делать?

— Преследовать, — ответила Себя с улыбкой. — Погоня продолжается.

Метнув канат в пропасть, подземница рывком намотала плащ на руку, и, прежде, чем кто-либо успел остановить, бросилась следом.

ГЛАВА 11

Раньше всех опомнился Мычка, одним прыжком достиг каната, перевалился через борт, так что ноги опасно приподнялись над досками палубы. Следом подскочили остальные, едва не силой втащили вершинника назад, не позволяя вывалиться. Ко всеобщему удивлению, ладья успела спуститься довольно низко, так, что деревья уже не казались травой, и нижний конец каната скользил по вершинам, ласкающее касался разлапистых ветвей, с борта ладьи напоминающие мягкие кисточки, более уместные на ушах диких кошек, чем на вершинах могучих лесных великанов.

Глядя на подземницу, что, ухватившись за канат, оказалась между небом и землей, и постепенно соскальзывала все ниже, Зола задумчиво изрек:

— А ведь девчонка своего добьется. Не удивлюсь, если через год — другой, она займет лидирующее место в гильдии.... Если к тому времени не свернет шею в очередном головоломном предприятии.

Поморщившись, монолог мага оказался не совсем к месту, Дерн произнес:

— Спускайтесь по одному, я подстрахую.

— А почему всегда ты? — неожиданно вспыхнул Шестерня. — Или, полагаешь, другие справятся хуже?

Мычка открыл рот, чтобы осадить пещерника, выбравшего не лучшее время для пререканий, но Дерн, едва заметно качнул головой, и вершинник остановил, готовую вырваться, брань.

Понимая, что за выступлением товарища кроется робость, Шестерня, как и большинство соплеменников, терпеть не мог высоты, болотник произнес:

— Из всех нас, я самый тяжелый. Если, не приведи Прародитель, веревка не выдержит, пусть лучше разобьюсь я один. К тому же, — он возвысил голос, не давая пещернику вставить слово, — останься вы на ладье — задание не будет выполнено.

Мычка одним движением перемахнул борт, исчез из виду. Следом, кряхтя и ругаясь,

полез Зола. Ладья, меж тем, спустилась еще, замедлила ход, так, что деревья внизу почти остановились. Дерн следил, как товарищи, один за другим, скатываются по веревке, и под конец, разжав руки, скрываются в чаще. Когда Зола исчез в густых ветвях, болотник перевел взгляд на Шестерню, что заметно побледнел, и тяжело дышал, обильно исходя потом.

Закрыв глаза, пещерник взялся за веревку, медленно полез через борт, когда неподалеку полыхнуло. Дерн вскинул голову. Сверху, заходя для нападения, замедленно спускаются ладьи. Расстояние еще велико, и выпущенный преследователями поток огня пронесся далеко.

— Поторапливайся! — рывкнул болотник.

Пещерник охнул, полез быстрее, неловко перебирая руками, но, в этот момент, вновь полыхнуло. Ладью шатнуло, Дерн едва устоял на ногах, а Шестерня, от испуга разжав руки, камнем полетел вниз. Досадливо крикнул, болотник схватился за канат, перепрыгнув борт, стремительно заскользил следом.

Ладонь отозвалась болью. Шершавая поверхность каната мгновенно содрала кожу, но Дерн выдержал. Сцепив зубы, дождался, пока ноги не уперлись в свернутый на конце узел, после чего, зажмурившись, разжал пальцы. Небо и земля поменялись местами, мир наполнило зеленое марево, лишь далеко, наверху, набирая скорость, стремительно уходит ладья, уводя за собой преследователей. Домыслить, как Маховик сможет избежать гибели, Дерн не успел, в голову с силой ударило, мир перед глазами смазлся и мягко погрузился в черноту.

В уши проник далекий, едва слышимый писк, словно, где-то неподалеку вьются, трепеща прозрачными крыльями, стайка комариков-звонцов. Комарики подлетели ближе, писк усилился, щеку обожгло болью, затем еще и еще. Поморщившись, болотник отмахнулся, сгоняя обнаглевших комаров с лица. Рука наткнулась на твердое, рядом обиженно заверещало. Глубоко вздохнув, Дерн замедленно открыл глаза.

Вокруг приятный мягкий полумрак, корявые стволы деревьев подпирают небо, с ветвей свешиваются зеленоватые бороды мха, в проникающих сквозь кроны тонких лучиках солнца мельтешит мошкара, сбоку, закрывая обзор, нависло нечто бесформенное, огненно-рыжее. Дерн сфокусировал зрение, картинка обрела четкость — над головой, недовольно кривясь, застыл Шестерня, огненная борода встопорщилась, на лбу пламенеют свежие царапины, на щеке ярко-красная отметина, словно пещерник хорошенько приложился лицом о твердое.

Всмотревшись в лицо товарища, Дерн произнес хрипло:

— Эк тебя угораздило.

Осторожно ощупывая покрасневшую щеку, Шестерня буркнул:

— Да вот, щит потерял, так бы прикрылся.

Из лесного сумрака выплыло лицо Мычки, ухмыльнувшись, произнесло:

— С приземлением. Уж, с каким треском ты через ветви ломился, мы решили — убьешься.

Рядом возникла подземница, произнесла с нескрываемой радостью:

— Мы уж измучались — не могли тебя в чувство привести. Хорошо, Шестерня помог, вспомнил действенный метод.

Дерн ощупал щеки, горящие, как от прикосновения листьев язвы-травы, вопросительно уставился на пещерника. Тот ответил недовольным взглядом, сказал ворчливо:

— Знал бы, что притворяешься — у Золы бы посох попросил. Им — сподручнее.

Шевельнувшись, Дерн ощутил, как снизу жалобно хрустнуло. Нахмурившись, рывком

сел, сбросив с плеч лямки, стянул котомку, бережно открыл, некоторое время смотрел внутрь, после чего закрыл, вздохнул тяжело.

— Радуйся, что живы остались, — произнес Зола, появившись из-за деревьев.

Шестерня кивнул, сказал одобрительно:

— Оно верно. Хотя и без зелий, а с целыми руками да ногами все веселее.

Казалось, всегдашнее спокойствие не изменило болотнику, но друзья заметили, как болезненно исказилось его лицо, когда бесполезная более котомка полетела в сторону. Пряча за маской сдержанности горечь утраты, знахарь без лекарств — ненужная обуза, Дерн поинтересовался:

— Что с Маховиком?

— Ушел, — скрипуче ответил Зола.

— И увел за собой врагов, — добавила Себя. — Будем надеяться, он уцелеет.

— Не сомневайся, — отозвался Шестерня, с подъемом, — уж кто-кто, а Маховик вывернется.

Уши Мычки дрогнули, он повернул голову, внимая чему-то неслышимому. Лицо вершинника затвердело, а брови сдвинулись к переносице, когда он произнес:

— Враги неподалеку.

— Подземники, сколько? — воскликнул Шестерня, вскакивая на ноги.

Мычка ответил замедленно:

— Кто — не знаю, сколько — тем более. Я слышу рев, но это не обычные лесные звери.

Себя встала рядом, поинтересовалась напряженно:

— Ящеры?

Вершинник сказал с затруднением:

— Возможно. Но звук отличается. Это не те, которых мы преследовали.

— Хочешь сказать, здесь живут еще какие-то бестии? — Зола выглядел озадаченно.

Дерн произнес негромко:

— Возможно, это тот самый сюрприз, о котором говорила Себя. — Мельком оглядев друзей, добавил: — Если все живы, здоровы, предлагаю выдвинуться, пока нас не опередили.

Спорить никто не стал. Оказаться в окружении врагов, что смогут, оставаясь невидимыми, бить из-за деревьев, было наихудшим развитием событий. Проверив, не осталось ли чего на земле, от ударов о ветви во время падения могло сорваться с креплений и незамеченным отлететь много чего, включая оружие, наемники двинулись в путь.

По обыкновению, первым пошел Мычка. Повадки охотника служили верно, и вершинник интуитивно находил кратчайшую дорогу, перепрыгивая скрытые ямы, обходя трухлявые, хотя и крепкие на вид, деревья, что, неловко задетые, могли легко рухнуть, причинив тяжелые ранения. Мычка шел, отыскивая ходы сквозь такой чудовищный бурелом, при взгляде, на который остальных бросало в оторопь — настолько непроходимой выглядела стена ошестинившихся сухих ветвей и острых сучьев.

Споткнувшись об очередной корень, словно по волшебству, возникший там, где только что была ровная поверхность, Шестерня возмущенно возопил:

— Что ж это за лес такой, где и шагу нельзя ступить, чтобы не запнуться о кочку, не врезаться в дерево и не оставить куски кожи на колючих кустарниках? И почему мы, до сих пор, не нашли подземников? Да они должны клочьями по ветвям болтаться после такого приземления.

— Какого? — полубопытствовала Себя.

— Да они ж на своих ящерах в лес со всего маху нырнули! И куда делись? Растворились, да и только.

С силой рванувшись, корявые, словно пальцы покойника, ветви крепко вцепились в балахон, Зола бросил равнодушно:

— Да и мы, надо сказать, не особо ушиблись. К тому же, Мычка слышал рев...

— Гул в голове он слышал, — раздраженно бросил пещерник. — В этих гиблых местах любое существо больше белки застревает сразу и намертво, после чего, долго и мучительно умирает от голода.

— Предлагаешь обезопаситься? — усмехнулся Дерн.

— Давно пора! — бодрым голосом подтвердил Шестерня.

Себя округлила глаза, спросила неверяще:

— Ты что, вот прямо сейчас собрался жрать, здесь?

— Чем тебе место плохо? — Шестерня фыркнул. — Под ногами земля, вокруг деревья, сверху ветви. Если кто и захочет отобрать, так пока продерутся, мы уж и закончим.

Не откладывая в долгий ящик, пещерник перешел от слов к делу, стянув с плеча мешок, принялся развязывать тесьму. В этот момент, Мычка взмахнул рукой, призывая остановиться, но друзья, не заметив, топали дальше, и вершинник зло прошипел:

— Стоять!

Все разом замерли. Из-за деревьев донеслись негромкие голоса, перемежающиеся гулким рыком, и почти одновременно, в гнилостные запахи леса вплелась нотка гари. От злого высверка глаз товарища наемники виновато потупились, а когда вновь подняли головы, Мычка исчез. Потянулись томительные мгновения ожидания. Но Мычка вернулся на удивление быстро. Чуть слышно хрустнула ветка, после чего, вершинник выступил из-за дерева. Себя улыбнулась уголками губ, Мычка, наконец-то, перенял полезную привычку предупреждать о своем появлении загодя.

Перехватив выжидательные взоры спутников, Мычка произнес:

— Впереди небольшая поляна. Ближе к нашему краю, четверо подземников. С противоположной стороны, привязаны ящеры, сколько — не разглядел.

— Всего четверо? — удивился Зола. — А остальные?

— До ветру отошли, — хмыкнул Шестерня. — Чего не ясно.

— Вместе с пленными? — фыркнула Себя.

Глядя, как от напряженного размышления на лбу пещерника залегли глубокие морщины, Мычка осторожно произнес:

— Возможно, они устроили засаду. Четверо в качестве наживки, а остальные...

Себя тряхнула головой, так что грива волос с силой мотнулась, разбрасывая вокруг налипшие кусочки коры и паутины, сказала с нажимом:

— Я устала повторять, но, похоже, вы до сих пор не поняли, с кем имеее дело. Это не бандиты, волей случая собранные из голодранцев ближайших деревень, не отряд мародеров и даже, не представители регулярной армии. Это действующий по заданию гильдии рейд с четкими инструкциями и отличной подготовкой.

— Не больно много им дала эта хваленая подготовка, — насмешливо бросил Шестерня. — Всего разок пытались напасть, да и то, не вышло — обломали зубки.

Теряя терпения, подземница произнесла зло:

— Раз не вышло, значит, не хотели. Судя по всему, это был отвлекающий маневр, им просто нужно было дотянуть до перевалочного пункта.

— Что за пункт? — Зола с удивлением приподнял брови.

Себя пожала плечами.

— Не знаю, но больше, чем уверена — кроме тех четверых, коих узрел Мычка, там больше никого нет.

— А остальные? — поинтересовался Дерн.

— Разбились, — злорадно буркнул Шестерня.

— Затаились? — в тон бросил Мычка.

— Ушли, — ответила подземница. Добавила, глядя на изумленные лица спутников: — И с каждым мгновением уходят все дальше, в сторону своих земель.

Мычка пожал плечами.

— Тем лучше. Далеко они по этому лесу не уйдут, тем более с узниками. Догнать не представит сложности.

Себя промолчала, но, судя по сошедшимся в линию бровям, отчего лицо подземницы приобрело выражение сильнейшей озабоченности, легкомысленного настроения товарищей не разделила.

Поправив заплечный мешок, и удобнее перехватив посох, Зола подытожил:

— В любом случае, нужно идти. Чем раньше закончим, тем быстрее вернемся. Мне порядком надоели эти непрерывные шатания по миру. Так что, давайте поторопимся.

Осторожно ступая, и внимательно поглядывая под ноги, чтобы случайно не хрустнуть сухой веточкой, наемники достигли поляны, оставаясь незаметными, осмотрелись. Все оказалось, как и рассказывал Мычка: в нескольких шагах небольшой костер, вокруг расположились подземники, фигуры воинов неподвижны, лишь время от времени то один, то другой коротким движением подбрасывает в угасающее пламя веточку, и тут же замирает. С противоположной стороны поляны доносится клекот и приглушенный рык, там, скрытые в тенях огромных деревьев, расположились ящеры: с треском смыкаются усаженные зубами-саблями пасти, шуршат перепончатые крылья, то одна, то другая бестия начинает сладострастно чесаться, и тогда, воздух наполняется непрерывным хрустом, словно кто-то разрывает на куски огромные кожаные полотна.

Наемники приготовились к нападению: сердца застучали сильнее, разгоняя кровь по жилам, мышцы напряжились, пальцы крепче сжали рукояти оружия, обнаженного загодя, чтобы не выдать себя шелестом выходящей из ножен стали. Мгновение, и пять теней выметнулись из леса. Воздух застонал, разрубаемый безжалостной сталью, плеснуло красным.

Сидящий ближе всех подземник умер, даже не успев понять, что происходит, Себя вогнала несчастному в горло кинжал по самую рукоять. Второй прожил чуть дольше, Дерн с Шестерней, действуя синхронно, словно детали чудовищного механизма, буквально вбили воина в землю. Третий успел обнажить оружие, и даже некоторое время отбивался, но Мычка взвихрился, ненадолго превратившись в многорукого демона, клинки засверкали, выискивая уязвимые места, и противник упал, захлебываясь кровью. Последнему, что, видя гибель товарищей, метнулся в сторону ящеров, намереваясь сбежать, Зола метнул в затылок огнешар. Голова воина вспыхнула, как факел, он слепо заметался, жутко крича и распространяя удушающий запах гари, пока Шестерня, нахмурившись, не метнул в его сторону оружие. Секира с хряском вошла в спину, прервав мучения несчастного.

Рывком, выдернув секиру, пещерник осуждающе покосился в сторону мага, буркнул:

— Ох уж мне, эти огнешары. Сколько вижу, никак привыкнуть не могу. Неправильное

это оружие.

— Зато, эффективное, — отвлеченно произнесла подземница, с интересом приглядываясь к ящерам.

Возбужденные происходящим, твари топтались неподалеку, поводя покрасневшими от ярости глазами, и угрожающе щерили зубы.

Потроша, более ненужные подземникам мешки, Шестерня произнес, опасливо косясь в сторону ящеров:

— Надеюсь, этим зверушкам не придет в головы напасть.

— Давно пришло, — бросил Мычка, внимательно вглядываясь в следы на земле. — Да только, вряд ли получится.

— Это почему? — уже спокойнее поинтересовался пещерник, распихивая во вклады на поясе, желтые кругляши монет.

По-прежнему, не отрываясь от дела, вершинник ответил:

— Потому, что привязаны.

— А ты откуда знаешь? — Шестерня недоверчиво взглянул на Мычку, что увлеченный занятием, уткнулся в землю, едва не носом. — Сам, что ли, вязал?

Не теряя терпения, вершинник ответил:

— Я — нет, вязали хозяева. — Помолчав, добавил чуть слышно: — Но, боюсь, что отвязывать придется нам...

Тем временем, Себя осторожно обошла ящеров, исчезла за деревьями, чуть погодя, возникла, но уже с противоположной стороны полянки, сказала, указывая на убитых:

— Как я и предполагала, они были единственными.

— А остальные? — Дерн повернулся к подземнице, оторвавшись от созерцания ящеров. Возможно, кому-то ящеры показались бы уродливыми, но болотник с трудом отвел взгляд, зрелище величественных чудовищ наполняло сердце Дерна восторгом.

— Они ушли, — бросил вершинник. — Вернее, уехали.

Ощувив в словах Мычки недосказанность, товарищи взглянули вопросительно.

— Как уехали? — не понял Зола. — На чем?

— На ящерах.

— Ты хотел сказать, улетели? — поправил Дерн. — То-то я вижу — мало их совсем, — он махнул рукой в сторону продолжающих шипеть тварей.

— Нет, именно уехали, — повторил Мычка с нажимом. — Что же касается летунов... — он ткнул рукой куда-то, вверх, — они там.

Наемники запрокинули головы. Высоко на деревьях распростерлись крылатые тела: крылья изломанны, головы бессильно свешиваются на неестественно вывернутых шеях, из глубоких ран сочится кровь, стекает струйками, пятная черным ветви и хвою.

Шестерня сглотнул, пробормотал чуть слышно:

— Видать, не сладкая была посадка.

Дерн покачал головой, сказал со скрытой грустью:

— Удивительно, как уцелели эти. Тут ведь и места нет, как только развернулись!?

Зола мельком осмотрел кроны, спросил:

— Я не совсем понимаю. Если от летающих тварей нет толку, то на чем уехали остальные подземники?

— На ездовых, — сказал Мычка просто. — И это осложняет нашу задачу в разы.

На него воззрились непонимающе, лишь Себя в бессилии зарычала, а когда взгляды

переместились на нее, сдавленно произнесла:

— Я сталкивалась с ними. На подобных тварях ездят всадники ночи, загоняя любого, будь то, животное или враг. Скорость чудовищ настолько велика, а выносливость огромна, что убежать невозможно. Нам их не догнать.

ГЛАВА 12

Повисла напряженная тишина. Взъерошив бороду, Шестерня осторожно произнес:

— Но, ведь мы, едва не застряли, пробираясь через проклятый лес. Могут ли животные...

— Взгляни туда.

Мычка указал на чернеющий в плотной стене кустарника проход: обломанные ветви, ободранная со стволов кора, взрыхленная, вздыбленная подстилка, словно, сквозь лес, не обращая внимания на преграды, пронеслось бронированное чудовище.

Шестерня крикнул, сказал с уважением:

— Серьезные ребята.

Зола оглядел товарищей, сказал со сдержанным нетерпением:

— В любом случае, выбор невелик: либо оставаться тут, либо идти следом. Предлагаю закончить ненужные разговоры и выступать.

Наемники засобирались, двинулись в сторону оставленного неведомыми чудовищами прохода. Лишь Дерн медлил. Наморщив лоб, болотник сосредоточенно о чем-то размышлял, глядя под ноги. Когда товарищи достигли деревьев, он вскинул голову, бросил вслед:

— Есть и другой путь.

Наемники нехотя вернулись. Хотя никто не верил в чудеса, в глазах у каждого проявилось любопытство.

Зола недовольно поморщился, сказал сухо:

— Рассказывай, не томи.

Дерн, молча, ткнул рукой. Наемники повернулись, некоторое время смотрели в указанном направлении. Мычка озадаченно хмыкнул, Себя хищно улыбнулась, а Шестерня с ужасом прошептал:

— Нет, только не это!

Перед наемниками, успевшие успокоиться, но от того не ставшие менее жуткими, топтались ящеры. Дерн сделал шаг. Ящеры повернули головы. Еще шаг. Пасти приоткрылись, послышалось яростное шипение. Еще... Спутники со всевозрастающим опасением смотрели, как болотник медленно, но неуклонно приближается к чудовищам, что сбились в стайку, не понимая, чего от них хочет это странное, с зеленым оттенком кожи, двуногое существо.

Мычка предостерегающе крикнул:

— Подожди! Надо бросить им дичи. Сытые, они станут безопаснее.

— Некогда, — напряженно ответил Дерн. — Беглецы с каждым мгновением уходят. Да и дичи здесь, я не заметил...

Признавая правоту товарища, Мычка стиснул зубы. Чтобы поймать хоть что-нибудь среди головоломной чащи, придется потратить добрую половину дня, да и сколько бы он не поймал, прожорливым тварям, что сейчас примериваются, как бы половчее отхватить кусок от болотника, любое животное будет на один зубок.

Отчаявшись придумать, как еще помочь другу, вершинник крикнул:

— Тот, что слева, с красным гребнем, вожак! Смиришь его, сдадутся и остальные.

Дерн кивнул. Указанный ящер заметно отличался от прочих более крупными размерами, к тому же, и держался особняком, и почти не проявлял признаков ярости, но глаза, неотрывно следящие за каждым движением болотника, и напряженная поза, выдавали опытного зверя.

Дерн отбросил кистень, развел руки, и медленно двинулся к ящеру, надеясь лишь на то, что толстая веревка, спутывающая чудовищу ноги и привязанная к стволу стоящего неподалеку дерева выдержит, не позволив твари достигнуть цели в один прыжок. Так и вышло. Не смотря на то, что от напряжения тоненько звенело в ушах, а мышцы, едва не лопались от переполнившей, в ожидании предстоящей схватки, кипящей крови, первый бросок болотник пропустил. Глаза ухватили лишь смазанное движение, брызнули куски коры, заскрипела натянутая до предела веревка, перед лицом оглушительно клацнуло, а спустя миг, ноздрей коснулась волна отвратительного смрада.

Позади сдавленно охнули товарищи. Дерн отшатнулся, чувствуя, как внутри разрастается глыба льда, весь его боевой опыт и навыки спасовали перед безудержным порывом хищной природы, воплощенной в стоящем напротив кожистом чудовище. Шевельнулась трусливая мыслишка, что, наверное, надо было все же подождать, пока Мычка принесет дичь, накормить, задобрить ящеров, после чего, уже и...

Тряхнув головой, Дерн отогнал неуместные размышления, несколько раз глубоко вздохнув, упрямо двинулся вперед. Боковым зрением, отметив остальных ящеров, что как-то разом, замолкли, отодвинулись, словно по молчаливому уговору, оставив вожака, один на один, с противником, болотник полностью сконцентрировался на вожаке.

Где-то глубоко внутри заходится испуганным писком рассудок, крича о том, что нельзя оставлять без внимания прочих ящеров, лишенных понятий чести и доблести, что обязательно нападут, ударят в спину, воспользовавшись удобным моментом. Собравшись с силами, Дерн упрятал голос подальше, чувствуя — бою придется уделить всего себя, без остатка, и любая отвлекающая деталь приведет к скорой гибели.

Глаза бестии смотрят неотрывно, зрачки едва шевелятся, и не понять, куда именно будет нацелен следующий удар, лишь тонкое, на грани чувств, сгущающееся в районе груди ощущение смерти. Выпад. Выброшенная могучими мышцами шеи, голова устремляется навстречу, усаженная острейшими зубами пасть распаивается, чтобы сомкнуться чуть ниже горла. Тело подается назад и в сторону, а рука выстреливает вперед. Удар. Несмотря на намотанные на пальцы ремни из толстой кожи, что он забрал у павших врагов в преддверии боя, кулак немеет, словно костяшки врезались в скалу.

Голова ящера отдергивается. Неуловимое движение, и вновь бросок. Тело успевает увернуться, и на этот раз, уже другая рука рвется вперед, чтобы ударить противника, нанеся хоть не смертельный, но болезненный тычок. Бросок — уворот, еще один — удар. Тело закручивается в стремительном танце, сойдясь с безжалостным противником в смертельном поединке. Привычные ощущения исчезают, руки уже не простреливает болью, а мышцы не ноют, сокращаясь на пределе возможности, остается лишь смутные ощущения: что, и как

именно, нужно сделать.

Где-то далеко, на самом краю слуха, кричат товарищи, и за этим следует тихий, едва слышимый треск. Сознание еще не успевает понять, но внутри неприятно холодеет, а ноги начинают предательски дрожать. Ящер, каким-то образом, оказывается совсем рядом, и без того огромный силуэт противника разом вырастает, чуть ли не вдвое, когда, неожиданно, крылья разворачиваются в полную величину. Взмах крыльев, поток воздуха бьет в грудь тараном, сшибая с ног. Земля с силой ударяет в спину, сверху, закрыв небо, разрастается чудовищная туша врага. Могучая, с когтями-кинжалами, лапа с силой распрямляется, стремясь вбить, растоптать смельчака, посмевшего бросить вызов вожаку.

Сознание цепенеет, но, в безумной жажде жизни, тело уворачивается, откатывается в сторону, затем другую. Удар — уворот, удар — снова уворот. Сердце бьется на пределе, в глазах мутнеет, а в черепе гулко стучит молот. Еще немного, и силы кончатся. Ударив в очередной раз, лапа попадет по цели, вскрыв кольчугу, когти погрузятся в плоть, ломая кости, разрывая мышцы, превращая внутренние органы в кровавую кашу.

Ощущая себя стоящим на пороге смерти, Дерн напряжился, с безумным ревом взметнулся, выбрасывая тело высоко вверх, туда, где покрытая чешуйками, красиво переливающимися в солнечных лучах, нависла шея, обхватив руками, прижал, сдавив так, что в плечах хрустнуло, а из носа потекла горячая струйка. Ящер заревел, заметался, пытаясь отбросить прыткую добычу, что повисла на шее, мешая двигаться и дышать, взмахнул крыльями. Дерн ощутил, как земля уходит из-под ног, мир завертелся, смазываясь в зеленые полосы. Но отпустить — значит погибнуть, и руки продолжают сжимать шею врага, сдавливая все сильнее.

Рев, с каждым разом, становится все тише, крылья замедляют взмахи, не выдержав, ящер заваливается, глаза закатываются, а лапы скребут землю, уже не управляемые гаснущим сознанием зверя. Дерн отлепился от шеи ящера, чувствуя, что в теле не осталось ни единого живого места, встал, шагнул в сторону. Сквозь застилающий глаза туман протаивают лица друзей, где озабоченность сменяется радостью, а в уши, сквозь глухой гул и далекий грохот, проникают восторженные вопли.

С трудом проталкивая воздух через горло, Дерн прошептал:

— Надеюсь, я не зря извозился в грязи, и они теперь будут вести себя более смирно.

— Еще как! — воскликнул Мычка.

Не смотря на опасливые взгляды друзей, Мычка быстро подошел к ящерам, что шарахнулись при его приближении, и лишь испуганно фыркали, пока вершинник осматривал упряжь, проверял, крепко ли застегнуты замки, и хорошо ли натянуты удерживающие седла ремни.

Оглядев Дерна, болотник напоминал ожившего мертвеца, Зола скептически произнес:

— Можно было обойтись и без спектакля. Припугнул бы огнем, на животных это действует лучше любого кнута.

Дерн отмахнулся, его шатнуло, сказал с деланным безразличием:

— Не мог пройти мимо возможности кости размять.

Зола поморщился, хотел сказать что-то едкое, но, заметив, что болотник, едва стоит на ногах, удержался.

Шестерня произнес с уважением:

— Вот это я понимаю! Надо будет, при случае, тоже с кем-нибудь... побороться.

Улыбнувшись краешком губ, Себя задушевно произнесла:

— Ты удивишься, как быстро исполняются желания.

Пещерник взглянул непонимающе, но в это время, послышался крик вершинника:

— Все в порядке, подходите, рассаживайтесь.

Шестерня оглянулся, его челюсть отвисла, а лицо начало медленно бледнеть. Восседавая верхом на ящере, Мычка активно жестикулировал, привлекая друзей. Сглотнув, пещерник жалобно проблеял:

— Он что, серьезно?

Ободряюще похлопав пещерника по плечу, Зола елейно произнес:

— А вот, и долгожданная возможность. Правда, здорово?

Усмехаясь, маг пошел к Мычке. Себя направила следом, поддерживая Дерна под руку. Не то вершинник обладал даром умирять животных, не то ящеры успели опомниться, но, едва наемники приблизились, зло зашипели, угрожающе защелкали челюстями.

Зола замедлил шаг, потом совсем остановился, сказал сердито:

— Я ценю оригинальные решения, но вы уверены, что эти твари вообще смогут взлететь, а если и взлетят, то не сбросят нас, едва поднявшись в воздух?

— Полетим — узнаем, — насмешливо бросил Мычка.

— А тут и знать нечего, — воскликнул Шестерня. — Обязательно сбросят! Я по их подлым глазам вижу, что сбросят. А после этого съедят, или даже во время. Мы будем падать, а они будут кружить рядышком и отжирать куски: сперва, руки, потом, ноги, а уж после, голову.

— А почему не сразу голову? — удивилась Себя.

— Так я и говорю — подлые твари, — с убеждением произнес пещерник. — По глазам вижу.

Прерывая спор, Дерн обронил веско:

— Полетим двойками. На одном я с Шестерней, на другом — Зола с Себией.

— А Мычка? — тупенько спросил Шестерня.

— А Мычка полетит один, — терпеливо, как ребенку, объяснил Дерн. — Он у нас охотник, со зверем и в одиночку управится.

— Управимся ли мы... — с сомнением произнес Зола.

— Управимся, еще как! — воскликнула подземница.

Сверкнув глазами, план болотника пришелся девушке по душе, Себя подскочила к ящери, одним движением взлетела на спину. Ящер от неожиданности дернулся, обиженно зашипел, но Дерн глянул люто, и чудовище застыло, не решаясь противиться воле существа, что так неожиданно и страшно победило несокрушимого вожака. За Себией, кряхтя и морщась, полез Зола.

Дерн повернулся к вожаку, что успел прийти в себя, и теперь стоял, покачиваясь, и недоуменно оглядываясь вокруг, решительно приблизился. Раскрыв глаза, Шестерня в ужасе попятился, но лапищи Дерна остановили, безжалостно перехватив, забросили вверх, туда, где удобно привязанное меж округлыми выступами гребня, виднеется седло. Взвизгнув, пещерник уцепился за ремни, застыл, подобно испуганному жуку, что, почувствовав опасность, спешит прикинуться мертвым. Дерн ухватился за гребень, неспешно подтянулся, отчего, ящера шатнуло, усевшись, поелозил седалищем, принаравливаясь к месту, после чего, легко оторвал пещерника от ремней, повернув лицом вперед, посадил перед собой.

Мычка оглядел товарищей. Все сидят ровно, не качаясь, благо, на спинах у ящеров хватило места, и хотя, щеки пещерника стали блее снега, а лицо Золы исказилось так, будто

мага в самый ответственный момент выдернули из отхожего места, вершинник с удовлетворением кивнул. Спрыгнув на землю, Мычка быстро перерезал веревки и снял путы с оседланных ящеров, немного подумав, освободил и остальных, после чего, бегом вернулся на место, и уже с высоты седла, крепко удерживая узду, крикнул:

— Погнали!

Ощувив руку наездника, ящер немного потоптался, приноравливаясь к седоку, побежал, направляясь к стене деревьев, и лишь, в последний момент, когда у Мычки сердце опустилось в пятки, резко подпрыгнул, взмахнув крыльями, плавно полетел по спирали, с силой отталкиваясь от воздуха. Мычка ощутил, как сердце заколотилось быстро-быстро, вместе с горячей кровью разнося по телу волну радости, губы сами собой разошлись в улыбке, а из горла, неудержимый, рванулся победный крик.

Мычка обернулся. Далеко внизу, с усилием взмахивая крыльями, поднимаются остальные ящеры. Освобожденные от пут, выстроившись цепочкой, уносятся вдаль, лишь двое, направляемые уверенными руками, идут следом. Ящер забирается все выше, фигурки друзей с каждым миготом становятся все меньше, отдельные деревья внизу сливаются в зеленое безграничное море.

Мычка спохватился, с управлением он успел разобраться еще на земле, направил ящера вниз. Поверхность леса вновь приблизилась, распалась на сегменты, что вскоре, рассыпались отдельными деревьями. Заставив ящера лететь почти над самыми вершинами, Мычка сделал большой круг, отыскивая проход. Проломленная беглецами дорожка сверху оказалась отлично видна. Остановив ящера, так, что тот завис над верхушкой одного из деревьев, Мычка закричал, замахал руками, привлекая внимание друзей. Дождавшись, когда, разобравшись с управлением, товарищи подлетели ближе, вершинник вновь пустил ящера. Удерживая ящеров так, чтобы следовать на небольшом расстоянии друг за другом, и не подниматься слишком высоко, наемники заскользили над деревьями.

Летящий первым, Мычка почти непрерывно смотрел вниз, порой, заваливаясь вбок настолько, что, едва не выпадал из седла. Спутники также поглядывали по сторонам, но делали это с величайшей осторожностью, не рискуя повторять головоломных трюков вершинника. Вскоре, лес неуловимо изменился. Сплошное покрывало вершин поредело, меж деревьями, до того стоящими плотно, как отряд солдат, начали попадаться проплешины, бесконечные ряды хмурых сосен прорезали яркие островки берез, голубыми жилками заблестели невидимые ранее ручьи и речушки.

Привлекая внимание, Мычка взмахнул рукой, чуть снизился, но и без его указания остальные успели разглядеть впереди внизу мельтешащие за деревьями силуэты. Сперва, могло показаться, что это дикие животные спасаются бегством от неведомой опасности, но вскоре, сомнения рассеялись. Деревья неожиданно отступили, и беглецы выметнулись на огромную поляну. В езовых животных наемники с содроганием узнали чудовищных ящеров: массивные, каждый, почти вдвое больше своего собрата — летуна, ящеры неспешно бегут, с силой отталкиваясь могучими задними лапами, хвосты вытянуты, лишь слегка покачиваются на поворотах, помогая балансировать тело, на спинах застыли фигуры наездников. Но неспешность обманчива, каждый шаг гигантских лап покрывает несколько шагов взрослого мужчины, позади, словно вороны, взлетают комья вывороченной земли.

Наемники снизились еще, так, что стали видны мельчайшие детали, впились глазами в беглецов. Подземники идут группой, в центре два ящера с беглецами, рубища выделяются светлыми пятнами на фоне иссиня-черных доспехов похитителей и грязно-зеленой шкуры

чудовищ, по бокам, впереди и сзади охрана. Не смотря на тряску и встречный ветер, фигуры подземников недвижимы, словно вросли в седла, облегающие тела панцири бликуют на солнце, каждый управляет ящером лишь одной рукой, во второй — угрожающе покачивается длинное копьё.

Мычка пнул ящера, заставляя опуститься еще. Вот, уже сквозь свист ветра можно различить, как поскрипывают доспехи подземников, слабым эхом отдается гулкий топот чудовищ. Ниже. Еще ниже. Рука тянется к плечу, нащупывая рукоять, глаза прикипели к цели — затылок ближайшего воина. Всадник всецело поглощен дорогой, и не замечает зависшей над плечами смерти. Рукоять меча влипает в ладонь, осталось лишь подгадать момент. Но что это?!

Всадник замедленно поворачивает голову, его губы расходятся в нехорошей усмешке. Сердце замирает в предчувствии непоправимого. Ловушка! Но как? Откуда он узнал? Ведь воин и не подозревал о погоне. Рот всадника открывается, едва слышимый, воздух пронзает гортанный крик, одновременно кричат и остальные. Повинуясь команде, ящер складывает крылья, стремительно несется к земле. Сердце проваливается в пятки, вопль ужаса вбивает встречным ветром обратно в глотку, а расширенные в панике глаза успевают заметить лишь перекошенные страхом лица друзей, что точно также, падают на землю.

За мгновение до столкновения с землей, ящер вновь распускает крылья, гася скорость. Неведомая сила подхватывает тело, вырывает из седла, бросает оземь. Мир вертится стремительной каруселью.

ГЛАВА 13

Борясь с тошнотой, падение не прошло даром, наемники подхватились, сбились в кучу, исподлобья глядя на приближающихся всадников.

Себя прошептала в отчаянии:

— Дура! Как я могла забыть о команде неподчинения.

— Команде чего? — слабым голосом спросил Шестерня. Судя по зеленоватому цвету кожи, пещерник пережил падение хуже остальных.

— Любой наездник учит свое животное команде, по которой оно замирает, что бы ни делало. Это удобно в бою, или в случае, когда место хозяина занимает кто-то другой.

— Хороший обычай, — с интересом отозвался Зола. — Надо будет занести в анналы свиткохранилища.

— Хороший настрой, — одобрительно отозвался Дерн. — Учитывая, что на нас надвигается почти десяток наездников.

Маг пожал плечами, бросил отстраненно:

— Не в первый раз, не в первый.

Мычка загнанно озирался, выискивая возможное укрытие, но ближайшие деревья слишком далеко, даже, если побежать изо всех сил, враги успеют раньше: пешему не обогнать верхового, даже если цена вопроса — жизнь.

Подземники приблизились. Ящеры идут не спеша, наездники с любопытством

посматривают на противников, что, превратившись из преследователей в добычу, разом сникли. Да и куда торопиться? В чистом поле от ящера нет спасения, а неуместная спешка может обернуться лишними ранами, ведь даже подавленный, враг остается опасным, а недооценивать противника — худшая из ошибок.

Наездники все ближе, земля сотрясается от топота ящеров, в холодных глазах хищников смерть, она же в глазах хозяев. Угрожающе блестят наконечники копий, с лязгом смыкаются усаженные зубами пасти, способные одним движением расщепить ствол вековой сосны, не то, что хрупкое тело из костей и мяса, зловонное дыхание чудовищ забивает ноздри, в горле першит от вздымаемой чудовищами пыли.

Бежать некуда, а победа слишком призрачна, но, погибая, настоящий боец должен захватить с собой, как можно больше противников, и руки тянутся к оружию, а глаза ловят фигуры врагов, чтобы уже не отпустить до конца, и не важно, чей именно это будет конец. Себя напружинила, замерла, едва заметно покачиваясь. В правой руке изогнутый кинжал, в левой, незаметная для противника, зажата метательная игла. Оружие слабое, но в ситуации смертельной опасности оружием становится любая, даже самая бесполезная вещь. Тут же стоит Дерн, широко расставленные, ноги попирают землю, удар противника будет ужасен, и нужно поистине невероятное усилие, чтобы сдержать напор, остановить несущийся навстречу живой таран.

Щеря зубы в ухмылке, поигрывает секирой Шестерня. Пусть враги боятся. Служившее верой и правдой оружие не подведет и в этот раз, разогнанное умелой рукой, прорубит плоть, сокрушит кости, и не важно, что шкура ящера по прочности не уступает отличным доспехам из кожи, а кости подобны скале, настоящий воин уверен в себе, даже выходя против заведомо сильнейшего. Глядя под ноги, Мычка мечами чертит на земле странные фигуры. Вершинник выглядит подавленным, кажется, он заранее сдался и смиренно ожидает смерти, но форма обманчива, мышцы ноют от переполняющей силы, нужно лишь выждать момент, пока враг приблизится, уверенный в безопасности, на мгновение отвлечется, и тогда...

Земля завибрировала, в привычные шумы вкрался далекий гул, усилился, поглотил остальные звуки. Подземники заозирались, придержали ящеров. Для них внезапный гул оказался столь же неожиданным. Один из всадников вскрикнул, взмахнул рукой, указывая на нечто невидимое. Земля неподалеку вспучилась, образовался небольшой холмик. Холм начал расти, трескаться, опадать кусками, словно снизу напирает чудовищный гриб — переросток.

— Занятно, — Зола с интересом воззрился на нового участника действия.

Покосившись на холм, Шестерня бросил:

— Надеюсь, это очередное жуткое чудовище, что не побрезгует сожрать этих подземников.

— Думаешь, побрезгует нами? — озадаченно протянул Дерн.

Шестерня ответил убежденно:

— Конечно. Они ж на ящерах — вон сколько мяса! А с нас что взять — пятеро задохликов. — Он окинул болотника оценивающим взглядом, поправился: — Четверо.

Холм меж тем продолжал расти, земля полностью обсыпалась, открыв взорам плотно усаженный заостренными выступами вращающийся конус, судя по металлическому отливу, рукотворного происхождения. Мычка нервно хихикнул, сказал, обращаясь к Шестерне:

— Похоже, твой прогноз не оправдался. Это явно не чудовище.

Дерн хмуро поинтересовался:

— Будем ждать продолжения, или таки, попытаемся уйти?

Себя откликнулась:

— С радостью. Но не раньше, чем вызволим узников.

Зола лишь хмыкнул, Дерн покачал головой, а Шестерня взглянул с уважением. Подземница в его глазах вырастала все выше, подчас проявляя такую доблесть, что не снилась иным воинам.

Поднявшись на изрядную высоту, конус завалился на бок, начал выползать. Через некоторое время, стало ясно, что конус представляет из себя переднюю часть странного механизма представляющего из себя продолговатый, поставленный на колеса короб из дерева и металла. Шипя и лязгая, короб развернулся, замер, угрожающе нацелившись острием конуса на наездников.

Шестерня взъерошил бороду, сказал с подозрением:

— Чую в этой штуkenции руку братьев — пещерников.

— Откуда такая уверенность? — бросил Зола.

Пещерник обиженно хрюкнул, воскликнул, тыча рукой в сторону механизма:

— Ты глаза-то протри, протри! Вон скобы торчат, а вон шестерни. Те трубки подают газ, видишь струйки пара? Такое разве пещерникам под силу, у остальных умишка не хватит. — Помолчав, добавил уже спокойнее: — Да и на двери взгляни. Да, да, эти проемы по бокам двери и есть. Они ж низехонькие, только нам впору.

Всмотревшись внимательнее, товарищи убедились в правоте пещерника. Несмотря на громадные размеры, механизм ощутимо возвышается даже над всадниками, чуть заглубленные относительно остальной обшивки, плиты дверей на удивление низкими, что явно указывает на небольшой рост хозяев. Однако большего рассмотреть не удалось. Поддерживающие основание колеса завертелись, изделие рук пещерников сдвинулось с места, понеслось, нацелившись конусом, словно рогом, на группу всадников.

Подземники подали ящеров назад и в стороны, лишь один ненадолго замешкался, но неведомым врагам этого хватило с избытком. Жутко лязгая и выпуская клубы дыма, механизм подлетел вплотную, ударил в бок. Смачно чавкнуло, фонтаном брызнула кровь, чудовищный конус на мгновение замедлился, проворачиваясь вместе с нанизанной тушей ящера. Окрашенные кровью, больше похожие на зубы отведавшего плоти хищника, выступы в считанные мгновения разорвали ящера вместе со всей амуницией, разбросав куски парующего мяса далеко вокруг.

Яростные крики подземников слились с испуганным рыком зверей. Вкупе с лязгом и грохотом, в изобилии, производимом механизмом, шум забил уши, загремел в черепе, болезненно отдаваясь в костях. Сложив ладони трубкой у рта, Себя что-то кричала, но ее не слышали. Осознав тщетность попыток, девушка зло ощерилась, взмахнула руками, привлекая внимание друзей, после чего, ринулась в сторону.

Наемники бросились следом, лихорадочно пытаясь сообразить, что задумала их боевая подруга. Понимание пришло быстро. Всадники носились по поляне, ловко уворачиваясь от зловещего механизма и, одновременно, пытаясь пронзить врага, раз за разом, наносили сильные удары копьем. Но в бою участвовали не все. В сторонке, не участвуя в общей свалке, перетапывались три ящера, неторопливо смещаясь в сторону леса, где, за толстенными стволами, можно будет укрыться от опасного преследователя. На спинах двух ящеров, на фоне черных доспехов подземников, светлым пятном выделялись рубища узников.

Отвлеченные большей опасностью, подземники не заметили меньшей. Разбежавшись,

Себя в прыжке, словно птица, взлетела за спину врагу. Ощувив неладное, тот начал замедленно оборачиваться, но не успел. Короткое движение руки, тусклый блеск стали, и, схватившись за горло, всадник замедленно валится под ноги ящеру. Однако, товарищи поверженного среагировали быстрее. Копья ударили одновременно, и Себии пришлось немислимо изворачиваться, чтобы избежать смерти. Кубарем слетев на землю, девушка подхватила, зашипела рассерженной кошкой, бросилась вновъ. Но друзья успели раньше.

Кистень с секирой взметнулись одновременно. Смертельно раненный, ящер заревел, замедленно завалился навзничъ, едва не похоронив под собой Шестерню, пещерник избежал гибели, лишь в последний момент, кубарем отлетев от удара Дерна в сторону. Последний, оставшийся в живых подземник, трезво оценив свои шансы, повернул ящера, погнал через поляну в сторону далекого леса, с каждым мгновением увеличивая расстояние между собой и преследователями.

Прищурившись, Зола, некоторое время, следил за беглецом, вершина посоха пламенела багровым, но лишь вздохнул, опустив оружие, зашагал к товарищам. Опомнившись от удара, Шестерня поднялся, прихрамывая, двинулся к спутникам, стоящим неподалеку в странном оцепенении.

Обращаясь к Дерну, пещерник воскликнул с обидой:

— Мог бы, и помягче толкнуть. Ударил, что твой таран...

Дерн не ответил. Ощувив неладное, Шестерня подошел вплотную, повернул голову в направлении взглядов друзей. Туша ящера возвышается недвижимой горой, вокруг, окрашивая траву в черное, растекается лужа крови. Тут же, уткнувшись ничком в землю, лежит всадник, а чуть дальше... Пещерник тяжело вздохнул. Из-под ящера, прикрытая зелеными складками шкуры, выглядывает рука, пальцы скрючены, кожа бледна настолько, будто из человека выкачали кровь, рядом, запачканный красным, выглядывает кончик рубища.

— Может быть, его еще удастся спасти? — безучастно поинтересовался Зола.

— Нам не сдвинуть ящера и впятером, — хмуро ответил Мычка.

— Да и, не зачем, — эхом отозвалась Себия. — Под ним каша из мяса и костей.

Дерн нагнулся, приложив палец к запястью погребенного ящером, некоторое время не двигался, затем распрямился, помотал головой.

— Сердце не бьется. Он мертв.

— И что нам делать? — Шестерня развел руками.

На лице Себии проступило хищное выражение, когда он мотнула головой, указывая на место в лесу, где скрылся беглец.

— Поспешим. Ожидая остальных, он не уйдет далеко.

Тем временем, крики, рев и звон металла не прекращались ни на мгновение, и, казалось, только усиливались. Наездники вошли в раж, пользуясь преимуществом в маневренности, металлический сарай на колесах не успевал поворачиваться, кидались один за другим, наскакывая, и ожесточенно тыча копьями в бока и заднюю часть. Не смотря на несокрушимый вид удивительной повозки, атаки всадников увенчались успехом, в стыках меж плитами брони образовались прорехи, откуда выглядывали переплетения трубок и связки металлических нитей, в нескольких местах из отверстий, пробитых ударами, с шипеньем вырывались струйки пара, в связи с чем, повозка стала двигаться заметно медленнее.

Держась вблизи деревьев, наемники обошли сражающихся по широкой дуге, стараясь не

выпускать из поля зрения обе стороны. Под конец, когда до леса осталось всего чуть-чуть, характер звуков изменился. К лязгу и реву добавились воинственные крики.

Обернувшись на шум, Мычка оторопел, остановившись, воскликнул пораженно:

— Шестерня не ошибся!

Спутники стали оборачиваться, невольно замедлили шаг. В глаза бросился механизм, недвижимо замерший посреди поляны. Продолговатые впадины по бокам, названные Шестерней дверьми, чернеют провалами, а изнутри, закованные в сталь, выплескиваются пещерники. Едва коснувшись земли, воины прикрываются щитом, обнажают оружие, выстраиваясь в линию, замирают, прикрывая идущего следом товарища.

Заметив соплеменников, Шестерня замахал руками, радостно заорал, привлекая внимание. Кое-кто из пещерников чуть повернул голову, оценивая возможную опасность, но ни один не шелохнулся, все также, выдерживая строй, словно из повозки выскочили не живые существа, а бездушные големы.

— Ты уверен, что они дружественно настроены? — поинтересовался Зола.

— Еще бы! — с пафосом отозвался Шестерня. — Пещерник — пещернику: друг, товарищ и брат. Ведь не зря они пришли нам на помощь. Они просто не слышат, сейчас я попробую погромче....

Шестерня набрал в грудь воздуха, но прежде, чем он издал хоть звук, Себя прошипела:

— Уймите же его, наконец, пока я не... — ее рука дернулась к ножнам.

Заметив невольный жест подземницы, Дерн сгреб пещерника в охапку, потащил за собой в лес. Когда шум битвы отдалился, а деревья обступили частоколом, Шестерня вырвался из рук болотника, сказал с обидой:

— Да что такое творится: этого не сделай, так не скажи! Вы все с ума посходили?

Себя отчеканила:

— Пока мы в рейде, каждый встреченный должен рассматриваться, как враг.

— Даже пещерники? — ахнул Шестерня.

— Каждый, — повторила девушка. — Пещерники — особенно!

Пока Шестерня переваривал услышанное, вытаращив глаза и почесывая затылок, Мычка сказал, указывая на землю:

— Будьте готовы, он неподалеку.

Во влажной лесной подстилке отпечаталась цепочка трехпалых следов, ведущая вглубь леса. Обнажив оружие, наемники крадучись двинулись по следам, не забывая тщательно вслушиваться, и оглядываться по сторонам. Сидящему на быстроногом ящере, подземнику ничего не стоило сделать круг, и неожиданно, напасть сзади. Конечно, подобная гора мяса, вряд ли сможет подкрасться незаметно, но лучше перебдеть, чем недобдеть.

Обойдя очередной завал из сухостоя, Мычка удивленно присвистнул. Вышедшие следом спутники остановились, на лицах проступила озадаченность. Впереди, в десятке шагов, жуткой статуей замер ящер, глаза смотрят немигающее, из пасти, чуть распахнутой, так что устрашающего размера зубы бросаются в глаза, свисает слюна. На спине у ящера восседает подземник, руки скрещены на груди, подальше от оружия, лицо неподвижно, как вырезанная из дерева маска, лишь зрачки, едва заметно подрагивают, перемещаясь от одного преследователя к другому.

Шестерня сделал шаг вперед, сказал насмешливо:

— Удивительное дело, подземник решил встретить смерть достойно, лицом к лицу. Или тебе есть, что сказать?

Пропустив слова пещерника, мимо ушей, подземник холодно произнес:
— Кто из вас старший? У меня есть, что предложить.

ГЛАВА 14

Зола поморщился, бросил ворчливо:

— Нет старшего. Если что по делу — говори всем.

Подземник нахмурился, похоже, подобный ответ не входил в его планы, поколебавшись, продолжил:

— Хорошо. Место не самое уместное, чтобы торговаться, да и время... Для вас не секрет, кого именно я везу, и какую ценность он представляет.

— Еще бы, — уверенно бросил Шестерня, хотя удивленно приподнятые брови и проявившееся в лице недоумение сказали об обратном.

— При том упорстве, что вы проявили, я и не сомневался, — холодно бросил подземник. Судя по отразившейся на лице безразличности, он с трудом выдерживал общество пещерника, и, сложись обстоятельства по-другому, с удовольствием бы растоптал наглеца ящером. — Не подумайте, что сыграло роль ваше численное преимущество, то, что я говорю с вами, следствие совсем других вещей, кои вам знать ни к чему. Скажу лишь, что между мной и руководством гильдии возникли определенные разногласия...

Мычка прислушался к доносящимся отголоскам битвы, поторопил:

— Ближе к сути, наше время не бесконечно.

Подземник кивнул, сказал торопливо:

— Хозяева гильдии лишь похвалят меня за выполненное задание, возможно, бросят мелкую подачку. Не будет по-другому и у вас.

— Что ты предлагаешь? — холодно обронила Себя.

— Узник, что я везу — бесценен. Любая империя, получившая его в распоряжение, спустя короткое время, усилится стократно. Властители не пожалеют средств, чтобы завладеть сокровищем, но лишь в том случае, если условия сделки будет диктовать некто независимый. Подданный, что принесет империи мощь, а управителям славу, не увидит богатства.... Скорее всего, он вообще, ничего не увидит. Не мне вам рассказывать, что происходит с ненужными свидетелями.

Медленно, подбирая слова, Дерн произнес:

— Не может ли произойти, что тебя ввели в заблуждение, и человек находящийся за твоей спиной обычный, никому не нужный узник?

Лицо подземника расплылось в улыбке, он произнес:

— Я понимаю, куда ты клонишь, но, согласишься, это слишком примитивный трюк. Меня не интересует мощь княжеств, мне безразлично, кто будет править миром, меня заботит лишь собственная выгода, так же, как и вас. Наемник, как бы высоко не забрался, и в какую бы маску не нацепил, все равно, остается наемником: холодный рассудок, трезвый расчет, максимальная выгода.

— Зачем тебе мы, ведь ты мог уйти невозбранно? — поинтересовался Мычка.

Подземник кивнул.

— Мог, но за один день его перехватывали трижды. Сперва, мы забрали его с форпоста вершинников, потом, надо отдать должное, вы едва не перехватили снова, после чего, явились пещерники, с чьей жуткой машиной сейчас сражаются мои товарищи. Один я далеко не уйду, а вместе у нас есть шансы. Не большие, надо признать, но есть.

— И тебя не останавливает даже то, что придется делиться наградой, и тебе достанется далеко не большая часть? — изумился Шестерня.

Вершинник усмехнулся, бросил снисходительно:

— Награда достаточно велика, чтобы довольствоваться и шестой частью, к тому же, сам понимаешь, мертвому деньги ни к чему.

Повисла напряженная тишина. Наемники молчали, ошарашенные услышанным. Верить незнакомому подземнику, к тому же, бывшему врагу, было нелепо, но подземник излагал настолько складно, а в его глазах отражалось столь алчное пламя, что сомнения, поневоле, отступали.

Мычка, на чьем лице, с каждым сказанным словом, недоверие проявлялось все больше, шагнул вперед, и прежде, чем его успели остановить, насмешливо бросил:

— Власть над миром, несметные богатства.... Столь жалкая ложь не подобает воину, даже во имя сохранения жизни.

Глаза подземника нехорошо блеснули, а лицо вновь закаменело, когда он произнес:

— Выходит, я лишь зря потратил время. Можно было догадаться раньше, что вы всего лишь бессмысленные пешки, отправленные хозяйской рукой, коих не потрудились посвятить, хоть сколько-нибудь глубоко, но иллюзии столь сладки, что порой заглушают глас разума. Хорошо, что понимание пришло раньше, чем ошибка стала необратимой.

Он коснулся поводьев, тронул ящера. Тот сделал огромный скачек, разом покрыв отделяющее от наемников расстояние, ужасная пасть раскрылась, целясь в замерших от неожиданности жертв. В руке подземника сам собой возник короткий меч, рука взметнулась для удара.... Охнув, наездник покачнулся, бессильно свесился на бок, выронив оружие. Ящер, что уже нацелился откусить голову Мычке, ощутил перемену, отскочил, понесся, волоча за собой тело хозяина, что, запутавшись ногой в стремени, болтался сбоку, трясясь в такт прыжкам и загребая руками мелкие веточки.

Проводив ящера глазами, наемники повернулись. Перед ними, устало улыбаясь, стоял Найденыш. Раскинув руки, Шестерня подошел к вновь обретенному товарищу, облапил, за ним приблизились и остальные, обступили, принялись наперебой задавать вопросы, похлопывать по плечам. Это продолжалось до тех пор, пока Шестерня ревниво не отеснил спутников со словами:

— Полно, полно, а то сейчас на куски растащите. Дайте ему в себя прийти.

Мычка кивнул на правую руку спасенного, сжимающую тяжелый узловатый сук, спросил со смешком:

— Ты его этим унял?

Найденыш отбросил ненужную более дубину, сказал просто:

— Отломил, пока неслись по лесу. Оказалось, не зря.

Пристально взглянув на Найденыша, Зола поинтересовался:

— Кстати, о чем распинался этот полоумный? Сперва мне показалось, он просто пытается выиграть время, но под конец... — маг развел руками.

Тяжело вздохнув, Найденыш ответил:

— Это долгая история. Я сам многого не понимаю, но если вам интересно...

Прислушиваясь к шуму битвы, Себя бросила:

— Интересно, но истории лучше слушать в лагере у костра. Сейчас же нужно уходить, пока, какая либо из сторон, не взяла верх.

— Все равно, какая? — озадаченно произнес Шестерня.

— Все равно, — с нажимом повторила подземница. — Когда они закончат между собой, придет наш черед, и к этому времени, хотелось бы отойти, как можно дальше.

Мычка повертел головой, спросил в затруднении:

— Уйти не сложно, только куда?

— Куда угодно, лишь бы не назад, — ответила подземница.

Мычка обратился в слух, уши шевельнулись, улавливая шумы и вычленяя из привычных лесных шорохов звуки далекой битвы. Постояв немного, вершинник повернулся в сторону, на взгляд товарищей ни чем не отличающуюся от прочих: те же поросшие мхом стволы, тот же полумрак и влажный воздух, бросил короткое:

— За мной.

Мимо проплывают деревья, одинаковые, как братья — близнецы, под ногами мягко прогибается одеяло из прелой хвои, негромко пощелкивают сбитые неловким движением мелкие веточки. Вытянувшись гуськом, наемники неумоимо движутся вперед, стремясь оторваться от безжалостных преследователей, что, наверняка, закончили, и теперь рыщут где-то позади, пытаясь, напасть на след, а быть может, уже давно напали, и смертельная схватка неизбежно надвигается незримой тенью.

Вокруг, словно в насмешку, царит тишина и спокойствие, вековечный лес глух к метаниям и страстям случайных гостей, чья жизнь, настолько мимолетна, что не оставляет времени для умиротворения, наполненная бессмысленной суетой и спешкой, в извечном страхе перед неизбежной кончиной.

Страхнув с себя паутину, космами облепившую балахон по всей длине, Зола раздраженно произнес:

— Может, мы все же сделаем привал? Солнце начинает садиться, в желудке пустота, а ноги гудят так, словно без остановки топаем седмицу.

Изможденный, не меньше мага, Шестерня неуверенно произнес:

— Позади враг, нужно постараться отойти, как можно дальше...

— Никакой враг не проберется за нами через эти дебри, — перебил Зола. — Тут не пройдут ни ящеры, ни та уродливая железяка, вылезшая из земли. Если же за нами выслали лады, совершенно безразлично — насколько далеко мы отойдем от места схватки.

В словах Золы присутствовала доля истины, и спутники замедлили шаг, а потом, и вовсе остановились. Мычка, успевший уйти дальше всех, вернулся, оглядев усталые лица друзей, сказал с пониманием:

— Согласен. Мы забрались достаточно глубоко, и нужна передышка, но здесь не лучшее место для лагеря, так что, давайте пройдем еще немного.

Наемники завертели головами, пытаясь понять, чем именно место не понравилось вершиннику, те же, что и везде, деревья, пружинящий под ногами мох. Не обнаружив ничего подозрительного, товарищи вопросительно воззрились на Мычку, но тот смотрел умоляюще, и наемники, нехотя сдвинулись с места.

Дерн догнал Мычку, некоторое время шел рядом, переступая странные, покрытые белесым налетом, кочки, и уворачиваясь от сухих ветвей, спросил негромко, чтобы не слышали товарищи:

— Ты что-то заметил?

Мычка долго собирался с мыслями, сказал в затруднении:

— Честно говоря — ничего особенного. Просто ощущение.

Помолчали. Видя, что вершиннику больше нечего сказать, Дерн постепенно отстал. Он сам порядком утомился, но не видел ничего зазорного в том, чтобы пройти еще немного. Странствуя по болотам, он сам часто ловил себя на подобных смутных ощущениях, когда в каком-то месте хотелось остановиться надолго, а откуда-то, без видимых причин, бежать сломя голову. И в том, что Мычка, прирожденный охотник, испытывал нечто сходное в лесу, не было ничего странного. Оставалось, лишь следовать за следопытом, надеясь, что ощущения не заставят его тащить соратников через лес на протяжении всей ночи.

Повеяло свежим. Меж деревьями забрезжил слабый свет. Наемники приободрились, пошли шибче, и вскоре, деревья разошлись. Перед путниками открылась просторная поляна, с невысокой, непонятно откуда взявшейся посреди леса, замшелой скалой возле дальнего края.

На измазанных пылью, изможденных переходом лицах проступили улыбки. Наполненный сумраком пустынный лес всех успел порядком утомить, и открытому пространству обрадовались, едва ли не больше, чем предстоящему отдыху. Даже Себя, чье лицо последнее время оставалось мрачнее тучи, заметно расслабилась, принялась с интересом разглядывать рассыпанные вокруг, словно груды драгоценных камней, яркие бутоны цветов.

— Надеюсь, на этом мы остановимся, — с уверенностью в голосе произнес Зола.

Виновато улыбнувшись, Мычка уточнил:

— Давайте все же соберемся с силами, и дойдем до скалы.

— А чем на камнях лучше? — поинтересовался Шестерня. — Только обувь лишний раз стопчем.

— Возле скалы может оказаться вода, — резонно заметил Дерн. — Без нее будет затруднительно приготовить зелья.

— Да и вообще, затруднительно, — добавил в тон Мычка. — Жевать траву в качестве запивки мне не привыкать, уж, не знаю, как прочим. Конечно, если вы готовы перенять сей полезный навык, то...

Он не договорил. Спутники, успевшие к этому времени развалиться на траве, поднялись, разобрав сваленные в кучу мешки, поплелись в сторону скалы. Свежий ветерок, столь желанный, после спертого воздуха леса, приятно холодит разогретое от долгого пути тело, сладкий аромат цветов пьянит сильнее, чем хмель, а подкрашенные пурпурными лучами заходящего солнца облака, словно раскинутый в небесах шатер, радуют глаз перламутровым переливом. Тяжелые думы уходят, а усталость испаряется, и хочется забыться, броситься ничком, зарывшись лицом в густой ковер разнотравья, наслаждаясь чудесным миром спокойствия и тишины.

В шорох травы вкрался далекий гул. Сперва, незаметный, он набрал мощь, усилился, распространился повсюду, заглушив прочие звуки. Навеянное удивительным местом очарование исчезло, словно испуганная неловким охотником птица. Почва под ногами мелко завибрировала, неприятно отдаваясь в ступнях, а через них, во все тело. Наемники остановились, завертели головами, выискивая таинственную угрозу, и в этот момент, земля позади вспучилась, образовав нечто напоминающее нарыв, что начал на глазах увеличиваться, расти.

Обреченно застонала Себя, открыв рот, в растерянности замер Шестерня, Зола нахмурился, хрустнул пальцами, разминая кисти.

— Они все-таки догнали нас, — сумрачно бросил Дерн, поворачиваясь лицом к опасности.

— Но как? Ведь не может же эта колымага двигаться под землей быстрее, чем мы шагаем по поверхности! — в отчаянье воскликнул Мычка.

— Может быть, это просто другая машина... — негромко произнес Найденыш. Он спокойнее остальных воспринял появление врага, и теперь, поглядывая на спутников, ожидая команды.

Подобрав челюсть, Шестерня просипел:

— Что будем делать?

— Есть у меня одна мысль... — замедленно произнес Зола, совершая пассы руками.

Дальнейшие слова потонули в грохоте. Из земли высунулся уже знакомый, усаженный острыми накладками конус, а чуть позже, показалась и вся постройка целиком. Взрывая и лязгая так, словно поблизости рушились горы, механизм устремился к наемникам.

Глядя, как Зола раскручивает посох, Мычка рывкнул:

— Я отвлеку, попробуй ударить сбоку.

Размахивая мечами и угрожающе рыча, вершинник метнулся навстречу механизму. Друзья со страхом следили, как мелкая, в сравнении с металлической громадой, фигура Мычки мельтешит неподалеку, усиленно привлекая внимание. Его заметили. Норовя раздавить смельчака, жуткая телега сбилась с курса, начала забирать заметно в сторону.

Дождавшись, когда лязгающая громада пронесется мимо, Зола взмахнул посохом. Мерцающая вокруг рук мага полупрозрачная сфера, что к этому моменту сгустилась, напитавшись магической энергией, сорвалась, понеслась следом, с сухим треском влипла в широкую пластину задней части махины. Полыхнуло. У каждого, кто не успел отвернуться, зарябило в глазах. Затем полыхнуло еще, и еще. Потянуло паленым.

Сквозь лязг и грохот пробился комариный писк, разросся, превратившись в до боли знакомый, крик. К замершим, в напряженном ожидании, друзьям подлетел Мычка, воскликнул яростно:

— Не берет! Его не берет магия.

Себя, что и без того успела заметить тщетность усилий Золы, обнажила кинжал, прошипела:

— Что не берет магия, возьмет сталь.

Видя, что и остальные потащили оружие, Мычка схватился за голову, заорал в ярости:

— Какая сталь? Он камни в пыль крошит. А ну, все к скале!

Прозвучавшая в голосе безграничная ярость, столь не свойственная вершиннику, подействовала отрезвляюще. Наемники начали поворачиваться, сперва, медленно, а затем, все быстрее побежали в сторону скалы. Прислушиваясь к грохоту за спиной, и чувствуя, как под тушей рукотворного чудовища подрагивает земля, наемникам ощутили себя беззащитными букашками. Поросшая мхом, почерневшая от времени и влаги скала выглядит несокрушимой твердыней, исполненным яростной жажды жизни, наемникам казалось, что лишь она сможет устоять перед всепоглощающей мощью металлического существа.

Скала все ближе. Уже видны облепившие камень зеленые волоски мха, а от скопившейся в углублениях дождевой воды веет свежестью. Еще немного, и между беглецами и преследователями вырастет непреодолимая преграда, воздвигнутая самой

природой. Можно будет остановиться, вдохнуть воздуха, от недостатка которого легкие выжигает изнутри, составить план...

Далекий, едва слышимый на фоне грохота и лязга, крик касается слуха. Чья-то слабая, как дыхание умирающего, просьба о помощи. Бежавший первым, Мычка резко остановился, словно налетел на невидимую стену, развернувшись на месте, воззрился на что-то позади. Заметив, как в панике распахнулись глаза вершинника, замедлили бег и остальные, начали оглядываться, пытаясь понять, что могло произойти, отчего лицо товарища разом побледнело, а в глазах заметалось бессилье.

Позади, среди зеленого разнотравья распластался человек, словно, устав бежать, прилег ненадолго. Руки и ноги раскинуты в стороны, голова запрокинута набок, сиротливо белеет рубище.

Из четырех глоток разом вырвался крик:

— Найденьш!

Человек лежит, словно рядом не заходятся в крике ошалевшие от ужаса спутники, а по пятам, давя траву, и превращая лужайку во вспаханную борозду, не несется жуткое порождение холодного разума и трезвого расчета безвестных мастеров, приспособленное лишь для разрушения и смерти.

Еще мгновение, и фигура на земле превратится в кровавую лепешку, а подошедший к концу рейд оборвется, так и не завершившись. Захлебнувшись в крике, замолчала Себя, тяжело вздохнул Шестерня, Дерн медленно опустил руки, лишь Зола продолжил вращать посохом, запоздало пытаясь вызывать к жизни какое-то заклятье.

Зашипело, раздался сухой треск, а мгновением позже, по глазам резанула ярчайшая вспышка и наступила тишина.

ГЛАВА 15

Первым обрел дар речи Шестерня, обращаясь к Золе, прошептал потрясенно:

— Что ты с ними сделал?

Маг замедленно поднес руки к глазам, непонимающе воззрился на ладони, где еще полыхали искры нерастроченной магической мощи, слабо проблеял:

— Это не я...

Мимо, едва не сбив с ног, пронеслись двое. Себя с Мычкой одновременно подскочили к Найденьшу, перевернули, стали теревить, приводя в чувство. Следом подошел Дерн, решительно отстранив обоих, присел рядом, ощупал Найденьшу голову, заглянул в глаза, зачем-то помял живот и ноги, после чего, встал, сказал задумчиво:

— С ним все в порядке, разве ногу потянул. — Осмотревшись, добавил с интересом: — А что, собственно, произошло?

Мычка пожал плечами, а Себя произнесла озадаченно:

— Оно исчезло.

Шестерня подошел ближе, сказал, глядя на обрывающиеся в десятке шагов глубокие рытвины следов:

— Такое впечатление, словно их испепелило молнией. Раз! И нет.

Все разом задрали головы, но в стремительно темнеющем небе багровели лишь белесые пятнышки облаков. Вершинник вновь перевел взгляд на следы, в его лице проявилось сильнейшее любопытство, он даже подался вперед, но удержался от соблазна, сказал сдавленно:

— Нужно уходить, и как можно, скорее.

Никто не возразил. Случай избавил их от неизбежной гибели, и ни у кого не возникло желания искушать судьбу. Взяв под руки Найденыша, что с трудом двигался после падения, наемники прошли мимо скалы и вновь углубились в лес, после пережитого кошмара показавшийся родным и безопасным. Лишь Зола задержался на краю поляны. Щурясь, маг неотрывно всматривался в дрожащее марево, висящее ровно над местом, где исчезли враги. Но наступающая тьма и слезящиеся от утомления глаза не позволили толком рассмотреть непонятное явление, и, махнув рукой, Зола поспешил вслед товарищам.

Сгорая, негромко потрескивают ветки, по замшелым стволам деревьев мечутся отблески пламени. В воздухе висит запах дыма, а вокруг костра распространяются волны умиротворяющего тепла. Присыпанные углями, тлеют остатки перьев, почерневшими трубочками торчат обломки костей — все, что осталось от приготовленных на ужин птиц, случайно обнаруженных Мычкой в глубине бурелома.

Наемники расположились вокруг, отдыхая после тяжелого перехода. Закинув руки за голову, на гряде хвои возлежит Мычка, разглядывая мерцающие в ветвях крон звезды, оперевшись на ствол спиной, недвижимо сидит Дерн, острит секиру Шестерня, лезвие ушло в сторону, и точильный камень, раз за разом, шоркает по рукояти, но, погруженный в размышления, пещерник не замечает, вновь и вновь, повторяя движение.

Вжавшись в развилку корней, прикорнула Себя, глаза девушки закрыты, но уши настороженно подергиваются, улавливая шорохи. Чуть в стороне, устроившись на хорошо освещенном месте, скрючился Зола. На земле расстелена карта. Глаза мага прикипели к бумаге, взгляд медленно перемещаются по линиям, раз за разом, возвращается к одной и той же отметке, в неверном свете костра кажущейся почти черной. Рядом с костром, почти вплотную, сидит Найденыш, руки чужеземца покоятся на коленях, лицо отстранено, а в глазах, перемигиваясь с далекими точками звезд, пляшут отблески пламени.

Звякнуло. Вырвавшись из пальцев, точильный камень отскочил в сторону, а Шестерня схватился за ушибленную руку. Слизнув выступившую из ранки капельку крови, пещерник сказал:

— Пожалуй, пора и на боковую. Коль скоро никто не хочет поддержать беседу... — он вздохнул, взглянул искоса.

Найденыш встрепнулся, заметив пристальный взгляд товарища, сказал виновато:

— Простите, задумался. А ведь и правда, обещал ответить на ваши вопросы.

Не отрываясь от созерцания карты, Зола сухо произнес:

— С последней нашей встречи ты стал говорить заметно лучше. Хорошие способности к обучению, или... вернулась память?

Чужестранец вздохнул, сказал с грустью:

— Пришлось говорить столько, что, волей-неволей, научился. Тем более, при таких-то учителях, — он странно усмехнулся. — А с памятью у меня, все в порядке.

— Так откуда ты? — поинтересовалась Себя, открыв глаза, и пристально разглядывая собеседника.

Найденыш некоторое время молчал, постукивая пальцами по коленям, затем сказал с запинкой:

— Это будет трудно объяснить...

— Что трудного? — удивился Шестерня. — У нас не так уж и много мест: пара-тройка империй, что у всех на слуху, кучка раздробленных войнами неведомых княжеств, есть и свободные земли, но их мало. Разве, что ты родом из какой-нибудь совсем уж далекой глуши, так хоть направление укажи.

Найденыш поглядел наверх, где в промежутках меж ветвями застыли бледные точки звезд, слабо улыбнулся.

— Пожалуй, так сразу и не определяюсь. Рисунок созвездий совсем не знаком.

— При чем тут, созвездия? — не понял Шестерня.

— Я не из этого мира, — ответил Найденыш просто.

Наступила тишина, исчезли даже лесные шорохи, а пламя костра притихло. Наемники, как один, повернули головы, пристально всматривались в спасенного, пытаясь понять причины, столь неуместной шутки. Но лицо Найденыша оставалось бесстрастным, и Себя переспросила:

— Не из этого мира? Объясни подробнее, что ты подразумеваешь под "этим миром". Я когда-то жила под землей, в глубоких пещерах. Жизнь там сильно отличается от жизни наверху, и, если подумать, то пещеры также можно назвать другим миром.

Найденыш улыбнулся обезоруживающе, мягко произнес:

— Из пещер ты смогла выбраться. Думаю, при желании, сможешь попасть обратно, что говорит о том, что это один мир. Я же, никогда не смогу попасть назад.

— Но почему? — хором воскликнули Себя с Мычкой.

— Да, почему? — эхом откликнулся Шестерня. — Ведь если долго идти, обязательно попадешь, куда нужно. Если на пути море — тебе поможет корабль, а коли совсем далеко — можно воспользоваться летающей ладьей, или, ха-ха, ящером.

Найденыш развел руками, сказал с тоской:

— Туда, где я жил, не попасть пешком. Туда не ходят корабли и не летают ящеры. Мой мир настолько далеко, что не передать словами и не охватить разумом. — Он поднял руку, указав на небо, закончил: — Мой мир там.

Тихонько охнула Себя, озадаченно крикнул Шестерня, а остальные, лишь молча, смотрели вверх, не зная, что сказать. Наконец, Дерн опустил голову, кашлянув, поинтересовался:

— Но, как то, же ты попал сюда?

Найденыш пожал плечами.

— Я не могу объяснить, что произошло. Просто, однажды все исчезло, а когда я пришел в себя, рядом стояли вы.

Себя подалась вперед. Лицо девушки горело неподдельным интересом, когда она попросила с мольбой:

— Пожалуйста, расскажи о своем мире.

Найденыш помолчал, собираясь с мыслями.

— В моем мире бескрайние леса и высокие горы. В глубинах морей живут чудесные звери, а воздух заполнен прекрасными птицами. Листва на наших деревьях красноватого цвета, а небо переливается всеми цветами радуги. Ночью, когда оба светила скрываются за горизонтом, всходит луна, но не одна, а четыре... — его голос дрогнул, а глаза увлажнились.

— Почти как у нас, — мечтательно протянул Мычка.

— Где ж, как у нас, коли трава красная! — удивился Шестерня. — Да и четыре луны, по-моему, перебор.

— А хозяйство? — поинтересовался Дерн. — Тоже, как у нас? Деревянные дома, мощенные камнем улицы, уборка урожая...

Найденыш широко улыбнулся, сказал, сдерживая улыбку:

— Да, да. Почти как у вас. Разве немного отличается, совсем чуть-чуть.

— Что именно? — недоверчиво буркнул Зола.

Найденыш развел руками.

— Прости, но я не смогу объяснить. Я не знаю соответствующих слов в вашем языке, чтобы подобрать точные образы

Зола разочаровано фыркнул, сказал скептически:

— Ну, хоть магия-то у вас есть?

Найденыш сокрушенно покачал головой, сказал со вздохом:

— Чего нет, того нет.

На лицо подземницы легла тень, когда она поинтересовалась:

— Даже, если все это правда, зачем ты понадобился конкурирующей гильдии?

Вопрос девушки вернул наемников к реальности. В лицах проявилась настороженность, а глаза требовательно уставились на рассказчика.

Лицо Найденыша приняло серьезное выражение, когда он ответил:

— У вас скопилось много предметов — достижений ушедшей цивилизации. Подвалы гильдий ломятся от вещей, а нанятые руководством ищейки отыскивают и волокут все новые. Среди всего этого хлама попадаетеся оружие, и даже боевая техника минувших эпох. Но, само собой, все это давно пришло в негодность. Я даже боюсь представить, сколько десятков лет, веков, а быть может, и тысячелетий назад, это все было изготовлено...

— Постой-постой, — перебил разом оживившийся Зола. — О какой цивилизации идет речь? До нас ничего не было.

Найденыш грустно улыбнулся.

— Было, и намного, намного выше по уровню. Ты даже представить не можешь, насколько. В складах и подземельях, куда меня водили, я видел такие вещи, до которых ваши ученые смогут прийти еще очень не скоро, если вообще смогут.

Мычка уточнил:

— Ты сказал, что тебя водили.... Для чего? И вообще, я не понимаю, зачем показывать, столь ценные вещи, какому-то, случайному... — он осекся.

Найденыш кивнул.

— Ты прав. Каким-то образом, в вашем мире знают, что я обладаю знаниями, и способен использовать, хоть и пролежавшее в земле многие века, но не ставшее от этого менее смертоносным, оружие.

Шестерня оживился, воскликнул:

— И та штуковина, от которой ты спас нас в городе.

— Да, да. Эта машина из арсенала найденных вещей того времени. Причем, боевых вещей.

— И ты рассказал, а главное, показал, как управлять этими... машинами убийств? — поинтересовался Дерн.

Болотник задал вопрос ровным тоном, но всем вдруг стало не по себе. От понимания,

что где-то в земле скрыто чудовищное оружие, что, возможно, в этот самый миг, готовятся применить неведомые враги, наемников пробрала невольная дрожь.

— Кое-что я объяснял, кое-что показывал. В своем мире я работаю механиком, но в вашей былой цивилизации прогресс пошел другим путем, чем в нашей, возможно, по этому, я не смог сделать все, что от меня требовалось.

— Конечно же, им не хватило, — скорее утвердительно, чем в форме вопроса буркнул Зола. — В том, что касается возможностей усилить могущество аппетиты властителей безграничны.

Найденыш кивнул, задрал рубище. Наемники вздрогнули. Даже им, привыкшим к смерти и крови, от представившегося зрелища стало не по себе. Вся видимая поверхность тела представляла сплошную рану, едва подернувшуюся розовой кожицей: царапины и раны, вмятины и ожоги, словно Найденыша непрерывно пытали, применяя, один за другим, самые изощренные методы.

Мычка спросил с сомнением:

— Но ведь теперь, все кончено? Ты в безопасности. А уж после того, как вернемся в гильдию... — он осекся, вспомнив, с чего все началось.

Найденыш сказал с грустной усмешкой:

— Свои всегда кажутся правыми, даже, если занимаются тем же, что и чужие. Часть шрамов я получил, находясь в казематах вашей гильдии.

Дерн произнес в раздумье:

— Может быть, пристроить тебя куда-нибудь, поглубже, и отчитаться о том, что рейд провален?

— Полагаешь, Шейла не захочет узнать подробности, воспользовавшись услугами заплечных дел мастеров? — глухо отозвалась Себя.

Вспомнив пребывание в темнице вершинников, Шестерня передернул плечами, сказал с дрожью:

— Не хотелось бы мне разговаривать таким образом.

— Никому бы не хотелось, — резонно заметил Зола. — Но, если хотя бы треть сказанного Найденышем — правда, с нас медленно сдерут кожу и выжмут по капле кровь, попытаюсь добраться до истины.

— А может, нам просто не возвращаться? — выдохнул Мычка. — Все наши спутники погибли. Никто в гильдии не знает, где мы и что с нами.

— А Маховик? — Шестерня озадаченно взглянул на вершинника. — Ведь мы расстались лишь сегодня.

Мычка воскликнул с жаром:

— А что Маховик? Неизвестно, ушел ли он от врагов, свяжется ли с Шейлой. К тому же уже в течение дня мы могли погибнуть десятки раз: разбиться при прыжках с ладьи, быть съеденными ящерами, нас могли проколоть пиками подземники, а пещерники раздавить своей чудовищной машиной. Шейла не станет тратить время и людей, чтобы отыскивать мертвецов!

— А остальные? — тихо спросила Себя. — За неполный день мы сражались с представителями трех гильдий и трех рас. Сколько мы еще выдержим? Ты предлагаешь сражаться со всем миром?

Вновь воцарилась тишина. Мир, еще совсем недавно казавшийся бесконечным, разом уменьшился. Бескрайние просторы лесов и высокие пики гор не являются непреодолимым

препятствием для алчущих могущества властелинов. Мобильные отряды наемных убийц, в избытке предоставленные многочисленными гильдиями, могут в считанные дни преодолеть огромные пространства, подавить любое сопротивление, и, вырвав из коченеющих рук поверженных противников, вернуть властелинам то, что они по праву считают своим: секретный манускрипт, древнее оружие или человека из иного мира.

Зола шевельнулся, спросил невпопад:

— Ты говорил, что у нас была могущественная цивилизация. Что с ней стало?

— Война, — ответил Найденыш кратко. — Не скажу наверняка, но то, что я видел, наталкивает на мысль о войне. Накопленная мощь оружия оказалась столь велика, а последствия войны столь ужасны, что мир не смог оправиться от удара, и цивилизация постепенно сошла на нет.

Дерн подцепил палку, используя ее как лопатку, забросал огонь землей, так что на месте костра остались лишь тускло мерцающие уголья, сказал устало:

— Давайте спать. Наговориться еще успеем, а сейчас нужно восстановить силы.

Ярко вспыхнув напоследок, погасла последняя веточка, лагерь погрузился во тьму.

ГЛАВА 16

Следующие несколько дней слились в бесконечный переход. Не торопясь, но и не медля, наемники настойчиво продвигались вперед, стремясь выйти в населенные земли. Настороженные поначалу, путники внимательно глядели по сторонам, каждое мгновение, ожидая нападения, но в небе не мелькали ладьи, из земли не выпрыгивали механизмы, а лесная подстилка пестрела лишь следами зверей, совсем не похожими ни на отпечатки обуви людей, ни, тем более, оттиски трехпалых ступней ящеров.

Постепенно наемники расслабились, руки уже не лежали неотрывно на оружии, а глаза не обшаривали окрестности в поисках врагов. Ситуация уже не казалась столь безнадежной, а мир вновь расширился, заиграл яркими красками. Найденыша непрерывно расспрашивали о его мире, а когда он заводил рассказ, слушали с трепетом. Каждого интересовало свое, Дерн желал больше узнать о методах лечения, Мычка расспрашивал о животных, Шестерня интересовался особенностями архитектуры, а Себя задавала множество вопросов об оружии и методах ведения войн.

Зола единственный почти не разговаривал, а когда его силой втягивали в беседу, отделялся односложными фразами. Казалось, маг был полностью поглощен какой-то задачей. Порой, Зола погружался в размышления настолько глубоко, что уходил далеко в сторону, так что товарищам приходилось делать крюк, отыскивая заплутавшего спутника, чаще, просто шел, не глядя под ноги, и бормоча нечто невнятное. Раз за разом, маг вытаскивал карту, и подолгу всматривался в исчерченную значками поверхность бумаги, после чего, становился еще более задумчивым. Иногда Зола задавал странные вопросы, не связанные с темой общей беседы, словно, силился понять нечто, очень сложное, но, едва товарищи пытались его разговорить, замолкал, и отходил в сторону. На мага поглядывали с насмешкой, порой крутили пальцем у виска, но не придавали особого значения.

Рассеянность Золы уже давно стала привычной, а связанные с этим случайные происшествия воспринимали скорее, как забавное развлечение, чем досадное неудобство.

Три дня прошли без происшествий, а на четвертый, едва отряд покинул место ночлега, в небе, далеко впереди, появилась точка. Сперва, никто не обратил внимания, увлеченные беседой, наемники не смотрели по сторонам, а когда заметили, время было упущено. Точка стремительно приблизилась, выросла, превратившись в ладью, что, постепенно снижаясь, шла напрямик к отряду.

— Проклятье! — воскликнула Себия. — Нас нашли.

— Уходим, — сдавленно бросил Мычка.

— Некуда, — прорычал Дерн. — Мы слишком увлеклись разговором.

Вокруг, как назло, расстилается просторный луг, под благодатными лучами солнца трава разрослась пышным ковром, в котором столь отратно отдыхать, но где невозможно спрятаться от взоров безжалостного врага. Спасительный лес возвышается зеленой стеной неподалеку, но ладья слишком быстра, до деревьев не успеть, как бы — ни хотелось.

Наемники выхватили оружие, разошлись, оставляя себе пространство для маневра. Гудя, как рассерженный шмель, ладья зависла неподалеку, некоторое время не двигалась, затем скользнула вниз, мягко опустилась на землю. Перепрыгивая через бортик, вниз горохом посыпались воины. Мычка, что последние мгновения пристально вглядывался в противника, опустил оружие, широко улыбнулся, развел руки в приветственном жесте. Остальные, сперва смотрели непонимающе, а когда пригляделись, лица посветлели, а губы невольно растянулись в улыбках: в сопровождении охраны, от ладьи, чуть прихрамывая, к ним шла Шейла.

Хозяйка гильдии остановилась напротив, охрана же прошла немного дальше, расположилась вокруг, захватывая наемников в кольцо.

Покосившись на воинов, стоящих вокруг с обнаженным оружием, Шестерня проворчал:

— Не шибко приветливый прием для героев.

Очаровательно улыбнувшись, Шейла ответила:

— Исключительно, ради вашей безопасности. Маховик вкратце поведал о ваших приключениях. Признаюсь честно, решила, что он приукрашивает, но, судя по тому, что я вижу...

— Он выжил? — со сдержанной радостью поинтересовался Дерн.

Хозяйка кивнула, ее глаза прошли по лицам наемников, остановились на Найденыше, она невольно подалась вперед, но, уловив настороженный взгляд Себии, остановилась.

Медленно и осторожно, словно опасаясь, что голос выдаст некие скрытые чувства, Себия произнесла:

— Думаю, нам стоит взойти на ладью. Не хотелось бы — оставаться на земле, если...

Шейла поняла недосказанное, кивнув, вкрадчиво произнесла:

— Что ж, по заслугам и награда. Удобное путешествие домой — минимум, что я могу предложить вам за отлично проделанную работу. Будет особенно неприятно, если наше триумфальное возвращение прервут завистники. Ведь, их столь много...

Вложив оружие в ножны, наемники взойшли на ладью. Убедившись, что все на месте, Шейла сделала отмашку. Бойцы, словно, только этого и ожидали, вмиг сорвались с места, и вскоре, оказались наверху, расположившись на равном расстоянии вдоль бортиков. Загудело громче, ладья мягко оторвалась от земли, заскользила, набирая высоту и скорость.

Косясь на замерших истуканами воинов, Мычка произнес негромко, так, чтобы

услышали лишь товарищи:

— Я стал излишне мнительный, или бойцы следят не столько за чистотой горизонта, сколько за нами?

— Ты не ошибся, — столь же тихо отозвалась Себя. — Я опасуюсь, как бы ладья не вернулась в столицу без нас.

— Как так? — Шестерня округлил глаза.

— Полагаешь, они решатся от нас избавиться? — одними губами поинтересовался Дерн.

Себя качнула головой в сторону спасенного, сказала невесело:

— Им нужен Найденыш, а от лишних свидетелей сплошь неудобства.

— Так может, мы первые... — Шестерня дотронулся до секиры.

Раздался предупредительное покашливание, ближайšie два бойца сдвинулись на полшага ближе, положили руки на рукояти мечей. Ошарашенный, столь явным подтверждением подозрений соратницы, Шестерня поспешно отдернул руку от оружия.

— Убедился? — одними уголками губ усмехнулась Себя.

Пещерник сокрушенно покачал головой, Мычка же прошептал:

— Пока, это лишь догадки. Постарайтесь не провоцировать стражу, и будьте наготове. Подождем удобного момента.

Наемники разошлись, расположившись достаточно далеко, чтобы, в случае неожиданного нападения, не мешать друг другу, но и не настолько разрозненно, чтобы оказаться с незащищенной спиной. Повисло тягостное молчание. Судя по пристальным взглядам стражей, что ловили каждое движение "гостей" и отстраненному виду Шейлы, сбывались самые худшие опасения Себии. Каждый в глубине души клял себя за то, что, забывшись, пропустил появление ладьи, чем поставил под удар всех.

Единственным, кого, похоже, нисколько не беспокоило происходящее, оказался Зола. Пристроившись возле бортика, маг, по обыкновению, развернул карту и неотрывно глядел в значки, покачиваясь, словно в трансе. Товарищи, то один, то другой, неодобрительно поглядывали в сторону мага, опасаясь, что, начнись заваруха, он и ухом не поведет, продолжив витать мыслями в заоблачных сферах.

Раз за разом, прогуливаясь, Шейла, наконец, обратила внимание на странное поведение Золы. В очередной раз, проходя мимо, она замедлила шаг, взглянула магу через плечо. Ее глаза широко раскрылись, а брови взметнулись, словно хозяйка увидела нечто невероятное. Порыв ветра смял карту, маг шевельнулся, поправляя, и Шейла поспешно прошла дальше, но сбивающийся шаг и смятенное выражение лица, выдавали нешуточную тревогу.

Сделав вид, что любит облаками, Мычка приблизился к магу, спросил чуть слышно:

— Если ты не обратил внимания, у нас наметились сложности.

Зола повернулся, в его глазах, затуманенных неразрешимой задачей, промелькнуло узнавание, он спросил невпопад:

— Как считаешь, если есть вход, должен ли быть выход?

Озадаченный, неожиданной постановкой вопроса, Мычка помолчал, сказал осторожно:

— Смотря, о чем речь. Бывают места, специально устроенные так, что попасть легко, а выбраться сложно, а то и вовсе, невозможно, к примеру, всякие потайные ямы или ловушки. Или выход располагается там же, где вход: возьми большую часть домов, или хранилищ.

— А если речь о природе? — в глазах мага вспыхнул жгучий интерес.

— Тогда, выход есть. И не один, а десятки, если, не сотни. Природа редко создает

замкнутые пространства. — Взглянув на карту, Мычка задумчиво произнес: — Помню, Маховик объяснял нам значения этих символов. Единственно, что так и не смогли понять, что означают синие знаки. Вон, как тот, что мы на днях миновали, да и возле города, куда направляемся, точно такой же.

На лице мага отразились колебания, словно, он хотел сообщить товарищу нечто важное, и уже приоткрыл рот, но Мычка уже отошел. Слова замерли, так и не сорвавшись с губ, Зола нахохлился, вновь уткнулся в бумагу.

По рядам солдат, едва слышимый, пронесся шепоток, пронесся и затих, словно порыв ветра. Но вскоре, повторился, усилился, раздались сдавленные восклицания. Среди шепота и вздохов, из раза в раз, повторялось, одно и то же, невнятное слово, пока кто-то не крикнул во весь голос: — враги!

Все разом засуетились, отыскивая невидимую угрозу. Завертели головами и наемники, пока Себя не кивнула, указывая направление. По правую руку, из стены заповитивших небо угрюмых туч выметнулась ладья, пошла наперерез. Следом показалась еще одна, а за ней, еще.

Шестерня сказал в смятении:

— Одно другого хуже: сперва, свои смотрят волком, шевельнись — зарубят, теперь чужие.

— По крайней мере, будет не так обидно погибнуть от рук врага, — подбодрил Дерн.

Себя откликнулась зло:

— Звучит заманчиво, но крайностей постараемся избежать.

— Как избежать — их вдвое против нашего, — упавшим голосом выдавил Шестерня.

— Шестеро, — поправил Мычка злорадно, указывая на противоположную сторону.

Слова вершинника слышали не только друзья, стоящие возле — воины начали поворачиваться, раздались крики ужаса. Слева, в туманной дымке, прорисовались еще три ладьи. На лицах бойцов проступило отчаяние. Страшил, даже не шестикратно превосходящий враг, бывалым воякам приходилось оказываться и в более невыгодном положении. Ужас вызывало понимание, что, едва получив повреждение, ладья рухнет с безумной высоты, и никакая отвага и смелость не спасут от страшного удара о землю, когда в настигнутой обломками досок кровавой каше будет не разобрать, чьи именно останки сейчас растекаются, впитываемые жадной землей.

— А ведь осталось продержаться, всего чуток, — бросил Дерн задумчиво. — Уже видны городские стены.

Словно услышав его слова, Шейла воскликнула в ярости:

— Прекратить панику! Всякому, кто проявит малодушие, я лично вырежу сердце. — Добавила уже спокойнее: — Нам нужно лишь добраться до городских стен. Туда они не сунутся, пусть, даже их будет вдесятеро больше. Передайте механику, пусть выжмет из ладьи все. У гильдии достаточно золота, чтобы вознаградить его по достоинству.

Один из воинов метнулся к рубке, с силой распахнул дверь, исчез в проеме. Несколько мгновений ничего не происходило, Шейла начала медленно меняться в лице, шагнула следом, но в этот момент, загудело громче, затем, взвыло так, что мелко завибрировали доски обшивки. Ладья начала разгоняться. Пронзаемый кораблем воздух завыл, затем заревел, начал скручиваться в вихрики, что заметались по палубе, как живые, захватывая, поднимая и выбрасывая через борт все незакрепленные предметы.

Но враг не дремал. Группа справа, разошлась, одна ладья резко ушла вверх, под облака,

вторая, клюнув носом, провалилась, едва не до деревьев. Мгновением позже, тот же маневр повторила и группа слева.

— Что они делают? — прорычал Мычка, перекрикивая ветер.

— Берут в кольцо, чтоб не вывернулись, — крикнул в ответ Шестерня. — Помнишь, как ушел Маховик, когда нас зажали над морем?

Мычка судорожно кивнул, воспоминания о жутком маневре крепко отложились в памяти, крикнул вновь:

— А почему им просто не ударить из орудия? Один выстрел, и мы на земле.

Себя указала на Найденыша, что стоял особняком, в окружении трех дюжих воинов, крикнула:

— Им нужен он, и нужен живым.

— Тогда почему они не...

Крик вершинника потонул в сухом треске. Мимо, едва не коснувшись борта, шипя и разбрасывая искры, пронеслась багровая молния. Дохнуло жаром. Ладью шатнуло, а стоящие возле борта воины с испугом отпрянули. Вновь треск, и вновь молния, но уже чуть дальше, впереди. Третья молния ударила точно в нос, начисто снеся вытянутый шпиль и кусок палубы. Еще две пронеслись в опасной близости перед ладьей.

Столь простым и эффективным способом враги вынуждали остановиться, и они добились своего. Ветер начал ослабевать, исчезли вихрики, а исходящий изнутри ладьи ровный гул больше не забивал звуки, позволяя свободно переговариваться. Воины сбились в кучу, не зная, что предпринять. Лишь Шейла металась вокруг, рыча и изрыгая проклятья. Но даже гнев хозяйки гильдии оказался не способен преодолеть страх гибели. Скрытый в недрах ладьи механик предпочел осложнить отношения с гильдией в грядущем, но сохранить жизни сейчас, и, следуя указаниям прорезающих воздух разрядов, послушно повел ладью на снижение.

Как назло, снизу пушистым ковром расстелился просторный луг. Вглядываясь в возвышающуюся неподалеку зеленую стену леса, Шейла скрежетала зубами. Не смотря на превосходящие силы врагов, древесные великаны послужат надежным убежищем, нужно лишь долететь, добежать, пусть из последних сил, теряя людей, но преодолеть небольшое расстояние, но проклятый механик трусливо ведет ладью на снижение, на ровный, как стол, луг, врагам в лапы.

Палуба под ногами ощутимо вздрогнула. Спеша избавиться от угрозы, механик посадил ладью слишком жестко, так, что наемников шатнуло, а один из бойцов, даже завалился на бок. Ушедшие вниз ладьи врагов приземлились раньше, и теперь, стояли поодаль, выплескивая из себя закованных в латы воинов. Еще две ладьи сели мгновением позже.

Шестерня напряженно следил за последними двумя ладьями, но те, так и не сели, лишь развернулись так, что грозное оружие оказалось направленным на беглецов. Раздосадованный, пещерник проворчал:

— Хватило же ума у ушастых. Сейчас бы взлететь, да рывок к лесу. Но, видно, не судьба.

Глядя на приближающихся вершинников, Дерн обронил тяжело:

— Не век рассчитывать на удачу, иногда, нужно и самим...

Он потащил из-за пояса кистень, остальные последовали примеру. Взялись за мечи и бойцы, выдвигаясь из ножен, зашуршали клинки, закрипели лямки доспехов. Мычка, чье оружие еще не покинуло ножен, задрал голову, некоторое время, к чему-то напряженно присматривался, затем с силой протер глаза, вновь всмотрелся, сказал со смешком:

— Мне кажется, или гости продолжают пребывать?

Его услышали. Сперва, один воин поднял голову, за ним еще один, и вскоре, уже все смотрели наверх, где, стремительно снижаясь, кружили зловещие тени, в очертаниях которых наемники без труда узнали до боли знакомые силуэты, чьи хищные формы могли принадлежать лишь одним существам — летающим ящерам подземников.

ГЛАВА 17

Ушей коснулся далекий гневный клекот. В рядах нападающих возникла заминка. Не добежав до ладьи десятков шагов, вершинники замерли, воззрились вверх. Судя по проявившейся на лицах нерешительности, появление подземников оказалось для них полной неожиданностью. Несколько воинов продолжали идти, но большая часть остановилась, попятилась, отступая ближе к ладьям.

Окинув врагов пылающим взглядом, Шейла скомандовала скороговоркой:

— Нам нужно попасть в лес любой ценой. И этот человек, — ее рука уперлась в грудь Найденыша, — должен остаться жив. — Хозяйка резко повернулась к наемникам, бросила грозно: — Вы пойдете рядом, остальные прикрывают отступление. Отходим!

Бойцы среагировали на удивление четко. Несколько человек мгновенно оказались на земле, перемахнув бортик, выстроились двумя полукружьями, образовав подобие коридора, куда тут же вклинилась Шейла, вместе с тремя телохранителями, стащившими Найденыша, едва не силой. Наемники не заставили себя ждать, лишь Зола, все еще пребывая в отстранении, замешкался, но Дерн сгреб друга в охапку, спрыгнул следом за остальными.

Раздались крики ярости. Заметив, что беглецы уходят, враги опомнились, бросились следом, но уже не столь уверенно. Заполонившие небо наездники уже спустились достаточно низко и с гиканьем проносились над головами, заставляя вершинников опасливо пригибаться и замедлять шаг.

Помогая Дерну тащить мага, Шестерня бросил победно:

— Удача, по-прежнему, благоволит нам. Ведь, как вовремя появились, а!

— Они выжидали, — сберегая дыхание, сдержанно ответила Себя.

— А ты почему знаешь? — поинтересовался бегущий рядом воин, раз за разом, с опаской поглядывающий в небо.

Себя взглянула холодно, но, заметив вопрос во взглядах товарищей, смягчилась, ответила:

— Воздушные наездники мастера боя, но побеждает не сильный, а умный. Ладья в воздухе — могучая сила, но на земле — бесполезный кусок дерева. Нападение произошло в тот момент, когда две трети вершинников оказались на земле. Я бы поступила точно также.

Шейла покосилась на Себя, во взгляде хозяйки гильдии мелькнуло уважение, бросила задумчиво:

— Надо будет подумать о твоём повышении..., если выживем. — Она набрала воздуха в легкие, пронзительно крикнула, обращаясь ко всем сразу: — Живее, демон на ваши головы, нам нужно успеть до леса, пока враги не опомнились!

Но подгонять бойцов не было нужды, все и так бежали, что есть мочи, выкладываясь в коротком броске. Опытные воины знали цену жизни и не щадили сил, сполна используя дарованную случаем возможность.

Мельком обернувшись, Шестерня бросил в сердцах:

— Они поднимают ладьи!

— Верное решение, — одобрил Мычка. — С земли летунов не достать, да и нас догнать будет проще. Ставлю десяток монет, что за нами отправят две!

— На жизнь свою поставь! — не выдержав, рявкнул, один из бегущих рядом воинов. — А лучше на нашу.

— Шутишь? Я не хочу проиграть, — отозвался Мычка задорно. Висящая на плечах погоня вызывала какую-то отчаянную злость, и вершинник уже откровенно скалил зубы.

Лес совсем рядом. Могучие древесные великаны раскинули руки — ветви, сомкнув плечи, высятся серо-зеленой стеной, надежно защищая влажную тишину леса от буйствующего на просторе луга суетливого ветерка и томящего зноя. Под густыми ветвями, скрытые от враждебных глаз, одинаково уютно чувствует себя и лесной зверь и пустившийся в дорогу одинокий путник.

— Те кусты послужат отличной защитой, — с подъемом воскликнул один из воинов, указывая вперед и чуть в сторону.

Дерн повернул голову, и наемники с удивлением заметили, как изменилось лицо товарища. Глаза болотника расширились, и без того зеленоватая кожа приобрела землистый оттенок, а рот начал приоткрываться. Набрав воздуху в легкие, Дерн взревел так, что у бегущих поблизости зазвенело в ушах:

— Стоять!

Рев болотника оказался настолько страшен, что разом остановился почти весь отряд, лишь несколько человек, по-прежнему, продолжали бежать, от чрезмерной усталости, не обратив внимания на призыв. Тяжело дыша и отдуваясь, воины завертели головами, пытаясь сообразить, что произошло.

Шейла метнулась к Дерну, прошипела в бешенстве:

— Что ты делаешь? Ведь мы почти у цели!

Болотник покачал головой, сказал помертвевшим голосом:

— Туда нельзя.

Несмотря на изматывающую жару, наемники ощутили, как внутри расползается холод. В голосе и лице Дерна отразилось то, чего ранее они никогда не замечали, и даже не думали, что такое возможно. Бесстрашный болотник, с подчеркнутым хладнокровием вступающий в самые опасные схватки, зачастую спасавший всю компанию в одиночку, испугался.

Заподозрив неладное, Шейла спросила тихо:

— В чем дело?

Ответом хозяйке стал раздавшийся среди воинов шепоток страха, перерастающий в вопли ужаса. Раскрыв глаза, воины, все как один, уставились в сторону леса. Шейла извернулась змеей, выхватила из ножен кинжал, но ее рука замерла, когда хозяйка гильдии присмотрелась внимательнее.

Несколько человек продолжали бежать, замедленно приближаясь к стене леса. И когда до сочной, ядовито-зеленой листвы осталось совсем немного, заросли зашевелились. Тоненько задрожали листья, ветви начали изгибаться, словно, разом ожили десятки змей, сперва, один, затем и остальные кусты задвигались, на глазах меняя очертания.

Бегающие слишком поздно заподозрили неладное, кусты-чудовища мягко двинулись навстречу. Из шевелящегося буро-зеленого переплетения вытянулось щупальце, ухватило ближайшего бойца за шею. Тот закричал, забился, но следом выметнулось еще одно, а затем еще. Толстые, покрытые бородавками отростки, оплели воина, подобно пауку, что заботливо окружает попавшую в сети добычу толстым коконом из нитей.

Второй воин выхватил оружие, рубанул по протянувшимся отросткам, заорал, нагнетая ярость. Но его окружили, щупальца обмотались вокруг рук, уцепились за ноги, рванули. Брызнуло красным, исходящее кровью, еще шевелящиеся куски человека исчезли в шевелящейся бурой массе. Оставшийся последним, боец осознал бесполезность сопротивления, развернулся, отбросив оружие, побежал назад, но чудовища оказались шустрее. Вытянулись короткие, усаженные жесткой щетиной хоботки, брызнул зеленый сок. Воина окатило с ног до головы.

Жуткий, нечеловеческий крик боли прорезал воздух. Человек закрутился, задержался, словно поджариваемый на невидимом огне. Кожа на открытых частях тела начала дымиться, стекать, обнажилось мясо, но и оно потемнело, стало отваливаться целыми кусками. По поляне, двигаясь рывками, перемещался скелет: тонкие костяшки рук, обнажившийся в ухмылке череп. Мгновение, и останки воина обрушились, растеклись зловонной лужей.

Кто-то из бойцов не выдержал зрелища, согнулся в жесточайших спазмах, извергая содержимое желудка, несколько человек отвернулись, остальные продолжали смотреть, не в силах оторваться от завораживающего зрелища смерти.

— Что это? — одними губами прошептал Шестерня. — Что это за кошмар?

— Болотники, — глухо ответил Дерн. — Это была демонстрация силы, сейчас вы их увидите.

Будто услышав слова соплеменника, кусты начали видоизменяться: свернулись тонкими иголочками листья, разошлись ветви, исчезла большая часть маскирующих наростов. Ошеломленные метаморфозами, воины смотрели, как от леса неторопливо движутся неведомые существа, напоминающие увеличенных в сотни раз слизней: влажные тела колышутся, мягко перетекают, оставляя за собой слизистый след, извивающиеся отростки на передней части непрерывно шевелятся, ощупывая почву, раскрываются и закрываются темные щели ртов. На спинах чудовищных слизней восседают могучие воины: лица отстранены, лишённые доспехов тела бугрятся мышцами, зеленоватая, напоминающая цветом свежую листву, кожа блестит, будто смазанная маслом.

— Южная империя не дремлет, — оскалившись, прошипела Шейла. — Решили тоже поучаствовать. Что ж, посмотрим... — Она прервалась, мельком оглядевшись, крикнула: — План изменился. Отходим к городу!

Один из телохранителей возразил:

— Но, хозяйка, мы не дойдем! Подземники заполонили небо, того и гляди, атакуют. Вершинники поднимают ладьи. В лесу есть хоть какие-то шансы...

Шейла перебила, прошипела так страшно, что воин отпрянул:

— В лесу шансов нет! Или тебе недостаточно того, что произошло с этими тремя несчастными?

Воины повернулись, побежали, перестраиваясь на ходу. Первый рывок измотал, и теперь, когда предстояло бежать до города, непрерывно отбиваясь от врагов, расходовать оставшиеся силы, надлежало с большой осторожностью.

Соизмеряя слова с дыханием, Мычка спросил:

— Что это за зеленые чудовища?

Не прекращая оглядываться, Себя напряженно следила за проносящимися над головой, подземниками, девушка ответила:

— Одна из южных гильдий.

— Но ведь Южная империя жутко далеко, — выдохнул Шестерня.

— Похоже, на Найденыша возлагают большие надежды, раз они не поленились выслать рейд, — процедила Себя.

Зола, что до того безучастно бежал следом, поддерживаемый Дерном за руку, вдруг издал невнятный возглас, выхватив из-за пазухи карту, впился взглядом в рисунок. Его лицо приняло совершенно безумное выражение. На него взглянули с сожалением. Создавалось впечатление, что, не выдержав испытаний, рассудок мага помутился. Подтверждая впечатление, Зола завертел головой, словно что-то отыскивая, задержался, пытаясь освободиться, надрывно замычал. Сквозь шум и вопли послышалось невнятное: — Направо, нам нужно направо!

Нахмурившись, Дерн лишь крепче сжал руку товарища, не позволяя несчастному отстать.

Почва дрогнула, мелко затряслась. Впереди, перегораживая путь, земля начала вспучиваться сразу в нескольких местах, словно внизу работали гигантские кроты. Схватила за голову Себя, обескуражено охнул Мычка, устало вздохнул Дерн, глядя, как рассыпаются земляные холмы, и, освобожденные, один за другим, наружу появляются жуткие механизмы пещерников.

При виде новой опасности бойцы невольно замедлили шаг, начали оборачиваться, ища поддержки у хозяйки. Но Шейлу было страшно смотреть, ее лицо почернело, из прокушенной губы сочилась кровь, а кулаки сжимались и разжимались с такой силой, что, казалось, попади меж пальцев камень — раскрошится в пыль.

Лихорадочно оглядываясь, хозяйка гильдии шептала:

— Сейчас... Выход должен быть. Нужно лишь выбрать верное направление.... Сейчас...

Но всем уже стало понятно — выхода нет. Даже, спешащий со стороны города, отряд уже ничем не мог помочь. Вздывая пыль, далекие фигурки воинов бегут на помощь, но очень, очень медленно. Да и успеют ли они вовремя, вряд ли что-то изменится. Слишком большие силы одновременно стянулись в одно место. В погоне за призрачной надеждой заполучить великие знания, властители не пожалели средств, и пространство вокруг все больше заполнялось воинами.

Из облаков волна за волной спускаются наездники, в небе темно от хищных силуэтов, из-за горизонта, увеличиваясь прямо на глазах, на помощь товарищам несутся новые ладьи вершинников, из леса непрерывно течет поток болотников на слизнях, а земля вспучивается все новыми нарывами, одну за другой исторгая из себя грохочущие механизмы пещерников.

Сквозь грохот металла и рев ящеров донеслось чуть слышное:

— Направо, нам нужно направо!

Монотонно, словно заклятие, Зола, раз за разом, повторяет одно, и тоже, взор мага безумен, руки указывают в пространство.

Шестерня потрепал мага по плечу, сказал со вздохом:

— Сейчас нас раздавят. Хорошо, что ты этого не ощутишь.

Маг повернул голову, на пещерника взглянули полные слез глаза, он прошептал с мольбой:

— Направо, туда, где знак. Нам нужно туда, обязательно нужно.

Шестерня взял из рук Зола карту, повертев, сказал озадачено:

— Синий значок, как раз там, где стоим. Жаль, так и не узнаем, что он означает.

С этими словами пещерник отбросил карту. Подхваченная ветром, бумага затрепетала, взметнулась, словно птица, исчезнув на фоне серого от облаков неба.

Проводив карту взглядом, Зола повторил едва слышно:

— Направо... очень нужно.

Глядя на подступающих врагов, Мычка задумчиво произнес:

— В конце концов, а что мы теряем? Выхода нет, ну и пусть его. Доставим товарищу радость напоследок. Куда, говоришь, нам надо? — он шагнул к магу. — Пошли!

Смахнув с лица слезы, Зола улыбнулся, сделал неуверенных шаг в сторону, затем еще, побежал, жестом призывая остальных. Мычка, а за ним и остальные, двинулись следом. Обернувшись к Найденышу, что стоял, растеряно глядя по сторонам, Дерн приглашающе помахал рукой. Глядя на уходящих наемников, зашевелились и воины. Сперва, один, за ними еще и еще, и скоро, весь отряд шагал за странным стариком в развевающемся балахоне.

Прислушиваясь к бормотанию Зола, Мычка несколько раз различил слово "марево". Пожав плечами, вершинник пропустил бормотание мага мимо ушей, но глаза начали невольно шарить вокруг, пока взгляд не наткнулся на странное дрожание воздуха неподалеку. Мычка, сперва, не обратил внимания, мало ли от чего может дрожать воздух: пересыхающая лужа, завихрение ветра, или просто обман зрения, но взгляд, вновь и вновь, возвращался к странному месту.

Наконец вершинник не выдержал, сказал весело:

— Зола, глянь вон туда. Как думаешь, что это?

Маг некоторое время вертел головой, пока не увидел, на что именно указывает Мычка. Раздался вопль радости. С неожиданной прытью Зола метнулся назад, где, разглядывая разворачивающиеся ряды неприятеля, неспешно шел Найденыш. Схватив его за руку, маг с неожиданной силой рванулся к обнаруженному Мычкой месту. Найденыш взглянул с удивлением, но возражать не стал, сперва пошел, а затем побежал.

Остановившись неподалеку от места, где воздух начинал дрожать, Зола произнес:

— Иди туда.

Осмотревшись, но, не заметив ничего примечательного, Найденыш спросил:

— Но зачем?

— Иди! — Зола повысил голос.

Пожав плечами, Найденыш зашагал к указанному месту. Дойдя, обернулся, озадаченно взглянул на мага. К этому времени подтянулись и наемники, встали рядом, с интересом наблюдая за происходящим. На Зола было больно смотреть, его затрясло, на мгновение, наполнившись разумом, глаза вновь утратили осмысленность, а челюсть отвисла. Непрерывно вглядываясь в пульсирующие движения воздуха над головой Найденыша, он забормотал:

— Как же так.... Ведь он должен... Я не мог ошибиться.... В чем причина?

— Эх, хорошо пожили, настало время умереть, — произнес Шестерня.

Он вытащил из мешка бурдюк с остатками жидкости, приложившись, осушил одним глотком, крикнув, с силой бросил вверх и в сторону. Зола проследил за полетом. Его лицо просияло. Мгновенно преобразившись из дряхлой развалины в исполненного жизни человека, маг рывкнул с такой силой, что спутники шарахнулись:

— Дерн, Мычка — живо подбросьте Найденыша, да повыше!

Недоумевая, что опять пришло в голову товарищу, болотник с вершинником переглянулись, но Зола выглядел настолько уверенным, что не посмели послушаться. Ловя удивленные взгляды воинов, и ощущая себя последними болванами, наемники встали возле Найденыша.

— Что делать? — хмуро бросил Дерн.

— Скрестите руки и пригнитесь, а ты, — рука Золы ткнула в Найденыша, — хорошенько разбегись и прыгай, оттолкнувшись от рук, но не вдаль, а вверх! — произнес маг с нажимом, впечатывая каждое слово в сознание окружающих.

Найденыш кивнул, судя по взволнованному лицу, он начал что-то понимать, отошел для разбега. Скрестив руки, Шейла хмуро наблюдала за действиями наемников, подозревая, что от жары и опасности у воинов ум зашел за разум, и вместо того, чтобы использовать возникшую передышку для отдыха, они затеяли непонятные игры.

Затаив дыхание, сгрудившиеся вокруг воины смотрели, как Найденыш побежал. Сперва, медленно, затем, все быстрее, вот он подбежал совсем близко. Прыжок. Еще мгновение, и, подброшенный руками товарищей, Найденыш взметнется к облакам. Лицо Шейлы искажилось, в глазах хозяйки гильдии метнулось понимание, а из груди рванулся полный отчаянья крик:

— Нет!

По глазам резанула ярчайшая вспышка, раздался громкий хлопок. Вглядываясь слезящимися глазами в слабое свечение над головой, Зола произнес с удовлетворением:

— Что и требовалось доказать.

Проморгавшись, Мычка поинтересовался:

— А где Найденыш?

Зола пожал плечами.

— Не знаю. Быть может дома, а может, и нет. Да это и не важно.

— Что значит дома? — непонимающе спросил Дерн.

Разделяя вопрос болотника на мага взглянули Себя с Шестерней, подошедшие тут же, едва прояснилось в глазах.

Раздраженный, недогадливостью спутников, Зола терпеливо объяснил:

— Он попал к нам из другого мира. Я отправил его назад. Можно было догадаться быстрее, но обозначения на карте сбили меня с толку.

— Какие обозначения? — тупенько спросил Шестерня.

— Синие, — устало ответил Зола. — По какой-то странной причине, ведущих в наш мир путей больше, чем выходов. Красные знаки обозначают места входа, синие — выхода.

Послышался перемежающийся яростным ревом лязг. Механизмы подземников разом двинулись вперед, и, словно по команде, зашевелились и остальные: набирая скорость, поползли слизи, выстроившись боевым порядком, заскользили ладьи, беспорядочной массой, больше напоминающей на рой пчел, полетели ящеры.

Глядя на приближающихся врагов, Дерн произнес со странным спокойствием:

— Ну, вот и все.

Шестерня заорал негодуя:

— Но ведь Найденыш отравился домой, что они делают?

Нехорошо улыбнувшись, Себя посоветовала:

— А ты выйди вперед, объясни: глядишь, послушают.

Зазвенело оружие. В преддверии последнего боя, воины встали спина к спине, выставили перед собой мечи, готовясь дорого продать свои жизни. В дикую мелодию боя вкрался сухой шелест, словно где-то рядом, на лист металла кто-то сыпал песок. Бойцы завертели головами, отыскивая новую угрозу. Шелест усилился, а мгновение спустя, ярчайшая вспышка прорезала воздух, и наступила тьма.

Непонимающе озираясь, Зола поднял голову и обмер. Сверху, на высоте броска копьем, закрывая собой солнце, нависло нечто невообразимое. Чудовищный кусок металла, целиком состоящий из углов и выступов. Переливаясь, мерцают странные огни, доносится далекий, словно из-под земли гул, непрерывно двигаются десятки металлических шипов, создавая ощущение чуждой жизни.

Мгновение, и шипастые выросты извергли из себя сокрушающий вихрь пламени. Вспыхнул, обратившись пеплом, рой наездников, пылающими факелами рухнули на землю головешки ладей, от невыносимого жара лопнули слизи болотников, расплескались зеленым бульоном, а металлические устройства пещерников оплыли, потекли багровыми ручьями. Воздух наполнился жаром и запахом гари.

Потеряв дар речи, воины неотрывно смотрели на невообразимое и на возникшую позади отряда, фигуру, поначалу, никто не обратил внимания. Лишь, когда человек подошел ближе, приветливо взмахнул рукой, потрясенные наемники с трудом узнали Найденыша. Грязные остатки рубища сменились изящной одеждой, исчезли рубцы, лицо чужестранца сияло здоровьем и свежестью.

Мягко улыбнувшись, Найденыш произнес:

— У нас почти нет времени, но я не мог не попрощаться.

— Но, как... но ведь ты должен был... — Зола закашлялся, закончил с трудом, — должен был попасть домой.

Найденыш улыбнулся шире:

— Я и попал. Но... посчитал своим долгом вернуться, и, как вижу, успел вовремя.

Указав наверх, Себя прошептала со страхом:

— А это... эта... — замолчала, не найдя слов.

— А это моя ладья, — закончил фразу Найденыш. — Я же сказал, что работаю механиком.

— Но, как ты смог?! — потрясенно прошептал Мычка. — Ведь ты говорил, что между нами бездна расстояния.

Найденыш нахмурился, кивнул.

— С этим были сложности, но нам удалось нащупать, и проскользнуть в затухающий канал прохода. — Он погрустнел, по очереди, оглядев наемников, что за короткое время успели стать друзьями, добавил: — Но мне пора. Проход не стабилен, и если не поторопиться, можно навсегда затеряться среди звезд.

Смахнув набежавшую слезу, Шестерня раскинул руки, шагнул вперед, со словами:

— Я не забуду тебя, друг.

Но руки не ощутили сопротивления, сомкнулись, пройдя через тело, словно сквозь туман. Фигура найденыша подернулась серым, истаяла. С легким хлопком исчезла нависающая над головами громада.

— Что ж, надо признаться, твоя идея оказалась небесполезной, — голос Шейлы прозвучал чарующе, словно и не было затяжного забега, в безнадежной попытке спастись от превосходящих врагов. — И это заслуживает достойной оценки.

— Приятно, что ты это понимаешь, — приосанившись, с достоинством ответил Зола. Голос хозяйки стал прохладнее.

— Однако, устранив из нашего мира... — она запнулась, подыскивая слово, — Найденыша, ты сломал планы многих могущественных особ.

— Жизнь полна разочарований, — хохотнул Шестерня.

— Стоящие у вершин власти не терпят преград, — прохладно заметила Шейла, — хотя, надо признаться, в чем-то ты прав. В любом случае, эти вопросы предстоит решить в ближайшем будущем, и вы, — ее палец обвел наемников, — мне в этом поможете. А теперь пойдете, дела не терпят отлагательств.

Развернувшись, хозяйка гильдии зашагала в сторону города, откуда, бряцая доспехами и воинственно крича, уже катилась волна высланных на помощь воинов.

Больше книг на сайте - Knigolub.net